

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 194 198

20

КЪ СТОЛЪТНЕЙ ГОЛОВЩИНЪ
Императорскаго Казанскаго Университета
1804—1904 гг.

ПЕТРЪ ЦЕПЛИНЪ

Первый профессоръ Казанскаго Университета

(1772—1832 гг.)

Историко-литературный очеркъ

Д. Нагуевского,

профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

«Iustum et tenacem propositi virum...
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae».
Horatius.

2654 VIII
159a

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

42
15

КЪ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ
Императорскаго Казанскаго Университета
1804—1904 гг.

ПЕТРЪ ЦЕЛЛИНЪ

Первый профессоръ Казанскаго Университета

(1772—1832 гг.)

Историко-литературный очеркъ

Д. Нагуевского,

профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

«Iustum et tenacem propositi virum...
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae».
Horatius.

2154

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

64802176

XM81
29190
MAIN

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ Карсаковъ.

LF4266
T75N341
1904
MAIN

ПАМЯТИ
первыхъ дѣятелей Императорскаго
Казанскаго Университета
(1804—1819 гг.)

Авторъ.

117871

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе

Стр.
XI—XXVI

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цеплинъ до назначенія въ Казань.

(1772—1804 г.).

Происхожденіе и рожденіе Цеплина.—Недостатокъ свѣдѣній о первоначальномъ его образованіи.—Ростокскій университетъ въ XVIII-мъ столѣтіи.—Цеплинъ въ Ростокскомъ университетѣ.—Его профессора Тихсенъ и Лазій.—Дружба съ I. Далемъ.—Переходъ Цеплина въ Гэттингенъ.—Профессоры Гэттингенскаго университета въ концѣ XVIII-го вѣка и ихъ отношенія къ Цеплину.—Причины переселенія нѣмецкихъ интеллигентовъ въ Прибалтійскій край.—Переѣздъ Цеплина въ Россію и сближеніе съ прибалтійской интеллигенціей.—Переселеніе въ С.-Петербургъ и знакомство съ Румовскимъ.—Условія, предложенныя Цеплину Румовскимъ.—„Планъ“ будущихъ чтеній Цеплина въ Казани.—Назначеніе Цеплина въ Казань 7 января 1804 г.—Полученіе Цеплинымъ степени доктора философіи.

I—22

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Казанскія гимназіи до Цеплина.

(1759—1788 г.).

Открытіе гимназій.—Первый „командиръ“ ихъ М. И. Веревкинъ.—Первоначальное состояніе гимназій.—„Разночинская гимназія“. — Первые

экзамены, актъ и торжество въ день открытія Московскаго университета.— Описание Державиннымъ села Болгарь.—Преимники Верекина: Д. В. Савичъ и А. Н. Кожинъ.—Пререканія между губернской администраціей и начальствомъ гимназій.—Назначеніе фонъ Каница командиромъ.—Заботы его о „приращеніи“ гимназій.—Разширеніе правъ командира.—Торжественныя собранія, спектакли и балеты въ гимназіяхъ.—„Гимназическій корпусъ“ при нападении Пугачева на Казань.—Бѣдственное положеніе гимназій по разгромѣ Казани Пугачевымъ.—Педагогическая и научная дѣятельность Каница.—Преимники Каница и закрытіе гимназій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Казанская гимназія при Цеплинѣ.

(1804—1805 г.).

Возстановленіе гимназіи императоромъ Павломъ I.—„Директорскій кризисъ“.—Вице-директоръ Герберъ.—Преподавательскій персоналъ гимназіи при назначеніи Цеплина: Г. И. Карташевскій, И. И. Эрихъ, Н. М. Ибрагимовъ, И. И. Запольскій, Л. С. Левицкій.—И. Э. Яковкинъ.—Первое извѣстіе о Цеплинѣ въ Казани.—Пріѣздъ его.—„Правящій должность директора“ Лихачевъ.—Безпорядки между воспитанниками гимназіи въ іюнѣ 1804 г.—Столкновеніе съ „квартирмейстеромъ“.—Рапорты Ахматова и квартирмейстера Лихачеву.—„Экстраординарное“ засѣданіе совѣта 9 іюня.—Протестъ Эриха.—Образованіе „комитета о безпорядкахъ“.—Упорство фонъ Фишера и его столкновеніе съ совѣтомъ.—Пререканія между Лихачевымъ и Фишеромъ.—Вопросъ о „сатирахъ и пасквиляхъ“ на директора.—Обвиненіе совѣтомъ Фишера въ „упущеніяхъ по должности“ главнаго надзирателя.—Три предложенія Румовскому совѣту.—„Особливое собраніе“ совѣта 10 августа.—„Письменные отвѣты“ Фишера, Эриха и Мельхиора Вильфинга.—Наказанія виновнымъ воспитанникамъ.—Сообщеніе С. Т. Аксакова объ арестѣ „16 человекъ изъ высшаго клас-

VII

са".—Финалъ „дѣла о безпорядкахъ“.—Сближеніе Цеплина съ нѣкоторыми членами совѣта и отношеніе его къ безпорядкамъ.—Отстраненіе Цеплина отъ участія „въ упражненіяхъ совѣта“.—„Профессорской классъ“ Цеплина и его учебная дѣятельность.—Основаніе Казанскаго университета. 39—88

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый періодъ совѣтской дѣятельности Цеплина.

(1805 г.).

Основная причина разногласій Цеплина съ Яковкинымъ.—Сближеніе Цеплина съ пресвитеромъ Данковымъ.—„Объясненіе“ ихъ о порядкѣ въ засѣданіяхъ и дѣлопроизводствѣ Совѣта.—Первый протестъ Цеплина и Данкова въ Совѣтѣ.—Участіе Цеплина въ дѣлѣ бухгалтера Ахматова.—Цеплинъ въ образѣ „прорицателя“.—Его особое мнѣніе въ засѣданіи Совѣта 5 іюля.—Начало инсинуацій Яковкина на Цеплина.—„Мѣстническій споръ“ Цеплина съ Яковкинымъ.—Опозданіе Цеплина во время перваго торжественнаго акта 10 іюля.—Цеплинъ, мальчикъ Шеферъ и казанскій Совѣстный Судъ.—Сближеніе Цеплина съ Карташевскимъ, Запольскимъ, Германомъ.—„Положеніе о Совѣтѣ“ Цеплина и Германа и махинаціи противъ него Яковкина.—Засѣданіе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Цеплина, 18 октября 1805 года.

89—114

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Второй періодъ совѣтской дѣятельности Цеплина.

(1806 г.).

Временное затишіе въ Совѣтѣ.—Усиленіе оппозиціи съ пріѣздомъ профессора Каменскаго и тревоги Яковкина.—Участіе Цеплина въ дѣлѣ главнаго надзирателя Пухинскаго и въ

VIII

дѣль „о страсти“ адъюнкта Эвеста.—„Несносный шумъ“ Цеплина въ засѣданіяхъ 17 и 18 августа.—Заявленіе его объ „ошибочности“ директорскихъ мнѣній.—„Незаконное“ собраніе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Цеплина 24 сентября.—Участіе Цеплина въ пререканіяхъ изъ за избранія главнаго надзирателя.—Допросъ Цеплинымъ секретаря Совѣта Левицкаго.—Пререканія по поводу формуляра г. Пото.—Рапортъ Левицкаго попечителю и „declaratio“ Цеплина.—Схватка Цеплина съ Яковкинымъ въ засѣданіи 3-го ноября.—Грозное предложеніе попечителя 8-го ноября.—Критическое положеніе Цеплина въ засѣданіи 23 ноября.—Частныя собранія оппозиціонной партіи у Германа, Цеплина, Запольскаго.—Усилія Яковкина опорочить Цеплина въ глазахъ попечителя.—Доносъ проф. Сторля на Цеплина и его партію.—Требованіе Яковкина уволить Цеплина.—Представленіе Румовскаго о Цеплинѣ Министру Народнаго Просвѣщенія.—Запрещеніе Цеплину участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта.—Роковое собраніе Совѣта 5-го декабря.—Новыя козни противъ Цеплина.—Разочарованіе попечителя.—Увольненіе Цеплина и его истинныя причины.—Протесты Цеплина и его прошеніе на Высочайшее Имя.—Неудачный исходъ жалобъ Цеплина и отъѣздъ его въ Петербургъ.

115—164

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

**Преподавательская дѣятельность
Цеплина и черты его жизни въ первый
періодъ профессуры.**

(1805—1807 гг.).

Лекціи Цеплина „по Шпиттлеру“, его слушатели и экзамены.—Отзывъ Яковкина о преподаваніи Цеплина.—Черты общественной и частной жизни Цеплина.—Дружба его съ бывшимъ директоромъ гимназій Пекеномъ и „иностранцемъ“ Лейтеромъ.—Столкновеніе Цеплина съ Казанскимъ вице-губернаторомъ и съ „Обществомъ отечественной словесности“.—Частная жизнь Цеплина.—Приобрѣтеніе у него книгъ.—

Неожиданный исходъ дѣла о книгахъ, принесенныхъ Цеплинымъ въ даръ библиотекъ университета.—Френъ и Цеплинъ.—Преемственность взглядовъ и стремлений Цеплина.

165—180

ГЛАГА СЕДЬМАЯ.

Возвращеніе Цеплина въ Казань и его деканство.

(1813—1819 г.).

Недостатокъ свѣдѣній о Цеплинѣ съ 1807 по 1813 годъ.—„Записка“ о Цеплинѣ съ 1810 года.—„Опредѣленіе его паки въ университетъ“ 9 октября 1813 года.—Возвращеніе его въ Казань.—Дѣятельность Цеплина въ должности декана.—Первый докторскій диспутъ Богдана Юна.—Промоціи Гавріила Солнцева и Эльпидифора Манассейна.—Столкновеніе Цеплина съ Броннеромъ въ факультетѣ.—Особыя порученія Цеплину отъ Совѣта и Правленія въ 1815 году: по дѣлу Степана Смирнова и столкновенію Яковкина съ Совѣтомъ Казанской гимназіи.—Протестъ Цеплина по поводу „поборовъ“ съ профессоровъ.—Ревизія имъ университетской библиотеки.—Столкновеніе въ Совѣтѣ съ ректоромъ Брауномъ и Броннеромъ.—Два послѣдніе года дѣятельности Цеплина.—Заявленіе Цеплина по поводу „опорочиванія“ Арнгольдомъ Правленія университета.—Уколъ самолюбію Цеплина со стороны ректора Брауна.—Смерть Брауна и участіе Цеплина въ его похоронахъ.—Отличительныя черты ревизіи М. Л. Магницкаго.—Причины массоваго увольненія профессоровъ.—„Удаленіе“ Цеплина 5-го августа 1819 года.—Клевета Магницкаго на Цеплина.—Преподавательская дѣятельность Цеплина.—Научная дѣятельность отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ при Цеплинѣ.—Черты частной жизни Цеплина.—Пристрастіе его къ „освѣжительному“.—Сближеніе Цеплина съ гр. Н. П. Румянцевымъ.—Мѣстожителство Цеплина въ Казани.

181—234

Х

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдніе годы жизни Цеплина.

(1823—1832).

Отсутствие свѣдѣній о Цеплинѣ съ 1820 по 1823 гг.—Назначеніе его библиотекаремъ при Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ, 25 іюня 1823 года.—Черты его жизни въ этой должности.—Болѣзнь Цеплина и ея причины.—Кончина его 13 іюля 1832 года.—Взысканіе съ Цеплина Правленіемъ Казанскаго университета 4 р. 62½ коп.—Памятникъ Цеплину.—Выморочное „имѣніе“ Цеплина и взысканія съ него.—Пререканія изъ за „имѣнія“ Цеплина между Гидрографическимъ Депо, Надворнымъ Судомъ и Аукціонной камерой.—Петербургская формалистика и волокита.—Судьба бібліотеки Цеплина.

235—254

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Литературная дѣятельность Цеплина.

(1791—1832 г.).

Изслѣдованіе вмѣстѣ съ Далемъ Саллюстіевой рукописи.—Монографія Цеплина о Варинахъ и Варнавахъ.—Значеніе этого труда.—Предисловіе Цеплина къ монографіи Цетреуса о Вотландцахъ—Изслѣдованіе Цеплина „О первомъ учрежденіи Губерній въ Россіи“.—Его статья о мѣстоположеніи древняго города Ржева.—Рукописные труды Цеплина: Альнпекова Хроника и Исторія Ливоніи.—Содержаніе и характеръ этихъ трудовъ.—„Планъ чтеній“ Цеплина по всеобщей исторіи.—Литературные труды Цеплина въ послѣдніе годы его пребыванія въ Казани.

255—276

Приложенія №№ I—XXII

277—340

I. Указатель личныхъ именъ.

341—356

II. Указатель собственныхъ именъ, относящихся къ г. Казани и къ Казанской губерніи.

357—358

Опечатки.

358.

Предисловіе.

Имя Петра Андреевича Цеплина мало кому известно. Имя это почти всецѣло принадлежитъ Казанскому университету, въ которомъ Цеплинъ занимаетъ видное мѣсто, какъ первый по времени назначенія, старѣйшій членъ профессорской коллегіи. Жизнь и дѣятельность Цеплина такъ тѣсно и неразрывно сливаются съ развитіемъ Казанскаго университета въ первые три года, что исторія перваго его профессора за это время есть влѣстѣ съ тѣмъ и исторія самаго университета. Вотъ первая причина, побудившая меня, при наступающей годовщинѣ столѣтія Казанскаго университета, подробно изложить жизнь и дѣятельность его старѣйшаго представителя. Вторая причина та, что Цеплинъ является самымъ стойкимъ, самымъ рѣшительнымъ сборникомъ кол-

легіальнаго самоуправленія, дарованнаго Казанскому университету незабвеннымъ уставомъ императора Александра I. Въ борьбѣ за этотъ принципъ, Цеплинъ подвергается суровой, незаслуженной карѣ — удаленію, сначала изъ Совета, затѣмъ — изъ университета. Третья причина, побудившая меня посвятить особое изслѣдованіе старѣйшему представителю Казанской профессорской корпораціи заключается въ томъ, что, какъ ученый и педагогъ, Цеплинъ, въ средѣ первыхъ профессоровъ Казанскаго университета, занимаетъ видное мѣсто. Поводомъ для составленія этой монографіи послужило также то, что изъ вѣсѣхъ свѣдѣній, относящихся къ жизни и дѣятельности первыхъ профессоровъ Казанскаго университета, въ періодъ существованія послѣдняго при попечителяхъ Бумовскомъ и Салтыковѣ (1804—1819 гг.), особенно скудными и отрывочными слѣдуетъ признать данныя о Петрѣ Андреевичѣ Цеплинѣ. Покойный В. Владиміровъ, въ своей обширной «Исторической Запискѣ о Первой Казанской гимназій», судьба которой, до назначенія попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Мусина-Пуши-

кина, была тѣсно связана съ судьбою Казанскаго университета—указываетъ только на то, что Цеплинъ, утѣившійся въ Востокскомъ и Геттингенскомъ университетахъ, по назначеніи своемъ въ Казань въ 1803 г. читалъ «первую часть всеобщей исторіи», подавалъ ежельдно «въдомости» о прогиманномъ и вмѣстѣ съ пресвитеромъ Данковымъ внесъ въ совѣтъ «Объясненіе о порядкѣ въ заступаніяхъ и дѣлопроизводствѣ совѣта Казанской гимназіи», а затѣмъ, вслѣдствіе столкновеній съ тогдашнимъ директоромъ гимназіи и инспекторомъ университета Яковкинымъ, былъ уволенъ 24 января 1807 года въ отставку¹⁾. Авторъ любопытныхъ и интересныхъ разсказовъ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», покойный Н. Н. Булицъ, нередко останавливается на личности Цеплина, но къ приведеннымъ выше фактическимъ даннымъ о жизни и дѣятельности этого старѣйшаго профессора нашего университета не прибавля-

¹⁾ В. Владиміровъ, Историческая Записка о первой Казанской гимназіи. Часть 2. Отдѣленіе 2. Казань 1868 стр. 4, 8—9. 12. 16.

еть ниже новаго, характеризуя преимущественно Цеплина, какъ человека, по словамъ Яковкина, «строптиваго и покой ненавидящаго», ¹⁾ какъ «главнаго, высокаго крикуна» въ собраніяхъ совѣта, на котораго противники тогдашняго университетскаго реформа надѣялись, «какъ на каменную стѣну» ²⁾. Въ попечительство Салтыкова, Цеплинъ, уволенный въ отставку Буловскимъ, снова, въ 1813 г., назначается профессоромъ Казанскаго университета, но и въ этотъ второй періодъ службы Цеплина о немъ сохранилось столь мало свѣдѣній, что, по «Разсказамъ» Н. Булича, «жизнь и дѣятельность его вообще представляются намъ загадочными» ³⁾. Неизвѣстной осталась и дальнѣйшая судьба Цеплина, послѣ его второй отставки въ 1819 г. Наконецъ

1) Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805 — 1819). Разсказы по Архивнымъ документамъ. Часть 1-я, Казань 1887 стр. 391.

2) Тамъ-же I, стр. 74.

3) Тамъ-же, часть II-ая, Казань 1891 стр. 627.

замѣтили, что и послѣдній по времени историкъ Казанскаго университета, Н. П. Загоскинъ, только въ самыхъ общихъ чертахъ коснулся жизни и дѣятельности Цеплина¹⁾.

Бдѣ-ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что указанная скудость и загадочность свѣдѣній о Цеплинѣ объясняется преимущественно тѣмъ, что упомянутые историки казанской гимназіи и университета, при составленіи своихъ трудовъ, пользовались почти исключительно архивными данными мѣстнаго университета, дѣла котораго, за первый періодъ его существованія, страдаютъ существенными пробѣлами. Восполнить эти пробѣлы возможно только изъ другихъ источниковъ и я всегда былъ того мнѣнія, что для исторіи иностранныхъ профессоровъ Казанскаго университета существенное значеніе, кромѣ матеріаловъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣютъ и печатные труды такъ называемыхъ Остзейскихъ провинцій, служившихъ для многихъ нѣмец-

1) Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, Казань 1902 г. 1 стр. 42—43.

кихъ дѣятелей въ Россіи не только этапными, но и опорными, наблюдательными пунктами. Тамъ они обосновывались и обыкновенно начинали свою дѣятельность и тамъ же, въ мѣстной литературѣ, заботливо сохранялись свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности и судьбѣ. Нѣмецкій выходецъ Денлингъ не могъ представлять зрѣкъ исключенія. Просматривая негативные труды «Прибалтійскаго Общества Исторіи и Древностей» (*Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostprovinzen Russlands*), а также «Словарь прибалтійскихъ писателей и ученыхъ Рече и Ханъерскаго» (*Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, bearbeitet von J. von Recke und H. E. Nariensky Bd. I—IV Mitau 1827—1832*), представляющей собою крупный вкладъ для исторіи остзейской интеллигенціи—я не могъ не замѣтить, что Денлингъ далеко не былъ чуждымъ Прибалтійскому краю вообще и г. Ригѣ въ частности, что до назначенія своего въ Казань онъ трудился въ Остзейскихъ провинціяхъ не безъ успѣха и сумѣлъ завязать связи, облегчившія ему возможность

обосноваться въ Казани, а впоследствии, послѣ вторичнаго увольненія при Магницкомъ—пристроится и въ С.-Петербургѣ. Таковыми образомъ, я могъ убедиться, что, еще до назначенія своего въ Казанскій университетъ, Цеплинъ напечаталъ два труда, а впоследствии до самой смерти, усердно занимался изслѣдованіями по исторіи Ливонскаго края.

Указанные въ общемъ факты, совершенно неизвѣстные историкамъ казанской гимназіи и университета, въ связи съ феланіемъ восполнить пробѣлы въ исторіи послѣдняго къ наступающему столѣтію его существованія—побудили меня, уже восемь лѣтъ тому назадъ, обстоятельно изслѣдовать жизнь Цеплина на основаніи документальныхъ данныхъ, сохранившихся о немъ въ архивахъ и библіотекахъ Риги и С.-Петербурга. Успросивъ для этой цѣли утеную командировку на ваканціонное время 1896 г.¹⁾

1) Отчетъ объ этой командировкѣ мною напечатанъ въ Учен. Записк. Казанскаго университета 1897 г. (мартъ) стр. 126—138 и отдѣльно, подъ заглавіемъ: Изъ біографіи профессора П. А. Цеплина (1804—1807; 1813—1819 гг.) Казань 1897. 14 стр.

прежде всего отправился въ Ригу для занятій, главнымъ образомъ, въ двухъ учрежденіяхъ этого города: во 1-хъ) въ такъ называемой Библіотекѣ Лифляндскаго рыцарства или дворянства (*Livländische Ritterschaftsbibliothek*) и во 2-хъ) въ Городской Библіотекѣ (*Stadtbibliothek*). Въ первой изъ нихъ я надѣялся найти данныя, относящіяся къ пребыванію Цеплина въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Ригѣ, во второй, обильно снабженной сочиненіями нѣмецкихъ ученыхъ и культурныхъ мужей XVI, XVII и XVIII вѣковъ—познакомиться съ печатными трудами Цеплина, составляющими въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость.

Первая цель моей командировки въ Ригу была вполне достигнута. Въ Библіотекѣ лифляндскаго дворянства мною были найдены двѣ рукописныя статьи, непосредственно относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности старѣйшаго профессора Казанскаго университета и обстоятельно разсмотрѣнныя мною ниже (стр. 267—269).

Вторую цель своихъ занятій въ Ригѣ—обстоятельное ознакомленіе съ печатными трудами Цеплина—мнѣ удалось осуще-

ствитъ вполнѣ только косвеннымъ путемъ. Не найдя искомымъ сочиненій ни въ Дирфской Городской Библіотекѣ ни у антикваріевъ, я сталъ необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ въ Востокскій университетъ, въ которомъ, до переезда въ Россію, Цеплинъ получилъ высшее образованіе. Сожатайство мое было уважено съ рѣдкой готовностію и ректоромъ Востокскаго университета Г. Кертъ (G. Körtz) были присланы мнѣ изъ академической библіотеки два единственные печатные труда Цеплина, подробный разборъ которыхъ сдѣланъ ниже (стр. 258 — 265). Одновременно съ этимъ, я занимался также ознакомленіемъ съ данными біографіи Цеплина, извлеченными по моему прѣсѣдѣ изъ Востокскаго университета ректоромъ Кертъ¹⁾, и изъ Геттингенскаго проректоромъ, тайнымъ совѣтникомъ Баромъ²⁾. Даныя эти полностью использованы ниже, стр. 5 — 21.

Занятія мои въ С. Петербургѣ происходили въ рукописномъ отдѣлѣ Императорской Публичной Библіотеки и въ Архи-

¹⁾ Письма отъ 2 іюня и 11 іюля 1896 года.

²⁾ Письмо отъ 1 іюня 1896 года № 1478.

легіального самоуправленія, дарованнаго Казанскому университету незабвеннымъ уставомъ императора Александра I. Въ борьбѣ за этотъ принципъ, Цеплинъ подвергается суровой, незаслуженной карѣ — удаленію, сначала изъ Совѣта, затѣмъ — изъ университета. Третья причина, побудившая меня посвятить особое изслѣдованіе старѣйшему представителю Казанской профессорской корпораціи заключается въ томъ, что, какъ ученый и педагогъ, Цеплинъ, въ средѣ первыхъ профессоровъ Казанскаго университета, занимаетъ видное мѣсто. Поводомъ для составленія этой монографіи послужило также то, что изъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ жизни и дѣятельности первыхъ профессоровъ Казанскаго университета, въ періодъ существованія послѣдняго при попечителяхъ Думовскомъ и Салтыковѣ (1804—1819 гг.), особенно скудными и отрывочными слѣдуетъ признать данныя о Петрѣ Андреевичѣ Цеплинѣ. Покойный В. Владиміровъ, въ своей обширной «Исторической Запискѣ о Первой Казанской гимназій», судьба которой, до назначенія попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Мусина-Пуши-

кина, была тѣсно связана съ судьбою Казанскаго университета—указываетъ только на то, что Цеплинъ, утѣившійся въ Востокскомъ и Тэттингенскомъ университетахъ, по назначеніи своемъ въ Казань въ 1803 г. читалъ «первую часть всеобщей исторіи», подавалъ ежемѣсячно «вѣдомости» о прогиманномъ и влѣстѣ съ пресвитеромъ Данковымъ внесъ въ совѣтъ «Объясненіе о порядкѣ въ заступаніяхъ и дѣлопроизводствѣ совѣта Казанской гимназіи», а затѣмъ, вслѣдствіе столкновеній съ тогдашнимъ директоромъ гимназіи и инспекторомъ университета Яковкинымъ, былъ уволенъ 24 января 1807 года въ отставку¹⁾. Авторъ любопытныхъ и цѣнныхъ разсказовъ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», покойный Н. Н. Булицъ, нрѣдко останавливается на личности Цеплина, но къ приведеннымъ выше фактическимъ даннымъ о жизни и дѣятельности этого старѣйшаго профессора нашего университета не прибавля-

¹⁾ В. Владиміровъ, Историческая Записка о первой Казанской гимназіи. Часть 2, Отдѣленіе 2. Казань 1868 стр. 4, 8—9. 12. 16.

еть нижего новаго, характеризуя преимущественно Цеплина, какъ человека, по словамъ Яковкина, «строптиваго и покой ненавидящаго»,¹⁾ какъ «главнаго, высокаго крикуна» въ собраніяхъ совѣта, на котораго противники тогдашняго университетскаго реформа надгялись, «какъ на каменную стѣну»²⁾. Въ попечительство Салтыкова, Цеплинъ, уволенный въ отставку Буловскимъ, снова, въ 1813 г., назначается профессоромъ Казанскаго университета, но и въ этотъ второй періодъ службы Цеплина о немъ сохранилось столь мало свѣдѣній, что, по «Разсказамъ» Н. Булича, «жизнь и дѣятельность его вообще представляются намъ загадочными»³⁾. Неизвѣстной осталась и дальнѣйшая судьба Цеплина, послѣ его второй отставки въ 1819 г. Наконецъ

1) Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805 — 1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Часть 1-я, Казань 1887 стр. 391.

2) Тамъ-же I, стр. 74.

3) Тамъ-же, часть II-ая, Казань 1891 стр. 627.

замѣтили, что и послѣдній по времени историкъ Казанскаго университета, Н. П. Загоскинъ, только въ самыхъ общихъ чертахъ коснулся жизни и дѣятельности Цеплина¹⁾.

Едва-ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что указанная скудость и загадочность свѣдѣній о Цеплинѣ объясняется преимущественно тѣмъ, что упомянутые историки казанской гимназіи и университета, при составленіи своихъ трудовъ, пользовались почти исключительно архивными данными мѣстнаго университета, дѣла котораго, за первый періодъ его существованія, страдаютъ существенными пробѣлами. Восполнить эти пробѣлы возможно только изъ другихъ источниковъ и я всегда былъ того мнѣнія, что для исторіи иностранныхъ профессоровъ Казанскаго университета существенное значеніе, кромѣ матеріаловъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣютъ и печатные труды такъ называемыхъ Остзейскихъ провинцій, служившихъ для многихъ нѣм-

1) Н. Загоскинъ, Исторія Казанскаго университета, Казань 1902 г. т. 1 стр. 42—43.

кихъ дѣятелей въ Россіи не только этапными, но и опорными, наблюдательными пунктами. Тамъ они обосновывались и обыкновенно начинали свою дѣятельность и тамъ же, въ мѣстной литературѣ, заботливо сохранялись свѣдѣнія объ ихъ дѣлѣ и судьбѣ. Немцыи выходилъ Цеплинъ не могъ представлять зрѣсь исключенія. Просматривая негативные труды «Прибалтійскаго Общества Исторіи и Древностей» (*Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands*), а также «Словарь прибалтійскихъ писателей и ученыхъ Пекке и Ханъерскаго» (*Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, bearbeitet von J. von Pechke und H. E. Napierzsky Bd. I—IV Mitau 1827—1832*), представляющей собою крупный вкладъ для исторіи отечественной интеллигенціи—я не могъ не замѣтить, что Цеплинъ далеко не былъ чуждымъ Прибалтійскому краю вообще и г. Ригѣ въ частности, что до назначенія своего въ Казань онъ трудился въ Отчужденныхъ провинціяхъ не безъ успѣха и съумѣлъ завязать связи, облегчившія ему возможность

обосноватся въ Казани, а впоследствии, послѣ вторичнаго увольненія при Мясницкомъ—пристроится и въ С.-Петербургѣ. Главнымъ образомъ, я могъ убѣдиться, что, еще до назначенія своего въ Казанскій университетъ, Цеплинъ напечаталъ два труда, а впоследствии до самой смерти, усердно занимался изслѣдованіями по исторіи Ливонскаго края. .

Указанные въ общемъ факты, совершенно неизвѣстные историкамъ казанской гимназій и университета, въ связи съ желаніемъ восполнить пробѣлы въ исторіи послѣдняго къ наступающему столѣтію его существованія—побудили меня, уже восемь лѣтъ тому назадъ, обстоятельно изслѣдовать жизнь Цеплина на основаніи документальныхъ данныхъ, сохранившихся о немъ въ архивахъ и библіотекахъ Риги и С.-Петербурга. Успросивъ для этой цѣли ученую командировку на ваканціонное время 1896 г.¹⁾

¹⁾ Отчетъ объ этой командировкѣ мною напечатанъ въ Учен. Записк. Казанскаго университета 1897 г. (мартъ) стр. 126—138 и отдѣльно, подъ заглавіемъ: Изъ біографіи профессора П. А. Цеплина (1804—1807; 1813—1819 гг.) Казань 1897. 14 стр.

прежде всего отправился въ Ригу для занятій, главнымъ образомъ, въ двухъ учрежденіяхъ этого города: во 1-хъ) въ такъ называемой Библиотекѣ Лифляндскаго рыцарства или дворянства (*Livländische Ritterschaftsbibliothek*) и во 2-хъ) въ Городской Библиотекѣ (*Stadtbibliothek*). Въ первой изъ нихъ я надѣялся найти данныя, относящіяся къ пребыванію Цеплина въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Ригѣ, во второй, обильно снабженной сочиненіями нѣмецкихъ ученыхъ и культурныхъ мужей XVI, XVII и XVIII вѣковъ—познакомиться съ печатными трудами Цеплина, составляющими въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость.

Первая цѣль моей командировки въ Ригу была вполне достигнута. Въ Библиотекѣ лифляндскаго дворянства мною были найдены двѣ рукописныя статьи, непосредственно относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности старѣйшаго профессора Казанскаго университета и обстоятельно разсмотрѣнныя мною ниже (стр. 267—269).

Вторую цѣль своихъ занятій въ Ригѣ—обстоятельное ознакомленіе съ печатными трудами Цеплина—мнѣ удалось осуще-

ствитъ вполнѣ только косвеннымъ путемъ. Не найдя искомымъ сочиненій ни въ Гирфской Городской Библиотекѣ ни у антикваріевъ, я сталъ необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ въ Востокскій университетъ, въ которомъ, до переезда въ Россію, Цеплинъ получилъ высшее образованіе. Сожалѣніе мое было убавлено съ рѣдкой готовностью и ректоромъ Востокскаго университета Г. Нэртъ (G. Nörte) были присланы мнѣ изъ академической библиотеки два единственные печатные труда Цеплина, подробный разборъ которыхъ сдѣланъ ниже (стр. 258 — 265). Одновременно съ этимъ, я занимался также ознакомленіемъ съ данными біографіи Цеплина, извлеченными по моей просьбѣ изъ Востокскаго университета ректоромъ Нэртъ ¹⁾, и изъ Геттингенскаго проректоромъ, тайнымъ совѣтникомъ Баромъ ²⁾. Данные эти полностью использованы ниже, стр. 5 — 21.

Ванятія мои въ С. Петербургѣ происходили въ рукописномъ отдѣлѣ Императорской Публичной библиотеки и въ Архи-

¹⁾ Письма отъ 2 іюня и 11 іюля 1896 года.

²⁾ Письмо отъ 1 іюня 1896 года № 1478.

вахъ Министерствъ — Народнаго Просвѣщенія и Морскаго.

Въ рукописномъ отдѣлѣ Императорской Публичной библіотеки, благодаря просвѣщенному содѣйствію тогдашняго ея директора — академика А. О. Быхова и библіотекаря Шв. А. Быхова — я имѣлъ возможность обстоятельно ознакомиться съ двумя рукописными фоліантами Цеплина по исторіи Ливоніи, имѣющими близкую связь съ упомянутыми уже манускриптами въ Библіотекѣ мифляндскаго дворянства. Изслѣдованію этихъ фоліантовъ отведенъ особый отдѣлъ нашего труда (стр. 269—273).

Въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія я, благодаря просвѣщенному содѣйствію тогдашняго директора департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, академика В. В. Латышева, а также вниманію начальника Архива Н. Пл. Барсукова и его помощника А. М. Раздольева — имѣлъ возможность обстоятельно ознакомиться съ архивнымъ матеріаломъ, относящимся къ исторіи учрежденія Казанскаго Учебнаго Округа и университета, до окончательнаго увольненія Цеплина по ревизіи Магницкаго въ 1819 г. Устѣжавшій въ августѣ 1896 года срокъ моей командировки

ровки заставилъ меня ограничить свои изысканія въ Архивѣ Мин. Нар. Просвѣщенія годомъ перваго увольненія Щеплина изъ университета, и заняться собираніемъ свѣдѣній въ Архивѣ Морскаго Министерства.

Здѣсь сначала я было отчаялся добыть интересующія меня данныя, такъ какъ библіотекаръ Морскаго Министерства находился въ отпуску, а заступающій его мѣсто, равно какъ и начальникъ Архива этого Министерства не могли дать надлежащихъ справокъ и разъясненій. «Дѣло же давнишнее, заявляли мнѣ, никто здѣсь о немъ не знаетъ; библіотекаръ утѣхалъ на Нижегородскую выставку, а начальникъ Архива еще не изволилъ досконально ознакомиться съ подлежащими документами»... Но на выручку явился мнѣ одинъ изъ чиновъ Морскаго Министерства, казанскій уроженецъ Исхакъ Абрагимовичъ Асламовъ, по совету котораго я обратился къ дѣлопроизводителю Архива Морскаго Министерства Ф. Гр. Батогову, непрерывно служащему въ Архивѣ 57 лѣтъ и представляющему собою какъ бы квинтъ-эссенцію всѣхъ хранящихся въ немъ важнѣйшихъ дѣлъ, справокъ и указаній. Живо заинтересовавшись цѣлью моей командировки, этотъ

Ближайшій современникъ присно-памятнаго Цеплина, немедленно доставилъ мнѣ два объемистыхъ фоліанта (№№ 2597 и 414), въ которыхъ помѣщены все дѣла и справки объ опредѣленіи Цеплина на должность бібліотекаря «Гидрографическаго Депо», о его болѣзни и смерти, о продажѣ его имущества послѣ кончины и о постановкѣ памятника на его могилѣ. Въ дѣлѣ № 414 нашелся и послужной списокъ Цеплина, составленный за годъ до его смерти и заключающій нѣсколько совершенно новыхъ фактовъ изъ служебной дѣятельности старѣйшаго казанскаго профессора. Матеріалы и результаты занятій въ этихъ двухъ архивахъ вошли въ составъ многихъ отдѣловъ настоящаго труда, преимущественно же въ содержаніе VII и VIII главы.

Въ слѣдующемъ 1897 году, при второй поездкѣ въ Ригу и С. Петербургъ, собранныя въ первую командировку новыя матеріалы о Цеплинѣ, были окончательно восполнены.

Такимъ образомъ, явилась возможность представить довольно обстоятельно и послѣдовательно жизнь и дѣятельность Цеплина, какъ въ самой Казани, такъ и внѣ ея, изпользовать и разработать все тѣ.

материалы (не исключая и данных из Архива местного университета), которые оставались неизвестными и нетронутыми в трудах первых биографов старейшаго представителя казанской профессорской корпорации. Результатъ работы изложенъ въ слѣдующихъ девяти главахъ нашего очерка.

Первая глава объемяетъ свѣдѣнія о Цеплинѣ до его назначенія въ Казань (1772—1804 гг.). Вторая и третья — посвящены краткой характеристикѣ казанской гимназіи (1759—1804 гг.), изъ которой возникъ Казанскій университетъ и въ которой началась служебная дѣятельность его перваго профессора. Четвертая глава объемяетъ первый періодъ совѣтской дѣятельности Цеплина въ Казанскомъ университетѣ въ 1805, пятая — второй ея періодъ съ 1806 года, до перваго удаленія профессора въ самомъ началѣ слѣдующаго 1807 года. Въ шестой главѣ собраны данныя о преподавательской дѣятельности Цеплина и черты его частной жизни въ первый періодъ профессуры (1805—1807 гг.). Глава седьмая излагаетъ обстоятельство вторичнаго назначенія Цеплина профессоромъ въ Казань и его дѣятельность въ должностяхъ декана факультета

нравственно - политическихъ наукъ (1813—1819 гг.). Въ восьмой главѣ разсматриваются послѣдніе годы жизни Цеплина (1823—1832 гг.), въ девятой—его литературная дѣятельность (1791—1832 гг.).

Въ приложеніяхъ (стр. 277—340) помѣщены неизданные архивные документы, относящіеся къ жизни и дѣятельности Цеплина, а изъ его литературныхъ трудовъ воспроизведены полностью: Планъ чтеній по всеобщей исторіи и изслѣдованіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи, и въ извлеченіи—часть его докторской диссертации.

Въ двухъ указателяхъ (стр. 341—358) собраны личныя и имена, а также собственныя, относящіеся къ г. Казани и къ Казанской губерніи.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что, посвятивъ настоящій трудъ «рiас тетотiас» Цеплина и первыхъ дѣятелей Казанскаго университета, я съелъ нравственнымъ долгомъ предложить комиссіи, образованной по случаю столѣтней годовщины университета, принять мое изданіе въ число юбилейныхъ¹⁾. Комиссія стнеслась по этому поводу въ Совѣтъ, который постановилъ

¹⁾ 12 ноября 1902 года.

запросить мнѣніе Историко-филологическаго факультета ¹⁾). По предоложенію декана Д. А. Нурсакова, факультетомъ для рѣшенія этого вопроса была избрана въ концѣ 1903 г. особая коммиссія, въ составѣ которой вошли: деканъ Д. А. Нурсаковъ и профессора: Н. П. Загоскинъ, И. Н. Смирновъ, Н. Н. Ойрсовъ. Ознакомившись основательно съ моимъ трудомъ и тщательнѣе установивъ взаимныя отношенія между нимъ и «Исторіей Казанскаго университета», составленной къ столѣтнему его юбилею Н. П. Загоскинымъ, коммиссія пришла къ заключенію, «что трудъ мой, отличающійся научной разработкой источниковъ, печатныхъ и въ особенности архивныхъ—во многихъ частяхъ пополняетъ данныя для первоначальной исторіи Казанскаго университета, находящіяся въ «Исторіи» Н. П. Загоскина» ²⁾). Въ виду указанныхъ научныхъ достоинствъ моего труда, коммиссія признала его удовлетворяющимъ условіямъ о юбилейныхъ изданіяхъ къ столѣтію Казанскаго

1) Протоколъ Совѣта, 12 мая 1903 года.

2) Донесеніе коммиссіи историко-филологическому факультету 28 декабря 1903 года.

университета»¹⁾). Постановление комиссiи было единогласно одобрено историко-филологическимъ факультетомъ²⁾, а вслѣдъ за тѣмъ и Советомъ университета³⁾.

Этотъ одобрительный отзывъ двухъ ученыхъ коллегiй—лучшая нравственная оценка труда, посвященнаго памяти и заслугамъ старѣйшаго представителя корпоративныхъ учрежденiй Казанскаго университета.

Д. Нагуевскiй.

16 марта
1904 года
г. Казань.

1) Тамъ-же.

2) Протоколы историко-филологическаго факультета 23 января 1904 года.

3) Протоколы Совета 16 февраля 1904 года.

Глава первая.

Ц Е П Л И Н Ъ

ДО НАЗНАЧЕНІЯ ВЪ КАЗАНЬ.

(1772—1804 г.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цеплинъ до назначенія въ Казань.

(1772—1804 г.).

Происхожденіе и рожденіе Цеплина.—Недостатокъ свѣдѣній о первоначальномъ его образованіи.—Ростокскій университетъ.—Германскіе университеты въ XVIII-мъ столѣтіи.—Цеплинъ въ Ростокскомъ университетѣ.—Его профессоры Тихсенъ и Лавій.—Дружба съ І. Далемъ.—Переходъ Цеплина въ Гэттингенъ.—Профессоры Гэттингенскаго университета въ концѣ XVIII-го вѣка и ихъ отношенія къ Цеплину.—Причины переселенія нѣмецкихъ интеллигентовъ въ Прибалтійскій край.—Перевѣздъ Цеплина въ Россію и обличеніе съ прибалтійской интеллигенціей.—Переселеніе въ С.-Петербургъ и знакомство съ Румовскимъ.—Условія, предложенныя Цеплину Румовскимъ.—„Планъ“ будущихъ чтеній Цеплина въ Казани.—Назначеніе Цеплина въ Казань 7 января 1804 г.—Полученіе Цеплинымъ степени доктора философіи.

Петръ Даниилъ Фридрихъ Цеплинъ — Peter Daniel Friedrich Zaerelihn ¹⁾—родился въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ, въ городѣ Ростокѣ. На основаніи кореннаго слога его фамиліи Заер, чуждаго нѣмецкому языку, но свойственнаго языкамъ славянскимъ, возможно допустить, что самъ Zaerelihn или его отецъ происходилъ изъ нѣмеченнаго рода прибалтійскихъ или полабскихъ Славянъ, остатки которыхъ разсѣяны и въ настоящее время по нѣмецкому поморью и берегамъ Эльбы. Русское имя Цеплина было Петръ Андреевичъ. Вѣроисповѣданіе оное былъ лютеранскаго.

О годѣ рожденія Цеплина не сохранилось никакихъ данныхъ въ архивныхъ дѣлахъ Ростокскаго университета. Но изъ „Послужныхъ списковъ чиновниковъ казанскаго университета за 1819 годъ“ усматривается, что въ этомъ году, достопамятномъ для университета по ревизіи Магницкаго, Цеплину было 47 лѣтъ ²⁾, а изъ его „Формулярнаго списка за 1831 годъ“, хранящагося въ Гидрографическомъ Депо, видно, что въ этомъ году Цеплинъ имѣлъ отъ роду 59 лѣтъ ³⁾. Такимъ образомъ, при сопоставленіи приведенныхъ цифровыхъ данныхъ, время рожденія Цеплина совпадаетъ съ 1772-мъ годомъ.

¹⁾ *Rectorat der Landes Universität zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.—*Архивъ Морскаго Министерства, Гидрографическое Депо*, Отд. 2 № 414 стр. 101.—Въ *Архивѣ Казанскаго университета* за 1819 г. № 400 листъ 7, оное названо только «Мекленбургскимъ уроженцемъ».—Согласно приведенному выше отношенію ректора Ростокскаго университета, начертаніе Zaerelihn — единственно правильное (*«allein richtige Schreibung»*). Такъ значится фамилія Цеплина и въ его печатныхъ трудахъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ неправильное начертаніе *Zeplin* и *Zeppelin* (*Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, bearbeitet von J. Fr. v. Recke und K. Ed. Napiersky, IV-er Band, Mitau 1832* стр. 580 примѣч.).—Ошибочную передачу его фамиліи по-русски «Циплинъ» находимъ только въ переводѣ прошенія Цеплина на Высочайшее Имя (см. «Приложенія»).

²⁾ *Архивъ Казанскаго университета* 1819 г. № 400 л. 7.

³⁾ *Архивъ Морскаго Министерства, Гидрографическое Депо*, Отд. 2 № 414 стр. 101.

Общественное положеніе родителей Цеплина намъ неизвѣстно и старанія нѣкоторыхъ ростовскихъ ученыхъ добыть относящіяся сюда свѣдѣнія—остались безъ успѣха ¹⁾. Мы знаемъ только, что отецъ Цеплина жилъ еще въ Ростовѣ во времени назначенія его сына въ Казанскій университетъ между 1803—1804 гг. и притомъ въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи: „*in beschränkten Verhältnissen lebenden Vaters Vermögenslage*“ ²⁾. О предварительномъ образованіи Цеплина тоже нѣтъ свѣдѣній, такъ какъ акты и списки воспитанниковъ Ростовской гимназій за вторую половину XVIII-го вѣка не сохранились ³⁾.

На семнадцатомъ году жизни, 6-го сентября 1788 года, Цеплинъ поступилъ въ студенты богословскаго факультета Ростовскаго университета ⁴⁾.

Основанный въ 1419 году, Ростовскій университетъ принадлежитъ къ старѣйшимъ разсадникамъ высшей нѣмецкой науки, послѣ университета Лейпцигскаго, возникшаго въ 1409 году ⁵⁾. Реформы гуманистовъ, проникнувъ въ Ростовскій университетъ въ первую четверть XVI-го столѣтія (съ 1520 года), прочно утвердили въ немъ изученіе классиковъ, произведенія которыхъ сдѣлались предметомъ специальныхъ практическихъ занятій въ особой школѣ, такъ называемомъ *Paedagogium* или *Porta coeli*, возникшемъ при университетѣ еще до эпохи гуманизма ⁶⁾. Послѣ кратковременнаго упадка въ началѣ реформаціоннаго періода, Ростовскій университетъ во второй половинѣ XVI-го вѣка достигаетъ полнаго разцвѣта и по своему значенію становится вторымъ протестантскимъ университетомъ Германіи ⁷⁾. Число слушателей въ немъ, особенно изъ сѣверныхъ странъ, въ то время было значительно

¹⁾ Письмо бывшаго ректора Ростовскаго университета Г. Кюрте, отъ 11 іюля 1896 г.—Письмо директора Ростовской гимназій Р. Ланге, отъ 6 іюля 1897 года.

²⁾ *Rectorat der Landes Universität zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.

³⁾ Письмо директора Ростовской гимназій Р. Ланге, отъ 6 іюля 1897 г.

⁴⁾ *Rectorat der Landes Universität zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.

⁵⁾ *Friedrich Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten, Leipzig 1885 p. 14.*

⁶⁾ Тамъ же, стр. 77—78 и 122.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 175.

и ежегодное поступленіе студентовъ доходило до двухсотъ; крупные ганзейскіе города сѣвернаго и балтійскаго поморья, не исключая Риги и Ревеля, принимали участіе въ содержаніи профессоровъ университета, часть которыхъ получала вознагражденіе и отъ мекленбургскихъ герцоговъ ¹⁾).

Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, не задолго до поступленія Цеплина въ Ростокскій университетъ, произошли глубокія перемѣны въ научномъ направленіи и характерѣ преподаванія германскихъ университетовъ вообще. Еще въ XVII-мъ столѣтіи придерживались тамъ системы и преданій, утвердившихся въ періодъ реформациі. Но уже въ самомъ началѣ XVIII-го столѣтія замѣчается вторженіе новыхъ началъ въ научную жизнь германскихъ расаднико́въ высшей культуры: *das Eindringen des Modernen* — по выраженію историка нѣмецкихъ университетовъ ²⁾. Предметомъ чтеній избираются Гроцій, Пуфендорфъ, Томазіи, нѣмецкая поэзія и древности. Принципъ Спинозы — *libertas philosophandi* — рекомендуемый имъ въ его *Tractatus theologico-politicus*, этой *liber horrendus* въ глазахъ старыхъ университетовъ, проникаетъ во всѣ факультеты и способствуетъ быстрому и вѣрному переходу отъ стѣсненнаго и ограниченнаго рутинной школьнаго преподаванія въ стѣнахъ средневѣковыхъ университетовъ — къ свободному, самостоятельному, научному изслѣдованію ³⁾. Свобода ученія — *Lehrfreiheit* — сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ новой академической жизни ⁴⁾. Математика и Астрономія, Физика и Химія (теоретическая и экспериментальная), Географія и Статистика, Исторія политическая, церкви и литературы, далѣе — Новая философія со всѣми своими подраздѣленіями на Логикѣ и Метафизику, Психологію и Мораль, Естественное богословіе и Естественное право — вотъ новыя дисциплины, упразднившія въ обновленныхъ университетахъ прежнія гуманитарныя штудіи и вошедшія въ новомъ періодѣ въ цивль высшаго, общаго образова-

¹⁾ Н. Суворовъ, Средневѣковые университеты, Москва 1898 стр. 77. — Paulsen, p. 174—175.

²⁾ Paulsen, p. 370.

³⁾ Тамъ же, стр. 372.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 425.

нія ¹⁾. Обновленіе коснулось главнымъ образомъ философскаго факультета, въ которомъ уже въ половинѣ XVIII-го вѣка насчитывалось не менѣе шести профессуръ: 1) Логики и Метафизики, 2) Морали и Естественнаго права, 3) Физики и Математики, 4) Греческаго и Еврейскаго языковъ, 5) Всеобщей и Нѣмецкой исторіи ²⁾. Краснорѣчіе и поэзія обыкновенно имѣли одного представителя, а чтеніе классическихъ авторовъ, исторія литературы и философіи, латинское и нѣмецкое краснорѣчіе, а также греческія, римскія и германскія древности—преподавались профессорами или магистрами. На богословскомъ факультетѣ новый принципъ свободнаго изслѣдованія объявляется позже и критическое разсмотрѣніе священныя книгъ начинается въ немъ только со второй половины XVIII-го вѣка. Новая научная струя въ жизни университетовъ связывается также въ усиленіи ихъ литературной продуктивности, начало которой совпадаетъ съ концомъ XVII-го столѣтія. Цѣлый циклъ литературныхъ обзорѣній способствуетъ ознакомленію съ новыми взглядами и изобрѣтеніями. Почти каждый университетъ издаетъ собственный органъ, въ видѣ Acta, Annalen, Novellen, Nachrichten—которыя появляются прежде всего въ Галле и Лейпцигѣ, затѣмъ въ Виттенбергѣ, Гальмштатѣ, Іенѣ, Гиссенѣ, Альтдорфѣ, Ростокѣ, Тюбингенѣ. Къ началу XVIII-го вѣка относится и возникновеніе ученыхъ обществъ при германскихъ университетахъ: физическихъ, экономическихъ, историческихъ, литературныхъ и другихъ. Съ измѣненіемъ научнаго „*habitus*“ профессоровъ измѣнился и характеръ преподаванія, особенно на философскомъ факультетѣ. Тамъ прежде преподаваніе носило школьный характеръ—по формѣ и содержанію; съ одной стороны—объясняли и зазубривали каноническія компендіи извѣстныхъ наукъ, съ другой—занимались толкованіемъ образцовыхъ отрывковъ классическихъ авторовъ, и по нимъ составляли упражненія. Съ началомъ новаго періода въ жизни университетовъ, чтеніе по компендіямъ уступило мѣсто свободному изложенію собственныхъ мыслей и наблюденій; „*disputationes*“, какъ „*specimina eruditionis*“, стали приходить въ

¹⁾ Paulsen, p. 361—362.

²⁾ Тамъ же, стр. 371.

упадокъ, и въ концѣ XVIII-го столѣтія были окончательно замѣнены научными работами ¹⁾. Такимъ образомъ, въ положеніи германскихъ университетовъ конца XVIII-го столѣтія восторжествовалъ принципъ свободы изслѣдованія и науки и на мѣсто философовъ схоластиковъ—выступила независимая рационалистическая философія, не признававшая власти авторитетовъ. Мертвое изученіе древнихъ языковъ въ цѣляхъ подражанія смѣнилось живымъ изученіемъ дисциплинъ классицизма и вызвало замѣну латинскаго языка въ университетахъ нѣмецкимъ. Результатомъ этого явилось—превращеніе диспутовъ и отгѣна учебниковъ; съ другой стороны—возникновеніе семинарій: I. М. Геснеръ, въ Гёттингенѣ устроилъ первую филологическую семинарію, вслѣдъ за которой возникла подобная же семинарія Фр. Авг. Вольфа въ Галле ²⁾.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ научныхъ идей и взглядовъ на задачи и формы высшей академической науки началось и развивалось университетское образованіе Цеплина, сперва—въ Ростокскомъ, затѣмъ—въ Гёттингенскомъ университетахъ.

Изъ немногихъ данныхъ, дошедшихъ къ намъ о студенческихъ годахъ жизни перваго казанскаго профессора, мы знаемъ, что, поступивъ на богословскій факультетъ Ростокскаго университета, онъ пробылъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ: съ 6-го сентября 1788 года по 1791. Будучи студентомъ, онъ пользовался тамъ такою называемою стипендіею *Zassa* (*Sassesche* или *Sassische Stipendium*), участники которой обязаны были представлять сочиненія по этнографіи Германіи ³⁾. Изъ профессоровъ Ростокскаго университета Цеплинъ съ любовью вспоминаетъ двухъ: *Tuchsen* (Tuchsen) и *Lasia* (Lasius), называя ихъ „*duumviri clarissimi*“, „*professores celeberrimi*“ и „*maxime colendi*“ ⁴⁾. Олай Гергардъ Тих-

¹⁾ Paulsen, p. 361—362, 370—374, 425.

²⁾ *Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе* Ф. Паульсена, переводъ съ нѣм. Н. Вернадской, Москва, 1898 стр. 37.

³⁾ *Rectorat der Landes Universität zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.

⁴⁾ *Notitia codicis manuscripti C. C. Sallustii bellum Catilinarium et Jugurthinum itemque Eutropii fragmentum continentis, qui in bibliotheca Rostochiensis academica asservatur una cum specimine praecipuarum lectionum varietatum publice exhibita a Joanne Christiano Guilelmo Dahl et Petro Daniele Friederico Zaepeliern, theologiae studiosis. Lipsiae MDCCLXXXI, praefatio.*

сенъ (род. 1734 ум. 1815 г.)—извѣстный орьенталистъ, знаменитый гебраистъ и нумизматъ, особенно былъ расположенъ въ Цеплину; онъ вмѣстѣ съ профессоромъ греческаго языка въ Ростовскомъ университетѣ и директоромъ городского училища Германомъ Яковомъ Лазіемъ (род. 1715 ум. 1803 г.) интересовался научными занятіями своего слушателя и способствовалъ напечатанію его монографіи о ростовской рукописи Саллюстія ¹⁾. Сношенія Тихсена съ Цеплинымъ не прекращались и послѣ переселенія послѣдняго въ Россію; такъ въ 1806 году Цеплинъ въ письмѣ изъ Казани сообщаетъ своему бывшему профессору, что въ недавно основанномъ Казанскомъ университетѣ имѣется вакантною каедрѣ восточныхъ языковъ; Тихсенъ увѣдомляетъ объ этомъ своего бывшего слушателя, тоже ростовскаго уроженца, Христіана Френа, который въ томъ же году, по рекомендаціи Тихсена, и утверждается профессоромъ вновь открытаго университета ²⁾. Изъ университетскихъ товарищей, Цеплинъ былъ друженъ съ Далеми (Dahl). Іоаннъ Христіанъ Вильгельмъ Даль (род. 1 сентября 1771 г.)—ровесникъ и школьный товарищъ Цеплина; вмѣстѣ съ нимъ онъ слушалъ богословіе въ Ростовѣ, затѣмъ штудировалъ въ Іенѣ и Гэттингенѣ, былъ профессоромъ сперва греческой литературы, затѣмъ богословія въ Ростовѣ, гдѣ и умеръ 15 апрѣля 1810 г., 39 лѣтъ отъ роду ³⁾. Нѣмецкая филологическая литература обязана ему нѣкоторыми изданіями классиковъ, какъ *Катилины* [*Саллюстія* (2 тома, Брауншвейгъ 1799—1800) и *Идиллій Теоокрита* (Лейпцигъ, 1804) ⁴⁾. Въ 1791 году онъ вмѣстѣ съ Цеплинымъ издалъ монографію о Ростовской рукописи Саллюстія. Съ своими земляками—Френомъ и преемникомъ его по кафедрѣ восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ—Теодоромъ Ивановичемъ Эрдманомъ—воспитанниками Ростовскаго уни-

¹⁾ Тамъ же.—*Eckstein*, Nomenclator philologorum, Lipsiae 1871 p. 321.—*Pökel*, Philologisches Schriftsteller Lexicon, 1882 p. 152.

²⁾ *Н. Буличъ*, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. Разсказы по архивнымъ документамъ. Ч. I, Казань 1887 стр. 187. 189.

³⁾ *Eckstein*, Nomenclator philologorum, p. 111.

⁴⁾ *O. Clason* въ *Jahrbücher für class. Philologie*, Siebenter Supplementband, 2-es Heft (1874) p. 249.—*R. Nicolai*, Geschichte der römischen Literatur, Magdeburg 1831 p. 362.—*Pökel*, Philolog Schriftsteller Lexicon. p. 57.

верситета, Цеплинъ познакомился уже въ Казани, такъ какъ оба упомянутые ученые были значительно моложе перваго казанскаго профессора ¹⁾).

Хотя Цеплинъ официально числился „*theologiae studiosus*“, но изъ дальнѣйшихъ данныхъ о его научныхъ занятіяхъ и послѣдующей карьеры, какъ профессора, становится несомнѣннымъ, что въ періодъ своего студенчества онъ изучалъ дисциплины еще двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Изъ предметовъ философскаго факультета онъ несомнѣнно занимался древними языками, особенно латинскимъ, всеобщей исторіей и древней географіей; на юридическомъ онъ слушалъ: политическую экономію, статистику, дипломатику, всеобщую географію и другіе отдѣлы историко-политическихъ наукъ. Этнографическими вопросами, онъ, по собственнымъ словамъ, занимался тоже, будучи студентомъ ²⁾. Эти „штудіи“ побудили Цеплина послѣ обычнаго въ нѣмецкихъ университетахъ „*triennium*“ специальныхъ занятій (съ 1788 по 1791 г.), пробить въ Ростовѣ еще два года, когда 22 апрѣля 1793 года онъ перешелъ на богословскій факультетъ Гёттингенскаго университета ³⁾.

Основанный въ 1734 году, Гёттингенскій университетъ вскорѣ сдѣлался крупнѣйшимъ расадникомъ новаго гуманизма и центромъ, въ которомъ съ особымъ успѣхомъ привилось изученіе такъ называемыхъ „*moderne Wissenschaften*“; въ Гёттингенъ стремился всякій, кто, по словамъ историка нѣмецкихъ университетовъ, желалъ получить „*moderne, weltmännische Bildung*“ ⁴⁾. Здѣсь на первомъ планѣ вмѣстѣ съ естествознаніемъ и медициной стояли государственныя науки и историко-политическія дисциплины, представители которыхъ:

¹⁾ Н. Булицъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, ч. I стр. 188. 197. 205.

²⁾ *Die Wariner und Warnawer. Ein Beytrag zur ältern Völkergeschichte Deutschlands von Peter Daniel Friedrich Zäpelihn.* Schwerin 1797, Vorrede p. 2.

³⁾ *Der Prorektor der Georg-Augusts-Universität, Göttingen d. 1 Juni 1896* № 1478.

⁴⁾ *Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten*, p. 425—426.

Пюттеръ, Ахенваль, Шлэцеръ, Гаттереръ, Геренъ—создали университету всемирную извѣстность; въ отдѣлѣ дисциплинъ математическихъ и естественныхъ блистали имена: Галлера, Лихтенберга, Блюменбаха, Кэстнера; украшеніемъ филологическаго факультета были классики: Геснеръ, Гейне, Митчеллихъ и орьенталистъ И. Д. Михаэлисъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ о послѣдовательномъ ходѣ научныхъ занятій Цеплина въ Гэттингенскомъ университетѣ, какъ нѣтъ свѣдѣній объ университетскихъ студіяхъ въ томъ же городѣ и другаго казанскаго профессора, Карла Ѳедоровича Фукса, поступившаго въ годъ оставленія Цеплинымъ Гэттингена на медицинскій факультетъ тамошняго университета ²⁾. Свѣдѣній объ университетскихъ занятіяхъ Цеплина не нашлось даже въ дѣлахъ декановъ (*Dekanats-Akten*) богословскаго факультета и мы знаемъ только, что студировалъ онъ тамъ почти два года: съ 22 апрѣля 1793 года до конца зимняго семестра 1794—1795 года ³⁾. Несомнѣннымъ, однако, слѣдуетъ признать, что науки историко-юридическія, сдѣлавшіяся впоследствии спеціальностью Цеплина, и не имѣвшія въ его время выдающихся представителей въ Ростоеѣ, были поставлены имъ во главѣ научныхъ занятій въ новомъ университетѣ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ этихъ наукъ былъ тогда въ Гэттингенѣ *Августъ Людвигъ фонъ Шлэцеръ* (Schlözer 1737—1809), выдающійся ученикъ и преемникъ извѣстнаго основателя статистики *Готфрида Ахенвалля* (1719—1772) ⁴⁾. Получивъ въ 1769 году отставку отъ Петербургской Академіи Наукъ, Шлэцеръ тогда же былъ приглашенъ профессоромъ исторіи въ гэттингенскій университетъ, съ обязанностью читать статистику, политику и политическую исторію европейскихъ государствъ. Его труды—*„Weltgeschichte“* и *„Staatsanzeigen“*—появленіе которыхъ совпадаетъ съ пребываніемъ

¹⁾ *Paulsen*, стр. 426.

²⁾ *К. Лаврскій и П. Пономаревъ*, Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ и его время (Казанскій литературный сборникъ 1878 года) стр. 239, 241, 257.

³⁾ *Der Prorektor der Georg-Augusts-Universität, Göttingen d. 1 Jnni 1896* № 1478.

⁴⁾ *Г. Штеръ*, Статистика, въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго ун-в., февраль 1898 г. прилож. стр. 37.—*Брокгаузъ-Ефронъ*, Энциклопедическій Словарь т. II С.-Петербург. 1891. стр. 530.

Цеплина въ Гёттингенѣ, создали ему общую извѣстность выдающагося историка и публициста ¹⁾). Едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что лекціи Шлэцера оставили замѣтные слѣды въ научномъ развитіи и специальномъ усовершенствованіи перваго казанскаго профессора: авторъ „Всеобщей исторіи“ во многихъ отношеніяхъ опередилъ своихъ современниковъ, и его гениальное опредѣленіе разницы между историческимъ и статистическимъ методами эмпирическаго изслѣдованія, остающееся неотъемлемымъ достояніемъ науки ²⁾, не могло не привлекать вниманія молодыхъ, любознательныхъ специалистовъ. Большимъ вниманіемъ пользовались и лекціи *Гаттерера* по всеобщей исторіи и статистикѣ, а также чтенія *Пюттера*, считавшагося тогда оракуломъ по вопросамъ права для всѣхъ князей, графовъ и бароновъ ³⁾. Свѣдѣнія по классической филологіи, къ которой Цеплинъ обнаружилъ склонность уже въ періодъ пребыванія въ Ростовскомъ университетѣ, онъ могъ расширить въ филологической семинаріи *Христіана Гейне* и по лекціямъ *Митчерлиха* ⁴⁾; по древней исторіи и географіи онъ, вѣроятно, имѣлъ руководителемъ извѣстнаго *Арнольда Герена*, а по философіи—однофамильца ростовскаго *Тихсена—Томаса Тихсена*, филолога и нумизмата ⁵⁾. Менѣе благоприятную почву нашель Цеплинъ въ Гёттингенѣ для изученія богословскихъ наукъ, которыя, послѣ кончины извѣстнаго лютеранскаго богослова *Мосгейма* (1694—1755), не имѣли въ ту пору въ Гёттингенскомъ университетѣ выдающагося представителя ⁶⁾. Вѣроятно въ одно время съ Цеплинымъ довершалъ образованіе въ Гёттингенѣ и его ростовскій коллега и другъ—Даль, вскорѣ затѣмъ слѣвавшійся до-

¹⁾ *Meyers Hand-Lexikon des allgemeinen Wissens*, Hildburghausen 1872 p. 1445.—*Штеръ*, тамъ же стр. 43.

²⁾ *Штеръ*, тамъ же стр. 46.

³⁾ *Eckstein*, *Nomenclator philologorum* p. 182; *Штеръ*, стр. 47; *Шлоссеръ*, *Исторія XVIII столѣтія*, т. IV стр. 173—174.

⁴⁾ *C. Bursian*, *Geschichte der classischen Philologie in Deutschland*, Erste Hälfte, München und Leipzig 1883. p. 476 sq. 506. 645 sq.—*Paulsen* p. 426.

⁵⁾ *Bursian*, тамъ же стр. 506. 647.—*Pökel*, *Philol. Schriftst. Lex.* p. 279.

⁶⁾ *Брокгаузъ-Ефронъ*, *Энцикл. Слов. т. XIX. С.-Петербург. 1896 стр. 927.*

центомъ, а съ 1802 года и профессоромъ греческой литературы въ родномъ университетѣ ¹⁾).

Въ концѣ 1795 года мы встрѣчаемъ Цеплина уже за предѣлами Германіи—въ Лифляндіи ²⁾; но намъ неизвѣстны вполнѣ обстоятельства, при которыхъ первый казанскій профессоръ переселился въ Россію. Несомнѣннымъ, однако, слѣдуетъ признать, что побудительной причиной къ тому служила, какъ матеріальная необеспеченность самого Цеплина, такъ и то, что для интеллигентнаго нѣмецкаго пролетаріата Россія была всегда обѣтованной страной, въ которой германскіе выходцы успѣвали не только удобно устроиться, но и выйти въ люди, сдѣлать карьеру. Такъ называемыя „Остзейскія провинціи“ вообще, а главный ихъ центръ—Рига, въ частности, представляли для нѣмецкихъ переселенцевъ не только „этапный“, но и „опорный“ пунктъ, въ которомъ они временно обосновывались и, укрѣпившись, строили планы для дальнѣйшихъ дѣйствій въ предѣлахъ остальной Россіи. Наплыву германскихъ выходцевъ въ Прибалтійскій край пренного способствовалъ какъ самый строй и характеръ его тогдашней общественной и интеллектуальной жизни, всецѣло проникнутой нѣмецкимъ партикуляризмомъ, духомъ и установленіями, такъ и тѣ традиціонныя связи, которыя неразрывно поддерживались привилегированнымъ нѣмецкимъ населеніемъ между Остзейскими провинціями и зарубежной Германіей. Школа и лютеранская церковь, судъ и адвокатура, свободныя интеллигентныя профессіи и общественное представительство—почти всецѣло находились въ рукахъ остзейскихъ нѣмцевъ, воспитанниковъ нѣмецкихъ университетовъ, или въ рукахъ зарубежныхъ германскихъ уроженцевъ, утвердившихся въ Россіи. Лейпцигъ и Іена, Гэттингенъ и Ростокъ—были центрами и разсадниками высшаго образованія среди будущихъ прибалтійскихъ дѣятелей XVII и XVIII вѣковъ. Заручившись

¹⁾ *Clason* въ Jahrb. für class. Philol., VII-er Supplem. Bd. 2 Hft. (1874) p. 249.—*Eckstein*, p. 111.

²⁾ *Дѣла философскаго факультета Ростокскаго университета за 1803—1804 г. № VIII.*

докторскимъ дипломомъ, преимущественно богословскаго факультета, будущій пасторъ, учитель, судья, администраторъ или общественный представитель, отправлялся чаще всего учительствовать въ Лифляндію или Курляндію, въ Ригу или Митаву—*ging als Hauslehrer*—по словамъ биографовъ прибалтійскихъ дѣятелей, Реке и Напьерскаго, послѣ чего, при помощи связей и сословныхъ привиллегій, становился болѣе или менѣе виднымъ служебнымъ или общественнымъ лицомъ. Изъ университетскихъ городовъ Германіи, академическій центръ Мекленбурга—Ростокъ, издавна находился не только въ торговыхъ, но и въ умственныхъ связяхъ со старымъ ганзейскимъ городомъ—Ригой. Еще въ XVI столѣтіи, какъ замѣчено было выше, Рига принимала участіе въ содержаніи профессоровъ Ростокскаго университета, воспитанники котораго, судя по многимъ указаніямъ, разсѣяннымъ въ „*Лексиконъ прибалтійскихъ писателей и ученыхъ*“ Реке и Напьерскаго, неоднократно принимали дѣятельное и видное участіе въ жизни Остзейскихъ провинцій. Такъ, ростокскій уроженецъ и ученый *Below* или *Belau* былъ еще во второй четверти XVII вѣка первымъ профессоромъ медицины въ Дерптѣ и ректоромъ Академіи, а впоследствии, по рекомендаціи извѣстнаго доктора Зибелиста (*Sybelist*), лейбъ-медикомъ при дворѣ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича ¹⁾. Впродолженіи всего XVIII столѣтія многіе изъ будущихъ прибалтійскихъ дѣятелей завершали свое образованіе въ Ростокѣ, причемъ и новооткрытый Гэттингенскій университетъ находилъ себѣ адептовъ среди остзейской молодежи ²⁾. Всѣ указанныя обстоятельства вызывали—съ одной стороны—приливъ нуждающейся германской интеллигенціи въ прибалтійскій край, съ другой—способствовали тому, что уроженцы остзейскихъ провинцій, сотнями воспитывавшіеся въ нѣмецкихъ университетахъ, нерѣдко, на правахъ „*commilitones*“, являлись вербовщиками будущихъ прибалтійскихъ дѣятелей и, при помощи связей и корпоративнаго взаимодѣйствія, надежно устраивали судьбу выходцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ.

¹⁾ *J. Recke und K. Napiersky, Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. I Bd. Mitau 1827 p. 101—102.*

²⁾ *Тамъ же, I, стр. 81, 84, 89, 90, 126 и др.*

По архивнымъ даннымъ университетовъ Гёттингенскаго и Ростокскаго ¹⁾, Цеплинь, переселившись въ Россію въ концѣ 1795 года, былъ, въ продолженіи девяти лѣтъ, сначала домашнимъ учителемъ частью въ Лифляндіи, частью въ С.-Петербургѣ, затѣмъ трудился на литературномъ поприщѣ, а въ ноябрѣ 1803 года получилъ приглашеніе занять каедрю ординарнаго профессора исторіи и статистики въ Казанскомъ университетѣ ²⁾. Намъ неизвѣстны подробности первоначальнаго пребыванія Цеплина въ предѣлахъ Россіи, но изъ его предисловія къ монографіи о Варинахъ и Варнавахъ ³⁾, оконченной въ Ригѣ, мы знаемъ, что онъ жилъ въ этомъ городѣ въ іюлѣ 1796 года, мало имѣлъ свободнаго времени для научныхъ занятій („*meine beschränkte Zeit*“) и не располагалъ достаточнымъ количествомъ литературныхъ пособій: очевидно, что Цеплинь, пользуясь лѣтними каникулами, только временно изъ Лифляндіи побывалъ въ Ригѣ, гдѣ и постарался довести до конца свой трудъ, одобренный философскимъ факультетомъ Ростокскаго университета къ напечатанію 10 ноября 1796 года ⁴⁾ и вышедшій въ свѣтъ уже въ слѣдующемъ году. Изъ немногихъ данныхъ, сохранившихся о Цеплинѣ въ „Биб-

¹⁾ *Der Prorektor der Georg-Augusts Universität, Göttingen d. 1 Juni 1896 № 1478.—Rektorat der Landes-Universität zu Rostock, d. 2 Juni 1896.*

²⁾ *Дѣла философскаго факультета Ростокскаго университета за 1803—1804 гг. № VIII: «Zäpelihn seit 9 Jahren (d. h. also seit 1795) theils in Liefland theils in St.-Petersburgerstals Hauslehrer, nachher in andern literarischen Verhältnissen gelebt habe und seit dem November 1803 zum ordentlichen Professor der Geschichte und Statistik an der Universität zu Kasan designirt sei.—Recke und Napiersky, Allgem. Schriftst. und Gelehrt. Lexik. IV-r Bd. Mitau 1832 p. 580: (Zäpelihn) «war Hauslehrer in Livland».—Къ слову замѣтимъ, что первоначальная судьба Цеплина въ Россіи имѣетъ много общаго съ судьбой Карла Андерса (Karl Anders), который, до получения мѣста секретаря совѣта въ Дерптскомъ университетѣ въ 1826 г., былъ, по возвращеніи изъ заграницы, почти одновременно съ Цеплинымъ, «sechs Jahrlang Hauslehrer, theils in Livland, theils in St.-Petersburg» (Recke und Napiersky, I. p. 36).*

³⁾ См. выше, стр. 8 прим. 2.

⁴⁾ *Дѣла философскаго факультета Ростокскаго университета за 1796—1797 г. № VI.*

ліотевъ Лифляндскаго дворянства“ въ Ригѣ, становится не-сомнѣннымъ, что въ первые годы своего пребывания въ Россіи будущій казанскій профессоръ успѣлъ сблизиться съ интеллигентнымъ, вліятельнымъ кружкомъ мѣстныхъ остзейскихъ дѣятелей и литераторовъ, съ которыми долго потомъ не прекращалъ сношеній. Письмо извѣстнаго изслѣдователя прибалтійской старины Бротце (*Joh. Christoph Brotze* 1742—1823), бывшаго съ 1783 года конректоромъ, а съ 1801 года ректоромъ *Lyceum Rigense* ¹⁾ (нынѣ гимназія Императора Николая I)—къ Густаву Бергману (*von Bergmann* 1729—1814), пастору въ лифляндскомъ городкѣ Руевъ ²⁾—свидѣтельствуетъ не только о занятіяхъ Цеплина исторіей Ливоніи, но и о его связяхъ съ представителями остзейской культуры, среди которыхъ видное мѣсто занимали въ то время братья Бергманы, семейство Будберговъ, пасторы Карлъ Зонтагъ и Альбанусъ, поэтъ Фридрихъ Экардтъ, упомянутый выше Бротце и мн. другіе. Цеплинъ въ то время (около 1803 г.) несомнѣнно жилъ внѣ прибалтійскаго края, вѣроятно же всего въ С.-Петербургѣ, гдѣ, занимаясь преподаваніемъ и выжидая мѣста въ государственномъ или общественномъ учрежденіи, въ столицѣ или въ провинціи, изучалъ исторію Ливоніи и работалъ въ столичныхъ бібліотекахъ ³⁾. Какъ видно изъ упомянутаго письма Бротце къ Густаву Бергману, Цеплинъ живо интересовался только что обрѣтенной прибалтійской лѣтописью XIII столѣтія, извѣстной подъ названіемъ *Альтековой* или *Рюмованной хроники* (*Ditleb' von Alnreke Reimchronik*), и намѣревался или издать ее лично или принять участіе въ трудахъ надъ этимъ произведеніемъ другаго извѣстнаго спеціалиста по исторіи прибалтійскаго края, старшаго пастора Петровской кирхи въ г. Ригѣ—Либорія Бергмана (*Liborius von Bergmann* 1754—1823), напечатавшаго впервые упомянутый памятникъ въ 1817 году ⁴⁾.

¹⁾ *Recke und Napiersky* I p. 277.

²⁾ *Livländische Ritterschafts Bibliothek* I, 3 № 5.—*Recke und Napiersky* I p. 134—135.

³⁾ *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1875*. Riga 1876 p. 17.

⁴⁾ *Livländische Ritterschafts Bibliothek*, I, 3 № 6.—*Recke und Napiersky*, I p. 142—143, 148.—*Sitzungsberichte etc* (1875) p. 16.

Въ періодъ перваго пребыванія Цеплина въ С.-Петербургъ, „Главное Училищъ Правленіе“ было озабочено организаціей предположенныхъ къ открытію университетовъ—въ Харьковъ и Казани—и попечителямъ новыхъ учебныхъ округовъ—Харьковскаго и Казанскаго—предстояла не легкая задача: найти соотвѣтствующій персоналъ для замѣщенія профессорскихъ каедръ. Единственный до тѣхъ поръ существовавшій въ Россіи Московскій университетъ былъ еще слишкомъ бѣденъ духовными силами, чтобы достало ихъ на новооткрываемые университеты; другой источникъ—Екатерининскія педагогическія учрежденія—могъ дать также немного выработавшихся уже впоследствии профессоровъ; поэтому, по необходимости, пришлось обращаться къ иностраннымъ ученымъ ¹⁾. Кружокъ нѣмецкихъ академиковъ въ С.-Петербургѣ, имѣвшихъ связи съ заграничными учеными, явился посредствующимъ звѣномъ между иностранными искателями каедръ въ русскихъ университетахъ и попечителями вновь образованныхъ учебныхъ округовъ. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь выступалъ вліятельный членъ Академіи Наукъ, непремѣнный ея секретарь, *Н. Фуссъ*, по рекомендаціи котораго, нѣсколько иностранныхъ ученыхъ сдѣлались профессорами казанскаго университета въ первые годы его исторіи ²⁾. Близкое знакомство Цеплина съ Густавомъ Бергманомъ, пользовавшимся почетомъ и извѣстностью въ петербургской нѣмецкой колоніи ³⁾, облегчило будущему казанскому профессору возможность не только устроиться въ столицѣ, послѣ педагогической дѣятельности въ Лифляндіи, но и завязать связи съ вліятельнымъ и дѣятельнымъ кружкомъ земляковъ—академиковъ. Послѣдствія этого сближенія не замедлили благопріятно отразиться на судьбѣ Цеплина: академикъ *Степанъ Яковлевичъ Румовскій*, назначенный 20 іюня 1803 года первымъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа, предложилъ въ ноябрѣ того же

¹⁾ *Н. Буличъ*, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, ч. I стр. 43.

²⁾ Напрямѣръ, профессоръ скотолѣченія Теобальдъ Ренеръ и профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства Іоаннъ Нейманъ (*Н. Буличъ*, тамъ же, ч. II, Казань 1891 стр. 34 и 67).

³⁾ *Recke und Napiersky*, I p. 134.

года Цеплину профессору въ Казанскомъ университетѣ ¹⁾. Какъ академикъ, Румовскій несомнѣнно узналъ о Цеплинѣ отъ своихъ нѣмецкихъ коллегъ и подобно попечителю Харьковскаго Учебнаго Округа графу Северину Потоцкому, выбравшему профессоровъ еще за полтора года до утверждѣнія университетскаго устава ²⁾, заблаговременно пригласилъ Цеплина.

При какихъ обстоятельствахъ произошло знакомство Румовскаго съ Цеплинымъ и приглашеніе послѣдняго на кафедру въ Казань—мы не знаемъ. Выборъ всѣхъ профессоровъ лежалъ на обязанности самого попечителя: въ этомъ дѣлѣ помощниковъ у него не было и если сослуживцы Румовскаго по Главному Правленію Училищъ и въ особенности по Академіи Наукъ рекомендовали ему то того, то другаго иностраннаго ученаго въ профессору, то онъ самъ и почти всегда взвѣшивалъ эти рекомендаціи ³⁾. Въ выборѣ кандидатовъ для замѣщенія кафедры Румовскій проявлялъ большую осторожность, причѣмъ обыкновенно самъ обращался съ приглашеніемъ въ лицу, въ достоинствахъ котораго его убѣждали или собственный опытъ или рекомендаціи извѣстныхъ ученыхъ ⁴⁾. Выбору Цеплина, безъ сомнѣнія, способствовали не только личныя его качества, какъ педагога и ученаго, заявившаго себя печатными работами, но и рекомендаціи—академика Фусса въ С.-Петербургѣ и профессора Тихсена въ Ростовѣ, на расположеніе котораго къ Цеплину мы указывали выше. Высшее значеніе въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, могъ имѣть и отзывъ о Цеплинѣ его геттингенскаго профессора Шлэцера, представителя той кафедры, на которую имѣлся въ виду будущій казанскій профессоръ; какъ бывший русскій академикъ, Шлэцеръ не прерывалъ связи съ своими петербургскими сослуживцами—земляками и, по просьбѣ ихъ, несомнѣнно съ лучшей стороны рекомендовалъ Румовскому своего бывшего слушателя.

¹⁾ Дѣла философскаго факультета Ростовскаго университета за 1803—1804 г. № VIII.

²⁾ *Періодическое Сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія* за 1803 г. № 1 стр. 68.

³⁾ *Н. Буличъ*, I стр. 83.

⁴⁾ *Тамъ же*, I стр. 163.

Но, какъ видно, рекомендаціи постороннихъ лицъ показались Румовскому недостаточными. Цеплинъ въ то время хотя и считался „ученымъ иностранцемъ“, но не успѣлъ еще заручиться степенью доктора заграничнаго университета, а потому для Румовскаго было особенно желательнымъ фактически ознакомиться съ научными взглядами, методомъ и приемами преподаванія будущаго профессора. Въ виду этого, онъ предложилъ Цеплину представить „Планъ преподаванія всеобщей исторіи и статистики въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“¹⁾. Искатель кафедры отнесся весьма внимательно къ возложенной на него задачѣ и представилъ Румовскому обстоятельно разработанный „Планъ чтеній по исторіи въ гимназіи и университетѣ“, въ которомъ изложилъ, какъ распредѣленіе самаго матеріала чтеній, такъ и свои взгляды на характеръ и задачи преподаванія исторіи и статистики. Оставляя подробное разсмотрѣніе содержанія и значенія „Плана“ до главы, посвященной научнымъ работамъ Цеплина, здѣсь замѣчу только, что трудъ этотъ, сохранившійся въ копіи, составленной въ С.-Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ²⁾, представляетъ первый по времени документъ, относящійся къ дѣятельности Цеплина въ Казанскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, въ самой копіи не указано ни время составленія плана ни время его переписки, но изъ того обстоятельства, что Румовскій предложилъ Цеплину кафедру въ Казани въ ноябрѣ 1803 года³⁾, становится несомнѣннымъ, что самый планъ былъ написанъ и представленъ не позже ноября того же года. Одобривъ планъ, Румовскій предложилъ „ученому иностранцу“ преподавать, до открытія университета, исторію въ Казанской гимназіи, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ, „считая въ томъ числѣ квартиру, дрова и освѣщеніе“ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы,

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета № 4а: Дѣло по предписанію г. Попечителя Казанскаго университета объ опредѣленіи ученаго иностранца Цеплина въ здѣшній университетъ профессоромъ Всеобщей исторіи и Статистики (марта 14 дня 1804 г.) листъ 2а.

²⁾ Тамъ же, листъ 4—7.

³⁾ Дѣла философскаго факультета Ростокскаго университета за 1803—1804 г. № VIII.

по открытіи университета Цеплинъ „вступилъ въ права ординарнаго профессора *Всеобщей исторіи и Статистики*“¹⁾. Условія эти, одобренныя въ засѣданіи „Главнаго Училищъ Правленія“, происходившемъ 7 января 1804 года въ присутствіи Министра Народнаго Просвѣщенія гр. Петра Васильевича Завадовскаго—были представлены Румовскимъ 24 февраля того же года „на благоразсмотрѣніе и утвержденіе“ Министра, причемъ попечитель ходатайствовалъ „*ассигновать Цеплину изъ суммъ, на Казанскій округъ Высочайше определенныхъ, 1500 рублей, считая съ упомянутого 7 января*“, а также просилъ о выдачѣ назначаемому профессору третнаго жалованья въ С.-Петербургѣ и на проѣздъ до Казани 250 рублей (24 февраля 1804 г. № 37). Согласіе Министра на „всѣ, сдѣланныя съ Цеплинымъ условія“, незамедлило послѣдовать²⁾, причемъ, съ разрѣшенія правящаго должностъ государственнаго казначея, тайнаго совѣтника Голубцова, предоставлено было Цеплину получить въ С.-Петербургѣ испрашиваемыя Румовскимъ ассигновки, „остальную же часть жалованья, считая съ 1 мая, предложено было Цеплину получать по третямъ года изъ Казанской Казенной Палаты“³⁾. Этимъ и завершилась процедура назначенія перваго профессора Казанскаго университета.

Но Цеплинъ, какъ увидимъ ниже, еще не скоро прибылъ въ Казань. Трудности далекаго пути ранней весной заставили его, послѣ полученія въ мартѣ мѣсяцѣ 1804 года жалованья и прогонныхъ денегъ, отложить отъѣздъ въ Казань до мая мѣсяца и позаботиться тѣмъ временемъ приобрѣте-

¹⁾ *Представленіе Румовскаго Министру Народнаго Просвѣщенія* 24 февраля 1804 года № 37 (см. «Приложенія»).—Въ «*Описи дѣламъ Казанскаго Учебнаго Округа съ 1802 по 1822 г. № 3897*», имѣющейся въ Архивѣ Министерства Народ. Просв. (№ 21), указывается, что Цеплинъ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ «профессоромъ публичнымъ ординарнымъ всеобщей исторіи, географіи и статистики», что подтверждается и послужнымъ спискомъ Цеплина съ 1819 года (*Архивъ Казанскаго университета* № 400 листъ 7).

²⁾ *Предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія Румовскому*, 26 февраля 1804 г. № 105.

³⁾ *Отношеніе Государственнаго Казначея къ Министру Народнаго Просвѣщенія*, 3 марта 1804 г. № 857.

ніемъ степени доктора, немѣніе которой, безъ сомнѣнія, было поставлено на видъ Румовскимъ искателю каеэдры. Уладить дѣло взялъ на себя университетскій товарищ Цеплина, извѣстный намъ Даль, бывшій въ то время профессоромъ греческой словесности въ Ростовскомъ университетѣ. 15-го мая нов. стилиа 1804 г. въ философскомъ факультетѣ Ростовскаго университета было заслушано представленіе Даля, который, указывая на ученую и педагогическую дѣятельность Цеплина и на сдѣланное ему предложеніе занять каеэдру исторіи и статистики въ Казанскомъ университетѣ, ходатайствовалъ о возведеніи его въ степень доктора философіи (*Promotion zum Doctor philosophiae*) и при томъ *honoris causa* ¹⁾, т. е. безвозмездно (*kostenlos*), въ виду стѣсненнаго матеріальнаго положенія, какъ самаго Цеплина, такъ и его отца, проживавшаго въ Ростокѣ ²⁾. Представленіе было единогласно принято факультетомъ и по одобреніи его 22 мая того же года Герцогомъ Фридрихомъ Францомъ I, надлежащій дипломъ Цеплину былъ изготовленъ 14 іюня (нов. ст.) 1804 года въ воздаяніе, „*ob solidae eruditionis haud dubia neque hominibus litterariis ignota documenta*“ ³⁾.

¹⁾ Дѣла философскаго факультета Ростовскаго университета за 1803—1804 г. № VIII.

²⁾ *Rectorat der Landes-Universität zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.

³⁾ Дѣла философскаго факультета Ростовскаго университета за 1803—1804 г. № VIII.—*Rectorat der Landes-Univers. zu Rostock*, отъ 2 іюня 1896 г.— Въ послужномъ спискѣ чиновниковъ Казанскаго университета (*Архивъ* 1819 г. № 400 листъ 7) время полученія Цеплинымъ докторской степени ошибочно отнесено къ 14 іюня 1801 года. Ошибку эту повторяетъ и Н. Буличъ (I, стр. 72). Къ канцелярскимъ промахамъ слѣдуетъ отнести и указаніе въ другомъ формулярномъ спискѣ изъ Морскаго Архива (*Гидрографическое Дено*, Отд. 2 № 414 стр. 101), по которому Цеплинъ, «по усовершенствованіи себя въ наукахъ въ Ростокѣ и Готтенбургѣ (вм. въ Гэттингенѣ) былъ докторомъ философіи въ Ростокѣ».

Глава вторая.

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗІИ

ДО ЦЕПЛИНА.

(1759—1788 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Казанскія гимназіи до Цеплина.

(1759—1788 г.).

Открытие гимназій. — Первый „командиръ“ ихъ М. И. Верекинъ. — Первоначальное состояніе гимназій. — „Разночинская гимназія“. — Первые экзамены, актъ и торжество въ день открытія Московскаго университета. — Описаніе Державинымъ села Волгарь. — Преемники Верекина: Д. В. Савичъ и А. Н. Божинъ. — Пререканія между губернской администраціей и начальствомъ гимназій. — Назначеніе фонъ Каница командиромъ. — Заботы его о „приращеніи“ гимназій. — Разширеніе правъ командира. — Торжественныя собранія, спектакли и балеты въ гимназіяхъ. — „Гимназическій корпусъ“ при нападеніи Пугачева на Казань. — Вѣдственное положеніе гимназій по разгромѣ Казани Пугачевымъ. — Педагогическая и научная дѣятельность Каница. — Преемники Каница и закрытіе гимназій.

Казанская гимназія, изъ которой возникъ Казанскій университетъ и въ которой началась служебная дѣятельность его перваго профессора — старѣйшая изъ всѣхъ нынѣ существующихъ русскихъ гимназій. Учрежденіе ея послѣдовало при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 21 іюля 1758 года, по почину Московскаго университета; цѣль учрежденія была способствовать „размноженію наукъ и обученію дворянъ и разночинцевъ“ ¹⁾. Открытіе гимназіи послѣдовало 21 января 1759 года въ 7 ч. утра.

Первымъ директоромъ или „командиромъ“ гимназіи былъ *Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ*, состоявшій при правленіи Московскаго университета ассессоромъ и специально завѣдывавшій университетскою пожарною командой, а инспекторомъ — магистръ *Оттенгаль*, преподававшій въ университетѣ исторію и географію. Веревкинъ былъ современникомъ С. Я. Румовскаго (впослѣдствіи перваго попечителя Казанскаго Учебнаго Округа) и, для своего времени, былъ человекъ весьма образованный, дѣятельный и трудолюбивый. Повойный А. И. Артемьевъ, посвятившій его дѣятельности первый отдѣлъ своей монографіи о Казанскихъ гимназіяхъ въ XVIII столѣтіи, опредѣляетъ полное собраніе всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Веревкина числомъ до 150 томовъ ²⁾. По оставленіи должности директора Казанскихъ гимназій, Веревкинъ, въ 1763 году, по именному Высочайшему указу, состоялъ „при кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на російскій языкъ книгъ“, а въ 1785 году избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ ³⁾. Какъ организаторъ учебнаго заведенія, Веревкинъ, не смотря на недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ и на скудость средствъ, ассигнованныхъ Московскимъ университетомъ на содержаніе гимназій — настойчиво старался удовлетворить всѣ нужды ввѣреннаго ему учрежденія.

Первоначально въ гимназію поступило всего 30 учениковъ (въ томъ числѣ и *Гавріилъ Романовъ Державинъ*, сынъ подполковника); въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. число это дошло до

¹⁾ *Полное Собр. Зак.* т. XV № 10860.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, май 1874 г. стр. 44—48 и 52.

³⁾ *Артемьевъ*, тамъ же, стр. 48 и 53.

45. Самые первые ученики были „*дѣти благородныхъ родителей*“, но послѣ стали являться и дѣти „*разночинцевъ*“. Такъ какъ сословное раздѣленіе учащихся признавалось тогда необходимымъ, то 10 мая была открыта „разночинская гимназія“, въ которую записанъ былъ 31 ученикъ. Въ курсъ ученія входили: Законъ Божій, языки—русскій, французскій, нѣмецкій, латинскій, ариѳметика, геометрія, фортификація, танцованіе, музыка, рисованіе, фехтованіе. Каждый учитель долженъ былъ заниматься не менѣе 4 часовъ, причемъ „учрежденіе классовъ и методы ученія“ университетъ „оставлялъ на разсужденіе“ командиру гимназій. Желая придать гимназіямъ мѣстный характеръ, Веревкимъ ходатайствовали перелѣ Московскимъ университетомъ о введеніи въ число предметовъ преподаванія и татарскаго языка; но ходатайство это успѣха не имѣло. Бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ разночинской гимназіи разрѣшено было Московскимъ университетомъ „производить жалованье по 6 рублей въ годъ“. Первоначально гимназія помѣщалась въ Грузинскомъ приходѣ, въ каменномъ домѣ генераль-маіора Кольцова, а съ 1760 года, вслѣдъ за назначеніемъ Веревкина товарищемъ казанскаго губернатора (съ сохраненіемъ должности директора), она была перемѣщена въ губернаторскій домъ въ приходѣ Воздвиженской церкви ¹⁾).

Въ 20-хъ числахъ іюня 1759 г. произведены были первые экзамены, а 28-го числа происходилъ съ обычной торжественностью *первый публичный актъ*, на которомъ учитель геометріи, студентъ *Любинскій*, открылъ собраніе латинской рѣчью „О пользѣ наукъ вообще“. Затѣмъ восемь учениковъ въ краткихъ рѣчахъ на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ, говорили „О нуждѣ, чтобы знать учимое ими“. Послѣ того, учитель латинскаго языка *Моревъ* привѣтствовалъ собраніе рѣчью на русскомъ языкѣ. 26 апрѣля 1760 года гимназіи праздновали торжественно день открытія Московскаго университета. Послѣ акта, на которомъ были произнесены рѣчи латинскія, французскія, нѣмецкія и русскія, присутствующимъ былъ предложенъ обѣдъ въ помѣщеніи, деворированномъ изображеніями частей свѣта, украшенномъ терасой и горой, на которой виднѣлись

¹⁾ Тамъ же, стр. 59—66 и 73.

искатели философскаго камня, сочинители гороскоповъ, Аполлонъ, Музы и „господа Ломоносовъ и Сумароковъ“, повинующіеся велѣнію Юпитера, присланному въ нимъ чрезъ Меркурія. Послѣ обѣда представлена была комедія Мольера „Школа мужей“. — „*Вотъ, Милосердый Государь*“, писалъ Веревкинъ въ своемъ донесеніи объ этомъ празднествѣ куратору московскаго университета, „и въ *Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ*“. Представленіе понравилось. „*Актерамъ, писаль Веревкинъ, давали столько, что ихъ теперь въ непотыдное платье одѣть можно*“. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и „разговоры о наукахъ“. На другой день (27 апрѣля) празднество продолжалось внѣ стѣнъ гимназіи — въ загородномъ губернаторскомъ дворѣ, на Арскомъ полѣ; веселье окончилось фейерверкомъ, въ устройствѣ котораго принимали участіе и ученики, въ числѣ ихъ и Державинъ¹⁾.

Въ 1761 году кураторъ Московскаго университета Шуваловъ поручилъ Веревкину описать развалины бывшей столицы Болгарскаго царства, села Болгаръ или Успенскаго, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Исполненіе этого порученія Веревкинъ возложилъ на Державина и нѣсколькихъ его товарищей. Державинъ весьма старательно отнесся къ своей задачѣ: онъ снялъ планъ и виды развалинъ, скопировалъ надгробныя надписи и собралъ коллекцію болгарскихъ древностей. Веревкинъ предполагалъ отвезти въ концѣ года всѣ эти матеріалы въ Петербургъ, куда собрался ѣхать для представленія отчетовъ главному куратору о состояніи гимназіи. Но 20 октября того-же года, по доносу бывшаго инспектора гимназіи Оттенталя и учителя Дювилляра, обвинявшихъ Веревкина въ растратѣ казенныхъ денегъ, онъ былъ уволенъ отъ должности директора, но остался членомъ казанской губернской канцеляріи или товарищемъ губернатора²⁾.

Преемникомъ Веревкина былъ магистръ *Даніилъ Васильевичъ Савичъ*, которому, „для большей важности“, дано было

¹⁾ Описаніе этого празднества приводитъ *М. Петровскій*, въ статьѣ „М. И. Веревкинъ“, *Русская Бельда* 1860 г. № 1.—*Артемьевъ*, стр. 74—77

²⁾ По словамъ *Артемьева* (стр. 81), подробности увольненія Веревкина находятся въ письмѣ московскаго профессора Роста къ академику Миллеру (*Шевыревъ*, *Исторія Московскаго университета* стр. 67), но до сихъ поръ остаются необнародованными.

отъ университета званіе экстраординарнаго профессора. Первоначальное образованіе Савичъ получилъ въ Киевской Духовной Академіи, былъ нѣсколько лѣтъ заграницею, а въ университетѣ завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ и читалъ географію и физику. По свидѣтельству профессора Роста, Савичъ былъ человѣкъ трудолюбивый и дѣльный, „неспособный быть пятымъ колесомъ въ каретѣ или служить только для парада“ — но казанскія гимназіи при немъ, по отзыву извѣстнаго составителя „Опыта Казанской исторіи“, Петра Ивановича Рычкова (въ концѣ 1763 года), „были въ худшемъ состояніи противъ прежняго“. Однако, виноватъ былъ въ этомъ, по замѣчанію Артемьева, не Савичъ, а необеспеченное положеніе гимназій вообще: суммы, ассигнованныя на жалованье учителямъ и содержаніе учениковъ, высылались съ чрезвычайными задержками. Многіе изъ учениковъ, особенно казеннокоштныхъ, оставляли гимназію (въ числѣ ихъ Г. Р. Державинъ) и переходили въ военную школу, гдѣ вполнѣ были обеспечены въ помѣщеніи, въ одеждѣ и пищѣ¹⁾. При Савичѣ, домъ, купленный для гимназіи Веревкинымъ, былъ окончательно устроенъ и расширенъ; гимназія помѣщалась въ трехъ деревянныхъ, крытыхъ дранью домахъ или „хороммахъ“; подъ классы было отведено 7 комнатъ; дворъ „съ лица“ т. е. по улицѣ, былъ огороженъ „балясами“. Домъ этотъ существовалъ до разгрома Казани Пугачевымъ. Савичъ умеръ въ концѣ 1763 года.²⁾

Преемникомъ Савича былъ назначенъ 19 декабря 1763 года помощникъ инспектора при ученикахъ Московской университетской гимназіи *Алексѣй Никитичъ Кожинъ*. Завѣдываніе имъ казанскими гимназіями продолжалось около года, но официально считался онъ въ должности директора лишь пять мѣсяцевъ, до 22 мая 1764 года, когда назначенъ былъ прокуроромъ государственной камеръ-коллегіи и оставленъ въ Казани впредъ „пока найденъ будетъ на его мѣсто способный чиновникъ“. Въ директорство Кожина была составлена подробная опись гимназическихъ зданій, а ученикамъ „изъ

¹⁾ В. Владиміровъ, Историческая Записка о I-й Казанской гимназіи. XVIII столѣтіе. Часть I-я, Казань 1867 стр. 99

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. май 1874 стр. 87—92.

благородныхъ“ дозволено было, въ отличіе отъ „разночинцевъ“, имѣть въ классахъ столы, покрытыя сукномъ (красною каразеею). Другое распоряженіе касалось учениковъ разночинскаго отдѣленія. Такъ какъ многіе изъ нихъ, вслѣдствіе бѣдности, снискивали пропитаніе милостынею, то имъ запрещено было „ходить по міру и скитаться“¹⁾

Къ характернымъ сторонамъ существованія тогдашнихъ гимназій въ Казани слѣдуетъ отнести „пререканія“, возникшія по временамъ между губернской администраціей и начальствомъ гимназій. Еще при Веревкинѣ, казанскій вице-губернаторъ князь Тенишевъ, вслѣдствіе указанія государственной военной коллегіи, потребовалъ чрезъ полиціймейстера, чтобы командиръ и прочіе чины гимназіи очистили квартиры, причемъ отмѣнилъ состоявшій при гимназіи казенный карауль изъ 6 рядовыхъ при одномъ капралѣ. Веревкинъ, поспѣшивъ нанять 6 человекъ сторожей и предписавъ гимназическимъ чинамъ „остаться на квартирахъ по прежнему“ и только въ случаѣ насилія со стороны полиціймейстера, „выйти имъ безъ сопротивленія и скитаться безъ пристанища“— донесъ о распоряженіяхъ губернской власти московскому университету, умоляя оказать гимназіямъ возможную защиту. Столкновеніе окончилось тѣмъ, что князь Тенишевъ, вслѣдствіе письма къ нему куратора университета, обѣщалъ оставить квартиры за учителями, а Веревкина „изъ данной ему отъ казанской губернской канцеляріи не выгонять больше“; карауль былъ тоже присылаемъ въ гимназію по прежнему, но только „изъ отставныхъ солдатъ и безъ оружія“²⁾. Во время директорства Кожина, произошло второе „недоразумѣніе“ съ губернскимъ начальствомъ, вызванное арестомъ учителя фехтованія и танцевъ Верцеліуса, произведеннымъ за неплатежъ денегъ по векселю симбирскому купцу Пустынникову. Кожинъ, по ходатайству Верцеліуса просилъ губернатора, князя Тенишева, освободить учителя изъ подъ ареста, указывая на то, что въ силу данныхъ университету и подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ привилегій, учителя судятся своимъ судомъ. Губернаторъ отказалъ; тогда Кожинъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 93—94.

²⁾ Артемьевъ, тамъ же стр. 67—68.

прибѣгъ подѣ защиту университета, по ходатайству котораго Верцеліусъ и былъ освобожденъ изъ подѣ ареста. Но недоразумѣнія съ мѣстной властью возобновились, когда губернаторъ обратился къ Кожину не „отношеніемъ“, а „указомъ“. Кожинъ указа не принялъ, считая для себя унизительнымъ такую форму официальной переписки. Не смотря на то, губернская канцелярія вторично прислала ему „указъ“. Въ этомъ образѣ дѣйствій мѣстной администраціи, проявлявшемся и въ болѣе позднѣе время, нельзя не усмотрѣть намѣреннаго покушенія унижить учебное заведеніе, огражденное особыми привилегіями и не подчиненное губернской власти ¹⁾.

Мѣсто Кожина занялъ 26 августа 1764 г. надворный совѣтникъ *фонъ Каницъ*, правившій гимназіей до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1781 году. Каницъ происходилъ изъ остзейскихъ дворянъ; по окончаніи шляхетскаго корпуса съ чиномъ прапорщика, служилъ въ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и фицляндскихъ дѣлъ поручикомъ и секретаремъ. Онъ ревностно заботился о преуспѣяніи ввѣренныхъ ему заведеній, но, подобно своимъ предшественникамъ, встрѣчалъ непреодолимая къ тому преграды въ недостаткѣ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе гимназій. Каницъ первый изъ директоровъ озаботился ввести въ гимназическій курсъ изученіе „*правописанія и штиля російскаго языка*“ и обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе этихъ предметовъ ²⁾. По вызову куратора Московскаго университета Адаурова, онъ представилъ проектъ устава и штатовъ гимназій, который однако не былъ приведенъ въ исполненіе, но послужилъ болѣею частью основаніемъ для устава Казанской гимназіи, утвержденнаго Императоромъ Павломъ 29 мая 1798 года ³⁾.

26 мая 1767 года гимназіи принимали участіе въ торжественной встрѣчѣ императрицы Екатерины II въ Казани ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 95—97.

²⁾ *Артемьевъ*, Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи, Журн. Мин. Нар. Просв. іюль 1874 г. стр. 1—2 и 7.

³⁾ *Рыбушкинъ*, Исторія Казани I стр. 117. — *Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику* 1823 г. № 44.

⁴⁾ Подробности пребыванія императрицы Екатерины II въ Казани приводятъ *Артемьевъ*, Журн. Мин. Нар. Просв. іюль 1874 г. стр. 10—20.

Графъ Влад. Гр. Орловъ и нѣкоторые другіе царедворцы, состоявшіе въ свитѣ Государыни, обозрѣвали гимназіи, слѣдствіемъ чего, какъ думаетъ Артемьевъ, было увеличеніе содержанія учениковъ, о чемъ такъ долго хлопотали всѣ директора. Въ началѣ 1768 г. были расширены права командира гимназій, согласно которымъ, директору разрѣшалось „информаторамъ и прочимъ членамъ за непослушаніе и грубые поступки предписывать по своему разсужденію штрафъ“. Распоряженіе это было вызвано предосудительнымъ поведеніемъ многихъ учителей, ихъ грубостью и неисправностью. Такъ учитель „средняго латинскаго и логическаго классовъ“ Петръ Тихомировъ (изъ семинаристовъ) безпричинно пропустилъ уроки и, явившись однажды ночью въ гимназію безъ шпаги и шляпы, произвелъ шумъ и крикъ въ покояхъ главнаго командира и прибилъ подканцеляриста Сорокина; въ слѣдующемъ году (1769) тотъ же Тихомировъ, прибилъ инспектора гимназій Листова. Одновременно съ угрозой наложенія штрафовъ „за непослушаніе и грубые поступки“, чинамъ гимназіи запрещено было „мимо команды своей“ подавать прошенія „въ главную команду“, причемъ учителямъ, не дозволялось безъ разрѣшенія командира „учить въ партикулярныхъ домахъ“. Однако, не смотря на усиленіе директорскихъ полномочій и на строгія мѣры, введенныя Каницемъ, гимназіи, вслѣдствіе происковъ казанскаго губернатора Квашнина-Самарина, указомъ сената 12 февраля 1769 года подчинены были надзору губернатора, которому было предоставлено получать ежемѣсячныя и полугодовые рапорты о состояніи гимназій, безъ всякаго впрочемъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія ихъ командира¹⁾.

Забываясь о „приращеніи гимназій“, Каниць, какъ въ былое время Веревкинъ, не отступалъ предъ новыми планами и затѣями. Съ 12 мая 1769 г. въ кругъ гимназическаго преподаванія введенъ былъ татарскій языкъ. Изданный кураторомъ Московскаго университета И. И. Мелиссино „Способъ ученія, приуготовляющій къ университету“, принятъ былъ въ руководство по казанскимъ гимназіямъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ Владиміровъ, Историческая Записка, ч. I стр. 105 — 108. Артемьевъ, Журн. Мин. Нар. Просв. июль, 1874 г. стр. 20, 22—24.

учебниками, изданными университетомъ. Съ цѣлью нравственнаго вліянія на учащихся, въ курсъ обученія включены были нѣкоторые новые предметы: 1) *правила о приведеніи сердца и поступковъ въ порядокъ* и 2) *какъ удобнѣе и съ плодомъ читать полезныя книги.*¹⁾

Чтобы привлечь общество къ гимназіямъ, Каницъ ежегодно устраивалъ торжественныя собранія съ произнесеніемъ рѣчей, экземпляры которыхъ раздавались посѣтителямъ. Съ тою же цѣлью въ гимназіи происходили драматическіе спектакли и празднества въ высокоторжественные дни, въ которыхъ непосредственное участіе принимало и избранное городское общество. Такъ 22 апрѣля 1771 года, въ день рожденія императрицы Еватерины II-й, дворянство „представляло въ Казанскихъ гимназіяхъ самолично трагедію Синавъ и Труворъ“, которой предшествовалъ прологъ, съ участіемъ „нѣкоторыхъ учителей гимназій“; спектакль окончился небольшою комедіей „Приданное обманомъ“, представленной „нѣкоторыми тѣхъ же гимназій благородными учениками“. Въ томъ же году 23 сентября, по случаю „высочайшаго коронованія“ въ гимназіяхъ происходило „*ученое торжество*“ съ произнесеніемъ рѣчей „изъ разныхъ матерій“ учителями и учениками. Послѣ привѣтствія, сказаннаго на латинскомъ языкѣ директоромъ и инспекторомъ ученикамъ, „оказавшимся способными къ отправленію въ Императорскій университетъ въ студенты“—предъ портретомъ Государыни былъ „представленъ балетъ“ при участіи „шести малолѣтнихъ благородныхъ юношей и столькихъ же благородныхъ дѣвицъ въ пастушьей одеждѣ“.²⁾ Несмотря, однако, на всѣ старанія Каница къ пруспѣянію гимназій, состояніе ихъ, по замѣчанію Артемьева, вообще находилось въ какомъ-то неопредѣленномъ, шаткомъ положеніи и число учащихся въ нихъ въ общемъ не превышало ста³⁾, т. е. было меньше, чѣмъ въ конецъ перваго года существованія этого учебнаго заведенія.

¹⁾ *Артемьевъ*, тамъ же стр. 27—29.

²⁾ Обстоятельное описаніе этихъ празднествъ и представленій сдѣлано *Артемьевымъ* Журн. Мин. Нар. Просв. іюль 1874 г. стр. 4—5, 30—44, 48—51.

³⁾ Тамъ же, стр. 24 и 28.

При нападеніи Пугачева на Казань 12 іюля 1774 года гимназическія зданія (вблизи Грузинской церкви) сгорѣли совершенно, имущество было разграблено; уцѣлѣлъ только гимназическій архивъ и нѣкоторые изъ классныхъ принадлежностей. Самъ Каницъ, во главѣ особаго „гимназическаго корпуса“, принималъ участіе въ оборонѣ города. Въ составъ „корпуса“ вошли: 13 учителей, 2 дежурныхъ офицера, 2 приказныхъ, 39 учениковъ, „кои имѣють не менѣе 16 лѣтъ“, 6 человекъ дворовыхъ людей самаго Каница и гимназическіе служители изъ отставныхъ солдатъ; всего 74 человекъ, къ которымъ присоединились всѣ мастерове изъ иностранцевъ. „Гимназическаго корпусъ“ расположенъ былъ по сѣверной окраинѣ города, отъ Богородицкаго дѣвичьяго монастыря до окраинъ овраговъ, примывающихъ къ Казанѣ, со стороны Арскаго поля и роши, принадлежащей нынѣ Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ. При столкновеніи съ Пугачевцами самъ Каницъ раненъ былъ стрѣлою въ ногу, а также 6 учениковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ; убиты два учителя (нижняго нѣмецкаго класса Аронъ Тихъ и рисовальнаго Иванъ Кавелинъ) и пятеро нахолившихся въ корпусѣ иностранцевъ; 6 человекъ пропали безъ вѣсти; остатки „корпуса“ удалились въ крѣпость. За самоотверженное дѣйствіе Казанскихъ гимназій Высочайшимъ рескриптомъ повелѣно было выдать денежные награды директору, ученикамъ, учителямъ и прочимъ чинамъ гимназій, а отъ университета послана была въ пособіе гимназіямъ тысяча рублей ¹⁾).

Разгромъ Казани Пугачевымъ оказалъ большое вліяніе не только на состояніе гимназій, но даже и на самое ихъ существованіе. Такъ какъ гимназическія зданія были разрушены, то чины гимназій, какъ видно изъ донесенія Каница въ Московскій университетъ отъ 31 іюля 1774 года, размѣстились въ наемныхъ помѣщеніяхъ въ Татарской слободѣ и занятія съ учениками происходили на квартирахъ учителей. Въ октябрѣ того-же года отведенъ былъ для классовъ обгорѣвшій домъ купца Пушкинова на Проломной улицѣ вблизи Богоявленія, а вскорѣ затѣмъ классы были перемѣщены въ

¹⁾ *Артемьевъ*, Казанскія гимназій въ XVIII столѣтіи, Журн. Мин. Нар. Просв. ноябрь 1874 г. стр. 18—21, 23, 32.—Рескриптъ и сумму отдѣльныхъ пожалованій приводитъ *Владиміровъ* I стр. 129—130.

два казенные каменные дома, стоящіе нынѣ рядомъ съ первой гимназіей и занятыя городскимъ училищемъ. Въ жизни гимназіи особыхъ перемѣнъ не послѣдовало. Празднества въ высокаторжественные дни попрежнему чередовались съ театральными представленіями и литературными бесѣдами, введенными по желанію казанскаго губернатора кн. Пл. Степ. Мещерскаго „для образованія и удобренія нравовъ“. Въ 1775 г. въ гимназіяхъ происходило публичное собраніе и по этому случаю „было напечатано въ числѣ 1300 экземпляровъ слово съ портретомъ.“ Къ сожалѣнію, неизвѣстно полное заглавіе слова и чей портретъ былъ къ нему приложенъ ¹⁾.

Къ отличительнымъ чертамъ дѣятельности Каница слѣдуетъ отнести и его заботы „о изобрѣтеніи лучшихъ способовъ къ обученію и воспитанію“. Для достиженія этого онъ издавалъ не только соотвѣтствующіе „ордера“, но и завелъ литературно-педагогическія бесѣды учителей ²⁾. Еще при Веревкинѣ, какъ указываетъ Артемьевъ, былъ учрежденъ при гимназіяхъ родъ педагогическихъ засѣданій или конвентовъ, являвшихся прототипомъ послѣдующихъ педагогическихъ совѣтовъ; но эти собранія были отмѣнены по распоряженію Московскаго университета ³⁾. При Каницѣ, университетъ не нашелъ эти учительскія собранія несообразными съ уставомъ и они происходили ежемѣсячно и иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ съ перерывомъ между 1774 и 1778 годами. Число и объемъ предметовъ обученія замѣтно увеличились въ директорство Каница. Съ 1765 года преподаваніе наукъ и языковъ дѣлилось на три класса: высшій, средній и нижній. Въ томъ же году преподавались итальянскій и греческій языки. Въ 1769 г. введено преподаваніе логики и реторики, а въ 1770—татарскій языкъ; въ 1780 г., до закрытія гимназій, вторично былъ введенъ греческій. Всѣ предметы преподаванія заключались въ 16 классахъ или 24 отдѣленіяхъ. Въ 1764 году, при назначеніи Каница, число учениковъ не превышало 88, въ 1770 г. упало до 36, въ 1773 достигло наибольшей цифры 125, а послѣ разгрома Казани Пугачевымъ снова понизилось до 52 (10 казенныхъ благородныхъ и 42 разночин-

¹⁾ Артемьевъ, тамъ же стр. 36—38.

²⁾ Владиміровъ, I, стр. 108—110.— Артемьевъ стр. 41.

³⁾ Артемьевъ, Журн. Мин. Нар. Просв. май 1874 г. стр. 65.

цевъ)¹⁾. Но занятія Каница не ограничивались педагогическими и административными трудами. Обладая богатою библиотекою, собранною въ продолженіи двадцати лѣтъ (она заключала 980 томовъ и сгорѣла при нашествіи Пугачева), онъ занимался и учеными работами, изъ которыхъ наиболѣ замѣчательная—планъ древней Казани съ краткимъ объясненіемъ къ нему и описаніемъ осады города въ 1552 году. Планъ этотъ, хранящійся въ депо картъ Главнаго Штаба (№ 2228), составленъ въ 1778 году „черезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста“²⁾. Каницъ, по словамъ Артемьева, „былъ человекъ просвѣщенный и обладалъ свѣдѣніями разнообразными, если не глубокими.... Управляя гимназіями 17 лѣтъ, онъ выказалъ много усердія къ дѣлу распространенія просвѣщенія. Если ему и не удалось поставить ихъ на надлежащую степень совершенства, то виноватъ въ этомъ былъ не самъ онъ, а тѣ обстоятельства и отношенія, въ коихъ находился онъ, какъ лицо, подчиненное университету. Средства содержанія гимназій никогда не были обеспечены, а со времени Пугачевского раззоренія гимназіи приходилось какъ бы вновь открывать“³⁾.

Послѣ смерти Каница въ 1781 г. командованіе гимназіями принялъ премьеръ-маіоръ *Георгъ Ведель*, но не надолго и исправленіе должности поручено было инспектору гимназій *Борису Листову* (изъ воспитанниковъ казанской духовной семинаріи), управлявшему гимназіями около года. Въ апрѣлѣ 1782 года командиромъ былъ назначенъ подполковникъ 3-го баталіона *Иванъ Федоровичъ фонъ Людеманъ*, управлявшій гимназіями до сентября 1785 года. Подобно своимъ предшественникамъ и Людеманъ старался обезпечить экономическое состояніе ввѣреннаго ему заведенія и представилъ въ Московскій университетъ новый планъ съ штатомъ для преобразованія гимназій; но хлопоты его не имѣли успѣха; ученики и учителя бѣдствовали по прежнему, а въ 1782 г. часть гимназическаго помѣщенія была взята подъ гражданскую и уголов-

¹⁾ *Владиміровъ* I, стр. 160—162.

²⁾ *Артемьевъ*, Журн. М и н. Нар. Просв. ноябрь 1874 г. стр. 20—41—43.

³⁾ Тамъ же стр. 48—49.

ную палаты. ¹⁾ Изъ жизни гимназій за это время заслуживаетъ упоминанія: 1) составленіе въ 1782 г. для намѣстническаго правленія свѣдѣній о состояніи гимназій; 2) рекомендація знатоковъ татарскаго языка для повѣрки перевода „Учрежденія о губерніяхъ“ и составленія татарскаго словаря по повелѣнію Екатерины II въ 1784 году. ²⁾

По указу сената 1 сентября 1785 г. казанскія гимназіи были подчинены вѣдѣнію Приказа общественнаго призрѣнія; Людеманъ былъ уволенъ и управление гимназіями поручено вновь инспектору Листову, причемъ всѣ „пособія и наставленія“ гимназіи получали отъ „Коммисіи народныхъ училищъ“ ³⁾. Этотъ новый періодъ длился три года, впродолженіи которыхъ гимназіи падали все болѣе и болѣе, хотя число учениковъ въ нихъ и въ эту пору доходило до 111. Важнымъ соперникомъ гимназій явилось Главное Народное Училище, торжественно открытое въ Казани 22 сентября 1786 года. Къ нему, какъ въ училищу новому и возникшему по идеѣ императрицы, привлечено было общее сочувствіе, гимназіи же должны были падать и въ 1788 году онѣ были закрыты по недостатку средствъ содержанія. ⁴⁾

Такъ завершился первый періодъ существованія Казанскихъ гимназій, длившійся около 30-и лѣтъ. Представляя собою первый опытъ осуществленія обширнаго плана, по которому во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ предполагалось учредить гимназіи, а въ городахъ менѣе значительныхъ открыть начальныя училища—казанскія гимназіи, не смотря на сравнительно кратковременный періодъ своего существованія, подготовили немало учениковъ не только для военной и гражданской службы, но и для поступленія въ университетъ. Въ 1766 г. было переведено въ студенты шесть чловѣкъ казенныхъ и это былъ первый выпускъ; затѣмъ въ разное время отправлено въ Московскій университетъ на казенномъ иждивеніи до 40 чловѣкъ. Ко времени закрытія гимназій нѣкоторые изъ ея бывшихъ учениковъ, приобрѣли по-

¹⁾ Тамъ же стр. 50—53.—Планъ и штаты напечатаны у Владимірова I стр. 136—142.

²⁾ *Артемиевъ*, тамъ же стр. 58—64.

³⁾ Тамъ же, стр. 66.

⁴⁾ *Рыбушкинъ*, *Исторія Казани* I, 120; II, 33—37.—*Артемиевъ*, стр. 67.

четную извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности: поэтъ Державинъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II Василій Поповъ, генераль Михайль Веревкинъ, отличившійся при взятіи крѣпости Анапы въ 1791 г.¹⁾ Въ послѣдніе девять лѣтъ царствованія Екатерины Великой казанскія гимназіи находились въ совершенномъ забвеніи и только въ началѣ правленія Павла Петровича онѣ были призваны къ новой жизни, вскорѣ затѣмъ тѣсно слившейся съ жизнью нарождавшагося расадника высшихъ наукъ—Казанскаго университета.

¹⁾ *Артемьевъ Журн. Мин. Нар. Просв.* май 1874 г. стр. 61.—*Владиміровъ* I стр. 152—153.—Къ выдавшимся воспитанникамъ казанскихъ гимназій этого періода *Владиміровъ* (I стр. 152) причисляетъ и Сергѣя Полянскаго, называя его «ученикомъ Вольтера, извѣстнымъ Екатеринѣ II-й.» Составитель «Исторической записки» смѣшиваетъ Сергѣя Полянскаго съ казанскимъ помѣщикомъ Василюмъ Ипатовичемъ Полянскимъ, который, действительно, былъ близокъ съ Вольтеромъ и извѣстенъ Екатеринѣ Великой, но ученикомъ казанской гимназіи не былъ (*Буличъ* I стр. 101—108). «Гвардіи солдатъ, Сергѣй Полянской» упоминается въ первомъ отчетѣ о состояніи казанскихъ гимназій и происходившихъ въ нихъ экзаменахъ въ числѣ «наиприлежнѣйшихъ и отмѣнную похвалу заслужившихъ» учениковъ (*Московскія Выдом.* 1759 года 10 августа № 64); но дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Глава третья.

КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

ПРИ ЦЕПЛИНЪ.

(1804—1805 г.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Казанская гимназія при Цеплинѣ.

(1804—1805 г.).

Возстановленіе гимназіи императоромъ Павломъ I.—„Директорскій кризисъ“.—Вице-директоръ Герберъ.—Преподавательскій персоналъ гимназіи при назначеніи Цеплина: Г. И. Карташевскій, И. И. Эрихъ, Н. М. Ибрагимовъ, И. И. Запольскій, Л. С. Левицкій.—И. Ѳ. Яковкинъ.—Первое извѣстіе о Цеплинѣ въ Казани.—Пріѣздъ его.—„Правящій должность директора“ Лихачевъ.—Возпорядки между воспитанниками гимназіи въ іюнѣ 1804 г.—Столкновеніе съ „квартирмейстеромъ“.—Рапорты Ахматова и квартирмейстера Лихачеву.—„Экстраординарное“ засѣданіе совѣта 9 іюня.—Протестъ Эриха.—Образованіе „комитета о безпорядкахъ“.—Упорство фонъ Фишера и его столкновеніе съ совѣтомъ.—Пререканія между Лихачевымъ и Фишеромъ.—Вопросъ о „сатирахъ и пасквиляхъ“ на директора.—Обвиненіе совѣтомъ Фишера въ „упущеніяхъ по должности“.—Отказъ Яковкина отъ должности главнаго надзирателя.—Три предложенія Румовскаго совѣту.—„Особливое собраніе“ совѣта 10 августа.—„Письменные отвѣты“ Фишера, Эриха и Мельхиора Вильфинга.—Паказанія виновнымъ воспитанникомъ.—Сообщеніе С. Т. Аксакова объ арестѣ „16 чловѣкъ изъ высшаго класса“.—Финаль „дѣла о безпорядкахъ“.—Сближеніе Цеплина съ нѣкоторыми членами совѣта и отношеніе его къ безпорядкамъ.—Отстраненіе Цеплина отъ участія „въ упражненіяхъ совѣта“.—„Профессорской классъ“ Цеплина и его учебная дѣятельность.—Основаніе Казанскаго университета.

Возстановленіе Казанской гимназіи послѣдовало въ самомъ началѣ пребыванія Цеплина въ Россіи, когда онъ жилъ учителемъ въ Лифляндіи ¹⁾. Въ 1797 году казанскій военный губернаторъ кн. *Мещерскій* довелъ до свѣдѣнія императора Павла I о существовавшей въ Казани гимназіи и о необходимости учредить вновь въ этомъ городѣ высшее учебное заведеніе, которое соотвѣтствовало бы важности воспитанія дѣтей дворянскаго сословія. На это представленіе 31 октября 1797 года послѣдовалъ Высочайшій Указъ на имя кн. Мещерскаго, въ которомъ императоръ Павелъ I, „желая паки возстановить гимназію“, поручалъ князю Мещерскому составить соотвѣтственное о ней „Положеніе“. 21-го декабря того же года кн. Мещерскій представилъ императору требуемое „Положеніе“, составленное изъ 30 параграфовъ ²⁾. Въ основу гимназическаго воспитанія и обученія было положено приготовленіе „людей въ военной и гражданской службѣ“, но, „для славы гимназіи“, дозволялось также, „чтобы нѣкоторое число учащихся, по ихъ и родителей ихъ желаніямъ, достигало состоянія, отличающаго ученаго человѣка“ (§§ 3 и 16). Въ программу обученія, кромѣ предметовъ, изучаемыхъ въ теперешнихъ гимназіяхъ, входили: механика, гражданская архитектура, артиллерія, фортификація, тактика, натуральная исторія, татарскій языкъ; греческій языкъ былъ исключень изъ программы преподаванія, латинскій—изучали только желающіе (§ 4). По 18 § „Положенія“ приказано было возобновить указъ 15 декабря 1763 года, по которому при Казанской гимназіи слѣдовало „обучать 60 человѣкъ изъ разночинцевъ, для приготовленія ихъ въ канцелярское званіе“. Но это „Положеніе“, изъ котораго приведены только главнѣйшіе пункты ³⁾, не осуществилось на дѣлѣ: вмѣсто князя Мещер-

¹⁾ См. выше, гл. I стр. 14—17.

²⁾ *Владиміровъ*, Историческая Записка о первой Казанской гимназіи, ч. 2-ая, Казань 1867 стр. 3—11.

³⁾ Изъ остальныхъ пунктовъ характерны слѣдующіе: «Пансіонеру дозволяется имѣть своего служителя на своемъ содержаніи, но съ тѣмъ, что онный, такъ какъ господинъ эго покуда пробудеть въ гимназіи, долженъ повиноваться общимъ гимназическимъ уставамъ» (§ 22). «Въ классахъ дворянамъ сидѣть за особливимъ отъ разночинцевъ столомъ; обѣденный столъ и ужинъ, также и постели имѣть въ особливыхъ комнатахъ» (§ 24). «Учителямъ за ученіе ни съ кого ничего не требовать, а довольствоваться опредѣ-

скаго казанскимъ губернаторомъ опредѣленъ былъ генераль де-Ласси, которому было приказано составить новый уставъ. Этотъ уставъ былъ Высочайше утвержденъ 29 мая 1798 года во время пребыванія Павла I въ Казани. Сохраняя прежнее раздѣленіе сословій въ гимназіи, *уставъ де-Ласси* вводилъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ устава князя Мещерскаго: 1) въ предметахъ обученія были прибавлены: химія, гидравлика, латинскій языкъ, фехтованіе, музыка и танцы; 2) для каждаго предмета въ точности опредѣленъ былъ объемъ преподаванія, приче́мъ обученіе языкамъ было раздѣлено на три класса (нижній, средній и высшій), арифметика имѣла два класса (нижній и высшій), остальные предметы, а также татарскій языкъ, состояли изъ одного класса; 3) число недѣльных уроковъ по каждому предмету было отъ 3 до 12 въ каждомъ классѣ; 4) въ годъ полагалось два экзамена — приватный, около новаго года, и публичный, во второй половинѣ іюня, предъ началомъ каникулъ; 5) ученіе начиналось 1-го августа; 6) наблюденіе за питомцами поручалось главному надзирателю, двумъ дежурнымъ офицерамъ и особымъ комнатнымъ надзирателямъ, наблюдавшимъ за пансіонерами; 7) при директорѣ учреждался совѣтъ изъ 5 или 6 учителей высшихъ классовъ, инспектора и главнаго надзирателя. „Сей совѣтъ, говорилось въ 11 § Положенія губернатора де-Ласси, должно въ каждую недѣлю одинъ разъ въ опредѣленные часы собираться, и предлагать мнѣнія свои, къ пользѣ гимназіи влонящіяся, директору“; 8) чиновникамъ гимназіи былъ присвоенъ „особливый мундиръ цвѣту темнозеленаго съ подкладкою сего же цвѣта и съ бѣлымъ камзоломъ, у штабъ и оберъ-офицеровъ воротникъ и обшлага пунцовые бархатные, пуговицы желтыя съ щитомъ раздѣльно на двое, въ первой коего половинѣ гербъ Имперіи російской, а въ другой — Казанской губерніи“. Платье учениковъ — темнозеленое съ суконнымъ воротникомъ пунцоваго цвѣта для дворянъ и темнозеленаго — для разночинцевъ ¹⁾).

леннымъ жалованьемъ; разночинцевъ не презирать, но преподавать имъ ученіе съ равнымъ для всѣхъ радѣніемъ» (§ 25). «Тѣлесныхъ наказаній ни въ какомъ случаѣ не употреблять въ гимназіи, ибо оныя, вмѣсто чаяннаго исправленія, ожесточаютъ нравъ и унижаютъ душу» (§ 26).

(¹⁾ *Владиміровъ* II стр. 13—18 ж 46.

Одновременно съ новымъ уставомъ гимназія получила и новое помѣщеніе — губернаторскій домъ на Воскресенской улицѣ, составляющій въ настоящее время лѣвую отъ входа половину главнаго университетскаго корпуса. Попечителемъ гимназіи первоначально былъ гражданскій губернаторъ города Казани, съ учрежденіемъ же въ 1803 году учебныхъ округовъ гимназія перешла въ вѣдѣніе попечителя Казанскаго учебнаго округа ¹⁾).

Со времени своего возстановленія въ 1798 году до переѣзда Цеплина въ Казань въ 1804 году ²⁾)—гимназія переживала „*директорскій кризисъ*“: „правящіе должность директоровъ“ смѣнялись почти ежегодно. Первый директоръ гимназіи по ея возобновленіи — *Платонъ Аполлоновичъ Соколовъ* — правилъ гимназіей менѣе года; въ апрѣлѣ 1799 года онъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ и болѣе не возвращался; во время его отсутствія гимназіей завѣдывалъ учитель *Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ*, приглашенный въ Казань изъ петербургской учительской гимназіи самимъ же Соколовымъ. Съ 13 января 1800 года гимназіей руководилъ статскій сов. *Александръ Михайловичъ Титовъ*; но его слабое здоровье давало полную возможность И. Ѳ. Яковкину вторично распорядиться дѣлами гимназіи. Черезъ годъ Титовъ умеръ и преемникъ его *Карлъ Христіановичъ Пекенъ*, не принадлежавшій ни по воспитанію, ни по роду своей прежней службы въ числу педагоговъ, предоставилъ все управленіе гимназіей опять Яковкину ³⁾). Послѣ Пекена директоромъ былъ назначенъ въ 1803 году помѣщикъ казанской губерніи *Александръ Логиновичъ Лихачевъ*, который, по словамъ одного изъ первыхъ по времени поступленія учениковъ гимназіи, *С. Т. Аксакова*, былъ очень плохимъ директоромъ, гимназію посѣщалъ въ обѣденное время, а въ классы не заглядывалъ ⁴⁾): въ гимназіи, какъ и раньше, главнымъ лицомъ являлся Яковкинъ.

Кромѣ этихъ „командировъ“, смѣнявшихся почти еже-

¹⁾ Тамъ же, стр. 12 и 20.

²⁾ См. выше гл. I стр. 19—21.

³⁾ Свѣдѣнія объ этихъ директорахъ приводитъ *Владиміровъ II* стр. 19—30.

⁴⁾ *С. Аксаковъ*, Семейная Хроника и Воспоминанія, ч. II. изд. 2 Москва 1856 стр. 113 и 154.

годно, гимназіей завѣдывалъ, до назначенія второго директора Титова, вице-директоръ „изъ нѣмцевъ“ — *Герберъ* (съ 1799 г. по 1801), отличавшійся, по словамъ одного изъ старѣйшихъ учениковъ гимназіи, *Вершина* (выпуска 1813 г.), „образованіемъ и кротостью“¹⁾. При Герберѣ, 25 января 1800 г. было составлено „Положеніе Совѣта гимназіи“, членами котораго, кромѣ директора, инспектора и главнаго надзирателя, состояли и четыре преподавателя высшихъ классовъ. Вѣдѣнію совѣта подлежало разсмотрѣніе всѣхъ нуждъ и недостатковъ, препятствующихъ благосостоянію, пользѣ и успѣхамъ, какъ всей гимназіи, такъ и каждаго изъ ея членовъ. Дѣла въ совѣтѣ, засѣданія котораго назначались директоромъ, рѣшались коллегиально, причемъ принципъ совмѣстнаго обсужденія дѣлъ былъ доведенъ до того, что членъ, не бывшій въ засѣданіи по какимъ-либо причинамъ, могъ остановить рѣшеніе совѣта, если находилъ таковое въ чемъ-либо неправильнымъ²⁾.

Въ противоположность неудачному выбору „случайныхъ командировъ“ — преподавательскій персоналъ возстановленной казанской гимназіи выдавался, въ періодъ назначенія Цеплина, какъ научными, такъ и воспитательными силами своихъ главныхъ представителей. Въ этомъ отношеніи гимназія временъ императоровъ Павла Петровича и Александра I существенно отличалась отъ „казанскихъ гимназій“ эпохи императрицъ Елисаветы и Екатерины II, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что окрѣпшій и разившійся духовными силами Московскій университетъ доставлялъ въ ту пору хорошо подготовленный контингентъ специалистовъ учителей, которыхъ, въ первую пору существованія гимназіи нерѣдко, по недостатку подходящихъ людей, замѣняли недоучившимися студентами и семинаристами.

При назначеніи Цеплина въ Казань, первое мѣсто среди преподавателей гимназіи изъ воспитанниковъ Московскаго университета занималъ учитель высшей математики Григорій

¹⁾ *Вершинъ*, Краткая Записка, составленная на память съ начала учрежденія I казанской гимназіи при императорѣ Павлѣ I (въ приложеніи къ Ист. Запискѣ *Владимірова*, ч. II) стр. 56.

²⁾ *Владиміровъ*, II стр. 49—50.

Ивановичъ Карташевскій. По отзывамъ своихъ современниковъ, Аксакова, Веригина и Яковкина, Карташевскій выдавался умомъ и способностями; онъ серьезно занимался своею наукою и, пользуясь трудами извѣстнѣйшихъ тогда ученыхъ по своей специальности, составлялъ собственный курсъ чистой математики для преподаванія въ гимназiи; онъ много читалъ по философіи и отлично зналъ языки: французскій, нѣмецкій и латинскій. Какъ даровитый педагогъ и человекъ прямыхъ и стойкихъ убѣжденій, выдававшійся не только свѣтлымъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, но и высокими качествами души — онъ пользовался въ гимназiи общимъ уваженіемъ и, по словамъ его воспитанника С. Т. Аксакова, „всегда сохранялъ надъ своими товарищами какое-то превосходство“. Нѣсколько странные и сухіе, по свидѣтельству автора „Семейной Хроники и Воспоминаній“, приемы Карташевскаго въ обращеніи, не отстраняли отъ него молодыхъ людей, видѣвшихъ въ своемъ учителѣ друга и всецѣло преданнаго своему долгу человека и С. Т. Аксаковъ, прожившій гимназистомъ два съ половиною года у Карташевскаго, называетъ это время наиболѣе отраднымъ воспоминаніемъ изъ своей ранней молодости. По его словамъ, „Григорій Ивановичъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко, и которыхъ вся жизнь есть строгое проявленіе этой высоты“ ..¹⁾

Большимъ знаніемъ языковъ и обширностью свѣдѣній выдѣлялся также нѣмецъ Иванъ Ивановичъ Эрихъ. Онъ слушалъ лекціи въ университетахъ Эрфуртскомъ, iенскомъ, Гэттингенскомъ, Московскомъ и въ гимназiи преподавалъ языки французскій и латинскій. Отличаясь безпристрастіемъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ, по словамъ Яковкина, „почитался оракуломъ между пріятелями“²⁾.

Весьма даровитымъ и образованнымъ былъ третій воспитанникъ Московскаго университета — Николай Михайловичъ Ибрагимовъ. Онъ преподавалъ русскую словесность и математику въ среднемъ классѣ, горячо любилъ литерату-

¹⁾ Аксаковъ, Семейная Хроника и Воспоминанія II, стр. 107. 109. 120. 134—135. 137. 139. 152.—Веригинъ стр. 59.—Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета I стр. 75—77.

²⁾ Буличъ I стр. 81—82.—Аксаковъ II стр. 139.—Веригинъ стр. 60.

ру, не лишень былъ остроумія и поэтическаго таланта. Но нѣсколько разгульная жизнь препятствовала его дальнѣйшему усовершенствованію и служебнымъ успѣхамъ ¹⁾.

Два остальныхъ воспитанника Московскаго университета, учителя — физики, Иванъ Ицатовичъ Запольскій и логики — Левъ Семеновичъ Левицкій, хотя и уступали тремъ первымъ въ обширности познаній и трудолюбіи, но считались педагогами свѣдущими и даровитыми ²⁾.

Изъ этой группы бывшихъ воспитанниковъ старѣйшаго русскаго университета замѣтно выдѣлялся по образованію и стремленіямъ инспекторъ гимназіи, Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ ³⁾. Воспитанникъ и, одно время, преподаватель Вятской Духовной семинаріи, Яковкинъ, переселившись въ 1783 г. въ Петербургъ, довершилъ свое образованіе и педагогическую подготовку въ Главномъ Народномъ Училищѣ и въ существовавшей при немъ Учительской Семинаріи. Въ училищѣ онъ преподавалъ исторію, географію, русскую грамматику и латинскій языкъ. Въ 1786 году Яковкинъ получилъ званіе „учителя высшихъ разрядовъ“ и вскорѣ затѣмъ мѣсто преподавателя въ двухъ видныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Придворномъ Пѣвческомъ Корпусѣ и въ Пажескомъ. Послѣ 16-лѣтней педагогической дѣятельности въ Петербургѣ, въ продолженіе которой Яковкинъ успѣлъ издать нѣсколько учебныхъ пособій по исторіи, географіи и французскому языку, онъ въ концѣ января 1799 года перешелъ на службу въ возобновленную казанскую гимназію. То обстоятельство, что Яковкинъ рѣшилъ промѣнять служебную дѣятельность въ двухъ крупныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы на преподавательское мѣсто въ гимназіи отдаленнаго губернскаго города, заставляетъ предполагать, что при связяхъ, пріобрѣтенныхъ въ педагогическомъ мірѣ столицы, Яковкинъ переѣхалъ

¹⁾ Аксаковъ II, стр. 116—119. 139.—Вершинъ стр. 59.—Буличъ I, стр. 54. 130. 303.

²⁾ Аксаковъ II, стр. 115. 121.—Буличъ I стр. 79—81.

³⁾ Біографію и характеристику его довольно обстоятельно излагаетъ Буличъ (I стр. 50—69), хотя онъ и не пользовался архивными матеріалами тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ, до назначенія въ Казань, служилъ Яковкинъ. Свѣдѣнія о немъ, сообщенныя Владиміровымъ (II, 27—31), страдаютъ пробѣлами и непоследовательностью изложенія.

въ Казань въ полной увѣренности на существенное улучшение въ ближайшемъ будущемъ своего служебнаго положенія. Не имѣя обыкновенія пренебрегать заботами о завтрашнемъ днѣ, онъ, безъ сомнѣнія, до переѣзда въ Казань, заручился солидными обѣщаніями петербургскихъ милостивцевъ. Обстоятельства, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали ожиданіямъ и планамъ Яковкина. Какъ опытный и даровитый педагогъ, человѣкъ прозорливый и энергичный—Яковкинъ, при частой смѣнѣ директоровъ, сразу выдвинулся своей дѣловитостью, умомъ, находчивостью и, занявъ удобную боевую позицію, успѣшно пролагалъ себѣ путь къ самостоятельной административной карьерѣ. Будучи и опытиѣе и дальновиднѣе своихъ сослуживцевъ, онъ, встрѣчая въ ихъ средѣ скорѣе зависть, чѣмъ соперничество, ловко пользовался обстоятельствами и беспрепятственно шелъ къ намѣченной цѣли. Наиболѣе видный и вліятельный, до прибытія Цеплина, въ средѣ преподавателей, Карташевскій, всецѣло былъ преданъ своей специальности и всякую иную обязанность считалъ для себя препятствіемъ къ занятію наукой, въ которой, по собственному признанію, „онъ самъ былъ еще ученикъ“¹⁾. Запольскій, женившись на казанской дворянкѣ „хорошаго рода и съ состояніемъ“ и, по выраженію Яковкина, „прилѣпившись къ экономіи“²⁾, манкировалъ даже прямыми служебными обязанностями³⁾. Еще менѣе на пути вождѣленій Яковкина стояли: старикъ Эрихъ, беспорядочной жизни Ибрагимовъ и флегматикъ Левицкій⁴⁾. Все это значительно облегчало Яковкину возможность быть господиномъ тогдашняго положенія вещей въ гимназіи и быстро стремиться къ самостоятельной административной карьерѣ. Уже въ самомъ началѣ своей службы при гимназіи, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе какъ тогдашняго попечителя гимназіи, гражданскаго губернатора Казинскаго, такъ и его ближайшихъ преемниковъ⁴⁾. Въ 1802 г. онъ былъ утвержденъ въ должности инспектора, а съ назначеніемъ въ 1803 году попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Румовскаго,

¹⁾ Аксаковъ II, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 113, 115, 120—121.—Буличъ I стр. 79.

³⁾ Буличъ I, стр. 81, 130.

⁴⁾ Владиміровъ II стр. 20.—Буличъ I, стр. 66.

которому Яковкинъ, по всей вѣроятности, былъ извѣстенъ уже въ Петербургѣ ¹⁾, положеніе его въ гимназій выдвинулось и укрѣпилось настолько, что назначеніе его директоромъ, взаимнѣвъ неспособнаго и малодушнаго Лихачева, сдѣлалось вопросомъ самаго близкаго будущаго.

Число учениковъ гимназій, во времени назначенія Цеплина, не превышало 200: въ 1802 году ихъ было 140, въ началѣ 1805 г.—доходило до 172. По сословіямъ ученики дѣлились на дворянъ и разночинцевъ и распредѣлялись на казеннокоштныхъ, пансіонеровъ и своекоштныхъ ²⁾. „Расположеніе учебныхъ часовъ и предметовъ“ распредѣлялось съ 7½ ч. утра до 12 до полудни и съ 2 до 5 по полудни; по субботамъ, послѣ обѣда, по случаю бани, классовъ не было ³⁾.

Членами совѣта, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ первой половины 1804 года, состояли, кромѣ Лихачева и Яковкина: Карташевскій, Запольскій, Эрихъ, Левицкій, учитель нѣмецкаго языка Мельхиоръ Вильфингъ и главный надзиратель Карлъ фонъ Фишеръ.

Таково было въ общемъ положеніе гимназій во времени пріѣзда Цеплина въ Казань.

Первое извѣстіе о новомъ преподавателѣ гимназій и будущемъ профессорѣ университета пришло въ Казань 14 марта 1804 года, когда въ совѣтъ Казанской гимназій поступило слѣдующее предложеніе попечителя Румовскаго (3 марта 1804 г. № 39):

„Его Сіятельству Министру Народнаго Просвѣщенія по представленію моему угодно было предназначить ученаго иностранца Цеплина для преподаванія въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ всеобщей исторіи и статистики по плану отъ него представленному съ тѣмъ, чтобы онъ до открытія университета преподавалъ Всеобщую исторію въ Казанской гимназій, съ жалованьемъ по тысячѣ пятисотъ руб-

¹⁾ Буличъ I стр. 64.

²⁾ Владиміровъ ч. II стр. 45; ч. II отд. 2 стр. 3.

³⁾ Тамъ же ч. II стр. 45. — Веринъ стр. 57.

лей въ годъ, считая въ томъ числѣ квартиру, дрова и освѣщеніе, а по открытіи вступилъ бы въ права ординарнаго профессора. По чему по приѣздѣ его въ Казань Совѣтъ имѣеть допустить его къ назначаемой должности, и выбравъ изъ воспитанниковъ по усмотрѣнію Совѣта способныхъ отъ 8-ми до 10-ти человекъ, составить классъ Исторической, въ которомъ бы онъ, Г. Цеплинъ, по оному своему плану преподавалъ въ Исторіи наставленія по осьми часамъ въ недѣлю, назнача къ тому время, какое и для него и по расположенію прочихъ классовъ будетъ удобно, при томъ на такомъ изъ преподаваемыхъ въ гимназіи языкѣ, въ которомъ воспитанники болѣе утвердились, и съ пользою могутъ слушать оныя. Присемъ съ представленія моего и съ утвержденія на оное Министра Народнаго Просвѣщенія послѣдовавшаго, такъ же и съ Плана г. Цеплинымъ представленнаго, прилагаются копія¹⁾.

Совѣтъ гимназіи, заслушавъ 16 марта предписаніе Румовскаго и приложенныя къ нему копіи, опредѣлялъ: *„Отложитъ разсужденіе по сему дѣлу до приѣзда самого г. Цеплина“*²⁾.

Прошло три мѣсяца со времени полученія официальнаго увѣдомленія о назначеніи Цеплина. Четырнадцатаго іюня *„въ собраніи совѣта Казанской гимназіи правящій должность директора объявилъ, что г. Цеплинъ, о которомъ писалъ г. Кураторъ въ Совѣтъ, прибылъ въ Казань и явился къ нему 1 іюня“*. Въ виду начала экзаменовъ и слѣдующихъ за ними каникулъ, длившихся до половины августа, совѣтъ донесъ попечителю (14 іюня № 123), что Цеплинъ *„не можетъ вступить въ должность прежде августа, впро-*

¹⁾ *Архивъ Казанскаго университета 1804 г. № 4: Дѣло по предписанію г. Попечителя Казанскаго университета объ опредѣленіи ученаго иностранца Цеплина въ здѣшній университетъ профессоромъ Всеобщей Исторіи и Статистики. 14 марта 1804 г. л. 1.*

²⁾ *Тамъ же л. 1.*

долженіи же экзамена, къ которому инспекторъ пригласить Цеплина, онъ увидить успѣхи воспитанниковъ, какъ во французскомъ языкѣ, такъ и въ нѣмецкомъ и сдѣлаеть выборъ для себя между десятию человѣками, назначенными быть его слушателями изъ высшаго нѣмецкаго класса и изъ высшаго французскаго; тогда же назначутся и часы, въ которые онъ будетъ имѣть свой классъ“. Въ концѣ донесенія совѣтъ просилъ предписанія попечителя, „долженъ-ли Цеплинъ брать участіе въ совѣтѣ“¹⁾? Отвѣтъ Румовскаго на этотъ вопросъ, какъ увидимъ ниже, былъ заслушанъ въ совѣтѣ только послѣ каникулъ.

Между тѣмъ, чрезъ три дня послѣ официального визита Цеплина Лихачеву, въ гимназіи произошло событіе, которое, вызвавъ новый „директорскій кризисъ“, поставило во главѣ казанскаго педагогическаго и ученаго міра лицо, съ дѣятельностію котораго неразрывно связаны первые годы существованія Казанскаго университета и судьба его перваго профессора.

Еще до наступленія лѣтнихъ каникулъ 1804 года, среди учениковъ гимназіи стали проявляться въ рѣзкой формѣ признаки явнаго нерасположенія къ директору Лихачеву, котораго, какъ свидѣтельствуеть современникъ событія, „не уважали ни чиновники, ни воспитанники“²⁾. Во время обѣда, когда директоръ ходилъ по столовой залѣ, онъ былъ, по словамъ Аюсакова, публично осмѣянъ учениками, раздраженными за дурную кашу, въ которой кто-то нашель кусокъ свѣчнаго сала. Тогда же ночью на стѣнахъ гимназіи явились пасевили на директора, начерченные краснымъ карандашемъ крупными, печатными буквами; надписи были помѣщены такъ высоко, что ихъ нельзя было написать безъ помощи лѣстницы, а надпись на куполѣ, вѣнчавшемъ гимназическое зданіе, была признана чудомъ смѣлости и ловкости; виновныхъ не открыли³⁾. Вскорѣ недовольство режимомъ Лихачева проявилось

¹⁾ Тамъ же л. 8 и 9

²⁾ Аюсаковъ, Сем. Хрон. II стр. 154.

³⁾ Тамъ же.

въ болѣе опредѣленной формѣ по слѣдующему поводу. Въ субботу, 4-го іюня, въ то время когда воспитанники гуляли послѣ обѣда на чистомъ гимназическомъ дворѣ, въ отдаленной части послѣдняго, у конюшни инспектора, „квартирмейстеръ“ Михайловъ, имѣвшій подъ своей командой гимназическихъ служителей, наказывалъ палками одного изъ нихъ ¹⁾). Вопль бѣднаго инвалида возбудила жалость въ ученикахъ и они потребовали отъ квартирмейстера прекращенія эзекуціи. Тотъ отвѣтилъ грубо на требованія воспитанниковъ, которые не остались въ долгу: послѣдовала взаимность словесныхъ обидъ, свидѣтелями которыхъ явились помощникъ надзирателя Поповъ, учитель нижняго нѣмецкаго класса Ахматовъ и секретарь гимназической конторы Прокопенко. Ученики: Княжевичъ Александръ, Пафомовъ и другіе, подступая къ Михайлову, требовали объяснить, за что онъ ихъ обижаетъ; особенно горячился Княжевичъ, который, будучи впереди другихъ воспитанниковъ, всю брань квартирмейстера относилъ къ себѣ. Старшій Княжевичъ, Дмитрій, горячо вступившись за брата, увлекъ за собою другихъ учениковъ; квартирмейстеръ ретировался и, оставляя за собою послѣднее слово въ этой ссорѣ, заявилъ, входя на лѣстницу своей квартиры, что между преслѣдующими его учениками *„нѣтъ ни одного благороднаго, а только одни разбойники“*. Помощникъ надзирателя Поповъ, разведя по комнатамъ учениковъ, сообщилъ обо всемъ главному надзирателю Фишеру, который, поручивъ разслѣдовать дѣло Попову, донесъ о происшествіи Лихачеву ²⁾).

¹⁾ Въ *Семейной Хроникѣ* (II, стр. 153—154) происшествіе это ошибочно отнесено къ началу августа, за нѣсколько дней до возвращенія С. Т. Аксакова съ Карташевскимъ изъ деревни.

²⁾ *Архивъ Казанскаго университета* Ж 8-а 1804 г.: Дѣло о безпорядкахъ между воспитанниками гимназіи, случившихся 4, 6 и 8 числа іюня 1804 г.; объ увольненіи отъ должностей: директора, надворнаго совѣтника, Лихачева и главнаго надзирателя коллежскаго ассессора фонъ Фишера и о препорученіи его должности г-ну инспектору и о исключеніи изъ гимназіи казенныхъ воспитанниковъ: Княжевича 1-го, Пафомова, Крылова и АLEXИНА и проч. на 94 листахъ. Листъ 35—41: *Свидѣствіе безпорядковъ по части воспитанія, učinенное членами совета, инспекторомъ Яковкимъ, учи-*

Столкновение съ „квартирмейстеромъ“ послужило завязкой дальнѣйшихъ осложненій и замѣшательствъ. Княжевичъ старшій, считая себя обиженнымъ въ лицѣ брата, 6-го іюня утромъ просилъ Фишера „о удовольствіи за означенную обиду“; повторивъ эту просьбу пріѣхавшему въ контору Лихачеву, Княжевичъ получилъ отъ директора въ отвѣтъ, что Михайловъ „бранилъ не его именно“, а потому Княжевичъ „не имѣетъ права жаловаться на него“. Во время обѣда Княжевичъ и другіе ученики снова обратились къ вошедшему въ столовую директору, прося „объ удовлетвореніи противъ квартирмейстера“ и о допросѣ секретаря Прокопенки „для засвидѣтельствованія точности жалобы“. Но Лихачевъ отказалъ вторично. „Вотъ еще я для тебя стану всякаго призывать“, сказалъ онъ Княжевичу, усиленно настаивавшему на допросѣ Прокопенки. Среди учениковъ поднялся шумъ; грозя директору, они заявили, что будутъ жаловаться попечителю Румовскому. Встревоженный „необыкновеннымъ крикомъ и угрозами“, Лихачевъ ушелъ. Фишеръ, явившійся въ столовую позже директора, оказался не въ силахъ прекратить „невѣжества“ питомцевъ ¹⁾).

Въ тотъ же день, по выходѣ изъ столовой, ученики, собравшись въ числѣ 30 у дверей гимназической конторы, пытались снова „просить директора объ удовлетвореніи“, причемъ Княжевичъ большой „говорилъ со слезами: приѣдемъ директора, если онъ не разберетъ насъ“. Надзиратель Васильевъ донесъ о происходящемъ Фишеру, но послѣдній, „не давъ ему никакого рѣшенія, ушелъ домой“ и только инспекторъ Яковкинъ „уговорилъ воспитанниковъ къ покою“. Учитель Ахматовъ, бывшій въ то время въ гимназической конторѣ для показаній о ссорѣ воспитанниковъ съ квартирмейстеромъ—подвергся, по выходѣ оттуда, насмѣшкамъ учени-

телемъ опытной физики и смѣшанной математики Запольскимъ и учителемъ высшаго нѣмецкаго класса Вильфингомъ. I. Ссора воспитанниковъ съ квартирмейстеромъ Михайловымъ, послѣдовавшая іюня 4-го числа л. 35b—36b.

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета 1804 г. № 8а, л. 36b—37b: II. Поступокъ воспитанниковъ во время обѣденнаго стола 6-го числа.—Тамъ же, листъ 5: Рапортъ фонъ Фишера Лихачеву отъ 7-го іюня и листъ 8а: Сообщение Лихачева въ за-сѣданіи совѣта 9-го іюня.

ковъ. „Что, братъ Ахматовъ, не стыдно ли тебѣ, что ты ложно говорилъ, а не то, что видѣлъ“, спрашивали Ахматова Княжевичъ, Алехинъ, Балясниковъ и другіе, провожая уходящаго къ парадному крыльцу учителя крикомъ и рукоплесканіями ¹⁾. Вечеромъ того же дня ученики производили безпорядокъ во время „фрунта“ ²⁾ и когда надзиратель Лапшинъ, за ужиномъ „выставилъ вонъ ученика Евреинова большого за то, что онъ бросалъ въ кого-то хлѣбомъ, то за дворянскимъ столомъ поднялся шумъ“. При появленіи Фишера, шумъ утихъ, но „послѣ вечерней молитвы“ питомцы: Пафомовъ, Княжевичъ большой, Перевошиковъ 1-й и другіе, во главѣ съ ученикомъ Балясниковымъ, игравшимъ на кларнетѣ маршъ, двинулись къ комнатѣ надзирателя Лапшина и „называя его непристойными именами, закидали ему кашей не только платье, но даже глаза и всю голову“. Спрошенные Фишеромъ о причинѣ „неповодительныхъ поступковъ“ ученики отвѣтили, „что обижены квартирмейстеромъ и требуютъ удовлетворенія“ ³⁾. Грубости и ослушаніе воспитанниковъ усиливались. 7-го іюня надзиратель Мейснеръ донесъ Фишеру о кулачной расправѣ старшаго Княжевича „съ комнатнымъ сторожемъ“ Васильевымъ, поводамъ къ которой послужило сообщеніе Васильева о томъ, что Княжевичъ „перерубилъ въ двери комнаты Мейснера доску топоромъ, имѣвшимся у воспитанниковъ троихъ братьевъ Петровыхъ“; на слѣдующій же день 8-го іюня, послѣ вечерняго стола, тотъ же Княжевичъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками бросали хлѣбомъ въ надзирателя Ридера, а затѣмъ изорвали въ его комнатѣ подушки и изломали кровать ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, листъ 37 и 38: III. Провѣществіе по выходѣ изъ столовой у дверей конторы того же б іюня; IV. Поступокъ воспитанниковъ съ учителемъ Ахматовымъ въ то же время.

²⁾ Подъ «фрунтомъ» разумѣется строй, въ какомъ ученики ходили въ классъ и въ столовую.

³⁾ Архивъ Казанскаго университета 1804 г. № 8-а, листъ 38b и 39: Поступокъ воспитанниковъ того жъ 6 числа въ вечеру съ надзирателемъ Лапшинымъ.—Тамъ же, листъ 2a и 5b: Рапорты Ахматова и фонъ Фишера Лихачеву отъ 7 іюня.

⁴⁾ Тамъ же, листъ 39b и 40: VI. Поступокъ воспитанниковъ послѣ вечерняго стола съ надзирателемъ Риде-

О поступкѣхъ учениковъ 6 и 8 іюня Фишеръ своевременно донесъ Лихачеву ¹⁾. Одновременно съ заявлениями главнаго надзирателя поступили къ Лихачеву рапорты Ахматова и самого Михайлова ²⁾. Указавъ на то, что „*всѣ питомцы явный сдѣлали заговоръ посягнуть руками на лицо директора и бить его*“—Ахматовъ, опасаясь „равныхъ обидъ“, какъ показавшій о столкновеніи съ квартирмейстеромъ не въ пользу учениковъ, заявилъ въ своемъ рапортѣ, что въ виду враждебнаго настроенія къ нему воспитанниковъ, онъ „*рѣшился дотолъ не ходить въ классы, доколъ о семъ не будетъ донесено г. попечителю Румовскому и онъ, Ахматовъ, не будетъ выведенъ изъ опасности*“. Съ своей стороны и Михайловъ рапортовалъ Лихачеву, что послѣ происшествіи 4-го іюня онъ страшится выходить по обязанностямъ службы, „по вечерамъ, а иногда и ночью“, боясь мщенія питомцевъ, которые „*по злости своей могутъ причинить ему что нибудь вреднаго, какъ для здоровья, такъ и для самой жизни, или такого, чрезъ что онъ могъ бы подвергнуться законному взысканію*“. Прося избавить его отъ обидъ, причиняемыхъ ему воспитанниками и унижающихъ его передъ товарищами—Михайловъ доноситъ, что хотя онъ приказалъ часовому „*не пропускать въ ночное время питомцевъ изъ гимназіи*“, но это не исполняется, такъ какъ ученики „*на сопротивленіе часового отвѣчаютъ всегда ругательствами и угрозами и уходятъ свободно*“.

Дѣло „о безпорядкахъ воспитанниковъ“ усложнялось. Въ засѣданіи совѣта гимназіи 8-го іюня, созванномъ для разсмотрѣнія относящихся сюда рапортовъ, поданныхъ чиновниками, Фишеръ заявилъ, „что не можетъ болѣе отправлять свою должность и въ ближайшее засѣданіе въ формальной просьбѣ объяснить причины, побудившія его просить увольненія“. Совѣтъ, опредѣливъ представить объ этомъ попечителю, постановилъ: поручить исправленіе должности главнаго надзирателя инспектору Яковвину, обязавъ при этомъ комнатныхъ надзирателей, въ виду „положенія воспитанниковъ“,

ромъ. VII. Поступокъ воспитанниковъ въ комнатѣ надзирателя Мейснера.

¹⁾ Тамъ же, листъ 5 и 6.

²⁾ Тамъ же, листъ 4 и 7.

не отлучаться изъ гимназіи „иначе какъ по одиночѣ“ и по собственному выбору инспектора ¹⁾). Относительно рапортовъ Фишера, Ахматова и Михайлова, доложенныхъ директоромъ, членами совѣта, „по долгомъ разсужденіи“, не пришли ни въ какому результату и „за позднимъ временемъ“ опредѣлили—отложить дѣло до будущаго засѣданія, которое назначить „экстраординарно“ 9-го іюня ²⁾).

Выслушавъ въ этомъ собраніи заявленіе Лихачева о „возмутительныхъ поступкахъ воспитанниковъ“ и причины его отказа въ просьбѣ учениковъ—члены, „послѣ многихъ совѣтованій“, опредѣлили: предложить ордеромъ Ахматову „продолжать свой классъ“, причемъ, въ случаѣ какой-либо со стороны воспитанниковъ обиды, Ахматову была обѣщана совѣтомъ защита и удовлетвореніе. Затѣмъ предложено было Яковкину „не допускать учениковъ до сговоровъ, но держать ихъ сколько можно въ порядкѣ каждаго на своемъ мѣстѣ“ и потому имѣть налицо по крайней мѣрѣ половину комнатныхъ надзирателей „на всякой случай“. Для прегражденія воспитанникамъ возможности отлучаться ночью, рѣшено немедленно „сдѣлать на лѣвой сторонѣ, смотря на лицо корпуса, стѣну хотя рѣшетчатую съ воротами“, чтобы такимъ образомъ „запирать на ночь весь гимназическій дворъ“. Для той же цѣли опредѣлено было сдѣлать замки у всѣхъ дверей, „ведущихъ какъ нибудь изъ спаленъ учениковъ на дворъ“ и запирать ихъ на ночь, а отъ дверей „главнаго прохода“ имѣть два ключа, изъ которыхъ одинъ „ввѣрить на всякой случай дежурному надзирателю“, а другой—заразному солдату, для пропуска чиновниковъ послѣ того, какъ ученики улеглись спать. Кромѣ того—дежурный надзиратель съ дежурными дядькой должны нѣсколько разъ обойти ночью всѣ комнаты „для осмотра дѣтей“. Помимо этихъ предупредительныхъ мѣръ, совѣтъ постановилъ образовать изъ инспектора Яковкина и учителей Карташевскаго и Вильфинга „комитетъ“, для выясненія причинъ „броженія“, „обнаруженія упущеній чиновниковъ“ и „для открытія виновныхъ воспитанниковъ“ ³⁾).

¹⁾ Дѣло о безпорядкахъ 1804 г. № 8-а л. 1а. Комнатныхъ надзирателей числилось тогда девять (тамъ же).

²⁾ Тамъ же, л. 1б.

³⁾ Тамъ же, л. 8 и 9.

О мѣрахъ, принятыхъ совѣтомъ, Румовскій былъ извѣщенъ особымъ рапортомъ (11 іюня № 120) ¹⁾, но учитель Эрихъ, при подписи постановленій совѣта 9-го іюня заявилъ, что, „имѣя квартиру въ зданіи гимназіи, онъ предвидитъ для своихъ людей нѣкоторыя неудобства въ разсужденіи запиранія дверей“, а потому оставляетъ за собою право сдѣлать по поводу этого „особое представленіе“; что касается до постановленія, принятаго совѣтомъ 8-го іюня относительно Фишера, то онъ, Эрихъ, въ этомъ постановленіи участія принимать не желаетъ, такъ какъ Фишеръ, согласно своему изъясненію, сдѣлалъ свое заявленіе „по понужденію“ ²⁾. Этотъ протестъ Эриха явился первымъ предвѣстникомъ той оппозиціи и особыхъ мнѣній, которыя, подъ эгидой Цеплина, сдѣлались въ скоромъ времени обычнымъ явленіемъ въ совѣтѣ Казанской гимназіи, долго управлявшемъ дѣлами вновь основаннаго университета.

Послѣ поступка воспитанниковъ съ надзирателемъ Ридеромъ 8-го іюня, въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ указаній на дальнѣйшее „броженіе“ питомцевъ Казанской гимназіи: волненіе, очевидно, затихало. По словамъ автора „Семейной Хроники и Воспоминаній“, успокоенію „духа своевольства“ способствовало увольненіе ненавистнаго квартирмейстера, вызванное угрожающимъ поведеніемъ учениковъ, которые, „приваливъ толпою къ дверямъ конференціи“ и отрѣзавъ всѣ выходы къ бѣгству перепуганному донельзю директору—заставили его уступить ихъ просьбѣ ³⁾. Если это извѣстіе объ испугѣ Лихачева и находитъ себѣ подтвержденіе въ признаніи самого директора, по словамъ котораго, во время безпорядковъ 6-го іюня, онъ до того былъ „встревоженъ возмутительными поступками толпы учениковъ, крикомъ и угрозами“, что вынужденъ былъ изъ столовой уйти въ „сосѣдную залу“ ⁴⁾, то фактъ увольненія квартирмейстера опровергается архивными данными, по которымъ лицо это продолжало свои обя-

¹⁾ Копія рапорта сохранилась тамъ же л. 10.

²⁾ Тамъ же л. 9б.

³⁾ Аксаковъ II стр. 156.

⁴⁾ Дѣло о безпорядкахъ (1804 г.) л. 8.

занности и въ слѣдующее время ¹⁾). Авторъ „Семейной Хроники“ былъ только современникомъ, но не участникомъ въ „возмущеніи учениковъ“ и, воспроизводя свою „повѣсть“ спустя полвѣка послѣ самихъ событій и по рассказамъ, слышаннымъ имъ въ гимназій ²⁾—не имѣлъ возможности провѣрять передаваемое, а впослѣдствіи—могъ и забыть многое изъ разсказа. Причину успокоенія учениковъ слѣдуетъ приписать принятымъ совѣтомъ мѣрамъ, большей бдительности и осмотрительности Яковкина, замѣнившаго временно „ничтожнаго“, по выраженію Аксакова, Фишера. Энергично веденное „комитетомъ“ слѣдствіе о безпорядкахъ и приближающаяся пора лѣтнихъ экзаменовъ оказали также отрѣзвающее вліяніе на горячія, увлекающіяся головы. По словамъ Аксакова, „гимназія пришла въ обыкновенный порядокъ“ ³⁾, но, какъ бы взамѣнъ того, въ средѣ самихъ членовъ совѣта возникли смуты и недоразумѣнія.

Непосредственно послѣ первыхъ засѣданій комптета, образованнаго для выясненія ученическихъ волненій, вышелъ изъ его состава Карташевскій. Хотя выходъ свой онъ мотивировалъ „множествомъ дѣлъ“, сопряженныхъ съ исполненіемъ обязанностей секретаря совѣта ⁴⁾, но настоящая причина его несочувствій комитету была, вѣроятно все же, другая. „Возмущеніе“ воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ оказались сыновья лицъ весьма почтенныхъ и вліятельныхъ, вызвало не только много толковъ въ городѣ, но и явилось ареной для личныхъ стремленій, видовъ и счетовъ въ средѣ гимназическаго персонала. Яковкинъ, мастеръ, по выраженію Владимірова ⁵⁾, „ловить рыбу въ мутной водѣ“, рассчитывая занять мѣсто безтактнаго и нелюбимаго всѣми Лихачева, стремился посѣлить раздоръ между нимъ и Фишеромъ, чтобы

¹⁾ Архивъ Казанской I гимназій. Журналы конторы № 64 1804 года, л. 262а, 263а, 265а, 266а, 337а, 458а и др.—Дѣло Канцеляріи Совѣта Казанскаго университета о увольненіи изъ гимназій Лихачева и Фишера № 56, 1804 г. л. 9а, 11, 15а, 16б и др.

²⁾ Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.) изд. 3, С. Петерб. 1897 стр. 187—188.—Аксаковъ II стр. 157.

³⁾ Аксаковъ II стр. 156.

⁴⁾ Дѣло о безпорядкахъ 1804 г. л. 11а, 12а.

⁵⁾ Историческая Записка ч. II стр. 30.

тѣмъ дискредитировать обоихъ въ свою пользу въ глазахъ попечителя. Скрытые происки Яковкина, желавшаго выказывать себя предъ начальствомъ, не могли не возмущать благородныхъ убѣжденій Карташевскаго, и онъ предпочелъ, подѣ благовиднымъ предлогомъ, уклониться отъ совмѣстнаго съ Яковкинымъ разслѣдованія обстоятельствъ дѣла—вмѣсто него былъ назначенъ Запольскій—осложненнаго необдуманнми дѣйствіями гимназической администраціи, но вызваннаго, по словамъ Аксакова, „прекраснымъ чувствомъ состраданія и справедливымъ негодованіемъ за грубое и дерзкое оскорбленіе“¹⁾.

Съ другой стороны и Фишеръ, поддерживаемый своими земляками, Эрихомъ и Вильфингомъ, отказавшимся подписать „за болѣзнь“ протоколъ разслѣдованія безпорядковъ²⁾—причинилъ не мало хлопотъ гимназій своимъ самоубіеніемъ и упорствомъ. Не смотря на то что совѣтъ особымъ „ордеромъ“ (9-го іюня № 114) предложилъ всѣмъ чиновникамъ гимназій являться въ комитетъ и давать отвѣты касательно ученическихъ безпорядковъ³⁾—Фишеръ игнорировалъ это постановленіе. По донесенію въ совѣтъ членовъ комитета, Фишера „съ трудомъ можно было дозваться“ и явившись, онъ, не желая отвѣчать „на самые простые вопросы“, предложилъ написать ему требуемые пункты, „на которые, однако, не отвѣчалъ и на другой день“⁴⁾. Придя наконецъ, послѣ троекратнаго приглашенія въ комитетъ, онъ, вмѣсто затребованныхъ отвѣтовъ, сталъ жаловаться на превратное толкованіе его рапортовъ секретаремъ совѣта, и, заявивъ, „что его хотятъ только сбить, отказался давать отвѣты и вышелъ самовольно изъ присутствія съ примѣтнымъ жаромъ“, угрожая принести жалобу самому попечителю⁵⁾. 16 іюня въ совѣтъ поступило „покорнѣйшее представленіе“ Фишера⁶⁾, въ которомъ онъ, указывая на временное порученіе совѣтомъ

¹⁾ Семейная Хроника II стр. 155.

²⁾ Дѣло о безпорядкахъ л. 33 и 41.

³⁾ Тамъ же л. 3 и 4.

⁴⁾ Тамъ же л. 40b.

⁵⁾ Тамъ же л. 40b и 41a.

⁶⁾ Тамъ же л. 13 и 14b.

должности главнаго надзирателя другому ¹⁾, признаеть это постановленіе крайне для себя оскорбительнымъ и потому предполагаетъ самъ просить объ увольненіи. Постановленіе совѣта онъ называетъ „непонятнымъ“, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ онъ былъ представленъ совѣтомъ попечителю „съ самой выгодной стороны“ и получилъ въ награду третнее жалованье. Причину безпорядковъ Фишеръ усматриваетъ въ безтактности директора, распоряженія котораго часто „несоответствовали дѣлу“ и потому „неуважались питомцами и вели постепенно къ большимъ разстройствамъ“. Въ заключеніе Фишеръ заявляетъ, что въ гимназіи иногда „съ намѣреніемъ избѣгали строгаго изслѣдованія поступковъ учениковъ, напримѣръ, при сатирахъ и пасквиляхъ на лицо такихъ особъ, которыхъ посты требуютъ пощадъ“. Указавъ, что питомцы всегда исполняли требованія главнаго надзирателя и относились къ нему съ уваженіемъ, Фишеръ просить „вести въ протоколъ“ свое представленіе. Такимъ образомъ, въ сферу занятій совѣта неожиданно вошла новая задача—разсмотрѣніе обострившихся отношеній между директоромъ гимназіи и ея главнымъ надзирателемъ. При большей личной авторитетности, Лихачевъ могъ бы отклонить разсмотрѣніе въ совѣтѣ заявленія Фишера, но возникшія волненія лишили его окончательно всякаго престижа и онъ поневолѣ долженъ былъ искать опоры въ средѣ совѣта. Но расчеты оказались ошибочными: большинство комиссій, съ Яковкинымъ во главѣ, не симпатизировало Лихачеву и совѣтъ, вмѣсто авторитетнаго отстраненія претензій обидчиваго нѣмца, сталъ раздвухать его происки, становясь судьей двухъ пререкавшихся сторонъ. Когда 16-го іюня было заслушано въ совѣтѣ приведенное выше „представленіе“ Фишера, то Лихачевъ, какъ бы оправдываясь въ приписываемыхъ ему главнымъ надзирателемъ поступкахъ, сталъ указывать на то, что „безпорядки между учениками, воровство, обиды надзирателямъ и порчу всякаго рода вещей“ надлежало изслѣдовать главному надзирателю, не ограничиваясь однимъ донесеніемъ правшаему должностъ директора. Отклоняя отъ себя упрекъ въ принатіи недостаточныхъ или „противорѣчивыхъ“, по словамъ Фишера, мѣръ, Лихачевъ удостовѣряетъ, что главному надзирателю не было

¹⁾ См. выше стр. 55.

дано порученія „изыскать, кто писалъ сатиры и пасквили“. Съ своей стороны и совѣтъ указалъ Фишеру на то, что нераспорядительность его и усиливавшееся броженіе заставили совѣтъ принять *“сильныя мѣры”*, которыя и самъ Фишеръ считалъ не излишними, причемъ совѣтъ напоминалъ, что Фишеру неразъ дѣлались замѣчанія за „худой порядокъ воспитанниковъ“. Недоумѣвая, *“какимъ страннымъ образомъ совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе”*, члены комиссіи рѣшили потребовать отъ Фишера изъясненія, „какая была его цѣль при подачи оной бумаги“, изъ которой не видно, *“чего онъ проситъ отъ совѣта”*. При утвержденіи этого постановленія, Эрихъ, желая быть послѣдовательнымъ, прибавилъ, что, не присутствуя въ засѣданіи 8-го іюня, на которое „во всей этой статьѣ дѣлаются ссылки, онъ не можетъ участвовать въ оныхъ разсужденіяхъ“ ¹⁾.

Во время этихъ недоразумѣній съ Фишеромъ, въ засѣданіи совѣта 18 іюня было заслушано заявленіе Яковкина, что казенные ученики Балясниковъ 1-й и Пафомовъ, вопреки запрещенію, самовольно ушли въ театръ. Совѣтъ, выдѣляя этотъ поступокъ „отъ множества безпорядковъ, оказавшихся въ концѣ управленія Фишера“, опредѣлилъ объявить въ собраніи всѣхъ учениковъ объ арестѣ на мѣсяцъ Балясникова 1-го и Пафомова „внутри гимназическаго дому“, съ предупрежденіемъ, „что впередъ за подобный поступокъ всякій будетъ лишенъ немедленно казеннаго содержанія“, причемъ въ аттестатѣ учениковъ, замѣченныхъ раньше „въ дерзкомъ ослушаніи противъ начальства“ будетъ сдѣлана отмѣтка *“объ ихъ развратномъ поведеніи, а въ газетахъ будетъ опубликовано о совершенномъ исключеніи и изгнаніи ихъ изъ гимназій”*. При этомъ совѣтъ поручилъ Яковкину объявить ученикамъ, что въ виду важности ихъ проступковъ 4-го, 6-го и 8-го іюня, „презшедшихъ всякое чаяніе“, совѣтъ, не снесшись сперва съ попечителемъ округа, „не объявлялъ и не можетъ объявить ни мѣры вины существенно виновныхъ, ни степени наказанія, если кто заслужитъ его“ ²⁾. Заявленіе это, конечно,

¹⁾ Тамъ же, л. 16 и 17а.

²⁾ Дѣло о безпорядкахъ 1804 г. л. 29 и 39а.

способствовало совершенному успокоенію воспитанниковъ, о чемъ мы уже говорили ¹⁾).

Между тѣмъ „комитетъ“, окончивъ слѣдствіе о беспорядкахъ, 20 іюня донесъ о результатѣ своихъ занятій совѣту ²⁾, представивъ при этомъ обстоятельную „выписку обо всѣхъ произшествіяхъ“ и относящіяся къ нимъ документы ³⁾. По заслушаніи этой выписки въ засѣданіи 21 іюня, совѣтъ въ тотъ же день особымъ рапортомъ (№ 128) донесъ попечителю, какъ о томъ, что ученики „болѣе двухъ сутокъ буянили безпрепятственно“, такъ равно и о мѣрахъ, принятыхъ для прекращенія беспорядковъ ⁴⁾. Донесеніе членовъ комитета опредѣлено было препроводить къ Румовскому въ копіи, съ объясненіями Лихачева, относящимися къ его отказу на просьбу Княжевпча, къ поведенію учениковъ во время обѣденнаго стола 8-го іюня и къ характеристикѣ бездѣятельности Фишера при беспорядкахъ ⁵⁾. При этомъ совѣтъ, донося попечителю о возставленіи „между учениками порядка и тишины“, опредѣлилъ сообщить о постановленіяхъ, принятыхъ совѣтомъ въ засѣданіи 8-го іюня, а также о томъ, „что г. главный надзиратель вмѣсто обѣщаннаго прошенія объ увольненіи подалъ совѣмъ въ другомъ смыслѣ представленіе, въ которомъ между прочимъ утверждаетъ, что какимъ-то страннымъ образомъ побудили его подписать свое увольненіе“ ⁶⁾.

Въ день засѣданія 21 іюня получены были и „требуемые отвѣты“ отъ Фишера по ордеру совѣта отъ 17 іюня (№ 127). Называя поступокъ съ нимъ совѣта по прежнему

¹⁾ См. выше, стр. 57—58.

²⁾ Дѣло о беспорядкахъ, л. 32а.

³⁾ «Выписка» эта, сохранившаяся въ подлинникѣ, раздѣлена на семь отдѣловъ, разобранныхъ выше (стр. 52 и слѣд.). Какъ видно, члены совѣта придавали особенно важное значеніе возложенному на нихъ порученію, такъ какъ въ свою «выписку» внесли мѣстами дословно не только показанія лицъ, причастныхъ «дѣлу», но, en toutes lettres, и «выраженія, оскорбительныя для благопристойности, дабы сохранить всю точность въ повѣствованіи...» (л. 36а прим.).

⁴⁾ Тамъ-же, л. 32.

⁵⁾ См. выше, стр. 53—54.

⁶⁾ Дѣло о беспорядкахъ, л. 31 и 32а.

„скорымъ“ и указывая на то, что „директору легче обвинять другаго, чѣмъ оправдать себя“—Фишеръ снова сваливаетъ вину на начальство гимназіи, отъ котораго онъ не получалъ распоряженій на свои донесенія. Оскорбительный для благопристойности поступокъ чиновника Михайлова съ питомцами поставилъ, по мнѣнію Фишера, все дѣло внѣ круга его обязанности. О другихъ серьезныхъ проступкахъ учениковъ, какъ наприм., о покражѣ часовъ у г. Делакура воспитанникомъ Савиничемъ, о покражѣ ящичка у младшаго Трофимова, произведенной младшимъ Анкудиновымъ, объ изрѣзанной Протоповымъ постели надзирателя Ридера—Фишеръ сообщалъ директору; происшествіе же съ надзирателемъ Лапшинымъ, портретъ котораго былъ изрѣзанъ неизвестно кѣмъ—случилось во время двухдѣльной Фишера болѣзни, послѣ чего онъ былъ удаленъ отъ должности. Противорѣчія и несообразности въ принятіи мѣръ укрощенія воспитанниковъ главный надзиратель видитъ въ томъ, что Лихачевъ и Яковкинъ безъ его вѣдома разрѣшали отпуска такимъ ученикамъ, которымъ онъ отказывалъ въ этомъ. Что касается до „сатиръ и пасквилей, бросающихъ столь черную тѣнь на особу директора“—то рукописная сатира была вручена Лихачеву секретаремъ совѣта и предана въ конторѣ сожженію самимъ директоромъ въ присутствіи Фишера и другихъ чиновниковъ; пасквили же на директора появились „на стѣнахъ верхнихъ и нижнихъ покоевъ“; Лихачеву это было хорошо извѣстно, но онъ, какъ указывалось въ предыдущей бумагѣ, уклонился „по извѣстнымъ мотивамъ“, отъ розысковъ виновныхъ. Не оставилъ Фишеръ безъ вниманія и сдѣланнаго ему въ ордерѣ запроса: „какимъ *страннымъ* образомъ совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе“? Онъ утверждаетъ, что объявленіе объ увольненіи, сдѣланное ему Яковкинымъ, въ засѣданіи 8-го іюня, слѣдуетъ признать не *страннымъ*, а „*необыкновеннымъ*“, такъ какъ слово *sonderbar*, употребленное Фишеромъ въ рапортѣ совѣту 16 іюня, неправильно переведено Карташевскимъ и означаетъ болѣе нежели „странный“ или „непонятный“¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ Фишеръ недовѣрялъ точности перевода Карташевскаго, то изложенные «отвѣты» его переведены учителемъ высшаго нѣмецкаго класса Мельхиоромъ Вильфингомъ.

Въ концѣ своихъ „отвѣтовъ“ Фишеръ проситъ совѣтъ „ввѣрить ему опять на время отправленіе должности“ и представить объ его послѣднія бумага „куратору“¹⁾.

Новыя объясненія и претензіи Фишера были очень непріятны Лихачеву; оправдывая себя, главный надзиратель причину беспорядковъ и разпущенности между учениками видѣлъ въ бездѣятельности директора, и въ томъ, что Лихачевъ не пользовался уваженіемъ среди питомцевъ, которые безнаказанно оскорбляли его анонимными письмами и пасквилями. Обвиненія Фишера могли сильно дискредитировать Лихачева во мнѣніи начальства и потому онъ не оставилъ ихъ безъ возраженій. Въ засѣданіи совѣта 25 іюня, въ которомъ были заслушаны „отвѣты“ Фишера, Лихачевъ заявилъ, что щадя его дѣла и состояніе, „фамиліей довольно отягощенное“—онъ, до засѣданія 8-го іюня, не заявлялъ публично въ совѣтъ „о неспособности главнаго надзирателя къ его должности“—но по поводу „частыхъ несправностей въ воспитаніи перѣдко дѣлалъ ему выговоры“. Указанные Фишеромъ случаи открытія виновныхъ, составляютъ „весьма малую часть беспорядковъ, происходившихъ между учениками“. Наказанія назначались директоромъ всегда соразмѣрно проступкамъ воспитанниковъ; о лишенныхъ же отпуска Фишеръ никогда не допосылъ и самъ не соблюдалъ никакихъ правилъ въ примѣненіи этого взысканія. Наконецъ, относительно сатиръ и пасквилей, Лихачевъ заявилъ, что пакетъ, адресованный на имя директора „поддѣланной рукой и монетою запечатанный“, не былъ вскрытъ, а немедленно, по совѣту секретаря, сожженъ. „Какъ можетъ Фишеръ, спрашиваетъ Лихачевъ, называть такое, неизвѣстнаго содержанія, письмо сатирой, на лицо того, кому оно адресовано? съ равнымъ правомъ можно бы сказать, что это была на него самого сатира“. О пасквиляхъ никогда не производилось никакого слѣдствія, при томъ же, заключаешь директоръ, всѣ приводимыя здѣсь Фишеромъ указанія не имѣютъ отношенія къ слѣдственнымъ имъ „упущеніямъ по должности“. И совѣтъ, съ своей стороны, не преминулъ указать, что Фишеръ не далъ отвѣта на предложенный ему въ ордерѣ вопросъ: „какимъ страннымъ образомъ совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе“? Непонятнымъ, въ глазахъ

¹⁾ Дѣло о беспорядкахъ, л. 43 п 49а.

совѣта, является утвержденіе Фишера, что въ случаѣ обиды ученика постороннимъ лицомъ— „главный надзиратель можетъ освободить себя отъ соблюденія порядка между дѣтьми и дозволить имъ все дѣлать“, не смотря на то, что у главнаго надзирателя имѣется достаточно средствъ для удержанія воспитанниковъ въ повиновеніи. О своемъ увольненіи заявилъ самъ Фишеръ въ засѣданіи 8-го іюня и указавіе на неправильность перевода, въ которомъ говорится объ этомъ увольненіи, не можетъ, по мнѣнію совѣта, имѣть значенія, такъ какъ переводъ рапорта, сдѣланный Карташевскимъ, былъ одобренъ самимъ Фишеромъ. Въ заключеніе совѣтъ постановилъ: препроводить вмѣстѣ съ объясненіями Лихачева обѣ бумаги Фишера попечителю, и, изложивъ образъ дѣйствій главнаго надзирателя—просить указанія: долженъ ли Фишеръ оставаться на своемъ мѣстѣ или его должность слѣдуетъ поручить другому? При этомъ совѣтъ счелъ нужнымъ указать, что, при чтеніи „новаго объясненія“ Фишера, составленнаго „въ выраженіяхъ, подчиненному противъ начальства непозволительныхъ“—Эрихъ заявилъ, „что не хочетъ брать участія ни въ какомъ дѣлѣ, касающемся Фишера“, такъ какъ не участвовалъ въ засѣданіи 8 іюня, когда Фишеръ объявилъ о своемъ увольненіи. Въ виду этого, „совѣтъ, опасаясь, чтобы впредь тотъ же членъ или другіе не отказывались подъ слабыми предлогами отъ рѣшенія дѣлъ, и предвидя многія замѣшательства отъ сего“—просилъ также попечителя: „снабдить совѣтъ предписаніемъ для предупрежденія такихъ случаевъ“¹⁾.

Послѣ этого представленія Румовскому, бумажная перестрѣлка между Фишеромъ и совѣтомъ временно прекратилась. Утомленные взаимными пререканіями обѣ стороны примолкли, въ ожиданіи „начальственныхъ указаній“ изъ Петербурга. Близилось время „публичнаго акта“—въ первыхъ числахъ іюля²⁾—когда 28 іюня въ совѣтъ поступило прошеніе Лёвкина, въ которомъ онъ, указывая на „скромное и послушное поведеніе питомцевъ и чиновниковъ по части надзиранія и на возстановленный порядокъ“—проситъ „поручить должность главнаго надзирателя, кому заблагодарсуждено будетъ, дру-

¹⁾ Дѣло о безпорядкахъ, л. 50—51. Копія рапорта совѣта Румовскому (28 іюня № 137) сохранилась тамъ же, л. 52—53.

²⁾ Аксакъвъ II, стр. 143.

тому". „Случающіеся мнѣ припадки, писалъ Яковкинъ, ошущаемая слабость въ тѣлѣ, опалость, унылость и бѣдность лица моего, уповаю, послужатъ почтенному совѣту убѣдительношми свидѣтелями необходимости сей моей просьбы“... Заявленіе это было большой неожиданностью для членовъ совѣта и самъ Яковкинъ, какъ видно, медлилъ съ своимъ отказомъ отъ должности главнаго надзирателя: прошеніе было написано 21 іюня, а официально подано въ совѣтъ только 28 числа ¹⁾. Яковкинъ, можно догадываться, откладывалъ дѣло не безъ умысла: онъ ожидалъ исхода пререканій между Лихачевымъ и Фишеромъ и убѣдившись, что оба они въ достаточной степени дискредитировали себя предъ начальствомъ и что поэтому оставленіе ими своихъ должностей должно послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ—онъ настоялъ предъ Лихачевымъ дать официальный ходъ его прошенію, въ полной увѣренности, что вынужденный обстоятельствами совѣтъ будетъ снова просить его не отказываться отъ должности главнаго надзирателя и тѣмъ содѣйствовать его дальнѣйшимъ успѣхамъ въ глазахъ Румовскаго. Пользуясь благоприятнымъ случаемъ, Яковкинъ стремился выставить себя лишній разъ человѣкомъ необходимымъ для завѣдыванія гимназіей, чтобы тѣмъ исподволь пролагать себѣ путь къ директорскому мѣсту. Разсчеты оправдались. Когда 28 іюня было заслушано въ совѣтѣ прошеніе Яковкина, то Запольскій и Карташевскій, убѣждая „не полагаться на наружный видъ спокойствія и порядка между воспитанниками“, предложили просить инспектора не оставлять должности главнаго надзирателя, Лихачевъ же заявилъ, что онъ „въ силу положенія“ препоручилъ уже эту обязанность старшему комнатному надзирателю Попову. Такъ какъ остальные члены (кромѣ Эриха) въ совѣтѣ не присутствовали, то Карташевскій и Запольскій, не соглашаясь съ распоряженіемъ директора, просили извѣстить о происшедшей перемѣнѣ попечителя, записать ихъ „голоса“ въ протоколъ, „а въ будущихъ засѣданіяхъ, когда сойдется большее число членовъ“, вторично рассмотреть возбужденный вопросъ. Лихачевъ остался при прежнемъ рѣшеніи относительно замѣщенія должности главнаго надзирателя; Эрихъ же, сославшись на протоколъ 25 іюня, отъ подачи голоса отказался. Всѣ

¹⁾ Тамъ же, л. 54.

эти разногласія были очень наруку Яковкипу, такъ какъ выдвигали его предъ Румовскимъ, какъ человѣка, безъ котораго „постоянный порядокъ“ въ гимназіи не могъ быть надлежащимъ образомъ обезпеченъ ¹⁾.

Наступили каникулы, а съ ними и затишье въ жизни гимназіи: засѣданія совѣта временно превратились. По словамъ Аксакова, сначала думали, что дѣло о волненіи среди учениковъ „не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но очень ошиблись“ ²⁾. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ совѣтѣ Казанской гимназіи были получены три предложенія Румовскаго въ отвѣтъ на донесенія о безпорядкахъ въ гимназіи и недоразумѣніяхъ совѣта съ Фишеромъ, Эрихомъ и Вильфингомъ ³⁾. По заслушаніи этихъ бумагъ въ засѣданіи 3 августа, происходившемъ въ отсутствіе Лихачева, совѣтъ, относительно перваго предложенія попечителя (30 іюня № 101), въ которомъ одобрялись мѣры, принятыя совѣтомъ для прекращенія безпорядковъ и предлагалось оставить за Яковкинымъ должность главнаго надзирателя до окончанія слѣдствія—опредѣлили: „о прочемъ взять къ свѣдѣнію“ и просить инспектора продолжать исправленіе обязанностей главнаго надзирателя. Но Яковкинъ заупрямился. Ссылаясь на то, что слѣдствіе о безпорядкахъ окончено, онъ отказался принять снова должность главнаго надзирателя, порученную Лихачевымъ Попову; тогда совѣтъ постановилъ: „оставить рѣшительное опредѣленіе о семъ предметѣ до пріѣзда правящаго должность директора“; однако Яковкинъ, отвергавшій, очевидно, авторитетъ Лихачева въ возникшемъ недоумѣніи, отказался подписать и это заключеніе совѣта ⁴⁾. Во второмъ предложеніи (11 іюля № 107) Румовскій требовалъ отъ совѣта доставленія свѣдѣній „о дерзостихъ каждаго воспитанника, оказавшагося въ безпорядкахъ, чрезъ двоихъ сутки продолжавшихся“, а также—сообщенія ему объясненій совѣта на пункты представленія Фишера; кромѣ того совѣту вмѣнялось въ обязанность истре-

¹⁾ Тамъ же, л. 55.

²⁾ Семейная хроника, II, стр. 156—157.

³⁾ Копія этихъ предложеній сохранились въ томъ-же томѣ № 8-а (1804 г.) л. 57а, 58b, 61 и 62.

⁴⁾ Тамъ же, л. 57b.

бовать отъ Фишера письменное объясненіе его несочувствепнаго отношенія къ требованіямъ слѣдственнаго комитета, а отъ Вильфинга—письменнаго указанія причинъ, побудившихъ его отказаться отъ подписанія результатовъ слѣдствія. По поводу этихъ предложеній совѣтъ постановилъ: „назначить особое собраніе 5 августа“ для опредѣленія вины каждаго изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ воспитанниковъ и назначенія соотвѣтствующаго наказанія, а отъ Фишера и Вильфинга потребовать ордерами надлежащихъ объясненій, предписание же попечителя, относительно представленія совѣтомъ объясненій на замѣчанія Фишера, считать исполненнымъ, такъ какъ требуемыя объясненія препровождены куратору 23 іюня ¹⁾. Третье предложеніе Румовскаго (14 іюля № 108), заслушанное въ томъ же засѣданіи 3 августа, было особенно неприятно для нѣкоторыхъ членовъ совѣта. *„Въ гимназіи вселился родъ неповиновенія и отступленія отъ должности“*, писалъ попечитель. *„Дерзости воспитанниковъ относилъ я въ началъ пылкости юношества“*, продолжалъ Румовскій; *„но когда самыя члены совѣта иной не подписываютъ слѣдствія якобы за болѣзнь, иной присвоиваетъ себѣ право входить въ тѣ только разсужденія и дѣла совѣта, въ кои заблуждается; то заключить долженъ, что пренебреженіе должности и родъ независимости далье воспитанниковъ разпространились“*. Затѣмъ Румовскій требуетъ отъ совѣта копіи съ протокола засѣданія 8 іюня ²⁾, а отъ Фишера—объясненій по поводу несвоевременнаго сообщенія его Лихачеву о происшествіи 4 іюня, а также по поводу слѣланнаго Фишеромъ заявленія о *„несоотвѣтственныхъ цѣли и противорѣчащихъ мѣрахъ“*, принимаемыхъ директоромъ и инспекторомъ относительно нѣкоторыхъ учениковъ, причѣмъ попечитель предлагаетъ Фишеру объяснить, почему въ своемъ донесеніи совѣту онъ упомянулъ о сатирѣ на директора ³⁾? Не оставилъ Румовскій безъ вниманія и поведенія Эриха, но предложилъ

¹⁾ Тамъ же, листъ 53б. Копія «ордеровъ» совѣта, данныхъ Фишеру и Вильфингу (5 августа №№ 148 и 149) по предложенію Румовскаго, нѣются тамъ же, л. 59 и 60.

²⁾ См. выше, стр. 55.

³⁾ См. выше, стр. 63.

совѣту истребовать отъ него *письменный отвѣтъ*: „какое право имѣеть Эрихъ самопроизвольно отказываться въ совѣтъ отъ сужденія о дѣлахъ, до гимназій касающихся, будучи избранъ въ члены начальствомъ, и не объявляя письменно основательной причины, говорить только, что не хочетъ“. Указавъ на то, что причина, выставленная Эрихомъ (отсутствіе въ засѣданіи 8 іюня), „несогласна съ законами“ и что „никакая своевольная причина за законную принята быть не можетъ“ — Румовскій добавляетъ, что по полученіи отвѣта на свои требованія, онъ „дастъ наставленіе, что совѣтъ долженъ дѣлать, когда кто нибудь изъ членовъ въ пренебреженіе должности присвоитъ себѣ будетъ право входить въ разсужденія о тѣхъ только дѣлахъ, о какихъ заблагоразсудитъ“... Затѣмъ Румовскій спрашиваетъ, не извѣстятъ-ли его совѣтъ, кому принадлежитъ письмо на нѣмецкомъ языкѣ, найденное въ бумагахъ отъ 28 іюня, никѣмъ не подписанное, но почеркомъ сходное съ представленіями Фишера? Въ заключеніе попечитель выражаетъ „особливую благодарность“ Яковкину, „благорозуміемъ своимъ споспѣшествовавшему успокоенію волнующихся воспитанниковъ послѣ стола 6 іюня, вступая въ должность ушедшаго домой Фишера, видившаго произшествіе въ залѣ бывшее“. Совѣтъ постановилъ: потребовать „ордерами скорыхъ отвѣтовъ“ отъ Эриха и Фишера, запросивъ притомъ послѣдняго, „не писалъ ли онъ того письма, о которомъ говоритъ Его Превосходительство“? ¹⁾

„Особливое собраніе“ совѣта, назначенное предварительно на 5 августа было отложено, за неприбытіемъ Лихачева, и состоялось, при полномъ числѣ членовъ, 10 того же мѣсяца ²⁾. Въ засѣданіи прежде всего были заслушаны письменные отвѣты Фишера, Вильфинга и Эриха ³⁾. Фишеръ оправдывался тѣмъ, что 4 и 5 іюня онъ вмѣстѣ съ комматнымъ надзи-

¹⁾ Копія этихъ ордеровъ (5 августа № 150 и 151) имѣются въ дѣлѣ л. 63 и 64.

²⁾ Тамъ же, л. 65а, 67б и 82.

³⁾ Копія отвѣтовъ Вильфинга и Фишера (послѣдній въ переводѣ Карташевскаго) сохранились тамъ же, л. 65 и 67; отвѣтъ Эриха, «по причинѣ скорописной руки» составителя (л. 68а), былъ посланъ Румовскому въ копіи и имѣется при дѣлѣ въ подлинникѣ (л. 66). Это едва-ли не единственный, дошедшій къ намъ собственноручный рапортъ старика Эриха, перваго представителя по кафедрѣ классической филологіи въ Казанскомъ университетѣ.

рателемъ Поповымъ старался открыть „зачинщиковъ безпорядка“ и потому о происшествіи могъ донести директору только 6 іюня, но отъ него онъ не получилъ никакихъ указаній, „какъ поступить“, а самъ директоръ не принялъ мѣръ для предупрежденія волненій. Далѣе Фишеръ заявлялъ, что онъ неоднократно жаловался директору на отпуски, предоставляемые питомцамъ, безъ его, главнаго надзирателя, вѣдома, анонимное же письмо на имя директора онъ назвалъ „сатирой“ изъ словъ секретаря, который совѣтовалъ сжечь пакетъ, утверждалъ, „что это вѣроятно была сатира“. Догадываться объ этомъ, по мнѣнію Фишера, возможно тѣмъ болѣе, „что послѣ сего письма стѣны были измараны пасквилями“ на директора, категорическій вопросъ котораго о сатирахъ и пасквиляхъ и заставилъ Фишера для собственнаго оправданія упомянуть о приведенномъ фактѣ. Письмо безъ подписи было вложено вслѣдствіе послѣдственности—копія вмѣсто оригинала—и объ этомъ Фишеръ просилъ извиненія у попечителя „съ слѣдующей почтой“. По заслушаніи этого, совѣтъ объяснилъ, что первый пунктъ заявленія Фишера не согласенъ съ показаніемъ комнатнаго надзирателя Попова, записаннымъ въ протоколѣ слѣдствія о безпорядкахъ и главный надзиратель обязанъ былъ немедленно донести по начальству о происшествіи. Лихачевъ заявилъ, что онъ никогда не слышалъ отъ Фишера жалобъ на отпуски учениковъ, что подтвердилъ Яковкинъ, по словамъ котораго, „правлящій должность директора никогда почти не мѣшался“ въ это дѣло. Карташевскій удостоверялъ, что онъ никогда не отождествлялъ анонимный пакетъ съ сатирой на Лихачева. Ссылка Фишера на пасквили на стѣнахъ совершенно неосновательна: пасквили появились зимою, анонимное же письмо—лѣтомъ, что, по мнѣнію Карташевскаго, исключаетъ возможность тѣсной связи между двумя фактами. Фишеръ первый началъ говорить о сатирахъ „и всѣ видѣли, въ кого онъ мѣтитъ“. Поэтому правящій должность директора, „желая знать, какъ пришелъ онъ къ сей матеріи, спросилъ его, развѣ ему было препоручено найти сочинителей тѣхъ сатиръ? Ибо иначе не было поводу говорить объ нихъ“. Тогда Фишеръ отвѣтилъ, „что онѣ дѣйствительно были на его (директора) лицо“. Но такого отвѣта „заключаетъ совѣтъ, никто отъ него не требовалъ. Поэтому Фишеръ не имѣетъ права утверждать, что только вопросами директора вынуж-

день онъ былъ упомянуть о сатирахъ и пасквиляхъ. Наконецъ совѣтъ счелъ нужнымъ заявить, что главный надзиратель не являлся въ комитетъ безъ уважительной причины, не смотря „на неоднократныя приглашенія“ ¹⁾).

Отвѣты Эриха и Вильфинга были короче, но основательнѣе объясненій Фишера. Эрихъ заявилъ, что въ дѣлахъ гимназій, „до ученой части“ касающихся, онъ всегда принималъ участіе; въ дѣлѣ же Фишера, не принадлежащемъ „къ ученой части“, онъ, какъ „не занимающійся судопроизводствомъ“, отъ разсужденій уклонился, но просилъ совѣтъ представленія Фишера препроводить попечителю. Объясненія Вильфинга сводились къ тому, что онъ только одинъ изъ трехъ членовъ комитета присутствовалъ на всѣхъ „слѣдственныхныхъ засѣданіяхъ“, причемъ „окончательныя бумаги“ комитета подписывалъ собственноручно. Уже въ послѣднемъ засѣданіи онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, но досидѣлъ до конца, а затѣмъ донесъ совѣту объ усилившейся болѣзни, длившейся двѣ недѣли. Если бы совѣтъ счелъ нужнымъ, чтобы выписка къ попечителю была имъ, Вильфингомъ, подписана, то онъ могъ бы сдѣлать это и дома во время болѣзни, но онъ и теперь остается при мнѣніи, что къ попечителю слѣдовало препроводить копію слѣдствія, а не выписку. Такъ какъ Румовскому не сообщено, что всѣ „подлинники комитетскихъ бумагъ“ Вильфингомъ подписаны, то онъ проситъ настоящее объясненіе препроводить попечителю. Совѣтъ, принявъ безъ возраженій объясненіе Эриха, относительно заявленія Вильфинга замѣтилъ, что инспекторъ болѣлъ два дня, „а упражненія 3-го члена начались однимъ членомъ, а окончились другимъ, но не прерывались“. О своей болѣзни Вильфингъ не заявлялъ официально. Но даже „при самой доказанной болѣзни“ невозможно было бы послать все дѣло надомъ для подписи, „ибо краткость времени, оставшагося до окончанія пріема на почтѣ, не позволяла сдѣлать этого“. „Совѣтъ не могъ послать всей кучи документовъ при слѣдствіи собранныхъ: ибо ни съ чѣмъ не сообразно затруднять главнаго начальника составленіемъ выписки“. Будучи въ послѣднемъ засѣданіи, Вильфингъ „не охуждалъ“ выписки и

¹⁾ Тамъ-же, л. 67b и 68a.

не возражалъ противъ представленія ея попечителю ¹⁾. При подписаніи этихъ постановленій и объясненій совѣта, препровожденныхъ къ Румовскому особымъ рапортомъ (15 августа № 164), Эрихъ замѣтилъ: „Какъ дѣло мое не кончено еще Его Превосходительствомъ, то, миновавъ представленіе фонъ Фишера, подписуюсь за прочіе пункты“ ²⁾.

Въ томъ-же засѣданіи, послѣ вторичнаго прочтенія приведеннаго выше предложенія Румовскаго отъ 30 іюня (№ 101), Яковкинъ, съ согласія всѣхъ присутствующихъ членовъ, снова вступилъ въ должность Фишера, Попову же, исполнявшему обязанности главнаго надзирателя во время ваникулъ, предложено ордеромъ (30 авг. № 160), „чтобъ онъ опять зналъ только свою комнату“ ³⁾.

Послѣднимъ пунктомъ продолжительнаго совѣщанія 10-го августа было опредѣленіе вины и степени наказанія воспитанникамъ, принимавшимъ участіе въ беспорядкахъ. Къ намъ не дошли подробности изъ разсужденій членовъ совѣта по этому вопросу, но изъ сохранившагося въ дѣлѣ опредѣленія ⁴⁾ видно, что рѣшеніе состоялось преимущественно на основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдственной комиссіей, причемъ совѣтъ принималъ во вниманіе, какъ „качество вины, характеръ и отношеніе виновнаго къ обиженному“, такъ и увлеченіе „по вѣтренности возраста и легкомыслію“. Наказаніямъ подверглись „девять питомцевъ казеннаго содержанія“. Княжевичъ 1-й, Пафомовъ, Крыловъ и Алехинъ 1-й были исключены изъ числа воспитанниковъ, причемъ Княжевичу 1-му и Пафому, „какъ главнымъ зачинщикамъ всякаго беспорядка“, опредѣлено было: „прописать имянно причину изъ-мненія“. Балясниковъ 1-й, Кузьминскій и оба Петровы—были подвергнуты „строгому аресту въ продолженіи цѣлой недѣли“, съ предупрежденіемъ, что при новомъ ослушаніи они „под-

¹⁾ Тамъ же, л. 68.

²⁾ Тамъ же, л. 68b и 69.

³⁾ Тамъ же, л. 81a, гдѣ, между прочимъ, въ ордерѣ, данномъ Попову прописано, «что избраніе его со стороны правящаго должностъ директора, чтобъ быть въ продолженіе вакаціи главнымъ надзирателемъ, должно служить для него новымъ побужденіемъ къ отличію себя въ дѣятельности и усердіи по своей должности, чего и будетъ ожидать отъ него совѣтъ».

⁴⁾ Тамъ же, л. 82.

вергнуть себя тому же наказанію, которое назначается для Пафомова и Княжевича“. Навонецъ, Упадышевскому былъ назначенъ арестъ на три дня. Донося объ этомъ постановленіи Румовскому особымъ рапортомъ (15 августа № 168) ¹⁾, со-вѣтъ прибавилъ, „что въ исключаемыхъ, кромѣ Княжевича, охота въ ученію въ послѣднюю половину прошлаго курса примѣтно уменьшилась и они явно обнаруживали желаніе свое оставить гимназію“.

Въ архивныхъ документахъ мы не находимъ дальнѣйшихъ указаній на мѣропріятія совѣта относительно гимназическихъ безпорядковъ: постановленія 10-го августа были послѣдними въ этомъ родѣ и окончательное ихъ утвержденіе, какъ увидимъ ниже, послѣдовало уже со стороны петербургскаго начальства. Но въ „Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ“ современника описываемыхъ событій, С. Т. Аксакова, имѣется пространное указаніе на то, что директоръ, сообщивъ вышему начальству о происшедшемъ „и по чьему-то совѣту войдя въ сношенія съ губернаторомъ, принялъ слѣдующія мѣры: черезъ нѣсколько дней, во время обѣда, вдругъ вошли въ залу солдаты съ ружьями и штыками, вслѣдъ за ними появился губернаторъ и директоръ. Послѣдній вызвалъ по именамъ шестнадцать человѣкъ изъ высшаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, старшаго Княжевича, и подъ прикрытіемъ вооруженныхъ солдатъ приказалъ отвести ихъ въ карцеръ. Всѣ остальные были поражены ужасомъ и мертвая тишина царствовала въ залѣ. У всѣхъ наружныхъ дверей гимназій было поставлено по два солдата съ ружьями и штыками; у дверей карцера стояло четверо. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого печальнаго событія, повѣствуетъ дальше Аксаковъ, пришелъ я первый разъ по возвращеніи съ вакаціи, или правильнѣе сказать изъ Кошачкова, въ свой высшій осиротѣвшій классъ, гдѣ встрѣтили меня, сейчасъ разсказанною мною, повѣстью. Тутъ сдѣлалось мнѣ понятно, отчего разумный мой наставникъ ²⁾ сначала не позволилъ мнѣ ходить въ классы, а потомъ увезъ меня въ деревню. Безъ всякаго сомнѣнія, я былъ бы однимъ изъ са-

¹⁾ Копія рапорта, въ который вошли и прочія постановленія совѣта въ засѣданіи 10 августа, сохранилась въ томъ же томѣ, л. 83 и 84б.

²⁾ Здѣсь разумѣется Каргашевскій, у котораго Аксаковъ жилъ въ то время пансіонеромъ (Сем. Хроника II, стр. 135 сл.).

мыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи¹⁾.

Изъ словъ автора „Семейной Хроники и Воспоминаній“, а также изъ предшествующаго его разсказа о пріѣздѣ 15 августа въ Казань изъ села Аксакова²⁾—слѣдуетъ несомнѣнно, что принятіе Лихачевомъ описанныхъ выше „мѣръ“ относится къ началу учебнаго полугодія послѣ лѣтнихъ каникулъ. Поводомъ къ репрессаліямъ послужила, по всей вѣроятности, возможность новыхъ беспорядковъ, обусловленная сдѣлавшимся извѣстнымъ въ гимназій постановленіемъ совѣта 10 августа, относящимся къ опредѣленію наказанія виновнымъ воспитанникамъ. Собравшіеся „по возвращеніи съ вакаціи“, питомцы старшаго класса затѣвали новое волненіе и лишенный всякаго нравственнаго вліянія въ гимназій Лихачевъ, одна внѣшность котораго вызвала отвращеніе въ воспитанникахъ³⁾—рѣшилъ замѣнить моральное воздѣйствіе грубой силой „ружей и штыковъ“. Какъ долго продолжалось заточеніе шестнадцати упомянутыхъ въ „Семейной Хроникѣ“ воспитанниковъ, мы не знаемъ, такъ какъ Лихачевъ, судя по имѣющимся даннымъ, не доносилъ о своихъ мѣропріятіяхъ ни совѣту, ни попечителю. Трудно, однако, допустить, что бы арестъ пигомцевъ длился до ноября мѣсяца, когда въ гимназій было получено рѣшеніе высшаго начальства объ участи виновныхъ; какъ мѣра устрашенія—заключеніе въ карцерѣ могло ограничиться нѣсколькими днями, но „солдатскіе караулы“ и „осадное положеніе“ поддерживались въ гимназій до совершеннаго прекращенія дѣла о беспорядкахъ⁴⁾. Выраженіе Аксакова—„осиротѣвшій классъ“—несомнѣнно указываетъ на то, что подвергнутые аресту не допускались одно время на уроки. „Мѣры“ достигли своей цѣли; съ началомъ новаго

¹⁾ Сем. Хроника, II стр. 157.

²⁾ Аксаковъ II, стр. 153.

³⁾ Тамъ же, стр. 154: «...директоръ гимназій, Лихачевъ, былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ каррикатурную наружность, не внушавшую расположенія; между прочимъ, нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы. Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его»...

⁴⁾ Тамъ же, стр. 158.

учебнаго года тишина воцарилась въ гимназіи и трусливый не въ мѣру Лихачевъ могъ спокойно ожидать подъ охраной „солдатскаго караула“ предписаній начальства.

Но ожидаемыя предписанія пришли не скоро. Получивъ рапортъ отъ 15 августа, Румовскій увѣдомилъ совѣтъ (6 октября № 203), что, „не хотя самъ собою положить рѣшенія“, онъ препроводилъ все дѣло о безпорядкахъ на заключеніе Главнаго Училищъ Правленія ¹⁾. Последнее постановило: учениковъ—*Княжевича* 1-го и *Пафомова*, „какъ главныхъ виновниковъ безпорядка, мноія противъ начальства оказавшихъ дерзости, въ примѣръ другимъ, наказавъ недѣльнымъ арестомъ“, а *Крылова* 1-го и *Алехина*, трехдневнымъ „подъ крѣпкою стражею содержаніемъ“—исключить всѣхъ четверыхъ изъ гимназіи; *Баласникова*, *обоихъ Петровыхъ*, *Унадышевскаго*—„наказавъ чрезъ три дня строгимъ арестомъ“—рѣшено было оставить въ гимназіи „для ихъ отличныхъ способностей“, объявивъ имъ, „что если они впредь окажутся въ подобныхъ дерзостяхъ, то будутъ также исключены изъ гимназіи“ ²⁾. Изъ этого видно, что, сравнительно съ опредѣленіемъ совѣта, Главное Училищъ Правленіе усилило наказаніе первымъ четверемъ воспитанникамъ, которые, сверхъ того, по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія, были исключены „безъ аттестатовъ“. Нѣсколько смягчено было наказаніе *Баласникову* и *Петровымъ*, *Кузьминскій* же, подвергнутый совѣтомъ недѣльному аресту, очевидно, былъ прощенъ, такъ какъ имени его нѣтъ въ опредѣленіи Правленія ³⁾. Къ представленію Румовскаго о *Фишерѣ*, *Эрихѣ* и *Лихачевѣ* Главное Училищъ Правленіе отнеслось весьма строго. *Фишеръ*, будучи признанъ „или неспособнымъ къ занимаемой имъ должности или по старости недѣтельнымъ“, былъ „отставленъ“ отъ своихъ обязанностей. *Эриху*, отказавшемуся „самовольно и безъ основа-

¹⁾ Копія предложенія Румовскаго совѣту нѣтъ въ дѣлѣ л. 85, но съ ошибочной пометкой 3 октября (вм. 6).

²⁾ Копія съ копіи выписки журнала Главнаго Училищъ Правленія отъ 6 октября 1804 г. статья 11 № 522 (тамъ же, л. 86а).

³⁾ Къ числу исключенныхъ *Аксаговъ* (*Сем. Хр. II, 157*) присоединяетъ и *Сыромятникова*, но это несомнѣнный lapsus memoriae, такъ какъ такого ученика не было въ ту пору въ гимназіи.

тельной причины от сужденія по поданному от Фишера объясненію—предложено было „въ совѣтъ учинить строгій выговоръ и объявить, что ежели кто впредь окажется подобное неповиновеніе, таковой, какъ ослушникъ, исключенъ будетъ изъ гимназій“¹⁾. Что касается Лихачева, то, не смотря на „должную справедливость“, отданную ему въ представленіи Румовскаго Главному Училищъ Правленію—послѣднее, „отнесши ему въ вину, что онъ допустилъ вкратсѣ дерзостямъ въ юношахъ, не принялъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ прекращенію зла сего и далъ ему усилиться, когда оно обнаружилось“—опредѣлило: „во избѣжаніе подобныхъ неустройствъ, удалить его отъ исправляемой имъ должности директора по гимназій“. вмѣстѣ съ этими постановленіями обязанности главнаго надзирателя и директора были поручены Яковкину²⁾.

Изложенныя предложенія попечителя и постановленія Главнаго Училищъ Правленія были получены въ Казани только 15 ноября и, разумѣется, произвели тяжелое впечатлѣніе на многихъ членовъ совѣта; Лихачевъ заболѣлъ, Фишеръ, смиренно выслушавъ распоряженіе высшаго начальства, вскорѣ затѣмъ получилъ „приличный аттестатъ“ (1 декабря № 240); торжествовалъ одинъ Яковкинъ; ожиданія его сбылись: соединяя въ своихъ рукахъ три должности—учителя, инспектора и главнаго надзирателя—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и главою учебнаго заведенія³⁾. По заслушаніи въ засѣданіи совѣта

¹⁾ Дѣло о безпорядкахъ etc. № 8-а (1804 г.) л. 86.

²⁾ Тамъ же, л. 85 и 86b.

³⁾ Тамъ же, л. 85-а и 87.—Лихачевъ подалъ прошеніе объ увольненіи «за слабостью здоровья» немедленно—16 ноября 1804 г.—и получилъ отставку 10 декабря того же года. Но аттестатъ о службѣ, съ указаніемъ на то, что «должность свою онъ исправлялъ съ усердіемъ и прилежаніемъ»—былъ выданъ Лихачеву только чрезъ два года, вслѣдствіе того, что при сдачѣ имъ гимназическаго имущества и подрядовъ, заключенныхъ въ бытность его директоромъ, Яковкинъ усмотрѣлъ упущенія и недочеты, вызвавшіе особую переписку между Конторою гимназій, Румовскимъ и нѣкоторыми правительственными учрежденіями Казани. Дѣло затянулось и аттестатъ о службѣ былъ полученъ Лихачевымъ только въ концѣ октября 1806 г., причемъ, однако, онъ лишился причитающагося ему жалованья по гимназій съ 1 октября по 10 декабря 1804 г. и на вмѣніе его въ Казанской губерніи было наложено запрещеніе въ обезпеченіе недоимки по

16 ноября предписаній начальства, ихъ объявили ученикамъ ¹⁾. „Опять явился, пишетъ Аксаковъ ²⁾, „въ столовую залу губернаторъ, директоръ и весь совѣтъ, прочли бумагу, въ которой была объяснена вина возмущившихся воспитанниковъ, и сказано, что въ примѣръ другимъ восемь человекъ изъ высшаго класса, признанныхъ главными зачинщиками... исключаются изъ гимназiи безъ аттестаціи въ поведеніи ³⁾. Исключены были самые лучшіе ученики. Дмитрій Княжевичъ и Алексій считались краскою, славой гимназiи. По исполненіи приговора, которымъ всѣ были глубоко поражены и опечалены, вывели солдатскіе караулы изъ гимназiи и сняли осадное положеніе, которымъ мы очень оскорблялись“. Такъ печально окончилось надѣлавшее столько шума „Дѣло о безпорядкахъ между воспитанниками Казанской гимназiи“. Но прошло немного времени и пріупывшее „юное народонаселеніе гимназiи, по словамъ его бытописателя, ⁴⁾, стало забывать печальное событіе, опять зашумѣло, запѣло, запрыгало, захохотало—и жизнь понеслась впередъ, какъ будто ничего не бывало“.

Мы обстоятельно изложили ходъ дѣла о безпорядкахъ въ Казанской гимназiи, имѣя въ виду не только восполнить этимъ существенный пробѣлъ въ исторіи развитія внутренней жизни нашихъ средне-учебныхъ заведеній въ начальный періодъ ихъ существованія — но и охарактеризовать ту среду и обстоятельства, при которыхъ началась служебная дѣятельность старѣйшаго по времени назначенія казанскаго профессора. Заброшенный судьбою на далекій, едва обнаруживавшій первые проблески культурнаго развитія Востокъ европейской

подряду дровъ для гимназiи въ суммѣ 911 р. 16 коп. (*Архивъ Казанскаго универс.* 1804 г. № 56: Дѣло канцелярiи совѣта о увольненіи изъ гимназiи отъ должностей Лихачева и Фишера, л. 32—58 а).

¹⁾ *Дѣло о безпорядкахъ* (1804 г.) л. 87 б.

²⁾ *Семейная Хрон.* II стр. 157—158.

³⁾ Сообщеніе объ исключеніи 8 учениковъ безъ аттестаціи въ поведеніи — не точно, этому ограниченію подверглись только четверо изъ удаленныхъ (см. выше, стр. 75).

⁴⁾ *Аксаковъ* II стр. 158.

Россіи — одинокій Цеплинъ, свыкшійся съ жизнью интеллигентныхъ сферъ Германіи, Прибалтійскаго края и Петербурга, естественно долженъ былъ по своему пріѣздѣ въ Казань искать сближенія съ наиболѣе родственной ему по духу, стремленіямъ и задачамъ средой сослуживцевъ, особенно же съ членами тогдашняго совѣта гимназіи. Но здѣсь, за рѣдкими исключеніями, онъ встрѣчалъ прискорбное разочарованіе. Глава гимназіи—Лихачевъ, не будучи ни ученымъ, ни педагогомъ и не обладая качествами симпатичнаго человѣка — естественно не могъ привлечь къ себѣ расположенія Цеплина, въ глазахъ котораго онъ былъ только чиновникомъ, а не руководителемъ учебнаго заведенія. Хитрый, искательный характеръ Яковкина — не соотвѣтствовалъ прямому, открытому образу мыслей перваго казанскаго профессора. Минуя Левицкаго и Мельхиора Вильфинга, не выдававшихся сколько нибудь среди членовъ совѣта, Цеплинъ легче всего могъ сойтись съ Эрихомъ, фонъ Фишеромъ, Карташевскимъ. Воспитанникъ германскихъ университетовъ, Эрихъ, вмѣстѣ съ Фишеромъ, были главнѣйшими изъ представителей тогдашней нѣмецкой колоніи въ Казани и уже по одному чувству землячества могли разчитывать на дружественное къ нимъ отношеніе Цеплина. Какъ мѣстные жители, практически ознакомленные съ особенностями русской гимназіи, оба они были дороги Цеплину, какъ земляки и люди, имѣвшіе возможность поставить его au courant тогдашней казанской жизни и требованій гимназическаго режима. Благородный, энергичный характеръ Карташевскаго и его стремленія къ научному совершенствованію и развитію привлекали къ нему академически образованнаго Цеплина и сближеніе между ними, какъ можно заключить изъ повѣствованія современника, послѣдовало уже въ первые мѣсяцы ихъ совмѣстнаго служенія¹⁾; тогда же, вѣроятно, сошелся Цеплинъ и съ Запольскимъ, другомъ и землякомъ Карташевскаго. Возникшіе вслѣдъ за пріѣздомъ Цеплина безпорядки въ гимназіи и недоразумѣнія среди членовъ совѣта, вызывавшія естественно обмѣнъ мыслей въ гимназическихъ кружкахъ — могли только способствовать большему сближенію перваго казанскаго профессора съ симпатичной ему средой сослуживцевъ.

¹⁾ *Аксаковъ* II стр. 162—163.

Какъ относился Цеплинъ къ происходившимъ въ гимназiи неурядицамъ, мы, за отсутствiемъ положительныхъ данныхъ, можемъ судить только предположительно. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ слѣдуетъ прежде всего признать, что въ виду указаннаго выше сближенiя Цеплина съ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта, онъ не могъ быть вполне равнодушнымъ къ возникшимъ замѣшательствамъ и волненiямъ. Участiе въ безпорядкахъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ изъ лучшаго казанскаго общества вызывало много толковъ въ городѣ; исходомъ дѣла сильно интересовалась „нѣмецкая колонiя“, представители которой Эрихъ, Фишеръ и Мельхиоръ Вильфингъ подали поводъ къ особымъ о нихъ донесенiямъ попечителю. Къ сожалѣнiю, Цеплинъ съ самаго приѣзда въ Казань не принималъ официальнаго участiя въ функцiяхъ гимназической жизни. Учебныя занятiя его были отложены до августа, — а участiе въ засѣданiяхъ совѣта должно было послѣдовать только по открытiи университета. Еще въ первой половинѣ iюня совѣтъ просилъ предписанiя попечителя относительно участiя Цеплина въ совѣтскихъ засѣданiяхъ ¹⁾. Отвѣтъ Румовскаго (30-го iюня № 102) по этому поводу былъ заслушанъ въ совѣтѣ гимназiи только 3-го августа. Попечитель увѣдомлялъ, что „поелику всѣ дѣла въ совѣтѣ производятся на руссiйскомъ языкѣ, который г. Цеплину чуждъ“, то онъ находитъ неудобнымъ участiе Цеплина „въ упражненiяхъ совѣта до учрежденiя университета, но почитаетъ полезнымъ въ цѣлебныхъ случаяхъ спрашивать у него частно совѣта, особливо по предметамъ до его части относящимся“. По выслушанiи этого предписанiя, совѣтъ постановилъ: „*взять о семъ къ свѣдѣнiю и надлежащему исполненiю*“ ²⁾. Но „*потребные случаи*“, указанные Румовскимъ, не представлялись и официальное участiе Цеплина въ „упражненiяхъ совѣта“ послѣдовало не раньше февраля будущаго года. Тѣмъ не менѣе, жгучее дѣло о безпорядкахъ несомнѣнно предоставляло Цеплину поводъ неразъ высказывать частнымъ образомъ свои взгляды и мнѣнiя, и мы имѣемъ основанiе предполагать, что

¹⁾ См. выше стр. 51.

²⁾ Дѣло объ опредѣленii Цеплина въ Казанскiй университетъ 1804 г. № 4 (см. выше, стр. 50. прим. 1) л. 10.

при указанномъ выше сближеніи перваго казанскаго профессора съ представителями нѣмецкой колоніи и при свойственномъ ему стремленіи къ коллегіальному обсужденію дѣлъ и склонности къ оппозиціи, неоднократно проявленной Цеплинымъ вполсѣдствіи—онъ не устранилъ себя совершенно отъ вліянія на образъ дѣйствій и настроеніе своихъ земляковъ, Фишера и Эриха, протесты которыхъ, во время происходившихъ неурядиць; не лишены признаковъ предварительнаго корпоративнаго соглашенія. Весьма возможно, что и неожиданный отказъ Карташевскаго отъ участія въ разслѣдованіи безпорядковъ произошелъ не безъ навѣтовъ Цеплина и близкихъ къ нему людей. Само впечатлѣніе, произведенное на Цеплина рассказами и сужденіями о смутахъ въ гимназіи, не могло быть съ его стороны благопріятнымъ для большинства членовъ совѣта, такъ какъ всѣ они, кромѣ Эриха, какъ бы *tacito consensu* обвиняли во всемъ Фишера и воспитанниковъ, забывая при этомъ, что волненію весьма много способствовалъ безтактный образъ дѣйствій самаго Лихачева и что классное поведеніе учащихся, по заявленію Яковкина, заслуживало въ то время совершеннаго одобренія ¹⁾. Но особенное негодованіе Цеплина долженъ былъ возбудить самый финалъ безпорядковъ. Воспитанникъ гуманитарной нѣмецкой школы, престижъ которой опирается на нравственное воздѣйствіе воспитателей на учениковъ, Цеплинъ, конечно, не могъ примириться съ внезапнымъ появленіемъ грубой военной силы въ стѣнахъ учебнаго заведенія, не могъ уразумѣть примѣненія ружей и штыковъ для успокоенія необдуманно увлекшихся головъ юныхъ питомцевъ. Тяжелое впечатлѣніе, несомнѣнно, произвели на Цеплина и мѣры, принятыя противъ Фишера и Эриха; увольненіе перваго изъ нихъ и строгій „репримандъ“ второму пре-

¹⁾ Дѣло о безпорядкахъ 1804 г. № 3 л. 40... «Инспекторъ показалъ, что когда 7 іюня, обходя классы, началъ онъ увѣщевать учениковъ высшаго французскаго класса, изъ которыхъ многіе наканунѣ особенно отличились своею дерзостью, то Княжевичъ большой на его рѣчь: *безъ ума надобно быть людямъ, чтобъ поступать такъ буйно*, съ жаромъ отвѣчалъ сими словами: *я не безъ ума*. Когда же инспекторъ хотѣлъ наказать его, поставивъ на колѣни, то онъ не сталъ на колѣни, говоря: *за что? я не виноватъ*. Впрочемъ это есть единственное ослушаніе и единственный безпорядокъ учениковъ въ классахъ».

достерегали, что виновныхъ въ обличеніи упущеній начальства и въ самостоятельномъ отношеніи къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію совѣта — можетъ ожидать чувствительное возмездіе. Таковы были взгляды и отношенія Цеплина къ надѣланнымъ столько шума безпорядкамъ, представшимъ, словно зловѣщій прологъ къ тѣмъ смутамъ и неурядицамъ, которыя спустя годъ по открытіи университета возникли въ средѣ его членовъ и завершились увольненіемъ уже самаго Цеплина и его горячихъ приверженцевъ.

Съ окончаніемъ каникулъ, настало время учебныхъ заступій Цеплина въ гимназіи. Въ собраніи совѣта 13 августа определено было составить для него „профессорской классъ“ изъ слѣдующихъ 12-ти учениковъ: Александра Васильева, Владиміра Графа, Петра Кондырева, Андрея Шубина, Петра Балясникова, Федора Риттау, Василія Кузьминскаго, Андрея Протопопова, Дмитрія Княжевича, Павла Попова, Никифора Андреева и Николая Манассеина. Представляя объ этомъ попечителю, совѣтъ доносилъ, „что Цеплину дано нѣсколько лишнихъ учениковъ потому, что въ продолженіи курса изъ числа ихъ въ каждомъ классѣ обыкновенно нѣсколько убываетъ“¹⁾.

Такъ какъ „профессорской классъ“ былъ составленъ для Цеплина 13 августа, то преподавательская дѣятельность старѣйшаго казанскаго профессора началась не ранѣе 14-го или 16-го числа того же мѣсяца. Къ сожалѣнію, къ намъ дошло немного свѣдѣній о характерѣ этой дѣятельности. Изъ *Собранія разположеній учебнаго времени*²⁾, а также изъ *Собранія рапортовъ дежурныхъ по классамъ офицеровъ* — Яковина и Перевощикова — усматривается, что уроки Цеплина происходили „дополудни“, по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ и что преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ³⁾. Но какимъ отдѣламъ науки обучалъ Цеплинъ — свѣдѣній не имѣется даже въ мѣсячныхъ отчетахъ инспектора, которому преподаватели обязаны были, по уставу гимназіи, подавать

¹⁾ Дѣло объ определеніи Цеплина въ Казанскій университетъ 1804 г. № 4, л. 10.

²⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* 1805 г. № 33 (71): Росписаніе учебныхъ часовъ съ августа 1804 г. по августъ 1805 г.

³⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* 1804 г. № 21 л. 53б, 55б и др.

каждый мѣсяць рапорты о прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи учениковъ ¹⁾: весьма вѣроятно, что Цеплинъ, какъ находившійся на особомъ положеніи въ гимназіи, былъ освобожденъ отъ этой процедуры. Объ успѣхахъ класснаго преподаванія Цеплина говоритъ Яковкинъ, по свидѣтельству котораго, посѣщая историческій классъ Цеплина въ гимназіи неоднократно, онъ, по отвѣтамъ учениковъ и по „*партикулярнымъ*“ запросамъ его самаго, убѣдился, что ученики Цеплина понимаютъ его хорошо ²⁾. Авторъ разсказовъ „*Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета*“ не рѣшается признать это указаніе вполне справедливымъ, хотя предшествующая педагогическая дѣятельность Цеплина и его занятія въ германскихъ университетахъ несомнѣнно много говорятъ въ пользу основательной его подготовки къ званію опытнаго наставника. Молчаніе Аксакова о личности и урокахъ Цеплина, отмѣченное тѣмъ же авторомъ ³⁾, не можетъ имѣть значенія для оцѣнки педагогической дѣятельности перваго казанскаго профессора, такъ какъ Аксаковъ не былъ ученикомъ Цеплина въ гимназіи ⁴⁾. Въ ноябрѣ былъ исключенъ за участіе въ беспорядкахъ Дмитрій Княжевичъ и Цеплинъ лишился лучшаго ученика, бывшаго, по словамъ Аксакова, „красою, славой гимназіи“ ⁵⁾; выбыли также до окончанія курса Александръ Васильевъ и Андрей Протопоповъ ⁶⁾. Преподавалъ Цеплинъ весьма исправно и въ зимній семестръ 1804 года онъ не былъ въ классѣ всего одинъ разъ — 2 сентября ⁷⁾ — что составляло замѣтную противоположность съ служебными маневровками нѣкоторыхъ учителей, вынудившими Яковкина къ угрозамъ „*взять виновныхъ на замѣчаніе*“, согласно опредѣленію совѣта ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ-же, 1804 г. № 20. — Владиміровъ, Историч. Зап. ч. II стр. 18.

²⁾ Буличъ I стр. 72.

³⁾ Тамъ же стр. 73 прим. 18.

⁴⁾ Приведенный выше списокъ учениковъ Цеплина Буличу неизвѣстенъ, какъ и вообще все «Дѣло» о назначеніи перваго казанскаго профессора.

⁵⁾ Семейная Хрон. II стр. 158.

⁶⁾ Списокъ учениковъ первой Казанской гимназіи (Приложеніе къ Истор. Зап. Владимірова) стр. 3—4.

⁷⁾ Архивъ Казанскаго унив. 1804 г. № 21 л. 23б.

⁸⁾ Тамъ-же 1805 г. № 26: Исходящая совѣта гимназіи 1805 г. л. 3б: Ордеръ де журнѣ о му офицеру Перевощикову 27 января 1805 г. № 14.

Классными занятіями съ учениками въ гимназіи и ограничивалась вся служебная дѣятельность Цеплина до открытія университета. Въ другихъ функціяхъ учебной жизни онъ не принималъ никакого участія и въ архивныхъ дѣлахъ за послѣдніе мѣсяцы 1804 года мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія хотя бы на присутствіе Цеплина въ какомъ либо совѣщаніи „до предмета его относящемся“: въ совѣтѣ, какъ и прежде, всѣ дѣла рѣшались Яковкинымъ, Эрихомъ, Запольскимъ, Левицкимъ, Карташевскимъ ¹⁾. Это невольное, оскорбительное для самолюбія, пассивное положеніе Цеплина, тяжело отражалось на его впечатлительномъ, энергичномъ и настойчивомъ характерѣ и естественно побуждало горячо желать скорѣйшаго открытія университета, въ стѣнахъ котораго ему предстояло быть полноправнымъ членомъ. Желанія эти должны были осуществиться въ непродолжительномъ времени.

Не смотря на то, что во главѣ образованнаго въ 1802 году Министерства Народнаго Просвѣщенія стоялъ графъ Завадовскій, человекъ ничтожный, назначенный министромъ только „pro forma“ ²⁾—представляемое имъ учрежденіе, руко-

¹⁾ Это видно, между прочимъ, изъ объемистаго, на 124 листахъ фоліанта «Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ за 1804 г.» (*Арх. Казанскаго унив.* № 64).—Участіе въ совѣтѣ Мельхіора Вильфинга, за опредѣленіемъ его въ учреждаемый Калужской губерніи въ городѣ Козельскѣ Лѣсной Институтъ», прекращается съ 22 сентября, подпись же Дихачева на бумагахъ совѣта исчезаетъ съ первой половины ноября 1804 г. (*Арх. Казанскаго унив.* 1804 г. № 14: Дѣло по предписанію г. попечителя училищъ объ увольненіи изъ гимназіи учителей нѣмецкихъ классовъ Мельхіора и Антона Вильфинговъ, опредѣленныхъ въ Лѣсной институтъ и т. д. л. 1 и 46).

²⁾ Въ письмѣ къ Лагарпу императоръ Александръ I такъ характеризуетъ графа Завадовскаго: «Онъ ничтоженъ (il est nul); всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго и др.; нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человека, назначеннаго не ими. Частныя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія либо преграды добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до-нельзя: настоящая овца (un vrai mouton); словомъ, онъ ничтоженъ и находится въ составѣ министерства только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ» (*Н. Шильдеръ, Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе*, т. 2-й С.-Пбъ. 1897 стр. 96).

водимое энергичными и опытными его членами — товарищем министра М. Н. Муравьевым, кн. Адамомъ Чарторыжскимъ, Клингеромъ и другими — проявляло необыкновенную дѣятельность. Уже въ концѣ перваго года учрежденія министерства, 12 декабря 1802, былъ изданъ актъ постановленія университета въ Дерптѣ, а 24 января 1803 года были Высочайше утверждены „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“, содержащія выработанный въ министерствѣ планъ учрежденія и управленія высшими и низшими учебными заведеніями. Организованы были шесть учебныхъ округовъ. Въ городахъ были учреждены гимназій и уѣздныя училища. 18 мая 1803 года былъ утвержденъ уставъ или общія постановленія Виленскаго университета и училищъ его округа. 25 іюня того же года состоялось образованіе новаго регламента для академіи наукъ. 16 апрѣля 1804 года въ Петербургѣ былъ учрежденъ педагогическій институтъ, для приготовленія юношества къ учительской дѣятельности; онъ составлялъ отдѣленіе предполагаемаго къ учрежденію въ Петербургѣ университета ¹⁾). Въ то же время Главнымъ Правленіемъ Училищъ были составлены уставы для предполагаемыхъ къ открытію университетовъ Харьковскаго и Казанскаго.

Слухи о предстоящемъ основаніи университета въ Казани носились въ городѣ еще до прибытія Цеплина; эти слухи окрѣпли, когда стало извѣстнымъ, что Цеплинъ назначенъ преподавателемъ гимназій только временно, до открытія университета. Наконецъ, въ декабрѣ 1804 года получилось официальное увѣдомленіе, что уставъ университета 5 ноября подписанъ Государемъ ²⁾). Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе въ кружкахъ гимназій, изъ которой, какъ изъ питомника, многое должно было перейти въ возникающій университетъ. По словамъ Аксакова, лучшіе ученики высшаго класса, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, надѣялись, что будутъ произведены въ студенты: ³⁾ имъ открывалась широкая перспектива высшаго образованія. На улучшеніе своего положенія разчитывали и многіе представители преподаватель-

¹⁾ Шилдеръ, тамъ же, стр. 104 и 106.

²⁾ Аксаковъ II стр. 162.

³⁾ Тамъ же II стр. 163.

ской корпораціи, особенно же члены тогдашняго совѣта, познанія которыхъ могли найти себѣ примѣненіе въ стѣнахъ новаго учрежденія. Опредѣлялось вполне и почетное, видное положеніе Цеплина, какъ старѣйшаго члена нарождавшейся профессорской корпораціи. Эти ожиданія и разчеты оправдались въ скоромъ времени. 30 января 1805 года конторою гимназіи было получено предписаніе Румовскаго (16 января 1805 г. № 15) приготовить въ гимназическомъ домѣ комнаты и кладовую для отправляющагося по Высочайшей волѣ визитатора нѣкоторыхъ училищъ Казанскаго Округа, а 13 февраля, по постановленію Конторы, всѣ чиновники гимназіи были оповѣщены чрезъ квартермистра о состоявшемся наканунѣ прибытіи попечителя въ Казань¹⁾. Событіе это, по свидѣтельству современника, взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно ея старшій классъ²⁾. На слѣдующій день, 14 февраля, попечитель прибылъ въ Совѣтъ гимназіи и, прочитавъ лично Высочайше подтвержденную утвердительную грамоту Казанскаго Императорскаго университета, объявилъ затѣмъ объ утвержденіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія Яковкина профессоромъ, а Карташевскаго, Эрика, Запольскаго и Левицкаго—адъюнктами университета. Осмотрѣвъ затѣмъ помѣщеніе гимназіи и найдя все „въ надлежащемъ устройствѣ и исправности“ — Румовскій, собравъ засѣданіе совѣта, приказалъ записать результатъ произведенной имъ ревизіи въ протоколъ, причемъ было постановлено привести вновь назначенныхъ профессора Яковкина и четырехъ адъюнговъ къ присягѣ, а въ Московскихъ Вѣдомостяхъ „припечатать объ основаніи Казанскаго университета“³⁾. Это засѣданіе было первымъ, въ которомъ, по сохранившимся архивнымъ даннымъ, принималъ участіе Цеплинъ. Но подлиннаго протокола самаго засѣданія къ намъ не дошло; въ копіи же его, скрѣпленной „за секретаря“ адъюнгомъ Запольскимъ, упоминается только о подписи Румовскаго и прочихъ членовъ совѣта⁴⁾.

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета 1805 года № 19: Дѣло о прибытіи въ Казань г. попечителя С. Я. Румовскаго, л. 1 и 2а.

²⁾ Аксаковъ II стр. 162.

³⁾ Архивъ Казанскаго универ. 1805 г. № 2: Дѣло объ основаніи Императорскаго Казанскаго университета, л. 1.

⁴⁾ Тамъ же л. 2а.

Такъ скромно и безпритязательно совершился актъ офіціального открытія Казанскаго университета. Но шумно и съ вселіемъ привѣтствовали народившуюся alma mater новый профессорскій кружокъ и представители гимназіи. Однажды вечеромъ, сообщаетъ Аксаковъ ¹⁾, собралось къ Карташевскому много гостей: профессоръ Цеплинъ, правитель канцеляріи попечителя, Петръ Ивановичъ Соколовъ и всѣ старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно... были веселы и шумны... всѣ поздравляли другъ друга: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессора гимназическихъ учителей... Гости просидѣли до трехъ часовъ, выпили очень много пуншу и вина и многіе уѣхали очень навеселѣ... О назначеніи Яковкина ординарнымъ профессоромъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Яковкина не заслуженнымъ, по ограниченности его ученыхъ познаній... Говорили также о предстоящемъ производствѣ учениковъ высшаго класса въ студенты....

„Производство“ это или „назначеніе“ совершилось столь же просто, безъ особеннаго торжества, какъ и открытіе университета. 22 февраля, въ присутствіи попечителя, въ большой гимназической залѣ, Яковкинъ, какъ правящій должность директора, вызвалъ по списку назначенныхъ учениковъ, прочелъ имъ изъ грамоты и устава статьи объ обязанностяхъ студентовъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые должны составлять педагогическій институтъ, и о ихъ привилегіяхъ,

¹⁾ *Семейная Хрон.* II стр. 162—163. — Аксаковъ не указываетъ точно времени этого собранія у Карташевскаго, но изъ разсказа видно, что оно имѣло мѣсто до производства въ студенты учениковъ, послѣдовавшаго 22 февраля. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ сообщеніи автора *Семейной Хроники* говорится о присутствіи на пирушкѣ у Карташевскаго *двухъ новизъ пріѣзжихъ профессоровъ*, Цеплина и Германа, прибывшихъ въ Казань *вместѣ съ Румовскимъ*. Здѣсь, очевидно, память измѣнила Аксакову, такъ какъ Цеплинъ, какъ было указано въ началѣ этой главы, явился въ Казань уже въ 1 іюня 1804 года, а Германъ былъ назначенъ профессоромъ только въ апрѣлѣ 1805 г. (*Н. Загоскинъ*, *Матеріалы для исторіи каедръ и учрежденій Казанскаго университета*, I (Казань 1899) л. 21 а). Этотъ lapsus memoriae косвенно исправляетъ ниже самъ Аксаковъ, говоря, что при открытіи университета 14 февраля 1805 г. было всего *два профессора: Яковкинъ и Цеплинъ* (*Сем. Хрон.* стр. 165).

и привѣтствовалъ какъ ихъ, такъ и оставшихся въ гимназіи учениковъ, которымъ ставилъ первыхъ въ примѣръ, краткою рѣчью. Изъ студентовъ: Кондыревъ и А. Панаевъ привѣтствовали Румовскаго стихами, Перевоициковъ поднесъ ему свое упражненіе въ стихахъ, а Поповъ опыты искусства рѣзбы на кости. Въ заключеніе самъ попечитель сказалъ наставленіе студентамъ и ученикамъ, объяснивъ имъ цѣль ихъ воспитанія и обязанности въ Монарху и отечеству. ¹⁾ Всѣхъ студентовъ было выбрано 33, изъ которыхъ 6 были своекоштными, 26 казенными воспитанниками, 1 пансіонеромъ. ²⁾

Съ восторгомъ встрѣтили первые питомцы Казанскаго университета свое производство въ студенты. „Шумная работа, говорить по этому поводу участникъ событія, одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало... Любовью къ просвѣщенію, въ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество... Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Карташевскій читалъ для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе...“ ³⁾

¹⁾ *Владиміровъ II*, стр. 6—7.—*Буличъ I* стр. 71.

²⁾ Первымъ по алфавиту студентомъ значится *Аксаковъ Сергій*, которому въ то время было 14 лѣтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ студенты было переведено еще восемь учениковъ гимназіи. Полные списки этихъ первыхъ студентовъ напечатаны въ *Період. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія* № XII стр. 521и у *Владимірова II* стр. 7—8; неполный ихъ перечень—у *Аксакова II* стр. 165—166. Буличъ не приводитъ списка студентовъ, причемъ, говоря объ основаніи университета (I, стр. 70—71), оставляетъ безъ вниманія какъ относящаяся сюда свѣдѣнія изъ *Семейной Хроники* (II стр. 162—167), такъ и архивное дѣло Казанскаго университета (1805 г. № 2).

³⁾ *Аксаковъ II* стр. 164—165.

Среди этого общаго увлеченія зарождавшейся университетской жизнью и ея благородными задачами приступилъ Цеплинъ къ профессорской дѣятельности, къ характеристикѣ которой мы переходимъ теперь.

Глава четвертая.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ СОВѢТСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЦЕПЛИНА.

(1805 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый періодъ совѣтской дѣятельности Цеплина.

(1805 г.).

Основная причина разногласій Цеплина съ Яковкинымъ.—Сближеніе Цеплина съ пресвитеромъ Данковымъ.—„Объясненіе“ ихъ о порядкѣ въ засѣданіяхъ и дѣлопроизводствѣ Совѣта.—Первый протестъ Цеплина и Данкова въ Совѣтѣ.—Участіе Цеплина въ дѣлѣ бухгалтера Ахматова.—Цеплинъ въ образѣ „прорицателя“.—Его особое мнѣніе въ засѣданіи Совѣта 5 іюля.—Начало инсинуаціи Яковкина на Цеплина.—„Мѣстническій споръ“ Цеплина съ Яковкинымъ.—Опозданіе Цеплина во время перваго торжественнаго акта 10 іюля.—Цеплинъ, мальчикъ Шеферъ и казанскій Совѣстный Судъ.—Сближеніе Цеплина съ Карташевскимъ, Запольскимъ, Германомъ.—„Положеніе о Совѣтѣ“ Цеплина и Германа и махинаціи противъ него Яковкина.—Засѣданіе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Цеплина, 18 октября 1805 года.

Въ первый періодъ пребыванія Цеплина въ Казани, дѣятельность его, какъ профессора вновь открытаго университета, въ значительной мѣрѣ была обусловлена тѣмъ абсолютнымъ положеніемъ, которое въ средѣ зарождавшейся университетской корпораціи властно занялъ предсѣдатель ея И. Ѳ. Яковкинъ.

Необыкновенно живой и энергичный, одаренный здравымъ практическимъ умомъ и житейской опытностью, Яковкинъ, облеченный обширными полномочіями окружнаго начальства, занялъ первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ педагогическомъ и ученомъ мірѣ Казани. Опираясь на свои способности, на умѣніе руководить административными дружинами, ввѣренными ему проживавшимъ безвыѣздно въ С.-Петербургѣ попечителемъ С. Я. Румовскимъ—Яковкинъ, усвоивъ привычку произвольныхъ, безъапелляціонныхъ распоряженій въ Казанской гимназіи, рѣшилъ приложить тотъ же пріемъ и къ управленію университетомъ. Чуждый университетскаго образованія, незнакомый съ характеромъ академической жизни, съ условіями и потребностями возникавшаго рассадника высшей, свободной науки—Яковкинъ, въ средѣ нарождавшейся коллегіи профессоровъ, считалъ себя не первымъ между равными, а „начальственной персоной“, полномочнымъ лицомъ отсутствующаго попечителя. Соединяя въ себѣ двѣ главныя должности—директора гимназіи, тѣсно связанной съ университетомъ, и инспектора студентовъ—Яковкинъ становился предсѣдателемъ совѣта профессоровъ и хозяйственной конторы, что, вмѣстѣ съ должностью инспектора студентовъ, подчиняло его надзору и руководству всю учебную, экономическую и наблюдательную часть въ обоихъ учрежденіяхъ: онъ являлся главнымъ представителемъ и хозяиномъ гимназіи и университета и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ окружнаго начальства, распоряжался дѣлами обоихъ учрежденій по своему усмотрѣнію.

Это исключительное положеніе Яковкина и его предвзятый взглядъ на университетъ и его представителей, въ связи съ неослабными проявленіями самовластиа, составлявшего отличительную черту его характера—послужили причиною безконечныхъ недоразумѣній и пререканій между директоромъ и членами университетской корпораціи и Цеплину, первому изъ профессоровъ, пришлось столкнуться и вступить въ борьбу съ

пріемами управленія Ильи Θεодоровича. Хотя до назначенія своего въ Казань Цеплинъ и не былъ практически знакомъ съ характеромъ университетскаго режима, съ организмомъ университетовъ и обязанностями члена профессорской коллегіи, но, какъ воспитанникъ двухъ заграничныхъ университетовъ, и человекъ постоянно вращавшійся въ кругу людей академически образованных—онъ смотрѣлъ на профессоровъ, какъ на представителей, призванныхъ служить наукѣ, а не лицамъ, людей—обязанныхъ неуклонно отстаивать тѣ принципы академической свободы и корпоративнаго самоуправленія, которые были дарованы „ученому сословію“ профессоровъ университетскимъ уставомъ Императора Александра перваго. Человѣкъ независимыхъ убѣжденій, энергичный и настойчивый, чуждый эгоистическихъ происковъ—Цеплинъ при первомъ столкновеніи съ неприглядными сторонами режима, введеннаго самовластнымъ директоромъ, выступилъ на защиту грубо нарушаемыхъ правъ и привилегій университета.

Яковкинъ не любилъ коллегіальнаго обсужденія дѣлъ; онъ предпочиталъ этому или единоличныя представленія и донесенія попечителю или „партикулярныя“ справки и совѣщанія со своими немногими единомышленниками. Открытый еще 25 января 1800 года вице-директоромъ Герберомъ Совѣтъ Казанской гимназіи, имѣвшій цѣлью „благосостояніе, успѣхи и пользу“ этого учебнаго заведенія, хотя и долженъ былъ, согласно „Положенію“, рѣшать дѣла коллегіально, но дѣйствія его „часто парализировалъ“ бывшій въ то время инспекторомъ Яковкинъ¹⁾. При открытіи университета, Совѣтъ гимназіи, которому предстояло вѣдать и дѣла университетскія, существовалъ только номинально; въ порядкѣ его дѣлопроизводства не соблюдалось обычныхъ въ коллегіальныхъ установленіяхъ правилъ, мнѣнія отдѣльныхъ членовъ игнорировались, надлежащихъ протоколовъ не составлялось²⁾: чувствовалась самовластная рука директора, привышшаго при разногласіяхъ отстаивать и проводить свои мнѣнія ссылкой на авторитетъ отсутствовавшаго начальства. „Мое мнѣніе, есть мнѣніе попечителя“³⁾—часто говорилъ Яковкинъ, при-

¹⁾ *Владиміровъ*, Историч. Записка, ч. II, отд. I стр. 49—50.

²⁾ *Приложеніе къ Истор. Зап. Владимірова*, стр. 4.

³⁾ *Письмо профессора Каменскаго къ Румовскому*, 10 іюля 1806 г.

бавля къ этому, что онъ можетъ сдѣлать счастливымъ или несчастнымъ того и того—и аргументъ этотъ перевѣшивалъ силу всѣхъ другихъ ¹⁾).

Это ненормальное положеніе коллегіальнаго учрежденія не могло ускользнуть отъ вниманія Цеплина, и онъ рѣшилъ ввести въ засѣданія Совѣта надлежащій принципъ и порядокъ. Будучи, однако, новичкомъ въ служебномъ дѣлѣ и человекомъ молодымъ (Цеплину шелъ тогда 33 годъ)—онъ, принявъ на себя инициативу упорядоченія совѣтскаго дѣлопроизводства, желалъ привлечь къ участию въ своемъ проектѣ одного изъ членовъ университета. Но изъ четырехъ адъюнктовъ, вошедшихъ отъ университета членами въ Совѣтъ Казанской гимназіи—Левицкій былъ сторонникомъ Яковкина, Запольскій по своему слабодушію и безхарактерности избѣгалъ всякой инициативы, энергичный и независимыхъ убѣжденій Карташевскій весь былъ поглощенъ въ то время предстоящей ему научной дѣятельностью, а старикъ Эрихъ, отверженецъ примирительныхъ направленій, избѣгалъ новыхъ затѣй и плановъ. Невполнѣ освоившійся въ новой средѣ, Цеплинъ не могъ разсчитывать на содѣйствіе упомянутыхъ лицъ еще и потому, что, по свойственной провинціальнымъ дѣятелямъ зависти, они на первыхъ порахъ не особенно дружелюбно встрѣтили молодого иностраннаго ученаго, сразу введеннаго въ званіе ординарнаго профессора.

Но въ средѣ соединеннаго Совѣта гимназіи и университета оказалось лицо, которое, подобно Цеплину, тяготилось порядками, привитыми Яковкинымъ. Это былъ пресвитеръ Г а в р і и л ь Д а н к о в ь. Воспитанникъ Невской семинаріи, Данковъ впродолженіе 20 лѣтъ состоялъ священникомъ при русской миссіи въ Берлинѣ, а затѣмъ 4 года духовникомъ Великой княгини Елены Павловны. Выслуживъ пенсію въ 1000 рублей и переѣхавъ въ Петербургъ, Данковъ, по рекомендаціи Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ опредѣленъ, „по слабости здоровья и невозможности жить въ петербургскомъ климатѣ“, учителемъ нѣмецкаго и латинскаго языка въ Казанскую гимназію, 30 декабря 1804 года и „включенъ

¹⁾ Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. I стр. 51.

въ число членовъ Совѣта ¹⁾). Въ Казань онъ прибылъ 6-го февраля 1805 года ²⁾). Данковъ былъ человѣкъ образованный и не чуждъ литературной дѣятельности; Яковкинъ желалъ препоручить ему должность инспектора гимназіи, а Румовскій имѣлъ въ виду предложить ему кафедру богословія въ университетѣ, но въ началѣ августа 1805 года Данковъ умеръ ³⁾). Продолжительное пребываніе пресвитера въ Германіи настолько сроднило его съ условіями нѣмецкой жизни, что дѣти его „обучались въ тамошнихъ училищахъ“ и почти не знали по-русски ⁴⁾).

Сближенію Данкова съ Цеплинымъ несомнѣнно способствовало, какъ знакомство пресвитера съ германской наукой, такъ и общность ихъ взглядовъ на характеръ и задачи возникавшаго университета, а почетное и независимое положеніе, приобрѣтенное Данковымъ до перехода въ Казань, позволяло ему дѣйствовать открыто и не стѣсняться во мнѣніяхъ. И по отзывамъ сослуживцевъ и по характеру собраній Совѣта, Цеплинъ и Данковъ легко могли замѣтить все нестроеніе, которымъ страдало совѣтское дѣлопроизводство. Засѣданіе 15 февраля 1805 года, въ протоколѣ котораго впервые находимъ *подпись Цеплина по-русски*, прошло мирно безъ протеста. Это было первое засѣданіе, по открытіи университета, когда Румовскій еще находился въ Казани, и касалось разсмотрѣнія „вѣдомости бухгалтера Ахматова о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ суммъ, находящихся въ Казанской гимназіи за январь мѣсяць ⁵⁾“. вмѣстѣ съ другими членами тогдашняго

¹⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* Дѣло попеч. 1805 г. № 18; Предложенія даннаго Совѣту Казанской гимназіи, л. 3: О назначеніи пресвитера Данкова (19 дек. 1804 г. № 328); л. 6: Отношеніе гр. Завадовскаго къ Румовскому (30 дек. 1804 г. № 559).

²⁾ *Тамъ же*, Дѣло Сов. № 26. Исходящая Совѣта гимназіи 1805 г. на 46 листахъ, № 26, 20 февр., л. 5b и № 44, 6 марта л. 11a.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 21 марта 1805 года. *Владиміровъ*, II, 2 стр. 2, 12 и примѣч. 2.

⁴⁾ *Архивъ Казанскаго универс.* Дѣло попеч. 1805 г. № 18, л. 3.—*Буличъ*, I стр. 131.

⁵⁾ *Архивъ Казанск. унив.* Дѣло канцеляріи Совѣта Казанскаго универс. 1805 г. № 23 на 93 листахъ: Собраніе по резолюціямъ Совѣта гимназіи и т. д. л. 6.

Совѣта—Яковкинымъ, Данковымъ, Карташевскимъ и Запольскимъ (Эрихъ въ собраніи не былъ)—и Цеплинъ согласился утвердить раппортъ Ахматова ¹⁾, но уже не даѣе какъ 22 марта, Цеплинъ сговорившись съ о. пресвитеромъ, подалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Совѣтъ совместно составленное „Объявленіе о порядкѣ въ засѣданіяхъ и дѣлопроизводствѣ Совѣта Казанской гимназіи“. Объясненіе это, представляющее первый оффиціальный, особый документъ, сверѣпленный Цеплинымъ, писано на одной половинѣ листа рукою Цеплина по-нѣмецки, а на другой половинѣ—русскій переводъ сдѣланъ рукою Данкова ²⁾.

„Объясненіе“, полностью воспроизведенное въ „Приложеніяхъ“, заключаетъ въ себѣ „пять пунктовъ“, относящихся: во 1-хъ) къ составленію и занесенію „въ шнуровую книгу протоколовъ, касательно дѣлъ, опредѣленныхъ въ Совѣтѣ“ и требующихъ подписи членовъ Совѣта „въ самомъ засѣданіи“ (пунктъ 1—2); во 2-хъ) къ сохраненію въ цѣлости и порядкѣ поступающихъ въ Совѣтъ бумагъ, „которыя по надлежашемъ изслѣдованіи оныхъ, въ случаѣ нужды, по большинству голосовъ рѣшима быть могутъ“ (пунктъ 3—4); въ 3-хъ) указывается на то, что постановленія Совѣта „прежде послышки оныхъ“, необходимо заносить въ Протоколъ, „заномеровать и копіи ихъ сохранять“ (пунктъ 5). „Объясненіе“, какъ видно, не содержитъ въ себѣ какихъ-либо нововведеній, отступающихъ отъ обычныхъ нормъ дѣлопроизводства въ учрежденіяхъ коллегіального характера. Но непосредственно за приведенными выше пунктами въ немъ имѣется характерное добавленіе, изъясняющее мотивы составленія самаго „объясненія“. „А что до днесь вовсе противное всѣмъ вышесказаннымъ пунктамъ исполняемо было“, заявляютъ Цеплинъ и Данковъ, „сіе показываетъ самый опытъ, а законы и свойства самаго дѣла требуютъ напротивъ того порядка, содержаща-

¹⁾ Слѣдующее засѣданіе, обошедшееся безъ протеста, происходило 21 февраля, по поводу поступленія въ гимназію изъ канцеляріи попечителя „двухъ экземпляровъ Устава учебныхъ заведеній въ переплетѣ и Периодическаго Сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія № VII“. (*Архивъ Казанск. унив.* 1805 г. № 19: Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ, л. 5).

²⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ 1805 г. № 19 л. 7 и 8.—*Протоколъ Совѣта* 1805 г. л. 2.

гося въ сихъ почти пунктахъ“. Изъ этого видно, что составители „объясненія“ собственнымъ „опытомъ“ убѣдились въ томъ, что „порядка“ и законности въ засѣданіяхъ Совѣта не было, что, говоря другими словами, Яковкинъ, какъ предсѣдатель, изображалъ единолично своей персоной совѣтъ и вершилъ его дѣла и опредѣленія по своему усмотрѣнію. Несомнѣнно, что „объясненіе“ было косвенно направлено противъ самовластия директора-инспектора и ограничивало его произволь, опредѣляя нормы дѣлопроизводства и предоставляя рѣшеніе совѣтскихъ дѣлъ, „по большинству голосовъ“. „Объясненіе“, по справедливому замѣчанію Н. П. Загоскина, „содержитъ въ себѣ если не прямой вызовъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко не двусмысленное выраженіе недовѣрія до адресу предсѣдателя совѣта“¹⁾. Недовѣріе къ Яковкину выразилось еще въ томъ, что инициаторы „объясненія“ поставили условіемъ, чтобъ „подлинникъ“, а не копія, былъ отправленъ на благоусмотрѣніе „попечителя Казанскаго университета“. Оговорка, однако, оказалась излишней, такъ какъ въ засѣданіи 27 марта „объясненіе“ было принято все, лишь съ нѣкоторыми добавленіями ко 2-му и 3-му пунктамъ²⁾. Послѣдовательное Совѣта было сообщено Румовскому, который, ознакомившись съ „объясненіемъ“, не замедлилъ выразить Совѣту свое удовольствіе (24 апрѣля, 1805 г. № 88) за статью о подписываніи протоколовъ въ самомъ засѣданіи „для отвращенія всѣхъ могущихъ произойти недоумѣній“—причемъ, высказавъ Цеплину и Данкову „чувствительную благодарность за попеченіе о соблюденіи порядка“, выразилъ пожеланіе, „что они не преманутъ и впредь подавать собою примѣръ и совѣты, служащіе къ сохраненію тишины, согласія и пользы гимназіи и Совѣтъ по опытности, благоразумію и званію ихъ съ уваженіемъ принимать оныя не отречется“³⁾. Любопытно, однако, замѣчаетъ Н. П. Загоскинъ, „что въ этомъ попечительскомъ предложеніи говорится только о порядкѣ подписанія протоколовъ, съ совершеннымъ замалчиваніемъ сущности осталь-

¹⁾ *Исторія Казанскаго университета*, т. I. Казань 1902 стр. 98.

²⁾ *Протоколы Совѣта*, 1805 года л. 2.

³⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* Дѣло Канцеляріи Совѣта 1805 г. Ж 19: Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ, л. 21а.—*Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 10б и 11а.

ныхъ пунктовъ Цеплина и Данкова... Не лишена значенія и таинственная ссылка на надежду „тишины и согласія въ Совѣтѣ“... Все это даетъ поводъ предполагать, что посланная Румовскому въ подлинникѣ записка не была лишена и нѣкоторыхъ пояснительныхъ комментаріевъ со стороны Яковкина, что было, вообще, въ обыкновеніи у прозорливаго инспектора-директора и въ послѣдующія эпохи его совѣтской практики¹⁾.

Вскорѣ по представленіи своего „объясненія“, Цеплинъ и Данковъ выступили уже съ открытымъ протестомъ противъ порядковъ, завведенныхъ Яковкинымъ. Выше (стр. 95) мы указали, что въ первомъ по открытіи университета засѣданіи Совѣта Цеплинъ и Данковъ скрѣпили своими подписями рапортъ бухгалтера Ахматова. Но въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій, именно 17 апрѣля, оба упомянутые члена, освоившись съ своимъ положеніемъ и присмотрѣвшись къ дѣламъ, уже отказались утвердить своимъ подписомъ отчетъ Ахматова (№ 63) за мартъ мѣсяць „о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ“ гимназіи и по этому поводу занесли въ протоколъ, „что по велику одна токмо Контора распредѣляетъ всѣми издержками, а Совѣтъ не имѣетъ и не получаетъ объ оныхъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и не могли засвидѣтельствовать справедливость оныхъ издержекъ своеручною подписью бухгалтерскихъ счетовъ, опасаясь, чтобы въ противномъ случаѣ не отвѣчать невиннымъ образомъ за излишество или кабую либо несправедливость оныхъ издержекъ“²⁾. Мнѣніе это, писанное рукою Данкова и скрѣпленное имъ и его единомышленникомъ, слѣдуетъ признать первымъ открытымъ протестомъ Цеплина противъ распоряженій Яковкина, протестомъ, къ которому впоследствии примкнули *tacito consensu* и всѣ нѣмецкіе профессора, явившіеся въ 1805 году: Германъ, Бюнеманъ, Фуксъ тоже не подписывали отчетовъ Конторы, которые препровождались попечителю

¹⁾ *Исторія Казанскаго университета*. т. I стр. 99—100.

²⁾ *Протоколы Совѣта 1805 г.* л. 7b и 8a.—*Буличъ* (I стр. 326), приводя это мнѣніе, допускаетъ ошибку, искажающую смыслъ заявленія Цеплина и Данкова. Онъ пишетъ: «поелику не токмо контора» вм. «поелику одна токмо контора».

только за скрѣпою Яковкина и адъюнговъ, входившихъ въ составъ Совѣта. Въ итогъ протеста получилось то, что въ концѣ 1805 г. Румовскій совершенно освободилъ Совѣтъ отъ разсмотрѣнія ежемѣсячныхъ приходо-расходныхъ вѣдомостей, съ сохраненіемъ за нимъ обязанности документальнаго разсмотрѣнія (примѣнительно къ § 50 устава) годовыхъ отчетовъ, но по суммамъ университетскимъ ¹⁾).

При дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности Совѣта, роль Цеплина, какъ главнаго инициатора постановленій, влотившихся въ укрѣпленію университетской самостоятельности, обрисовывается все рельефнѣе и живѣе. Въ *дѣлѣ* учителя гимназіи и бухгалтера *Ахматова* съ Яковкинымъ, разбиравшемся въ Совѣтѣ 3 іюня 1805 года, Цеплинъ выступаетъ попеременно то въ роли примирителя и совѣтника, то въ роли ярого противника предсѣдателя Совѣта, то, наконецъ, по выраженію Яковкина, въ образѣ „пророчателя“. Дѣло возникло изъ личныхъ пререканій между подчиненнымъ и начальникомъ. Другъ и кумъ Яковкина—Ахматовъ имѣлъ казенную квартиру надъ комнатами своего принципала. Вслѣдствіе плохого устройства пола въ кухнѣ Ахматова, въ залу и спальню Яковкина часто проникали нечистоты, портившія щекатурку. Это возбуждало ссоры между женами обоихъ сосѣдей, завершившіяся тѣмъ, что Яковкинъ, призвавъ къ себѣ 30 мая Ахматова, приказалъ ему „не яко благородному чиновнику, но какъ преступнику, безъ суда выбраться въ три дня изъ покоевъ“. Такъ какъ по § 45 университетскаго устава 1804 года, Совѣтъ являлся „высшею инстанціей по дѣламъ учебнымъ и дѣламъ судебнымъ“ и въ правленіе могли поступать жалобы и на ректора—то Ахматовъ, считая себя обиженнымъ самовольнымъ распоряженіемъ Яковкина, „мстившаго, по его словамъ, за ссору женъ“—просилъ Совѣтъ, „сіе дѣло разобрать и отправить на сужденіе главному попечителю“ ²⁾). Инцидентъ получилъ огласку. Три дня, данные для очистки квартиры, Ахматовъ употребилъ, по словамъ Яковкина на то, „чтобы оббѣгать всѣхъ членовъ Совѣта“ и вооружить ихъ

¹⁾ Буличъ, I стр. 326.—Зайоскинъ, Исторія Казанск. унив. I, 100.

²⁾ *Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 17b и 18.—Жалоба Ахматова, съ небольшимъ пропускомъ въ концѣ, напечатана у Булича I, 328; см. также у Н. Зайоскина, Исторія Казанск. унив. т. I стр. 145—146.

противъ него, какъ „своевольнаго притѣснителя“¹⁾). Цеплянь сперва старался примирить противниковъ; онъ не желалъ доводить дѣло до Совѣта и сначала, какъ пишетъ Яковкинъ, „самымъ сильнымъ и жаркимъ образомъ убѣждалъ пресвитера Данкова защищать Ахматова и воспротивиться приказанію директора о сѣздѣ ему изъ гимназіи на квартиру“. Затѣмъ, 3-го іюня, въ 9 ч. утра, Цеплянь, послѣ своей лекціи, вошелъ въ присутствіе Конторы и сталъ „усильнѣйшимъ образомъ упрашивать директора отмѣнить данное приказаніе, приводя, почти изъ слова въ слово, тѣ самыя причины, какія послѣ увидѣлъ Яковкинъ въ прошеніи Ахматова“. Но директоръ не согласился, „дабы другимъ чиновникамъ не подать поводу къ презираюію приказаній начальства“²⁾). Тогда Цеплянь перемѣнилъ тактику и рѣшительно принялъ сторону Ахматова. Послѣдовало „шумное засѣданіе Совѣта, обнаружившее то, что Яковкинъ предъусматривалъ справедливо“³⁾). Въ Совѣтѣ, Яковкинъ доказывалъ, что онъ неподсуденъ членамъ послѣдняго, что жалоба Ахматова не можетъ быть предметомъ совѣтскаго обсужденія. Цеплянь энергично защищалъ бухгалтера; его поддерживалъ секретарь Совѣта, адъюнктъ Левинцкій; оба они увлеклись до того, что возраженія ихъ директору, по словамъ одного изъ участниковъ въ засѣданіи, принимали характеръ „непристойнаго шума и крика“⁴⁾). Прочіе члены Совѣта примкнули къ нимъ; „надменные о правахъ Совѣта высокоглаголанія“, перешедшія „въ шумные и буйственныя споры съ директоромъ“⁵⁾), заставили Яковкина закрыть засѣданіе и выйти изъ Совѣта, „дабы пренія не выходили изъ границъ благопристойности“⁶⁾). Но Цеплянь и его приверженцы не придали этому значенія и, не смотря на формальное прекращеніе засѣданія, постановили: „По общему соглашенію всѣхъ членовъ Совѣта, кромѣ г. проф. Яковкина... препроводить прошеніе Ахматова въ оригиналѣ къ Его Пре-

1) Письмо Яковкина къ Румовскому 5 іюня 1805 г.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Письмо Данкова къ Румовскому съ іюля 1805 г.—Буличъ I стр. 337.

5) Тамъ-же.

6) Рапортъ Яковкина Румовскому 5 іюня 1805 г. № 93.

восходительству г. Попечителю при меморіи ¹⁾ и ожидать отъ него разрѣшенія и вмѣстѣ предписанія, какимъ образомъ должно поступать въ подобныхъ случаяхъ“ ²⁾. Не дремалъ и Яковкинъ. Онъ подробно описалъ 15 іюня попечителю образъ дѣйствій членовъ Совѣта, причемъ не преминулъ сообщить, что Цеплинъ проявлялъ не только „усиленное защищеніе“ Ахматова, но, что „всего непонятнѣе, сдѣлался прорицателемъ; онъ мнѣ въ субботу говорилъ, доносить Яковкинъ, что жена Ахматова будетъ больна, а сегодня въ первомъ часу Ахматовъ и подалъ мнѣ въ конторѣ рапортъ, что жена его больна“ ³⁾. Но можно-ли смотрѣть на это заявленіе Цеплина такъ, какъ это дѣлаетъ словоохотливый директоръ? Въ сообщеніи Цеплина несомнѣнно сказывается желаніе отвлечь Яковкина отъ насильственнаго выселенія изъ квартиры семьи Ахматова, жена котораго, будучи беременной, менѣе всего могла рассчитывать на нормальное состояніе своего здоровья при угрозахъ строптиваго директора. Выставляя Цеплина въ образъ „прорицателя“, Яковкинъ желалъ набросить тѣнь на его дѣйствія, указать на то, что въ сферу официальныхъ отношеній Цеплинъ примѣшиваеетъ вопросы интимнаго свойства. Но Румовскій не придалъ на этотъ разъ извѣту своего любимца особаго значенія и къ дѣлу Ахматова отнесся сдержанно и политично. Нежелая отрѣшеніемъ бухгалтера отъ должности „подать поводъ къ новому противъ Яковкина со стороны товарищей негодованію и неудовольствію“, ⁴⁾ онъ не уволилъ Ахматова, но къ рѣшенію Совѣта, постановленному во главѣ съ Цеплинымъ по закрытіи засѣданія, отнесся съ порицаніемъ и угрозой. „Нѣкоторые изъ членовъ Совѣта, писалъ Румовскій, коихъ имена изъ личнаго уваженія прохожу молчаніемъ, настояніемъ своимъ воспрепятствовали завершить порядокъ уставомъ предписанный... Таковаго поступка... одобрить не могу; и ежели паче чаянія моего встрѣтится подобное приключеніе, то я принужденнымъ себя найду отнестись туда,

¹⁾ Меморія—выписка изъ протоколовъ засѣданій.

²⁾ Протоколы Совѣта 1805 г. 3 іюня л. 17б. Это опредѣленіе было подписано во главѣ съ Цеплинымъ всеми членами Совѣта, кромѣ Яковкина.

³⁾ Рапортъ Яковкина Румовскому 5 іюня 1805 г., № 93.—Буличъ I стр. 334.

⁴⁾ Письмо Румовскаго къ Яковкину съ іюня 1805 г.—Буличъ I, стр. 335.

куда слѣдуетъ, о неповинующихъ закону ¹⁾). На вопросъ же Совѣта, какъ поступать въ случаяхъ, подобныхъ дѣлу Ахматова, попечитель предложилъ, „чтобы Совѣтъ право, которое ему не дано, самовольно себѣ не присвоивалъ и не занимался бы дѣлами, до него не принадлежащими“ ²⁾). По заслушаніи этого предписанія, явившагося несомнѣнно подъ вліяніемъ угрозы директора, что „разстраиваемая должная подчиненность и оказываемое въ тому одобреніе *опровергнутъ за собою и весь законный порядокъ*“ ³⁾).—Совѣтъ, въ засѣданіи 5 іюля, опредѣлилъ: „исполнить во всемъ пространствѣ предписаніе Его Превосходительства и впредь поступать сообразно съ онымъ“ ⁴⁾). Но этимъ постановленіемъ не кончилось засѣданіе 5 іюля. Суровый тонъ попечительскаго предложенія, указаніе на то, „что Совѣтъ присвоилъ себѣ не принадлежащее ему право и продолжилъ вопреки закону засѣданіе“—побудили Данкова, Карташевскаго и Цеплина высказать по этому поводу свое особое мнѣніе. Тонъ и характеръ этихъ трехъ мнѣній замѣтно разнятся между собою Пресвитеръ Данковъ, въ частномъ письмѣ къ Румовскому, стараясь выгородить себя отъ участія въ незаконномъ собраніи 3-го іюня, политично приводилъ въ свое оправданіе то, что, оставшись въ Совѣтъ, по закрытіи засѣданія Яковкинымъ, имѣлъ въ виду благую цѣль—склонить членовъ къ скорѣйшему окончанію спорнаго дѣла, причемъ, однако, не преминулъ обличить дерзкія отношенія сочленовъ къ директору, „непристойные крики и шумъ Цеплина и Левицкаго“ и т. под. ⁵⁾). Совершенно инымъ тономъ отличалось мнѣніе или, по тогдашнему, „голосъ“ Карташевскаго, приложенный къ протоколу. Отвергая подозрѣніе въ умысленномъ намѣреніи поступать вопреки закона, Карташевскій въ заключеніе своего мнѣнія приглашалъ Совѣтъ войти въ болѣе подробное „разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній Совѣта“, который, выйдя въ настоящую пору „изъ пре-

¹⁾ Это обширное предписаніе Румовскаго (19 іюня 1805 г. № 180) сохранилось въ *Дѣлѣ Совѣта* № 19, 1805 г. л. 47 и 48а.

²⁾ *Тамъ-же*, л. 48а.

³⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 5 іюня 1805 года.

⁴⁾ *Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 26б.

⁵⁾ Отрывки изъ этого письма Данкова приводитъ *Буличъ* I, стр. 337 и 338.—*Заюскинъ*, *Исторія Казанскаго унив.* I, стр. 151.

дѣловъ гимназическаго устава, слишкомъ ограниченъ, чтобъ подойти совершенно подъ университетскій“. Среднее между этими двумя мнѣніями представляетъ писанное по нѣмецки объясненіе Цеплина, въ которомъ профессоръ открыто и прямодушно (*offene und freimüthige Erklärung*) отрицаетъ всякое стремленіе дѣйствовать противозаконно (*den Gedanken einer Widersetzlichkeit gegen die Gesetze*). „Я поступалъ сознательно, заявляетъ профессоръ, руководствуясь мотивами (*Gründe*), которые тогда были для меня субъективно убѣдительно. Я могъ ошибаться, и это, конечно, для меня тяжело, но мнѣ неизвѣстенъ законъ, который былъ противъ моего мнѣнія и голоса, мною поданнаго“¹⁾. Румовскій далеко не одинаково отнесся къ мнѣніямъ членовъ Совѣта; высказавъ благодарность пресвитеру за его примирительный образъ дѣйствій, онъ съ негодованіемъ отнесся къ „голосу“ Каргашевскаго, о мнѣніи же Цеплина—умолчалъ совершенно²⁾: полное достоинства и прямодушія объясненіе профессора заставило попечителя молча согласиться съ нимъ, не смотря на инсинуацію Яковкина³⁾ и на то, что въ непріятномъ для Румовскаго дѣлѣ Ахматова Цеплинъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Дѣло Ахматова обострило отношенія Яковкина къ Цеплину и убѣдило директора, что въ лицѣ старѣйшаго представителя профессорской коллегіи онъ имѣетъ опаснаго и зоркаго противника, готоваго открыто и энергично отстаивать права Совѣта и способнаго привлечь на свою сторону единомышленниковъ, враждебно настроенныхъ къ самовластнымъ проискамъ. Сознывая, что открыто противодѣйствовать оппозиціи Цеплина не всегда удобно и возможно, безъ ущерба своему престижу, какъ довѣренному лицу попечителя, Яковкинъ тайно стремится уронить своего противника въ гла-

¹⁾ Мнѣніе это сохранилось въ *Собраніи разныхъ входящихъ бумагъ* (1805 г. № 19 л. 55) и напечатано ниже въ «Приложеніяхъ».

²⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* 1805 г. № 18: Предложенія попечителя Совѣту л. 66.—*Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 37b и 38a.

³⁾ Относительно мнѣнія Каргашевскаго и Цеплина, Яковкинъ, въ письмѣ къ попечителю (18 іюля), замѣтилъ, что «оба оныя объясненія показались ему мало внимательными».

захъ Румовскаго и дискредитировать его не только какъ члена коллегіи, но и какъ человѣка. По справедливому замѣчанію историка Казанскаго университета, Яковкинъ не пропускалъ ни одного, даже самаго пустаго повода, чтобы не выставить Цеплина въ неблагопріятномъ свѣтѣ предъ начальствомъ ¹⁾. Выше мы указали на то, съ какимъ намѣреніемъ Яковкинъ вывелъ Цеплина предъ попечителемъ въ роли „прорицателя“. Это, по дошедшимъ къ намъ ланнымъ, былъ первый случай директорской инсинуаціи на профессора: вскорѣ послѣдовали и другіе. Не успѣло заглохнуть дѣло Ахматова, какъ Яковкинъ торопится донести попечителю (27 іюня) о новомъ „некоразумѣніи“ между нимъ и Цеплинымъ. „Въ готовимомъ къ августу спискѣ о чинахъ университета, сообщалъ Яковкинъ, написанъ я былъ первымъ, по волѣ писца. Профессоръ Цеплипъ, усмотрѣвъ сіе, весьма тѣмъ обидѣлся и настоялъ, чтобы его имя поставлено было первымъ, доказывая сіе старшинствомъ его утвержденія въ званіи профессора. Совершенно равнодушно взирая на сіе обстоятельство, осмѣливаюсь я его представить на начальническое Вашего Превосходительства разрѣшеніе“. Румовскій тоже „равнодушно“ отнесся къ донесенію директора, и сообщилъ, что „мнѣніе свое преимуществѣ“ выскажетъ тогда, когда получитъ списокъ о чинахъ университета. „Мнѣ пріятно, заключилъ попечитель, что вы рвеніе г. Цеплина приняли равнодушно“ ²⁾. Этимъ „мѣстнической споръ“ хотя тогда и кончился, но Яковкинъ, слѣдуя своей тактикѣ унижать Цеплина, вспомнилъ объ этомъ недоразумѣніи въ будущемъ году, сообщая начальству, что при составленіи формуляровъ ожидаетъ „много шума о первенствѣ и для укрощенія сего приказалъ *на особливыхъ листахъ* писать формуляры свой и профессора Цеплина“ ³⁾.

Вскорѣ послѣ того Яковкинъ доноситъ попечителю (11 іюля 1805 года), что во время университетскаго акта 10 іюля 1805 года, „съ особеннымъ сердечнымъ прискорбіемъ замѣтилъ я и наибольшая часть публики взяла на замѣчаніе,

¹⁾ Буличъ I, стр. 73.

²⁾ Архивъ Казанск. унив. Дѣло Попеч. 1805 г. № 15.—Н. П. Заоскинъ, Исторія Казанскаго университета т. I, стр. 143.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 25 сентября 1806 года.

что г. Цеплинъ пришелъ уже въ собраніе подь конецъ большой нѣмецкой рѣчи, спустя два часа послѣ назначенныхъ въ собранію четырехъ часовъ пополудни“. При нормальномъ взглядѣ на обязанности профессоровъ, „донесеніе“ подобнаго рода едва-ли было-бы возможнымъ, но Яковкинъ, въ глазахъ котораго представители высшей науки приравнявались только къ *университетскимъ чиновникамъ*¹⁾, раздраженный притомъ оппозиціей Цеплина, поспѣшилъ сообщеніемъ, не разгусывая даже причины опозданія. Попечитель, принявъ, вѣроятно, во вниманіе, что описанный случай имѣлъ мѣсто во время перваго торжественнаго собранія университета, немедленно сообщилъ Совѣту (24 іюля 1805 г. № 230), „что происшествіе дошло до его свѣдѣнія стороною“ и что онъ требуетъ увѣдомленія: „ктобы это былъ изъ гг. членовъ Совѣта, который не соблюлъ должнаго порядка?“ Цеплинъ не уклонился отъ прамого отвѣта и въ меморіи Совѣта (12 августа), представленной попечителю по поводу его запроса, изложено: „Профессоръ Цеплинъ объявляетъ: 9-го іюля послѣ обѣда текла у него кровь изъ носу и пришелъ потому однимъ часомъ позже“. Определено: „донести о семъ г. попечителю“²⁾. Догадываясь, кто былъ виновникомъ доноса, Цеплинъ и далъ объясненіе въ той формѣ, которая соотвѣтствовала мелочности самаго доноса попечителю: излишнее усердіе Яковкина повредить Цеплину произвело то, что Румовскому пришлось примириться съ отвѣтомъ, ироническій тонъ котораго не соотвѣтствовалъ серьезности запроса, сдѣланнаго оффиціально членамъ Совѣта. Отвѣтъ Цеплина не ускользнулъ отъ бдительности Яковкина и онъ, помимо Совѣта, немедленно донесъ о томъ попечителю³⁾.

Фискальнымъ характеромъ отзывается и слѣдующее сообщеніе Яковкина Румовскому (18 іюля 1805 года) „о мальчикѣ, служившемъ у Цеплина и сбѣжавшимъ отъ него“.

¹⁾ Письма Яковкина къ Румовскому отъ 13 марта и 8 мая 1806 года.— Даже о. пресвитера Данкова Яковкинъ причислялъ къ «чиновникамъ». «До слезъ жаль сего чиновника», писалъ директоръ Румовскому (25 іюля 1805 г.) по поводу предсмертной болѣзни пресвитера.

²⁾ *Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 38b.—*Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ* 1805 г. л. 80.—*Предложеніе попечителя Совѣту Казанской гимназіи* 1805 г. л. 74.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 15 августа 1805 года.

Въ засѣданіи Совѣта 17 іюля 1805 года было заслушано сообщеніе изъ Казанскаго Совѣстнаго суда (13 іюля № 322) о томъ, что оставленный у Цеплина капитаномъ казанскаго драгунскаго полка Густавомъ фонъ Юстомъ малолѣтній мальчикъ Фридрихъ Шеферъ препровожденъ „въ сужденію“ изъ Казанскаго Губернскаго Правленія и что Совѣстный судъ просить университетъ объявить профессору Цеплину „явиться для касательнаго по производимому надъ симъ мальчикомъ дѣлу изъясненія“¹⁾. Намъ неизвѣстны подробности и вонецъ этого дѣла—въ чемъ обвиняли служившаго у Цеплина мальчика и какія „изъясненія“ требовались отъ профессора? Характерно то, что Совѣтъ, не выждавъ объясненій Цеплина, пользовавшагося въ то время каникулярнымъ отпускомъ²⁾, опредѣлили: объявить ему чрезъ выписку изъ протокола о полученномъ изъ Совѣстнаго суда сообщеніи³⁾. Хотя университетъ въ то время, по заявленію Румовскаго „и не воспріялъ совершеннаго своего существованія“⁴⁾, но Цеплинъ, какъ профессоръ, не лишень былъ права, согласно § 147 Устава 1804 года, представить свои объясненія или въ Контору, замѣнявшую Правленіе или Совѣту гимназій, который, слѣдуя предписанію попечителя, могъ входить въ извѣстныхъ случаяхъ въ дѣла, касающіяся университета⁵⁾. Вслѣдствіе узкоформальнаго взгляда Яковкина на значеніе университета и личнаго его нерасположенія къ Цеплину, послѣдній незаконно былъ лишень возможности воспользоваться привилегіями, дарованными званію профессора. Сообщая о постановленіи Совѣта Румовскому, Яковкинъ не безъ злорадства указалъ при этомъ, что Цеплинъ „уѣхалъ куда то въ деревню, не извѣстивъ его о томъ... и что время покажетъ, какъ онъ рѣшится поступить въ дѣлѣ о мальчикѣ“⁶⁾.

¹⁾ *Протоколы Совѣта 1805 л. 30.*

²⁾ *Протоколы Совѣта 1805 г. л. 29b.—Письмо Яковкина къ Румовскому 18 іюля 1805 года.*

³⁾ *Проток. Совѣта 1805 г. л. 30b.*

⁴⁾ *Архивъ Казанскаго унив. 1805 г. № 18 л. 73: Предложеніе попечителя Совѣту 24 іюля 1805 г. № 22.*

⁵⁾ *Исходная Совѣта гимназій 1805 г. № 133 л. 23a.*

⁶⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому 18 іюля 1805 года.*

Такъ уже въ первые мѣсяцы университетской дѣятельности Цеплина кругомъ него тайно раскидывались умѣлой рукой сѣти доносовъ и инсинуацій. Испытавъ лично нерасположеніе къ себѣ Яковкина, зная его за довѣренное лицо попечителя, Цеплинъ, ознакомившись съ средой и нравами глухой провинціи, жившей эгоизмомъ, навѣтами и повседневными дразгами—могъ достаточно убѣдиться, что Яковкинъ, видя въ немъ преграду своему самовластію, не скупится клеветать и доносить на него Румовскому: и Цеплинъ рѣшилъ бороться, но не изъ за личныхъ притязаній и на почвѣ доносовъ начальству, а въ защиту игнорируемыхъ Яковкинымъ правъ университетской самостоятельности. Обстоятельства благопріятствовали задуманной борьбѣ. Яковкинъ не пользовался симпатіями большинства сослуживцевъ уже въ періодъ своего управленія гимназіей. По учрежденіи соединеннаго Совѣта университета и гимназіи, Яковкинъ, по словамъ его біографа, „видѣлъ кругомъ себя общую нелюбовь и постоянно жаловался и возбуждалъ попечителя“¹⁾. Новые адъюнкты, особенно Карташевскій и Запольскій, обойденные производствомъ въ профессора и недовольные увеличеніемъ часовъ преподаванія на 1805—1806 учебный годъ, не пропускали удобнаго случая оказывать противодѣйствіе самовластію и затѣямъ директора. При такомъ настроеніи новаго Совѣта къ его предсѣдателю, прямая, открытая личность Цеплина и его энергичная оппозиція, скоро привлекли къ нему симпатіи сочленовъ. Кромѣ пресвитера Данкова, о сближеніи котораго съ первымъ казанскимъ профессоромъ мы уже говорили²⁾, очень скоро по основаніи университета сталъ поддерживать Цеплина въ борьбѣ съ Яковкинымъ Карташевскій, личныя свойства котораго внушали къ нему общее уваженіе и дозволяли имѣть вліяніе на товарищевъ³⁾.

Вслѣдъ за Карташевскимъ, въ ряды приверженцевъ Цеплина всталъ Запольскій, землякъ Карташевскаго по Малоросіи, другъ и товарищъ по Московскому университету⁴⁾. 27-го

¹⁾ Буличъ I, стр. 341.

²⁾ См. выше, стр. 94 и слѣд.

³⁾ Тамъ же стр. 46 и нашъ очеркъ: Казанская гимназія наканунѣ основанія университета. Казань 1900, стр. 42.

⁴⁾ Буличъ I стр. 79—80 и 375.

іюля 1805 года прїѣхалъ въ Казань и 31-го явился въ собраніе Совѣта первый профессоръ древностей, литературы и языка латинскаго—*Мартинъ Готфридъ Германъ*.¹⁾ Онъ родился въ 1755 году и былъ почти на двадцать лѣтъ старше Цеплина, высшее образованіе получилъ въ Гёттингенскомъ университетѣ, гдѣ учился и работалъ въ филологической семинаріи извѣстнаго издателя *Виргилія—Гейне*. Имя Германа, бывшаго до назначенія своего въ Казань начальникомъ учебныхъ завѣденій (*Institutsvorsteher*) сначала въ Гамбургѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ (въ 1800 г.)²⁾, а можетъ быть и самъ профессоръ, сдѣлались извѣстными Цеплину въ періодъ студенчества въ Гёттингенѣ, когда вышелъ въ свѣтъ обширное сочиненіе Германа о греческой мнѳологіи, изданное при непосредственномъ участіи самого Гейне³⁾, къ слушателямъ котораго, какъ было замѣчено нами⁴⁾, принадлежалъ и Цеплинъ. Въ Казани Германъ сошелся съ своимъ соотечественникомъ уже въ первую недѣлю послѣ своего прїѣзда. Цеплинъ тотчасъ поставилъ его „au courant“ существовавшихъ тогда отношеній между членами Совѣта и Германъ, не колеблясь, применилъ всецѣло къ его планамъ—отстаивать самостоятельность университетской коллегіи отъ деспотическихъ притязаній ея предсѣдателя. Сближеніе Цеплина съ Германомъ очень обезпокоило Яковкина. „Умноженіе иностранцевъ чиновниковъ университета, писалъ онъ Румовскому вскорѣ по прїѣздѣ Германа (22 августа 1805 г.), чтобъ не навлекло и высшему начальству болѣе еще безпокойства, когда и съ нынѣшними нѣмцами (т. е. съ Цеплинымъ и Германомъ) ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самолюбія“. Такимъ образомъ, во второй половинѣ 1805 года, подъ эгидой Цеплина возникали тѣ устои и ядро борьбы съ директорствамъ

¹⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 1805 года.

²⁾ *Eckstein*, *Nomenclator Philologorum*, p. 243.—*Pökel*, *Philologisches Schriftsteller-Lexikon*, p. 118.

³⁾ Заглавіе этого сочиненія слѣдующее: *Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod. Mit Anmerkungen von Heyne*. 3 Bände mit einer Sternkarte Berl. 1787—90 (1798—1800). *Пөкель* (стр. 118) указываетъ и на второй трудъ Германа: *Die Feste Hellas*, вышедшій въ 1803 году.

⁴⁾ См. выше, стр. 12.

самовластіемъ, которымъ Яковкинъ, по мѣрѣ ихъ усиленія и развитія съ прибытіемъ новыхъ профессоровъ, давалъ названіе „комплота“, „брамолы“ и „гидры“.

Первымъ результатомъ сближенія Цеплина съ Германомъ было новое *Положеніе о Совѣтѣ*, явившееся какъ бы отвѣтомъ на предложеніе Карташевскаго—разсмотрѣть условія, въ которыхъ былъ поставленъ соединенный Совѣтъ университета и гимназіи ¹⁾.

Составителемъ этого „Положенія“ явился Цеплинъ. „Пробывъ всю вакацію въ деревнѣ“, онъ, по словамъ Яковкина, „имѣлъ время спроектировать новыя постановленія объ университетскомъ Собраніи и гимназическомъ Совѣтѣ“ ²⁾. Отдѣльныя статьи проекта выработывались и обсуждались „не въ комнатахъ Совѣта, а на квартирахъ Карташевскаго и Запольскаго“, и скрытно отъ Яковкина ³⁾. Возвратившись въ Казань въ началѣ августа, о чемъ Яковкинъ освѣдомился „стороною“ ⁴⁾, Цеплинъ привезъ съ собою уже готовый проектъ. Въ двухъ „партикулярныхъ“ собраніяхъ Совѣта, 11-го и 12 августа, Цеплинъ читалъ свой проектъ, сначала на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ въ латинскомъ переводѣ Запольскаго, исправленномъ Германомъ ⁵⁾.

„Положеніе“ состояло изъ 11 параграфовъ, значительно расширившихъ компетенцію Совѣта и ограничивавшихъ произволъ предсѣдателя коллегіи. Совѣтъ, составленный изъ профессоровъ и адъюнктовъ, долженъ былъ именоваться Совѣтомъ Казанскаго университета (§ 1). Предсѣдателемъ долженъ быть, слѣдуя старшинству, одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, назначаемый поочередно, срокомъ на одинъ мѣсяцъ (§ 3: *quisque professorum ordinariorum vicissim, secundum ordinem, quo nominatus fuerat, per unum mensem fungatur praesidio*). Бумаги, адресованныя въ Совѣтъ, должны вскрываться не иначе, какъ въ засѣданіи, для чего оно назначается въ день полученія петербургской почты (§ 4 и 5). Отдѣльнаго рапорта о происходившемъ въ Совѣтѣ не допускается

¹⁾ См. *выше*, стр. 102.

²⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 15 августа 1805 года.

³⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 22 августа 1805 года.

⁴⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 8 августа 1805 года.

⁵⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 15 августа 1805 года.

(§ 7). Остальные параграфы „Положенія“ соотвѣтствовали болѣе или менѣе требованіямъ устава 1804 года, причѣмъ Совѣту поручались учебныя дѣла округа, а также гимназія съ ея директоромъ. Этому положенію предшествовало вступленіе, въ которомъ указывалось на то, что, при постоянномъ увеличеніи числа профессоровъ, права и обязанности которыхъ значительно разнятся отъ правъ и обязанностей учителей Казанской гимназіи—настало наконецъ время точнѣе опредѣлить кругъ дѣйствій университета и гимназіи (*quum numerus professorum ...in dies augeatur, quorum iura et officia multum a iuribus et officiis praeceptorum gymnasii Casanensis differunt—iam nunc tempus erit amborum horum institutorum limites paulo accuratius expendendi et definiendi*). Это тѣмъ болѣе необходимо (*hoc eo magis necessarium*), говорилось въ „Положеніи“, что въ отношеніяхъ господствуетъ полнѣйшая неопредѣленность, не разъ возбуждавшая пустые споры и напрасную трату времени (*iam pluribus disputationibus tempus plerumque male teritur*). Къ „Положенію“ было приложено за подписями Германа и Цеплина французское письмо къ Румовскому, въ которомъ они заявляли, „что ихъ намѣренія совершенно чисты и чужды личнаго интереса и честолюбія“ (*nos intentions sont le plus desinteressées et elles sont bien éloignées de toute ambition quelconque*).

Указанныя отличительныя черты новыхъ совѣтскихъ правилъ имѣютъ первостепенное значеніе для выясненія личнаго настроенія перваго профессора и его взглядовъ на положеніе возникавшаго расадника высшей науки. Цеплинъ сознавалъ всю бесполезность личной борьбы за права тогдашняго Совѣта, онъ не желалъ продолженія коллегіальныхъ смуть, „зачинщикомъ“ которыхъ успѣшилъ выставить его Яковкинъ, но въ то же время онъ не могъ не указать на то невыносимое положеніе, въ которомъ очутились первые представители университетской науки, лишенные дарованныхъ уставомъ привилегій, тѣснимые деспотизмомъ попечительскаго ставленника. Въстѣ съ первыми правдивыми представителями университетской науки въ Казани, Цеплинъ прозорливо предвидѣлъ, что неопредѣленность положенія, обусловленная фатальнымъ сочетаніемъ университетской и гимназической сферы дѣйствій, отстаиваемая притомъ ради личныхъ видовъ и самовласти Яковкинымъ, приведетъ въ смутамъ и катастрофѣ...

Необходимо замѣтить, что и глава тогдашняго Министерства, графъ Завадовскій, какъ указываетъ Н. П. Загоскинъ, прекрасно понималъ всю нелѣпость и даже неправомѣрность этой румовско-яковкинско-й комбинаціи—открытія университета въ его упрощенномъ видѣ, ставившемъ новый рассадникъ высшей науки въ рѣзкое и непримиримое противорѣчіе съ дарованнымъ ему уставомъ императора Александра перваго ¹⁾). Если бы Румовскій, слѣдуя призыву Цеплина, предоставилъ сразу университету автономное развитіе въ предѣлахъ этого Устава—то многія, темныя стороны, омрачившія начальный періодъ жизни перваго рассадника высшей науки на Востокѣ Россіи не имѣли бы мѣста. Но первый казанскій попечитель оказался болѣе опытнымъ ученымъ, чѣмъ администраторомъ и притомъ человѣкомъ безхарактернымъ, податливо подчинявшимся наговорамъ своего фаворита. Послѣдній, съ своей стороны, не упустилъ случая вооружить попечителя противъ проекта новыхъ правилъ.

Послѣ „партикулярнаго“ обсужденія „Положенія“ въ собраніяхъ 11-го и 12-го августа, писалъ Яковкинъ Румовскому (15 августа), надѣялся я получить копію проекта, чтобы „сдѣлать нужныя замѣчанія и ввести ихъ въ дѣло“; при составленіи же протокола о новыхъ правилахъ онъ имѣлъ въ виду заявить, что „слѣдуетъ придерживаться прежнихъ предписаній и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Кто изъ членовъ Совѣта не доволенъ принятымъ веденіемъ дѣлъ въ засѣданіяхъ, тотъ, по мнѣнію директора, можетъ лично довести объ этомъ г. Попечителю“ ²⁾). Но Цеплинъ предупредилъ намѣреніе Яковкина. „По окончаніи засѣданія Совѣта 19 августа, пишетъ директоръ, онъ лично представилъ мнѣ для прочтенія новыя свои положенія о собраніи университетскихъ чиновъ, прибавивъ къ тому, что онъ препроводитъ ихъ попечителю“. Это очень удивило Яковкина. Онъ съ недоумѣніемъ останавливается на заявленіи „въ самомъ вступленіи проекта, что профессора и адъюнкты просятъ Его Превосхо-

¹⁾ Н. П. Загоскинъ, *Исторія Казанскаго университета* I, стр. 40—41.

²⁾ *Omnia agenda sunt praescripta et exsequenda; posteriora expectanda. Ceterum quis membrorum Consilii non est contentus praescriptis regulis agendorum, projiciat et referat ipse Suae Excell. Domino Curatori.*

дительство не только обратить вниманіе на то, о чемъ они разсуждали и въ слѣдующихъ словахъ заключили, но и вмѣстѣ утвердили начальническою своею властью“. Директоръ удостовѣряетъ, что только „нетерпѣливость г. Цеплина умѣла воспользоваться временемъ моей болѣзни, дабы препроводить оныя статьи въ Вашему Превосходительству, можетъ быть и подъ видомъ якобы отъ имени Совѣта, безъ всякаго постановленія о томъ надлежащаго протокола“. По существу самаго „Положенія“, директоръ убѣжденъ, что онъ устремленъ противъ профессора Яковкина. „Все пророки избіени суть, и остана азъ единъ на жертву Вааловымъ жрецомъ“, заявляетъ онъ. „Удостоите, Ваше Превосходительство, простить великодушно сіе мое выраженіе: человекъ, какъ человекъ, поневолѣ долженъ чувствовать все стремленіе злобы и зависти. Но доволѣ не престануть дѣйствовать во мнѣ присяга и совѣсть, дотолѣ ни на едину іоту не отступлю отъ ихъ внушеній, и да судитъ о томъ мой Сердцевѣдец“. Въ концѣ своей реляціи Яковкинъ высказываетъ убѣжденіе, что „самъ попечитель усмотритъ, сколь всѣ оныя статьи сообразны и съ общими законными постановленіями сходны“¹⁾. Старанія Яковкина возымѣли желанный результатъ. Получивъ въ половинѣ августа письмо обоихъ профессоровъ и выработанныя ими „положенія“, Румовскій, „оставивъ планъ ихъ безъ вниманія“, далъ знать Герману, что попечитель „не властенъ отмѣнить то, что утверждено Министромъ; что они мѣшались не въ свое дѣло и что лучше обратить имъ свои дарованія и свѣдѣнія на наставленіе юношества, для котораго призваны“²⁾. Такъ кончилась попытка мирнаго разрѣшенія назрѣвавшихъ въ близкомъ будущемъ смуть и неурядиць.

Дальнѣйшая дѣятельность Цеплина въ Совѣтѣ за послѣдніе четыре мѣсяца 1805 года прошла мирно, „безъ прихотей“, по выраженію Яковкина³⁾. Категорическое предъупрежденіе Румовскаго—не вмѣшиваться въ чужое дѣло⁴⁾, а также то обстоятельство, что прибывшіе въ концѣ года по-

¹⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 22 августа 1805 года.

²⁾ Дѣло Архива Мин. Народн. Просв. за 1806 годъ Ж 3963 карт. 136, л. 70.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 18 сентября 1805 года.

⁴⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 3 октября 1805 года.

вые профессора: Бюнеманъ, Сторль, Фуксъ оказались на сторонѣ Яковкина, замѣтно умѣрили оппозиціонныя стремленія Цеплина и его партіи. Вскорѣ старѣйшему профессору Казанскаго университета пришлось выступить и въ официальной роли замѣстителя Яковкина. Въ засѣданіи Совѣта 9-го октября, директоръ доложилъ, что попечитель приказалъ ему отправиться въ деревню Нарманку, близъ Тетюшъ, „для открытія найденнаго тамъ слоновьяго костяка; на время же отсутствія его приказалъ дѣла по ученой части препоручить г. профессору Цеплину, по части же надзиранія даны указанія главному надзирателю, который, въ случаѣ надобности, не преминетъ относиться къ проф. Цеплину“. Совѣтъ постановилъ: „объявить объ этомъ чрезъ дежурнаго офицера чиновникамъ по учебной части“, причемъ, по просьбѣ Цеплина, ему была выдана копія съ того мѣста письма попечителя, въ которомъ предлагалось Цеплину замѣнить Яковкина¹⁾.

Исполненіе Цеплинымъ обязанностей отсутствовавшего директора продолжалось до конца октября и было проведено мирно и корректно. 18 октября происходило подъ его предсѣдательствомъ засѣданіе Совѣта²⁾. По дошедшимъ къ намъ даннымъ, это официальное собраніе было единственнымъ, имѣвшимъ мѣсто подъ ауспаціями старѣйшаго профессора. Въ засѣданіи, какъ видно изъ его протокола, воспроизведеннаго въ полномъ видѣ въ „Приложеніяхъ“, участвовали: Германъ, Карташевскій, Запольскій, Левицкій, Эрихъ, а также вновь прибывшій профессоръ „Правъ Политическаго, Естественнаго и Народнаго“—Людвигъ Бюнеманъ. Разсмотрѣнію подлежали: а) два предложенія Румовскаго—о доставленіи ему списка студентовъ университета и учениковъ гимназіи за 1805 годъ и объ утвержденіи Министерствомъ профессоровъ: Сторля, Бюнемана, Фукса; б) сообщеніе с.-петербургскаго Цензурнаго Комитета объ изыяннн изъ пролажи сочиненія *M. A. Gallet, Gallerie politique*; в) раппортъ дежурнаго по классамъ офицера Попова объ учебныхъ занятіяхъ въ университетѣ и гимназіи. По всѣмъ этимъ пунктамъ Совѣтомъ были сдѣланы соотвѣтствующія постановленія. Характерной

¹⁾ *Протоколы Совѣта*, 1805 г. л. 56.—*Письмо Яковкина къ Румовскому* 10 октября 1805 года.

²⁾ *Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 58 и 59.

особенностью засѣданія было то, что Цеплинъ, вопреки заведенному Яковкинымъ порядку вскрывать оффиціальныя пакеты до засѣданія, „представилъ въ Совѣтъ и распечаталъ въ присутствіи всѣхъ членовъ полученный имъ съ послѣднею почтою пакетъ на имя Совѣта отъ попечителя Румовскаго“ (28 сентября № 323). Приведенный фактъ нельзя признать случайнымъ или вызваннымъ недостаткомъ знакомства временнаго предсѣдателя съ процедурой засѣданій Совѣта. Въ разсмотрѣнномъ вами выше (стр. 109) „Положеніи о Совѣтѣ“, отвергнутомъ Румовскимъ, Цеплинъ настаивалъ на необходимости „вскрывать бумаги, адресованныя въ Совѣтъ, не иначе какъ въ засѣданіи“. Примѣнить это къ дѣлу Цеплинъ успѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ, отстаивая тѣмъ, какъ свои личныя убѣжденія, такъ и права корпоративнаго управленія, вѣденію котораго онъ неотступно стремился подчинить всѣ стороны университетской жизни.

Глава пятая

ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ СОВѢТСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЦЕПЛИНА.

(1806 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Второй періодъ совѣтской дѣятельности Цеплина.

(1806 г.).

Временное затишіе въ Совѣтѣ.—Усиленіе оппозиціи съ прїѣздомъ профессора Каменскаго и тревоги Яковкина.—Участіе Цеплина въ дѣлѣ главнаго надзирателя Пухинскаго и въ дѣлѣ „о страсти“ адъюнкта Эвста.—„Несносный шумъ“ Цеплина въ засѣданіяхъ 17 и 18 августа.—Заявленіе его объ „ошибочности“ директорскихъ мнѣній.—„Незаконное“ собраніе Совѣта подъ предсѣдательствомъ Цеплина 24 сентября.—Участіе Цеплина въ пререканіяхъ изъ за избранія главнаго надзирателя.—Допросъ Цеплинымъ секретаря Совѣта Левицкаго.—Пререканія по поводу формуляра г. Пото.—Рапортъ Левицкаго попечителю и „despatch“ Цеплина.—Схватка Цеплина съ Яковкинымъ въ засѣданіи 3-го ноября.—Грозное предложеніе попечителя 8-го ноября.—Критическое положеніе Цеплина въ засѣданіи 23 ноября.—Частныя собранія оппозиціонной партіи у Германа, Цеплина, Запольскаго.—Усилія Яковкина опорочить Цеплина въ глазахъ попечителя.—Донось проф. Сторля на Цеплина и его партію.—Требованіе Яковкина уволить Цеплина.—Представленіе Румовскаго о Цеплинѣ Министру Народнаго Просвѣщенія.—Запрещеніе Цеплину участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта.—Роковое собраніе Совѣта 5-го декабря.—Новыя возни противъ Цеплина.—Разочарованіе попечителя.—Увольненіе Цеплина и его истинныя причины.—Протесты Цеплина и его прошеніе на Высочайшее Имя.—Неудачный исходъ жалобъ Цеплина и отъѣздъ его въ Петербургъ.

Насталъ 1806 годъ—роковой для Цеплина и нѣкоторыхъ его приверженцевъ. Первая половина года не предвѣщала никакихъ осложненій въ управленіи университетомъ и гимназіей, такъ какъ дѣла, поступавшія въ Совѣтъ, не возбуждали пререканій, не разжигали страстей и потому разрешались мирно или единогласно „принимались къ свѣденію, руководству и исполненію“¹⁾. Такъ, въ засѣданіи 31 января, вслѣдствіе предложенія попечителя Яковкину (18 января 1806 года № 36), опредѣлено было, „чтобы профессора и адъюнкты въ слѣдующее собраніе объявили чрезъ записки, чѣмъ они занимались съ своими слушателями въ 1805 году и какъ далеко прошли свои лекціи“²⁾. Въ собраніи Совѣта 10 марта постановлено было, „въ виду неотстроеннаго еще университетскаго зданія и по недостатку въ Казани удобныхъ квартиръ“—отнестись по этому предмету къ попечителю съ надлежащимъ ходатайствомъ³⁾. Въ засѣданіи 23 февраля было уважено заявленіе отсутствовавшего по болѣзни Цеплина, сдѣланное имъ на „совѣтской повѣсткѣ“, относительно того, что для разсмотрѣнія „Годового отчета университетской суммы за 1805 годъ“ слѣдуетъ назначить особое предварительное засѣданіе. Подъ заявленіемъ Цеплина подписались Бюнеманъ, Германъ, Сторль, Эрихъ и Совѣтъ постановилъ избрать для разсмотрѣнія упомянутаго отчета особый комитетъ изъ Бюнемана, Левицкаго и Запольскаго⁴⁾. Это замѣчаніе Цеплина, о которомъ не преминулъ увѣдомить Яковкинъ попечителя⁵⁾, является за весь разсматриваемый періодъ его дѣятельности въ Совѣтѣ единственнымъ отголоскомъ его прежнихъ, неразъ бур-

¹⁾ *Протоколы Совѣта*, 1806 г. кн. 1 л. 1—52а.

²⁾ *Тамъ-же*, л. 11а. Свѣдѣнія эти были вписаны въ «Вѣдомость по части ученія» за 1805 годъ (*Протоколы Совѣта* 1806 г. л. 13).

³⁾ *Тамъ-же*, л. 22б.

⁴⁾ Подробнѣе объ этомъ изложено нами въ статьѣ: «О древнѣйшей советской повѣсткѣ» Казанскаго университета (*Учен. Зап.* 1902 г. декабрь, Унив. дѣлопись стр. 1—6). Копія самой повѣстки съ заявленіемъ Цеплина напечатана ниже, въ «П р и л о ж е н і я х ъ».

⁵⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 13 марта 1806 года: «Рапортъ Вашему Превосходительству о ревизованіи издержекъ университетскихъ подписанъ всеми членами Совѣта, кромѣ проф. Цеплина, по неизвѣстной причинѣ».

ныхъ протестовъ: главный противникъ Яковкина навремя подчинился общему мирному настроенію.

Но тишина въ Совѣтѣ продолжалась недолго. Въ мартѣ 1806 года прибылъ въ Совѣтъ первый профессоръ-медикъ Казанскаго университета Иванъ Петровичъ Каменскій. Человѣкъ самостоятельнаго и стойкаго характера, столь свойственнаго уроженцамъ Малороссіи, въ которыхъ принадлежалъ вновь избранный Румовскимъ профессоръ, Каменскій, полный юношеской энергіи (ему тогда было 33 года ¹⁾), скоро успѣлъ ориентироваться въ двухъ взаимно противоположныхъ совѣтскихъ партіяхъ и „разкусивъ“ Яковкина, рѣшительно применилъ въ началѣ лѣта 1806 года къ противникамъ директора. Не смотря на наружное спокойствіе, водворившееся въ Совѣтѣ, глухая вражда и неудовольствіе противъ Яковкина скрытно ширились и влокотали. Въ письмахъ къ попечителю съ августа и сентября 1806 года, директоръ жалуется на „обнаружившееся сопротивление и заговоръ“, на „необузданность университетскихъ членовъ“ и указываетъ на „новыя начинанія и затѣи въ особыхъ собраніяхъ“, о которыхъ онъ „тайно увѣдомился“ (14 августа). „Адскія зависть и злоба“, пишетъ Яковкинъ (21 августа), приводятъ меня въ трепеть однимъ даже своимъ напоминаніемъ...“; „въ Совѣтѣ страшусь и слово вымолвить“ (14 августа). „Въ прошедшую только пятницу увѣдомился я достовѣрно, что комплотъ противъ меня начался уже съ самаго пріѣзда г. Каменскаго въ Казань; потому что онъ и Запольскій, посѣщая вице-губернатора весьма часто, особенно старались внушить ему и во многихъ другихъ домахъ по городу, что жизнь моя безпорядочна и невоздержна“ (21 августа). По поводу предстоявшаго засѣданія для выбора новаго главнаго надзирателя, Яковкинъ писалъ (4 сентября): „Я не надѣюсь ничего добраго и твердаго, частію по интригамъ, частію по пристрастію... частію въ чаяніи усилить чиоло безпокойныхъ еще однимъ чиновникомъ гимназій. Да и не надѣюсь, что противу криву гг. проф. Цеплина и Германа съ ихъ тремя единомышленниками не истощилось все дарованное мнѣ милостію Господа терпѣніе, раз-

¹⁾ Каменскій былъ сынъ малороссійскаго войскового товарища и родился въ 1773 году (*Н. Заушкинъ, Матеріалы, I, № 33*).

вѣ только допустить имъ колобродить, какъ хотятъ: но сіе противно присягѣ моей и совѣсти. Для удержанія порядку вчера наклеены зерпальные листы на хранилище, дабы при первомъ шумѣ рекомендовать имъ прочтеніе ихъ, а особливо Указъ 1724 года о всевозможной благопристойности въ присутствіи при зеркалѣ“. Къ этимъ „единомышленникамъ Цеплина и Германа“ принадлежали: Каменскій, Карташевскій и Запольскій, образовавшіе совѣтскую партію оппозиціи, сильную числомъ и нравственными качествами своихъ представителей. Къ ней скоро примениуль и Бюнеманъ, сначала поддерживавшій Яковина, но затѣмъ, по словамъ директора, „впавшій по слабости своей въ разставленныя для него коварственныя сѣти“: Бюнеманъ столь близко сошелся съ Цеплинымъ, что, при отсутствіи его въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, записывалъ на особой бумагѣ, для передачи ему потомъ, текстъ латинскихъ разсужденій членовъ и постановленій Совѣта новыми еврейскими буквами. ¹⁾ Открыто на сторонѣ Яковина былъ только „добродушный“ профессоръ Сторль и креатура директора адъюнктъ Эвель. Борьба съ оппозиціей во главѣ съ такими „зачинщиками смуты“, какъ Цеплинъ и Каменскій, предстояла упорная и, какъ сейчасъ увидимъ причинила много неприяностей властолюбивому ставленнику Румовскаго; она же всецѣло поглотила вниманіе Цеплина и была причиною его первой отставки ²⁾.

¹⁾ Буличъ I, стр. 93.

²⁾ Источниками для исторіи этого бурнаго періода въ жизни Казанскаго университета, кромѣ *Протоколовъ Совѣта* за 1806 годъ кн. I, л. 52b—74a и кн. II л. 1—70, а также переписки Яковина съ Румовскимъ съ іюля 1806 г., по мартъ 1807, служатъ главнымъ образомъ *Дѣло Архива Министрства Народнаго Просвѣщенія* за 1806 годъ № 3963 карт. № 136 подъ заглавіемъ: По представленію попечителя Казанскаго университета о прошедшихъ въ Совѣтъ Казанской гимназій безпорядкахъ и объ удаленіи отъ должности профессоровъ: Каменскаго, Цеплина и адъюнкта Карташевскаго. Начато 11 октября 1806 года, кончено 20 октября 1807 г., на 73 листахъ. Дѣло это содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы, непосредственно относящіеся къ исторіи дѣятельности и удаленія Цеплина: 1) Представленіе Румовскаго Министру Нар. Просв. Завадовскому, 9 октября 1806 г. № 363 (л. 1—16); 2) Письмо Завадовскаго къ Румовскому, 20 октября 1806 г. № 545 (л. 17); 3) Письмо Румовскаго къ Завадовскому 25 октября 1806 г. № 391 (л. 18—23);

Въ засѣданіи Совѣта 3 іюля Яковкинъ доложилъ, что главный надзиратель гимназіи *Пухинскій* по „закономъ причинахъ“ уволенъ имъ отъ должности¹⁾. Таеъ какъ Пухинскій, „былъ опредѣленъ къ должности“ попечителемъ, а не Совѣтомъ, то членамъ послѣдняго надлежало, по мнѣнію Румовскаго, принять только къ свѣдѣнію заявленіе директора, „а не судить дѣло по существу своему до Совѣта не относящееся“²⁾. Однако Совѣтъ, по „многочисномъ разсужденіи“³⁾, опредѣлили за подписью всѣхъ членовъ, „что профессоръ Яковкинъ имѣетъ увѣдомить Совѣтъ о причинѣ удаленія Пухинскаго“ (*Prof. Iakovkin dabit consilio causas suspensionis*), и только затѣмъ должно состояться представленіе отъ Совѣта на рѣшеніе Попечителя (*consilium cogitata causa repraesentabit domino Curatori rem ad decidendum*⁴⁾). Тѣмъ не

4) Письмо Завадовскаго Румовскому 14 ноября 1806 г. № 603 (л. 26); 5) Письмо Запольскаго къ Завадовскому 8 января 1807 г. (л. 29—33); 6) Представленіе Цеплина Завадовскому 16 января 1807 г. (л. 34—35); 7) Письмо Румовскаго Завадовскому 19 янв. 1807 г. № 61 (л. 36—37); 8) Отвѣтъ Завадовскаго Румовскому 23 янв 1807 г. (л. 38); 9) Письмо Казанскаго гражданскаго Губернатора Мансурова къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубеву отъ 28 февраля 1807 г. (л. 41—44); 10) Объясненіе Румовскаго на письмо Мансурова 19 апрѣля 1807 г. № 228 (л. 48—54); 11) Письмо статсъ-секретаря Молчанова къ Завадовскому 16 окт. 1807 г. № 545 (л. 60); 12) Записка по дѣлу объ увольненіи отъ должности Казанскаго университета профессора Цеплина, безъ точной даты, но съ 1807 года (л. 61—76).—Къ этимъ документамъ слѣдуетъ отнести и три письма профессора Сторля (два къ Яковкину и одно къ Румовскому) отъ 7 іюля, 10 августа и 15 сентября 1806 года, сохранившіяся въ томъ же «Дѣлѣ» Архива Мин. Народнаго Просвѣщенія лл. 8, 10 и 12.

¹⁾ *Протоколы Совѣта* 1806 г. кн. I, л. 52b.—*Письмо Яковкина къ Румовскому* 3 іюля 1806 года.

²⁾ *Дѣло Архива Мин. Народн. Просвѣщенія* 1806 г. № 3963, карт. 136 л. 3 и 6.

³⁾ *Тамъ-же*, л. 6.

⁴⁾ *Протоколы Совѣта* 1806 г. кн. I, л. 52b.—*Дѣло Архива Мин. Народн. Просвѣщенія* № 3963, карт. 136 л. 62. Въ указанномъ мѣстѣ «Протоколовъ» встрѣчаются ошибки (должность вмѣсто должности, ея вмѣсто ее, decidendam вм. decidendum), нѣкоторыя слова почему-то поставлены въ скобкахъ. Прошедшій во время засѣданія шумъ, очевидно, не остался безъ вліянія и на составленіе протокола секретаремъ Совѣта Левицкимъ; опредѣленіе по-латыни вписано рукою Германа.

менѣе, въ засѣданіи 7-го іюля, Яковкинъ, сославшись на то, что, согласно предложенію попечителя отъ 19 іюня 1805 года за № 180, заслушанному въ свое время Совѣтомъ, онъ „въ дѣлахъ до благочинія касающихся не подчиненъ Совѣту“ — заявилъ, что не можетъ приступить къ исполненію постановленія Совѣта безъ разрѣшенія попечителя, которому онъ и сообщить объ этомъ ¹⁾. Тогда профессоръ Каменскій, на котораго, по словамъ профессора Сторля, члены оппозиціи взирали какъ на мессію, готоваго избавить ихъ отъ тираніи Яковкина ²⁾, „предложилъ письменно повелительное свое мнѣніе“, сущность котораго состояла въ томъ, что Совѣтъ „необходимо вывести изъ неопредѣленнаго положенія“ и, придавъ ему характеръ университетскаго учрежденія, „освободить его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ“. ³⁾ Совѣтъ, согласившись съ этимъ мнѣніемъ, постановилъ просить попечителя, „чтобы онъ благоволилъ вывести Совѣтъ изъ неопредѣленнаго положенія, въ какомъ онъ теперь находится, освободивъ его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ, яко вѣрренныхъ особому управленію“. Что касается собственно дѣла Пухичскаго, то было опредѣлено передать его, со всеми относящимися къ нему бумагами, на благоусмотрѣніе попечителя ⁴⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ нельзя выдѣлить личнаго, индивидуальнаго участія Цеплина въ „многочисленныхъ засѣданіяхъ“ Совѣта 3-го и 7-го іюля и „въ прихотливыхъ“, по словамъ директора, „затѣяхъ, возбуждаемыхъ другой годъ, въ сіе же самое время“ ⁵⁾. Инициаторъ борьбы противъ Яковкина Цеплинъ, какъ видно, не прибѣгалъ въ то время къ рѣзкимъ выходкамъ и протестамъ, но въ засѣданіяхъ Совѣта онъ

¹⁾ Дѣло Архива Мин. Народн. Просвѣщенія № 3963, карт. 136 л. 3.—*Протоколы Совѣта* 1806 г. I, л. 57.

²⁾ *Письмо Сторля къ Румовскому* 15 сентября 1806 года: «M-r le Prof. Kamensky, que M-rs de la ligue prenaient pour le véritable Messie, descendu de St. Pétersbourg le long de la Volga, le delivrer en dénichant leur éprouvantail, le redoutable Prof. Directeur Iakovkin».

³⁾ *Протоколы Совѣта* 1806 г. I. л. 53а — *Дѣло Архива Мин. Народн. Просвѣщенія* № 3963, карт. 136, л. 64—65.—Мнѣніе Каменскаго полностью помѣщено у Н. П. Заюскина, *Ист. Казан. университета*, I, стр. 170—171.

⁴⁾ *Протоколы Совѣта*, тамъ-же.—*Заюскинъ*, тамъ-же, стр. 172.

⁵⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 10 іюля 1806 г.

рѣшительно и, вѣроятно, не безъ шума становился на сторону своей партіи, въ „частныхъ же собраніяхъ единомышленниковъ“, въ которыхъ выработывался планъ „удаленія Яковкина“, онъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ тому, чтобъ, по словамъ донесенія Румовскаго Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Завадовскому, „должность директора сдѣлать ему горькою“¹⁾). Свѣдѣнія, полученныя попечителемъ изъ Казани, причинили ему „великое огорченіе“ и Румовскій написалъ директору, что онъ хочетъ знать имя того члена, который возбуждаетъ Совѣтъ и требуетъ сообщить его²⁾). Но Яковкинъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ Цеплину, не рѣшился тогда назвать его, но указалъ на Каменскаго³⁾). Съ августа, „главный высочій крикунъ“, снова выступаетъ въ своей роли „запѣвалы“ совѣтскихъ собраній. Такъ въ засѣданіи 8 августа, въ которомъ было доложено предложеніе Румовскаго „уволить Пухинскаго“ согласно донесенію директора и „прискаты на его мѣсто обще съ директоромъ достойнаго человѣка“—Совѣтъ, не смотря на категорическое предписаніе попечителя, демонстративно постановилъ: „сужденіе о семъ предметѣ отложить до того времени, какъ получено будетъ предписаніе г. попечителя на 1 статью опредѣленія постановленнаго 7 іюля“⁴⁾). Подробности совѣтскихъ споровъ по этому поводу намъ неизвѣстны. Но изъ того, что опредѣленіе, идущее въ разрѣзъ съ предписаніемъ Румовскаго, писано рукою Цеплина, мы можемъ заключить, что въ засѣданіи 8 августа онъ съ обычной рѣзкостью и упорствомъ настаивалъ сохранить въ силѣ то постановленіе Совѣта, которое, въ виду заслушаннаго предписанія Румовскаго—уволить Пухинскаго, естественно, не могло имѣть уже надлежащаго значенія. Увлекаемый желаніемъ отстаивать постановленіе коллегіи, вопреки единоличному представленію директора, хотя бы и одобренному властью попечителя, Цеплинъ не сообразилъ вполнѣ нелегальности написаннаго имъ заявленія и тѣмъ далъ лишній поводъ обвинять себя въ неуваженіи „начальственныхъ

¹⁾ *Архивъ Мин. Народн. Просвѣщенія* 1806 г. Дѣло № 3963, карт. 130 л. 3 и 19.—*Письмо Яковкина къ Румовскому* 10 іюля 1806 г.

²⁾ *Письмо Румовскаго къ Яковкину*, 23 іюля 1806 г.

³⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому*, 14 августа 1806 года.

⁴⁾ *Протоколы Совѣта* 1806 г., I, л. 70.—*Дѣло Сов.* 1806 г. № 10 л. 5а.

распоряженій“. Самый текст постановленія большинства, писанный Цеплинымъ очевидно стгорача, страдает неясностью, побудившею Румовскаго обратиться съ предложеніемъ объяснить: „что гг. прфессора и адъюнкты, утвердившіе своимъ подписаніемъ таковое опредѣленіе, разумѣли подъ словами *о семъ предметѣ*—увольненіе-ли Пухинскаго или присканіе на его мѣсто достойнаго человѣка“¹⁾? Еще болѣе рѣзко отозвался нѣсколько позже Румовскій объ этомъ поступкѣ большинства членовъ въ своемъ донесеніи Министру о безпорядкахъ въ гимназій, указавъ, что въ опредѣленіи Совѣта нельзя не усмотрѣть „неуваженія къ предписаніямъ попечителя“ и попытки „возстановить въ гимназій безначаліе“²⁾.

Одновременно съ пререканіями объ увольненіи Пухинскаго, новыя разногласія среди членовъ Совѣта вызвало такъ называемое дѣло „о болѣзни или страсти адъюнкта Эвеста“, переданное на заключеніе въ Совѣтъ по инициативѣ Румовскаго. Осенью 1805 года, Эвестъ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ химіи и „матеріи медики“ и въ началѣ 1806 года, по представленію Яковкина, расположеніемъ котораго онъ пользовался, опредѣленъ былъ инспекторомъ гимназій³⁾. Вскорѣ послѣ того, Эвестъ сталъ подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ, обратившимъ на себя вниманіе его сослуживцевъ и городского общества. Недовольный своимъ положеніемъ въ университетѣ, Каменскій, въ іюлѣ 1806 года, жалуясь въ письмѣ къ попечителю на самовластіе Яковкина, упоминалъ о тѣхъ лицахъ, которымъ покровительствуетъ директоръ въ ущербъ лицамъ достойнымъ. „Въ числѣ ихъ одинъ (Эвестъ), писалъ онъ, обладаемый одною изъ сильвѣйшихъ страстей, которая рѣдко можетъ быть скрытою и столь гласно обнаружилась предъ воспитанниками и цѣлымъ городомъ, получилъ первое мѣсто при гимназій чрезъ ходатайство Яковкина“⁴⁾. Несмотря на

¹⁾ *Предложеніе Румовскаго Совѣту* 30 августа 1806 г. № 308.

²⁾ *Дѣло Архива Мин. Народн. Просвѣщенія* 1806 г. № 3963 карт. 136-кл. 9, 11, 66, 67.

³⁾ *Записки*, Матеріалы, I, л. 106.

⁴⁾ *Арх. Казан. унив.* Дѣло Сов. № 11 1806 года л. 2.—*Дѣло Арх. Мин. Народн. Просвѣщенія* л. 72. Подробности о «страсти» Эвеста приводитъ Буличъ I стр. 124—130; 357—364.

объясненія, данныя Яковинимъ, относительно болѣзненныхъ припадковъ Эвеста ¹⁾, Румовскій, не довѣряя сообщенію Каменскаго, предписалъ разсмотрѣть въ Совѣтѣ взведенное на Эвеста обвиненіе. Цѣлыхъ пять продолжительныхъ засѣданій (17 и 18 августа, 19, 20 и 21 сентября), было посвящено разбору этого единственнаго въ исторіи университетовъ дѣла ²⁾. Пренія отличались страстностью, въ протоколы, по требованію членовъ, записывалось очень многое, причемъ каждый изъ участниковъ засѣданія, кромѣ Эвеста и Каменскаго, не включенныхъ въ собраніе, какъ стороны заинтересованныя, представилъ свое особое мнѣніе „о страсти“ казанскаго адъюнкта ³⁾. По словамъ Яковина въ письмѣ къ Румовскому (21 августа 1806 года) „въ субботнемъ и воскресномъ засѣданіяхъ Совѣта несносенъ былъ шумъ профессоровъ Германа и Цеплина, такъ что по неоднократнымъ его напоминаніямъ едва возмогъ онъ правести ихъ въ порядку и равнодушію“. Но мнѣнія Цеплина были объективны и серьезны.

Въ запискѣ объ увольненіи его отъ должности Министръ удостовѣрилъ, что „Цеплинъ вмѣстѣ съ четырьмя профессорами и двумя адъюнктами далъ объ Эвестѣ рѣшительное и прехвальное свидѣтельство“, заявивъ, что съ нравственной стороны онъ не замѣчалъ въ немъ ничего дурного, (*pessimis facta in sensu morali a D-no Evest ego non vidi*), въ знанія же медицины онъ считаетъ его искуснымъ и свѣдущимъ (*quod restat D-um Evest laude in scientiis medicinae versatissimum et eruditum, haud frustrandum esse duco*) ⁴⁾. Въ засѣданіи 17 августа Цеплинъ указалъ на необходимость узнать отъ Фукса, пользовавшаго Эвеста, не страдаетъ-ли его

¹⁾ Въ рапортѣ Румовскому (21 августа 1806 г. № 91) Яковинъ причину болѣзненныхъ припадковъ Эвеста объяснялъ «сильной горячкой»; Фуксъ — усматривалъ здѣсь «*febris callida*» съ послѣдовавшей затѣмъ «*mania*» (Письмо Яковина къ Румовскому 21 августа 1806 г.), а Будичъ (стр. 128) — временное «психическое разстройство, вызванное домашними неурядиствами».

²⁾ Письмо Яковина къ Румовскому 21 августа 1806 г.: «субботнее засѣданіе продолжалось отъ 9 утра до 2¹/₂ часовъ по полудни».

³⁾ Письмо Яковина къ Румовскому 18 и 25 сентября 1806 года.

⁴⁾ Дѣло Арх. Мин. Народн. Просвѣщенія 1806 г. № 3963 карт. 136 л. 72.— Арх. Казанск. унив. Дѣло Попеч. 1808 г. № 29 (по описи № 11) л. 2а.

паціентъ przypadками сумашествія (*perturbatione mentis*)¹⁾, а въ слѣдующемъ собраніи Совѣта (18 августа) онъ умѣстно предложилъ вопросъ о томъ, что не знаетъ, о состояніи здоровья Эвеста въ какое время спрашиваютъ: до письма Каменскаго, во время этого письма или по написаніи его? Если идетъ рѣчь о настоящемъ состояніи здоровья (18 августа), то какимъ образомъ могъ его предвидѣть Каменскій въ письмѣ своемъ, писанномъ 10 іюля? О томъ времени есть свидѣтельство Фукса. Что же касается до настоящаго состоянія здоровья Эвеста, говоритъ Цеплинъ, то я видѣлъ его два дня тому назадъ при исполненіи обязанностей (*officia sua peragentem*) и, какъ кажется мнѣ, онъ совершенно здоровъ (*sanum*)²⁾. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла, Цеплинъ применилъ къ иностраннымъ членамъ Совѣта, рѣшившимъ потребовать объясненія отъ самого Каменскаго. Когда въ засѣданіи 19 сентября было заслушано новое предложеніе Румовскаго (6 сентября 1806 г. № 327) „вторично разсмотрѣть безъ жару, но съ приличною мѣстою тишиною, въ самомъ ли дѣлѣ г. Эвестъ таковъ, какъ описываетъ его г. профессоръ Каменскій“ — то Цеплинъ, вмѣстѣ съ Германомъ, потребовали перевода предложенія попечителя сначала на словахъ, а затѣмъ на бумагѣ, указавъ вторично на необходимость предложить Каменскому объяснить смыслъ выраженія объ Эвестѣ въ письмѣ своемъ. Однако Яковкинъ воспротивился этому, ссылаясь на слова въ предложеніи попечителя: „не вмѣшивая ничего посторонняго“³⁾. На это возраженіе Цеплинъ замѣтилъ, „что Яковкинъ ошибается“ (*me errare*). Директоръ призналъ эти слова „неприличными“ въ собраніи Совѣта и напомнилъ Цеплину, что слѣдуетъ остерегаться въ будущемъ подобныхъ выраженій, какъ незаконныхъ. Но въ слѣдующемъ засѣданіи по дѣлу Эвеста Цеплинъ опять замѣтилъ Яковкину, „что онъ ошибается“ (*me esse in errore*), причѣмъ утверждалъ, что въ словахъ этихъ нѣтъ ничего противозаконнаго (*affirmando, illa verba non esse contra legem*). Такъ какъ Цеплинъ продолжалъ настаивать на своемъ и не обнаруживалъ раскаянія (*nec roe-*

1) Дѣло Попеч. 1808 г. № 29 (по описи № 11) л. 11а.

2) Тамъ-же л. 2а

3) Письмо Яковкина къ Румовскому 25 сентября 1806 года.

nituit eum), то Яковкинъ попросилъ его прочесть зеркальный указъ 21 января 1724 года о благопристойности въ судебныхъ мѣстахъ. „Вставши со мною со стула, пишетъ директоръ, подошелъ къ зеркалу, но отозвался отъ прочтенія незнаніемъ русскаго языка“. Яковкинъ потребовалъ, чтобы о происшедшемъ было занесено въ протоколъ для сообщенія попечителю, но Цеплинъ воспротивился этому и Яковкинъ донесъ о происшедшемъ Румовскому особымъ рапортомъ¹⁾. Какъ увидимъ ниже, эти замѣчанія Цеплина объ „ошибочности“ директорскихъ мнѣній были однимъ изъ поводовъ увольненія его отъ должности.

Вскорѣ послѣ того, образъ дѣйствій Цеплина вызвалъ новыя жалобы и доносы Яковкина. Въ засѣданіи 20 сентября было постановлено, чтобы 24-го числа въ 11 часовъ до полудни собрались частнымъ образомъ въ залѣ Совѣта Сторль, Германъ и секретарь Левицкій для окончательнаго прочтенія протоколовъ дѣла о „страсти“ Эвеста, сличенія латинскихъ копій, запечатанія всего дѣла для храненія въ Архивъ и приготовленія бумагъ на почту для представленія попечителю. Цеплинъ настаивалъ на томъ, чтобы въ это число быть официальному собранію, но Яковкинъ отклонилъ предложеніе по недостатку времени. Цеплинъ не слался. Когда Яковкинъ, положившись на свое заявленіе, 24 сентября утромъ уѣхалъ на охоту, то Цеплинъ частное собраніе превратилъ какъ бы въ законное засѣданіе и, собравъ прочихъ членовъ, объявилъ въ 11 часовъ Совѣтъ, заявивъ, что хотя Яковкина нѣтъ, но онъ старшій профессоръ²⁾. О своемъ старшинствѣ, доноситъ директоръ попечителю, „Цеплинъ и прежде многократно говаривалъ въ присутствіи Совѣта, какъ и нынѣ и потому открылъ засѣданіе, начавшееся и окончившееся только запискою, что меня въ присутствіи нѣтъ, а больше всего нужнѣйшаго, особливо по приводимымъ съ намѣреніемъ сужденіямъ

¹⁾ Инцидентъ этотъ описанъ Яковкинымъ въ письмѣ къ Румовскому (25 сентября 1806 года), а также въ донесеніи его Совѣту, помѣженномъ въ Дѣлѣ 1806 года № 10 л. 45 и напечатанномъ ниже въ «Приложеніяхъ».

²⁾ Рапортъ Яковкина Румовскому 2 октября 1806 г. № 103 и письмо къ нему же 25 сентября 1806 года.

своимъ о двухъ предписаніяхъ Вашего Превосходительства въ разсужденіи Совѣту Казанской гимназіи и по дѣлу отрѣшенія главнаго надзирателя, а единственно желая поставить мнѣ въ вину только мое отсутствіе—ничего не сдѣлали, какъ будто бы только для того и собрались, чтобы я не былъ, хотя еще въ началѣ перваго часа былъ уже я дома ¹⁾). Безъ протокола, безъ исходящаго нумера, безъ всякаго законнаго порядка, рѣшились послать оныя затѣи Вашему Превосходительству; но въ томъ, кромѣ Цеплина, Германа, нарочно призваннаго Каменскаго уже въ продолженіи засѣданія своего и Запольскаго, прочіе не виноваты, а подписали оное, не приписавъ только къ прозваніямъ своимъ *vi coactus*, подобно студенту, коего принуждали къ браку ²⁾).

Одновременно съ пререканіями о „страсти“ Эвеста, въ Совѣтѣ возникли горячіе споры и недоразумѣнія по поводу избранія преемника главному надзирателю Пухинскому, должность котораго Румовскій предложилъ замѣстить Совѣту. Рѣшенію этого вопроса было посвящено нѣсколько засѣданій въ сентябрѣ и октябрѣ и хотя Цеплинъ „за болѣзнь“ неразъ пропускалъ собранія членовъ Совѣта, онъ однако принималъ живое участіе въ рѣшеніи самаго дѣла, отстаивая, какъ всегда, самостоятельность коллегіи и правильность принятыхъ ею рѣшеній.

Особенно „шумнымъ“ было засѣданіе 12 сентября, въ которомъ Яковкинъ не могъ объявить предписаній Румовскаго „по той причинѣ, что гг. сочлены, проводя въ пустыхъ преніяхъ время, не хотѣли прежде окончить всѣхъ текущихъ дѣлъ“... По словамъ директора, „таковыя сопротивленія... отъ Запольскаго, Цеплина и Германа, сколько отяготительны, столько же и нестерпимы“ ³⁾). Въ собраніи Совѣта 27 сентября, Цеплинъ, вмѣстѣ съ Германомъ, Бюнеманомъ и Запольскимъ подписываетъ составленное на латинскомъ языкѣ заявленіе; направленное противъ Яковкина и выясняющее правильность дѣйствій членовъ Совѣта въ вопросѣ объ увольненіи Пухинскаго. Сущность этого заявленія заключалась въ

¹⁾ *Рапортъ Яковкина Румовскому 2 октября 1806 г. № 103 и письмо къ нему же 25 сентября 1806 года.*

²⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому 25 сентября 1806 года.—Дѣло Арх. Мин. Народн. Просвѣщенія 1806 г. № 3963 карт. № 136 л. 12.*

³⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому, 18 сентября 1806 года.*

слѣдующемъ ¹⁾. Яковкинъ увѣдомилъ Совѣтъ объ устраненіи Пухинскаго только чрезъ четыре дня по отсылкѣ своего рапорта попечителю. Право увольнять чиновниковъ и разсматривать причины ихъ увольненія предоставлено Совѣту 66 § университетскаго устава. Засѣданіе было назначено 8 августа, несмотря на то, что по § 64 устава этотъ день былъ еще ваканціонный. Въ этомъ засѣданіи было доложено предписаніе попечителя конторѣ, „чтобы Совѣтъ вмѣстѣ съ директоромъ потщился пріискать на мѣсто Пухинскаго достойнаго чиновника“, но при этомъ не было представлено подлинника этого предложенія, вслѣдствіе чего Совѣтъ не знаетъ, все-ли предложеніе сообщается ему или только извлеченіе, почему Совѣтъ также не знаетъ, на какихъ условіяхъ слѣдуетъ дѣлать избраніе главнаго надзирателя. Въ виду возникшихъ сомнѣній, Совѣтъ полагалъ, что онъ поступитъ правильнѣе, если будетъ ожидать особаго предписанія попечителя на имя Совѣта и такимъ образомъ познакомится съ настоящимъ желаніемъ попечителя объ избраніи, тѣмъ болѣе, что при отсрочкѣ можно было бы намѣтить большее число кандидатовъ.

Во второй части своего заявленія, Цеплинъ и другіе протестующіе члены останавливаются на избраніи новаго главнаго надзирателя. Кандидатовъ явилось двое: Упадышевскій, бывшій при директорѣ Лихачевѣ комнатнымъ надзирателемъ и иностранецъ Пото, воспитывавшійся въ Штутгардской академіи Яковкинъ поддерживалъ Упадышевскаго, Пото—иностранцы члены Совѣта съ Цеплинымъ во главѣ. Въ засѣданіи 12 сентября избранымъ оказался Пото. Директоръ считалъ *обоихъ* кандидатовъ достойными занять должность главнаго надзирателя и настаивалъ на томъ, чтобы оба они были представлены попечителю. Но Цеплинъ и другіе протестующіе члены заявили, что Совѣтъ, исполняя въ точности предписаніе попечителя, изъ двухъ заявленныхъ кандидатовъ *выбралъ одного*, котораго по совѣсти считалъ болѣе достойнымъ и способнымъ къ должности главнаго надзирателя, а *не обоихъ*, какъ угодно было представить г. Яковкину на утверж-

¹⁾ Заявленіе сохранилось въ копіи въ *Днѣхъ Совѣта* 1806 г. л. 31 32, подлинникъ же его, какъ видно изъ *Протоковъ Совѣта* 1806 г. 27 сент. ст. 8, былъ препровожденъ попечителю. Ниже, въ «Приложеніяхъ», заявленіе напечатано вполнѣ.

деніе. ¹⁾ На предложеніе директора, сдѣланное въ самомъ концѣ засѣданія, заслушать немедленно два предложенія попечителя (первое—объ особомъ мнѣніи Каменскаго, второе—запросъ Румовскаго: что разумѣютъ профессоры и адъюнкты подъ словами „о семъ предметѣ“ ²⁾), Цеплинъ вмѣстѣ съ другими членами примкнулъ къ тому мнѣнію, что „поелику нѣкоторые изъ членовъ Совѣта не знаютъ російскаго языка, то сужденіе о сихъ предписаніяхъ отложить до будущаго засѣданія, переведши оныя на латинскій языкъ“. Далѣе Цеплинъ, вмѣстѣ съ Германомъ, Бюнеманомъ и Запольскимъ, говорятъ о назначенномъ 24 сентября совѣтскомъ засѣданіи, на которое не явился самъ предсѣдательствующій Яковкинъ и въ заключеніе свидѣлствуются совѣстью и честью объ уваженіи своемъ и къ законамъ и къ предписаніямъ начальства ³⁾).

Вскорѣ послѣ того неожиданный маневръ Яковкина уложилъ близившееся къ концу дѣло о замѣстителѣ Пухинскаго и вызвалъ въ Совѣтѣ новыя, горячія распри и протесты. Въ засѣданіи 17 октября было заслушано предложеніе Румовскаго (4 октября № 355), въ которомъ онъ, увѣдомляя Совѣтъ объ утвержденіи Упадышевскаго въ должности главнаго надзирателя, указывалъ, что, не смотря на сдѣланное попечителемъ предложеніе представить аттестаты, Совѣтъ, „презрѣвъ мое предложеніе, представилъ только свое мнѣніе объ ассессорѣ Пото“. Это указаніе Румовскаго крайне удивило иностранныхъ членовъ Совѣта. Они знали, что у Пото имѣется формулярный о службѣ списокъ или аттестатъ, который вмѣстѣ съ представленіемъ Совѣта о замѣщеніи должности главнаго надзирателя секретарь Совѣта, адъюнктъ Левицкій, обязанъ былъ препроводить попечителю. Чтобы выяснить дѣло, Цеплинъ отъ лица всего Совѣта спросилъ секретаря: „Развѣ не былъ посланъ попечителю формуляръ Пото, замѣняющій собою аттестатъ, выданный казанскимъ поли-

¹⁾ *Протоколы Совѣта* 1806 года кн. II. л. 2b и 3a.—*Буличъ*, I стр. 365. 368—369.

²⁾ *См. выше*, стр. 124.

³⁾ *Буличъ*, I стр. 366.

цеймейстеромъ“?) Секретарь отвѣчалъ отрицательно. Тогда на другой вопросъ: „Почему не былъ посланъ формуляръ и какимъ образомъ секретарь могъ предполагать, что Совѣтъ не желаетъ посылать формуляра попечителю“?), растерявшійся секретарь, „бывши съ намѣреніемъ разбиваемъ въ рѣчахъ своихъ“, какъ рапортуетъ Яковкинъ, „принужденъ былъ отвѣтить, что дастъ отвѣтъ въ будущее засѣданіе“. Яковкинъ указывалъ на незаконность допроса, и это, по его словамъ, „такъ подѣйствовало, что Цеплинъ, сказавъ „*eum febriliter laborare*“ (что онъ болѣнъ лихорадкой), вышелъ изъ залы Совѣта и уѣхалъ домой³⁾). Подписывая протоколъ, директоръ настаивалъ на простомъ исполненіи предложенія попечителя, Цеплинъ же собственноручно внесъ слѣдующее: „Я былъ увѣренъ, что аттестатъ г. Пото посланъ г. попечителю; всѣ же свидѣтельства о г. Пото внесены въ формуляръ, подписанный полицеймейстеромъ“⁴⁾). Къ мнѣнію Цеплина примкнули Германъ и Бюнеманъ, а Сторль и Эвестъ—къ Яковкину⁵⁾). Характернымъ эпилогомъ этого засѣданія, породившаго новую смуту въ Совѣтѣ, явилось увѣдомленіе Румовскаго (4 октяб. № 357), доложенное директоромъ, согласно порученію попечителя. Румовскій извѣщалъ, что онъ „долгомъ почитаетъ стараться исходатайствовать квартирныя деньги для удоволь-

¹⁾ *Consilium quaerit a secretario: «anne formulare pro D. Potot loco attestati a politia dati ad Dominum Curatorem missum sit?»*—Такъ въ протоколахъ Совѣта (л. 27), но въ отвѣтѣ Левницкаго (тамъ-же л. 39) находимъ нѣсколько иную версію вопроса, предложеннаго Цеплинымъ: „*D-us Prof Zeplin quaerebat ex me, consentientibus nonnullis membrorum coetus, numne missum sit formulare D-ni Potot ad excellentissimum virum?»*

²⁾ *Quare non ad Exc. Dominum Curatorem missum est et quomodo secretarius praesumere potuisset, consilium hoc attestatum ad Dom. Curatorem non mittere voluisse?*

³⁾ *Протоколы Сов. 1806 г., II, л. 27.*—Письмо Яковкина къ Румовскому 23 октября 1806 года.

⁴⁾ Тамъ-же, л. 28а: „*Ego vero credidi attestata D-ni Potot ad D-um Exc. Curatorem missa esse. Omnia vero attestata D-ni Potot in Formulare a praefecto urbano subscripto confecta esse.*“ *Peter Zeplin.*

⁵⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому, 23 октября 1806 года.

⁶⁾ *Протоколы Совѣта 1806 г., II л. 28.*

ствозанія тѣхъ изъ членовъ Совѣта, кои соблюдаютъ должное къ начальству уваженіе и несоглашаются съ тѣми, кои въ журналахъ Совѣта помѣщаютъ непристойныя и условныя постановленія, родъ принужденія и презрѣнія къ начальству въ себѣ заключающія“. Это предъупрежденіе Румовскаго, о которомъ онъ „долгомъ своимъ поставлялъ предложить Совѣту“ явилось для Цеплина и его партіи несомнѣннымъ „argumentum ad hominem“, вызвавшимъ, по увѣренію Яковкина, „крайнѣйшее впечатлѣніе въ противникахъ“. Цеплинъ, поддерживаемый Германомъ и Бюнеманомъ, „особенно негодовалъ на то, что Яковкинъ не согласился показать оригиналъ попечительскаго предписанія“, къ которому, однако, онъ отнесся вполне равнодушно, не скрѣпивъ своимъ „подписомъ“ относящейся къ бумагѣ Румовскаго статья въ протоколахъ Совѣта ¹⁾.

Въ двухъ слѣдующихъ засѣданіяхъ (20 и 24 октября) Цеплинъ „за болѣзнь“ не присутствовалъ ²⁾, что однако, не помѣшало ему руководить дѣлами своей партіи и слѣдить за ходомъ коллегіальныхъ постановленій. Въ собраніи Совѣта 24 октября за подписью Цеплина, Германа и Бюнемана было доложено заявленіе (*declaratio*), въ которомъ упомянутыя лица, свидѣтельствуясь честью и искренностью, извѣщаютъ Совѣтъ, что по дѣлу о задержкѣ аттестата Пото они послали попечителю письмо и просятъ занести объ этомъ въ протоколъ, дабы въ будущемъ избѣгнуть нареканій въ томъ, что они дѣйствовали тайно и злоумышленно (*clam et insidiose* ³⁾). Совѣтъ постановилъ: занести объ этомъ въ протоколъ,

¹⁾ Тамъ-же, л. 28b — Письмо Яковкина къ Румовскому 23 октября 1806 года (въ post scriptum).

²⁾ Тамъ-же, л. 29—30

³⁾ Вотъ подлинникъ этого заявленія, составленнаго, судя по языку, Германомъ: «Professores Zepelin, Büne man et Hermann, quod est eorum probitas et sinceritas, consilium faciunt certius se ad Excellentissimum D. Curatorem litteras dedisse, in quibus de non missis D. Potot attestatis locuti sunt et cupiunt, ut haec eorum declaratio protocollo inseratur, ne olim, se clam et insidiosе egisse, accusari possint». Datum Casane die 24 Octobris 1806 (*Протоколъ Сов. 1806 г. л. 35b. — Дѣло Совѣта Ж 10, 1806 г. л. 36a*).

причемъ Цеплингъ написалъ, что онъ согласенъ съ содержаніемъ письма, посланнаго къ попечителю (*Consensi de litteris missis ad D. Curatorem*). Онъ скрѣпилъ также подписью и остальные статьи протокола, но не на обычномъ своемъ мѣстѣ, вслѣдъ за Яковкинымъ, а въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ, не будучи въ Совѣтѣ, онъ подписывалъ его постановленія уже послѣ засѣданія, вѣроятно на дому. Что касается содержанія самаго письма, посланнаго попечителю за подписомъ Цеплина, Германа и Бюнемана, то оно, вслѣдъ за объясненіемъ всего дѣла, заключало въ себѣ указаніе на то странное и непонятное для нихъ обстоятельство, что аттестатъ или формуляръ избраннаго Совѣтомъ и представляемаго къ утвержденію Пото не былъ посланъ къ попечителю, а были посланы напротивъ аттестаты лица не избраннаго и не представляемаго. Въ заключеніе профессора заявляютъ, что они протестуютъ не противъ утвержденія Упадышевскаго, а противъ того порядка (*contra modum*), какимъ все дѣло объ избраніи главнаго надзирателя представлено было ему, попечителю ¹⁾).

Въ засѣданіи 31 октября былъ заслушанъ отвѣтъ Левицкаго на запросы, предложенные ему Цеплинымъ въ собраніи Совѣта 17 октября. Задержку аттестата Пото секретарь старался объяснить тѣмъ, что въ постановленіи Совѣта объ этомъ ничего не упоминалось (*concilium nullam mentionem fecerit*), распорядиться же по собственному усмотрѣнію онъ не могъ. Кромѣ того, въ формулярѣ Пото, призваннаго Совѣтомъ наиболѣе достойнымъ для занятія должности главнаго надзирателя, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его воспитаніи и знаніяхъ. Въ заключеніе, секретарь выразилъ неудовольствіе, что одинъ членъ Совѣта рѣшился допрашивать другого члена (*ut membrum alterum ab altero in quaestionem ducatur*), и просилъ обо всемъ происшедшемъ довести попечителю. По выслушаніи этого, Яковкинъ просилъ занести въ протоколъ, что, по мнѣнію проф. Германа, каждый членъ Совѣта имѣетъ право обращаться съ запросами такого рода, какъ запросы Цеплина въ засѣданіи 17 октября, и даже въ томъ случаѣ, когда секретарь состоитъ членомъ Совѣта. Определено — „пред-

¹⁾ Буличъ, I, стр. 371—372.

ставить съ будущей почтой о выше изложенномъ г. Попечителю на его начальственное разрѣшеніе¹⁾).

Въ этомъ засѣданіи, Цеплинъ, „страдающая лихорадкой“ (*febri laborans*), не присутствовалъ; желая, однако послать къ попечителю свое объясненіе одновременно съ рапортомъ Левицкаго, онъ, какъ пишетъ Яковкинъ, 1-го ноября привезъ по утру рано къ секретарю записку, которою требовалъ назначить собраніе Совѣта 3-го ноября, для принесенія объясненій противъ показаній Левицкаго, угрожая протестомъ, если рапортъ секретаря будетъ посланъ безъ его объясненія“. „Для предотвращенія всякаго пристрастія, продолжаетъ Яковкинъ²⁾ не взирая на одержавшій меня уже съ недѣлю простудный припадокъ... позволилъ я г. Левицкому написать повѣстку о Совѣтѣ, съ прописаніемъ требованія профессора Цеплина. Въ субботу 3 дня едва я могъ пройти въ домъ Тенищевской³⁾, и по потребномъ отдохновеніи, нашедъ въ залѣ только гг. Сторля и Эвеста, занялся выпиской для университета и гимназій вѣдомостей и журналовъ... Когда посошлись и прочіе... Цеплинъ спросилъ меня, гдѣ г. секретарь, на что отвѣчалъ я незнаніемъ, а г. Эвестъ, вставъ съ мѣста, объявилъ отъ имени г. Фукса, что Левицкій боленъ. Тогда Цеплинъ, вынувъ „изъ кармана“ (*e marsupio*, по выраженію Яковкина) бумагу, началъ читать свое заявленіе (*declaratio*)⁴⁾. Онъ доказывалъ, что вопросъ, почему не былъ посланъ формуляръ Пото попе-

¹⁾ *Протоколы Совѣта 1806 г. II л. 39.*— Буличъ, говоря о собраніи Совѣта 17 октября, ошибочно относитъ «латинское объясненіе Левицкаго къ слѣдующему засѣданію» (I стр. 371), происходившему, какъ нами указано выше (стр. 132), 20 октября. Какъ видно изъ приведеннаго мѣста «Протоколовъ», а также изъ письма Яковкина къ Румовскому (6 ноября 1806 года), отвѣтъ Левицкаго былъ заслушанъ только 31 октября, т. е. послѣ двухъ засѣданій, происходившихъ 20 и 24 того же мѣсяца.

²⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому, 6 ноября 1806 года.*

³⁾ Въ этомъ домѣ происходили (обыкновенно по средамъ) засѣданія тогдашняго Совѣта.

⁴⁾ Это заявленіе Цеплина, напечатанное нами полностью въ «Приложеніяхъ», написано въ Протоколахъ (л. 40—41) рукою Эвеста; начало его, отъ словъ «*Declaratio—misisse*» пишется также въ *Днѣхъ Совѣта 1806 года № 10 л. 37а.*— Буличъ (I, 372) опять ошибается, утверждая, что Цеплинъ подалъ свое отдѣльное мнѣніе въ засѣданіи 31 октября.

чителю, былъ въ умѣ почти всѣхъ членовъ (*in fere omnium animo erat*); не онъ лично отъ себя и нѣкоторые члены спрашивали о задержкѣ аттестата, а весь Совѣтъ, что призналъ самъ секретарь, отмѣтивъ въ протоколѣ: „*Consilium quaesivisse*“ (Совѣтъ обратился съ вопросомъ). Спрашивалъ Цеплинъ Левицкаго, не какъ члена Совѣта, а какъ секретаря, который, по обязанности своей, и могъ только дать ему надлежащій отвѣтъ. Запросить же было необходимо, чтобъ отклонить отъ себя упрекъ въ небрежномъ отношеніи (*negligentia*) въ интересамъ кандидата, представляемаго на утверждение попечителя безъ всякаго аттестата. Никто изъ членовъ Совѣта не противился этому вопросу, никто не возражалъ противъ него и самъ секретарь собственноручно внесъ и вопросъ и свой отвѣтъ въ протоколъ. Вопросъ былъ вполне умѣстнымъ (*quaestio non incongrua*) и не заключалъ въ себѣ ничего незаконнаго и противнаго власти. Выслушавъ это заявленіе, Совѣтъ постановилъ: внести это въ протоколъ и препроводить попечителю. Яковкинъ при скрѣпленіи этой статьи замѣтилъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи, высказанномъ 17 октября, относительно замѣщенія должности главнаго надзирателя, согласно предложенію попечителя, послѣ чего Цеплинъ написалъ, „*что и онъ, подобно тому какъ и раньше, нисколько не противится предписанію начальства*“ (*et ego, uti semper declaravi, neque contra expletionem mandati Excell. Dom. Curatoris ullomodo me oppono*).

Но засѣданія 31 октября и 3 ноября прошли далеко не такъ мирно и корректно, какъ свидѣлствуютъ о томъ статьи протокола. „Явные сопротивленія пятерыхъ спорящихъ членовъ Совѣта“, на которыхъ уже раньше жаловался директоръ¹⁾, достигли крайняго напряженія. Бурныя сцены происходили тогда въ Совѣтѣ и Яковкинъ старается описать ихъ попечителю со всѣми подробностями. „Какое же страшное оказали проф. Германъ и Бюнеманъ негодованіе, сообщаетъ Яковкинъ, потому что въ тотъ день (31 октября) Цеплинъ отозвался болѣзненно противъ онаго рапорта (Левицкаго), такъ что первый, разгорячившись, дважды былъ останавливаемъ мною на-

¹⁾ Рапортъ Яковкина Румовскому, 2 октября 1806 г. № 103.

поминаніями въ жару своемъ, за отсутствіемъ главнаго поборника (Цеплина). Безпрестанно со стуломъ своимъ то отодвигался отъ стола, угрожая принести жалобу не только г. министру, но и самому Государю Императору, на что я по нѣмецки принужденъ былъ тогда же сказать: въ чему, государь мой, такія угрозы? онѣ не встали—то подвигался ко мнѣ съ лѣвой стороны, какъ будто тѣснилъ меня съ мѣста, такъ что и я немного подвинулся вправо и при дальнѣйшемъ его ко мнѣ приближеніи намѣренъ былъ совершенно подвинуться на правый уголъ стола, дабы, давъ ему мое мѣсто, привести его тѣмъ сколько нибудь въ чувствіе. Но не успѣвъ ничего сдѣлать своимъ крикомъ и ни мало не возмогши преодолѣть моего хладнокровія, самой нестерпимой для нихъ черты моего характера, схватилъ себя за голову и, сказавшись больнымъ, вышелъ изъ залы Совѣта. Минуть чрезъ десять послѣ его также и Бюнеманъ, заболѣвши, вышелъ, не дождавшись оба конца засѣданія и не подписавъ протоколовъ¹⁾. Въ самомъ началѣ засѣданія 3 ноября у Яковкина произошла рѣзкая схватка съ Цеплинымъ. Приступивъ къ чтенію своего отдѣльнаго мнѣнія, Цеплинъ былъ остановленъ директоромъ ссылкой на указъ 20 января 1724 года, которымъ запрещено начинать другое засѣданіе, безъ подписанія протоколовъ послѣдняго. Это заявленіе вызвало протестъ противниковъ Яковкина и требованіе выслушать мнѣніе Цеплина. Тогда „для убѣжденія ихъ, пишетъ Яковкинъ, подалъ я имъ „Юридическій словарь“ съ присканнымъ онымъ указомъ, который профессоръ Каменскій многократно перечитывая, объявилъ своимъ единомышленникамъ, что я требую справедливо“. Когда Цеплинъ, подписавъ протоколы 24 октября, снова началъ читать свое мнѣніе, то вторично былъ остановленъ предсѣдателемъ, который потребовалъ, чтобы выслушано было его предложеніе о содержаніи указа 1724 года и началъ диктовать его Эвесту, исправлявшему должность секретаря. Здѣсь за Цеплина вступился Каменскій и послѣ первыхъ словъ Яковкина: „профессоромъ-инспекторомъ было предложено“ (*professor inspector proposuit*), онъ остановилъ его, замѣтивъ, что это лишнее, что Совѣтъ не для того собрался, а для выслушанія объясне-

¹⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 6 ноября 1806 года.

нія Цеплина. „Но я еще на это сказалъ, пишетъ дальше Яковкинъ: что важнѣе? бумага-ли нашего сочлена, намъ неизвѣстная, или предлагаемый для исполненія Высочайшій указъ“; тогда Цеплинъ, улыбаясь, прибавилъ: „внесите г. Эвествъ, заявленіе профессора-инспектора о томъ, что ему не очемъ заявлять“ (*scribas, domine Evest, professor inspector proposuit, quod nil habuit ad proponendum*). По слабости моей, шадя мое здоровье, я только пристально посмотрѣлъ на г. Цеплина, что слышали и замѣтили Сторль и Эвествъ и послѣ мнѣ выговаривали, что я не потребовалъ записать сего въ протоколъ, удивляясь только моему хладнокровію“. Продиктовавъ содержаніе указа, Яковкинъ „опять потребовалъ резолюціи“, которая, за подписью всѣхъ, и была выражена словами: „*auditum et explendum est*“ (исполнить заслушанное). Только теперь Цеплину было предоставлено прочесть свое „объясненіе“, которое онъ повторилъ „дважды съ словесными разъясненіями“¹⁾. Жалуюсь „на ковни и злоухищренія“, обнаружившіяся въ засѣданіяхъ 31 октября и 3 ноября, Яковкинъ заключаетъ свое обширное письмо выраженіемъ „чрезвычайнаго изумленія, что Цеплинъ, не бывши 31 октября въ Совѣтѣ, „могъ знать слово въ слово рапортъ Левицкаго и приготовить къ 3 ноября набѣло переписанное и поданное имъ объясненіе“. Недоумѣніе директора разсѣялъ Эвествъ, объяснивъ, что когда Цеплинъ и Германъ занимаютъ Яковкина своими прѣніями, то Каменскій и Запольскій, противъ его сидящіе, занимаются списываніемъ предложенныхъ бумагъ. Директоръ сознается, что онъ этого прежде „ни подумать ни замѣтить не могъ и, обѣщая „впредь быть осторожнѣе“, заключаетъ возгласомъ псалмопѣвца: „Господи! изведи изъ темницы душу мою, исповѣдаться имени твоему“! Приведенныя сцены указывали на крайне обостренныя отношенія двухъ враждебныхъ партій: кризисъ не заставилъ себя долго ждать.

Въ засѣданіи Совѣта 23 ноября было заслушано грозное предложеніе Румовскаго (8 ноября № 402), въ отвѣтъ на заявленія, вызванныя задержкой формуляра Пото. Такъ какъ предложеніе это ярко освѣщаетъ отношенія попечителя къ

¹⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому, 6 ноября 1806 года.—*Дѣло Совѣта*, 1806 года № 10, л. 45.

противникамъ Яковкина вообще и въ частности въ Цеплину, то мы приведемъ его полностью.

„Самовольство и беспорядокъ въ Совѣтѣ до того простерся, писалъ Румовскій, что нѣкоторые изъ членовъ, присвоили себѣ власть начальника, секретаря Совѣта въ ономъ допрашиваютъ?“

„Первый вопросъ: „anne formulare, pro D. no Potto loco attestati a politia dati, ad Dominum Curatorem missum sit ¹⁾“— есть такого рода, что каждый членъ Совѣта имѣлъ право Секретарю Совѣта оной предложить. Но что касается до 2-го: „Quare non ad Curatorem missum sit et quomodo secretarius praesumere potuisset consilium hoc attestatum ad Curatorem non mittere voluisse“ ²⁾),—есть такого рода, что секретарь, имѣя совершенное право на оный не отвѣтствовать, могъ требовать отъ допросителя, чтобы его наставилъ, „quomodo secretarius praesumere potuisset, consilium hoc attestatum ad Curatorem mittere voluisse, cum in protocollo nulla hac de re facta fuerit mentio ³⁾—и когда члены Совѣта, члена своего, переступя все предѣлы благочинія и взаимваго другъ другу уваженія, допрашиваютъ не основательно, для чего онъ не сообщилъ мнѣ того, чего сообщить мнѣ въ протоколѣ не было положено; то сколь же такому повиненъ бы онъ былъ допросу, ежелибъ отважился послать ко мнѣ послушной списокъ безъ опредѣленія Совѣта“?

„Не могу я вообразить, чтобы весь Совѣтъ до того позабылся, чтобы дозволилъ кому нибудь въ общемъ Собраніи самовольно допрашивать члена своего, то препоручаю директору и секретарю увѣдомить меня, кто именно октября 17-го въ Совѣтѣ присутствовали, кто имѣлъ дерзновеніе допрашивать г-на Левицкаго и быть нарушителемъ тишины и спокойствія въ Совѣтѣ, водворяться долженствующихъ? И впредь въ меморіи каждаго засѣданія всегда показывать имена при-

¹⁾ т. е. «посланъ-ли г. попечителю формуляръ г. Пото, выданный ему полицмейстеромъ вмѣсто аттестата?»

²⁾ т. е. «почему аттестатъ не посланъ г. попечителю и какъ секретарь могъ предвидѣть, что Совѣтъ не желаетъ послать аттестатъ?»

³⁾ т. е. «какъ могъ секретарь предвидѣть, что Совѣтъ желаетъ послать этотъ аттестатъ, когда въ протоколѣ объ этомъ вовсе не упоминается».

существовавшихъ въ Совѣтѣ и кто первый дѣлаетъ подобныя предложенія, дабы я въ обузданію начинщиковъ своевольства могъ принять надлежащія мѣры“.

„Получено мною письмо октября отъ 22-го дня за подписаніемъ гг. професс. Цеплина, Германа и Бюнемана, въ которомъ они равномерно, какъ и въ протоколѣ октября 17-го дня, послушной списокъ, аттестатъ и мнѣніе Совѣта почитаютъ за одно и тоже. Вразумлять ихъ, что сіи вещи суть между собою различны, я ни права ни смѣлости не имѣю. Они дозволили себѣ, минуя Совѣтъ, сообщить мнѣ копию съ послушнаго списка г. Потто, господиномъ Полицеймейстеромъ подписаннаго, на которомъ утверждаясь, Совѣтъ удостоивалъ его быть главнымъ надзирателемъ, ибо свидѣтельство г. Потто о самомъ себѣ въ прошеніи прописанное и въ Совѣтѣ за основаніе принятое, нимало не заслуживаетъ вниманія. Они пишутъ: „Attestatum eius officiorum (sc. Potto) continebatur in formulare usitato, ubi omnia ejus munera ab initio usque ad hunc diem enumerantur et laudantur“¹⁾. Сіе увѣреніе побудило меня разсмотрѣть формулярный списокъ Потто. Чтожъ я въ немъ нашель? Въ столбцѣ, котораго оглавленіе: *къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ или нтъ?* ничего не отмѣчено. Разсматривая же столбецъ, въ которомъ показывается, *когда вступилъ въ службу и какими чинами проходилъ (?)*, между прочимъ нашель, что въ 1801 г. изъ коллежскихъ секретарей перемѣщенъ онъ въ вѣдомство Экспедиціи Конскихъ заводовъ Бронницкаго Конскаго завода въ смотрителя. Ежели копія съ формулярнаго списка г. Потто, ко мнѣ доставленная, согласна съ подлиннымъ, то гг. проф. Цеплинъ, Германъ и Бюнеманъ при избраніи въ главные надзиратели столь пристрастно поступили, что тамъ нашли похвалу или одобреніе, гдѣ ея нѣтъ и пусто; а ежели въ подлинникѣ удостоивается онъ способнымъ на службѣ и къ прохоженію, то они по предосужденію своему и копію ко мнѣ доставленной не хотѣли сличить съ подлинниками. Но какъ бы то ни было, я думаю, что весь Совѣтъ согласится со мною, что должность надзирателя надъ воспитанни-

¹⁾ «Аттестатъ о службѣ Потто помѣщенъ въ формулярѣ, гдѣ прописаны всѣ его должности съ самаго начала до настоящаго времени».

вами отъ должности частнаго пристава и смотрителя вонскаго завода разнятся, какъ небо отъ земли. Между тѣмъ я желаю, чтобъ секретарь Совѣта доставилъ мнѣ точную копію послужнаго списка отъ г. Потто, Совѣту представленнаго“.

„Пишутъ еще упомянутые гг. профессоры: „*Quam ob causam vero attestata Consilio praesentata non missa sint, attestata vero a Consilio non praesentata ad D-num Curatorem transmissa sunt, nescimus*“¹⁾). На сіе отвѣтствую: Аттестата г. Потто послать ко мнѣ было невозможно, для того, что онъ самъ не представилъ никакого, а послужнаго списка потому, что о доставленіи онаго ко мнѣ въ протоколъ ничего не сказано, что не безызвѣстно и гг. профессорамъ, но хотя бы и было сказано, то исполнено было бы мое предложеніе потому, что формулярный списокъ, не есть аттестатъ“.

„Что касается до аттестатовъ г. Упадышевскаго: поелику прошеніе его подано было на имя директора, то онъ предложилъ его достойнымъ званію надзирательскаго, не взирая на то, принято-ли Совѣтомъ или не принято Совѣтомъ въ уваженіе прошеніе г. Упадышевскаго, долженъ былъ оправдать свое мнѣніе, и, доставляя мнѣ, аттестаты его ничего не сдѣлалъ, какъ въ точности исполнилъ мое предложеніе, за которое и за попеченіе его объ общемъ благѣ свидѣтельствую ему мою благодарность, тѣмъ паче, что ежелибъ онъ не предостерегъ меня доставленіемъ аттестатовъ г. Упадышевскаго, то, основываясь на мнѣніи гг. проф. Цеплина, Германа и ихъ сообщниковъ къ неизгладимому стыду моему человѣкъ, оказавшій способность быть надзирателемъ воннаго завода принять онъ былъ къ надзиранію надъ воспитываемымъ юношествомъ. Сей странный случай принуждаетъ меня просить директора, чтобы онъ и впредь по долгу своему доставлялъ мнѣ полезныя для меня и всего общества свѣдѣнія, особливо же о поступкахъ и обращеніяхъ, нарушающихъ въ Совѣтѣ тишину, благочиніе и присвоющихъ власть поставленнаго надъ онымъ начальника“. По выслушаніи этого предложенія Совѣтъ опредѣлилъ: „Исполнить предписаніе Его Превосходительства, доставивъ ему свѣдѣнія, кто именно октября 17-го

¹⁾ Намъ неизвѣстно, «отчего попечителю не посланъ аттестатъ, представленный Совѣту, а отправленъ аттестатъ, неизвѣстный Совѣту».

числа въ Совѣтѣ присутствовали, кто имѣлъ дерзновеніе допрашивать г. Левицкаго и быть нарушителемъ тишины и спокойствія въ Совѣтѣ водворяться должествующихъ; 2) въ меморіи каждаго засѣданія всегда показывать имена присутствовавшихъ въ Совѣтѣ; 3) кто первый дѣлалъ какія предложенія; 4) чтобы секретарь Совѣта доставилъ Его Превосходительству точную копию послужнаго списка отъ г. Пото, Совѣту представленнаго; 5) чтобы г. директоръ и впредь по долгу своему доставлялъ его Превосходительству полезныя для него и всего общества свѣдѣнія, особливо же о поступкахъ и обращеніи, нарушающихъ въ Совѣтѣ тишину, благочиніе и присвоющихъ себѣ власть поставленнаго надъ онымъ начальства; 6) гг. профессорамъ Цеплину и Бюнеману, по ихъ требованію, дать копии, согласно съ предписаніемъ Его Превосходительства отъ 18 октября с. г. подъ № 373¹⁾.

Этимъ постановленіямъ предшествовалъ рядъ сценъ, характерныхъ для дѣятельности перваго профессора въ тогдашнемъ Совѣтѣ. За отсутствіемъ по болѣзни въ засѣданіи Германа, Каменскаго и Карташевскаго, Цеплину одному вмѣстѣ съ „простенькимъ“, по выраженію Яковкина, Бюнеманомъ пришлось отстаивать интересы и права своей партіи отъ притязаній директора. Заявленіе Яковкина о полученныхъ имъ двухъ предписаніяхъ попечителя обезпочило профессора и онъ, по словамъ директора къ Румовскому (27 ноября), „съ самаго его прихода въ Совѣтъ многократно выспрашивалъ Яковкина о содержаніи поступившихъ къ нему бумагъ, „но я, заявляетъ Яковкинъ, всякій разъ отклонялъ оное тѣмъ, что услышите, когда ихъ читать будутъ...“ Чтеніе предложенія попечителя объ отрѣшеніи отъ должности Ахматова произвело на Цеплина, „какъ стараго его поборника и защитника, великое и весьма примѣтное впечатлѣніе“; но услышавъ въ переводѣ, что должность Ахматова занята „достойнымъ и способнымъ, Цеплинъ, по увѣренію Яковкина, скрылъ свою злобу, сказавъ, „что Совѣту тутъ дѣлать нечего“. Затѣмъ было доложено предложеніе (8 ноября № 403), въ которомъ попечитель, утверждая первымъ бібліотекаремъ университета профессора Сторля и поручая ему составить каталоги и пра-

1) *Протоколы Совѣта*, 1806 г. книга II л. 46b—48.

вила для бібліотеки, поручилъ Совѣту немедленно собрать всѣ находящіяся у профессоровъ книги. „Однимъ профессоромъ Цеплинымъ, писалъ Румовскій въ Совѣтъ, въ удивленію моему, забрана восемьдесятъ одна книга; въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своеволие, которому конецъ положить считаю своимъ долгомъ“¹⁾). Предложеніе попечителя было вызвано донесеніемъ Яковкина (18 сентября 1806 г.), что Цеплинъ отказался возвратитъ въ бібліотеку книги, составшись на то, „что всѣ книги и вещи по причинѣ поправки дома уложены въ ящикахъ“. „Домъ у Цеплина деревянный, писалъ директоръ, въ несчастномъ случаѣ онъ отвѣчать не въ состояніи, и вся потеря должна пасть на отчетъ начальника гимназіи“. Предписаніе Румовскаго неприятно поразило Цеплина. „Отзывался сперва онъ, рапортуетъ Яковкинъ попечителю, незнаніемъ о приказаніи обревизовать бібліотеку; но въ томъ изобличенъ былъ профессорами Сторлемъ, Фуксомъ и Бюнеманомъ. Думалъ, что не забралъ онъ 81 книги изъ бібліотеки, но поданный отъ бібліотекаря рапортъ и въ томъ его изобличилъ. Противъ назначенія бібліотекаря спорить и шумѣть не посмѣлъ, устыдившись, можетъ быть, пришедшаго тогда въ первый разъ въ Совѣтъ адъюнта Городчанинова“. Еще болѣе разгорячился Цеплинъ при заслушаніи втораго предложенія Румовскаго—о допросѣ секретаря и усиліяхъ избранія Пото въ главные надзиратели. „При чтеніи на руссійскомъ языкѣ, продолжаетъ свою реляцію Яковкинъ, безпрестанно почти останавливалъ протестомъ своимъ, что не онъ, а цѣлый Совѣтъ допрашивалъ, ссылаясь на слова и протоколы; но въ томъ мною былъ изобличаемо, что при первомъ его чтеніи сочиненныхъ имъ трехъ вопросовъ, я изъяснилъ ему совершенное несогласіе на таковой допросъ. *По многовременномъ отъ него и Бюнемана прѣтѣніи и отговоркахъ, едва я возмогу возстановитъ тишину*, чтобъ прослушать имъ латинской онаго предписанія переводъ отъ Запольскаго, который, однако, не менѣе прежняго былъ прерываемо особливотребованіями Цеплина и Бюнемана, чтобъ слушаніе перевода отсрочить до будущаго засѣданія, чему я прямо воспротивилъ-

¹⁾ *Протоколы Совѣта*, 1806 года II л. 41b.

ся“. При голосованіи, Цеплинъ и Бюнеманъ „всевозможно противились постановленію опредѣленій“ и Яковкинъ объявилъ имъ, что они могутъ остаться при своихъ мнѣніяхъ и внести ихъ въ протоколъ“. „И такъ, заключаетъ директоръ, то что можно было сдѣлать не болѣе какъ въ полтора часа“, потребовало, „по причинѣ споровъ и отговорокъ двоихъ только членовъ“ цѣлыхъ пять часовъ (съ 12 до 5-ти часовъ по полудни).

Предложенія попечителя и противодѣйствіе Яковкина, удручающе подѣйствовали на Цеплина; взволнованный, онъ не „досидѣлъ“ до конца собранія и, скрѣпя своимъ подписомъ заслушанныя статьи, сдѣлалъ приписку, что неправильности, допущенныя въ Совѣтѣ при представленіи Пото, и указанныя въ бумагахъ попечителя, произошли оттого, что, отсутствуя въ засѣданіяхъ, онъ лишенъ былъ возможности ознакомиться съ положеніемъ всего дѣла ¹⁾).

Предписаніе попечителя сильно встревожило всѣхъ враговъ Яковкина. Въ тотъ же день вечеромъ, въ 6 часовъ, собрались къ Герману „на другой Совѣтъ“ Цеплинъ, Бюнеманъ, Запольскій, Карташевскій, Каменскій. Туда зашелъ и Фуксъ, навѣститъ больнаго хозяина. Они предполагали призвать въ Совѣтъ пастора для приведенія къ присягѣ Цеплина, Германа и Бюнемана, что не они, а цѣлый Совѣтъ допрашивали секретаря, что послѣдній самъ заявлялъ Совѣту о томъ, что ему неизвѣстна разница между формулярнымъ спискомъ и аттестатомъ. Рѣшено было потребовать отъ секретаря перевода всѣхъ подходящихъ къ дѣлу законовъ для оспариванія предписанія попечителя и для жалобы уже прямо министру. Всѣ эти „недѣлности обстоятельно пересказалъ 24-го ноября“ Яковкину Фуксъ, который, по словамъ директора, „употреблялъ всѣ благоразумныя мѣры, дабы преклонить сію шайку къ должному и безпрекословному повиновенію начальству, но за свои добрые совѣты впалъ и самъ у нихъ въ подозрѣніе пристрастія и приверженности къ директору, а не къ ихъ справедливой сторонѣ“. На другой и на третій день (24 и 25 ноября) бы-

¹⁾ Такъ слѣдуетъ понимать эту не вполне ясную приписку Цеплина: *«Sine dubio haec in Consilio fiunt, quia me absente facta cognoscere non possum»* (Протоколы Совѣта, л. 46b).

ли „собранія Совѣта“ у Цеплина и Запольскаго. „Упражненія обоихъ совѣтовъ“, замѣчаетъ Яковкинъ, „и безъ пророчества могутъ быть извѣстны“¹⁾). Практическаго, однако, результата собранія не имѣли, такъ какъ рѣшительный образъ дѣйствій Румовскаго уничтожилъ всѣ дальнѣйшія затѣи противниковъ всеильнаго директора. Быстро наступалъ и конецъ его пререканій съ Цеплинымъ и засѣданіе 23-го ноября было послѣднимъ, въ которомъ участвовалъ Цеплинъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Казани. Надъ головой старѣйшаго профессора уже давно нависла туча обвиненій и клеветы, неожиданно разразившаяся совершеннымъ удаленіемъ его изъ университета.

Недоразумѣнія и антагонизмъ между Цеплинымъ и Яковкинымъ шли все „crescendo“ уже съ первыхъ собраній соединеннаго Совѣта университета и гимназіи въ 1805 году и достигли своего апогея въ половинѣ слѣдующаго года, когда по стопамъ Цеплина и въ поддержку ему выступилъ второй „зачинщикъ смуть“ энергичный профессоръ Каменскій. Выше (стр. 102-107) мы указали, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Яковкинъ, чтобы очернить и опорочить предъ Румовскимъ старѣйшаго профессора въ начальный періодъ его университетской дѣятельности. Съ усиленіемъ въ 1806 году „комплота“, прозорливый ставленникъ Румовскаго, обезпеченный перспективой лишиться довѣрія своего покровителя въ виду все возрастающихъ протестовъ противной партіи, все болѣе и болѣе стремился къ тому, чтобы открыто выставить Цеплина врагомъ порядка и спокойствія. Постоянно жалуясь и возбуждая попечителя, Яковкинъ, при страсти Румовскаго охотно выслушивать всѣ новости профессорской жизни въ глухомъ, отдаленномъ отъ столицы провинціальномъ городѣ, достигъ вскорѣ того, что попечитель, безконтрольно довѣрившійся своему замѣстителю, сталъ смотрѣть на Цеплина его собственными глазами, считать его такимъ же опаснымъ для спокойнаго теченія университетской жизни человѣкомъ, какимъ признавалъ его Яковкинъ.

[...] Съ половины 1806 года, въ самый разгаръ совѣтской борьбы, Яковкинъ, съ цѣлью еще болѣе убѣдить попечителя

¹⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 27 ноября 1806 года.

въ правдивости сообщаемыхъ ему свѣдѣній о Цеплинѣ и его сторонникахъ, указываетъ въ своихъ письмахъ на двухъ благо-разумныхъ по его мнѣнію профессоровъ—Сторля и Фукса, чтобы тѣмъ побудить Румовскаго освѣдомляться у нихъ о дѣлахъ университета. Приманка удалась и въ началѣ сентября попечитель обратился съ просьбой къ профессору Сторлю сообщить ему официальный отчетъ (*une relation officielle*), о томъ, что происходило въ Совѣтѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Слѣдующаго приглашенію, услужливый Сторль въ половинѣ того-же мѣсяца написалъ Румовскому обширное письмо¹⁾, въ которомъ, изложивъ съ точки зрѣнія Яковкина дѣло о смѣщеніи Пухинскаго и о „страсти“ Эвеста, мрачными красками охарактеризовалъ дѣятельность Цеплина и его партіи. По удовольствію Сторля, заговорщики (*messieurs les ligueurs*) уже съ перваго появленія его въ Совѣтѣ старались привлечь его на свою сторону; указывая на печальное состояніе гимназіи, на необходимость разрушить все до основанія и передѣлать заново, Цеплинъ съ приверженцами предостерегали его отъ подписанія имѣющихъ быть вскорѣ представленными счетовъ

¹⁾ Письмо Румовскаго къ Сторлю къ намъ не дошло. Подлинникъ-же отиѣтнаго письма Сторля хранится въ дѣлѣ *Мин. Народн. Просвѣщ.* № 3963 карт. 136, л. 12. Тамъ же (л. 8 и 10) имѣются и два письма Сторля къ Яковкину, писанныя въ Казани (одно—7-го іюля, другое 20 августа 1806 г.) и пересланныя директоромъ Румовскому. Въ письмахъ этихъ нѣтъ личныхъ указаній на Цеплина, но приведена только общая характеристика противниковъ директора (*la partie opposée*). По мнѣнію Сторля, всѣ они люди пристрастные, несправедливые, поставившіе себѣ цѣлью неотступно преслѣдовать директора и препятствующіе ему *«de faire tout le bien, qui pourroit resulter de nos communes conférences»*. Въ спорахъ своихъ во время засѣданій они до того забываются, «поднимаютъ такой крикъ, что проходящіе мимо оконъ зады совѣтскихъ собраній въ недоумѣніи останавливаются, не слѣдуетъ-ли обратиться къ полиціи съ заявленіемъ усмирить расхорившихся (*et cela va même si loin, que les passans rendus attentifs par leurs disceptations et clameurs, qu'ils s'arrêtent sous le fenêtres de notre sale à conseil, incertains, s'il ne vaudrait mieux d'en avertir la police pour y mettre le hola.*)—Что касается Фукса, то въ архивныхъ дѣлахъ не нашлось указаній на его переписку съ Румовскимъ, хотя Яковкинъ и увѣрялъ попечителя, что «безпристрастный профессоръ Фуксъ не умедлитъ представить на начальственное благо-умотрѣніе мысли свои о состояніи нынѣшняго Совѣта» (письмо 14 августа 1806 года»).

и свои искушенія переманить его на свою сторону простерли до того, что принудили вести совершенно уединенную жизнь и стараться не встрѣчаться съ ними ¹⁾). Время приходило въ постоянныхъ волненіяхъ и вѣчной суматохѣ (*charivari éternel*), писалъ Сторль, а съ прїѣздомъ Каменскаго, вмѣсто глухихъ козней, тайныхъ замысловъ, мы видѣли гигантскія интриги и вражду, доходящую до скандала (*de cabales gigantesques, des animosités, pousseés jusqu'au scandale*). По отношенію къ Цеплину Сторль сообщилъ, что въ угоду своей партіи противникъ Яковкина не остановился передъ угрозой и обманомъ. Желая принудить Сторля подписать постановленіе большинства по дѣлу Эвеста, „Цеплинъ явился къ нему въ 9 часовъ вечера наканунѣ засѣданія и, вынувъ изъ кармана бумагу, клялся, что учинить скандалъ, если дѣло не будетъ рѣшено по его желанію. На другой же день, въ засѣданіи, онъ, продолжаетъ Сторль, старался прикрыть себя именемъ Вашего Превосходительства, указывая намъ протоколъ съ предложеніемъ Вашимъ—имѣть въ виду мнѣніе проф. Цеплина; это обстоятельство и заставило насъ подписать протоколъ, содержаніе котораго не дѣлаетъ намъ чести. И въ то же время, заключаетъ свою реляцію Сторль, самъ профессоръ Цеплинъ трубить по всему городу, что онъ именно спасъ наше доброе имя въ Петербургѣ, гдѣ, безъ него, насъ могли бы признать за безумныхъ“ ²⁾).

¹⁾ ... à peine avois-je mis le pied dans la salle du Conseil... que voilà une invitation formelle de M-r. l'Adj. Zapolsky; et sur mon excuse il venoit me voir quelques jours après chez moi, ou sans me laisser le tems de respirer, il me jura, que l'état actuel de gymnase était si abominable, que sans renverser le tout de fond en comble et le remouler de nouveau, nous nous exposions d'encourir la disgrâce de nôtre auguste Monarque; surtout il m'enjoignit de me bien garder de signer les comptes, qu'on nous allait offrir dans peu... Le même discours me fût repeté par deux de mes collègues ses amis (т. е. Цеплина и Германа). ...Et ils ont poussés leurs tentatives jusqu'à me faire prendre la résolution de mener une vie très retirée, en évitant même de me trouver avec eux à un troisième lieu».

²⁾ Quant au chef d'oeuvre de la réponse adressée directement à Votre Excellence... on a encore usé de supercherie pour la faire signer telle qu'elle est; car la veille du jour, que cette fameuse cause se devoit terminer, le soir à 9 heures M-r. le Prof. Zeplin vint chez moi et en tirant un papier de sa

Одновременно съ этимъ и Яковкинъ не жалѣлъ красокъ, чтобы постоянно вооружать попечителя противъ своего врага. Почти каждое засѣданіе, въ которомъ Цеплинъ не соглашался съ директоромъ, онъ въ письмѣ къ попечителю называетъ „шумнымъ“. Этому охотно вѣритъ Румовскій. „Рѣдкое отъ директора было письмо, сообщаетъ попечитель Министру, которое бы не содержало жалобы на безпрестанныя въ Совѣтѣ пререканія профессора Цеплина“...¹⁾. Напротивъ, по удостовѣренію Яковкина, отсутствіе Цеплина гарантировало спокойствіе Совѣту. „Прошедшій Совѣтъ былъ спокоенъ—пишетъ директоръ попечителю (19 октября 1806 года)—потому что главный высокій крикунъ Цеплинъ отозвался болѣзною, а сотоварищъ его Германъ въ жару своемъ вотще посматривалъ на пустыя его кресла“... Сообщая Румовскому о засѣданіи 8 августа, въ которомъ, какъ мы видѣли, „главный, высокій крикунъ“ принималъ дѣятельное участіе, Яковкинъ, упомянувъ о „необузданности университетскихъ чиновъ“, не стѣсняется называть Цеплина и его приверженцевъ „крамольниками попечителю, буйствомъ и дерзостью ихъ всегда готовыми на самый безсовѣстный обманъ“.

Въ рапортѣ попечителю по дѣлу Пухинскаго (2 октября № 103), онъ прямо сообщаетъ, что „спорящіе члены мнѣнъ быть судьями и правителями директора къ предосуденію высшаго, поставленнаго надъ нимъ законнаго начальства въ особѣ Вашего Превосходительства“. Послѣ этихъ, столь откровенныхъ обличеній, оставался только одинъ шагъ, чтобы просить объ удаленіи Цеплина и Яковкина не замался надъ этимъ. 27 ноября онъ писалъ попечителю: „Многократно уже, Ваше Превосходительство, изволили усматри-

pauche il jura, que si la cause n'étoit terminée à son gré, qu'ilalloit faire scandale... Le lendemain au Conseil il se replioit sur le nom de V. Exc. notre chef, en nous alleguant un protocole, où votre Excellence dit, qu'on devoit avoir égard à l'avis de M.-r le Prof. Zeplin et c'étoit le nom de notre chef, qui nous decida à ne pousser plus loint des discussions.. et de signer un protocole, qui n'est pas fait pour nous faire honneur. Et c'est pourtant le même M.-r. le Prof. Zeplin, qui se vante par toute la ville, que c'est lui qui a sauvé notre honneur à St. Pétersbourg, où, sans lui, nous currions risque d'être traités tous comme de fous».

¹⁾ Дѣло Арх. Мин. Народнаго Просвѣщенія № 3963 карт. 136 л. 20.

вать беспокойный и дерзкій характеръ г. Цеплина; споры его безпрерывны, крикъ нестерпимъ, а усилія къ поддержанію несправедливыхъ своихъ требованій и мнѣній должны были быть всегда для начальства огорчительны; поборники его, полагаясь на него, какъ на каменную стѣну, въ отсутствіи его, сколько мнѣ испытать случилось, большею частью бывали спокойнѣе и не такъ дерзки. Нынѣшніе случаи совершенно обнаружили его истинный характеръ и предъ Вашимъ Превосходительствомъ, также обнаруживаютъ и то, что потребная тишина и порядокъ дотолѣ въ Совѣтѣ не водворятся, доколѣ онъ будетъ въ немъ имѣть голосъ; а потому единственно отдаленіе его изъ Совѣта возможно возстановить и утвердить должный и спокойный порядокъ теченія дѣлъ. Всѣ сіи обстоятельства зависятъ отъ начальственнаго благоразсмотрѣнія Вашего Превосходительства. Съ нимъ всегда въ одномъ комплотѣ и ожесточеніи также и г. профессоръ Германъ; а простенькій Бюнеманъ болѣе достоинъ сожалѣнія по слабости своей, нежели взысканія“. Эти желанія Яковкина исполнились очень скоро: на встрѣчу имъ шелъ самъ попечитель.

Уже во второй половинѣ сентября 1806 года, Румовскій, какъ видно изъ его письма къ Яковкину (20 сентября), хотѣлъ сдѣлать министру „представленіе объ ослушаніи крикуновъ“. Но отсутствіе гр. Завадовскаго изъ Петербурга помѣшало этому.

Въ началѣ октября, Румовскій, обезпокоенный отношеніями членовъ Совѣта Казанской гимназіи, обострившимися со времени возникновенія дѣла Пухинскаго, счелъ необходимымъ представить обо всемъ происшедшемъ Министру Народнаго Просвѣщенія ¹⁾).

Изложивъ обстоятельства, относящіяся къ дѣлу Пухинскаго, а также къ мнѣнію Каменскаго о преобразованіи Совѣта, попечитель указываетъ и на проступки Цеплина, развившіеся въ томъ, что вмѣстѣ съ другими приверженцами смуты, онъ въ засѣданіи 8 августа условно принялъ къ исполненію предложеніе попечителя и что 24 сентября, въ отсут-

¹⁾ Дѣло Арх. Мин. Народнаго Просвѣщенія 1816 г. № 3963 карт. 136, лл. 1—16.

ствіе директора, „самовольно сдѣлавъ собраніе, котораго созывать кромѣ директора никто другой права не имѣеть, открылъ засѣданіе, начавшееся и кончившееся только запискою въ протоколъ, что директора въ присутствіи не было“. Признавая Цеплина, вмѣстѣ съ его сторонниками, „упоеннымъ духомъ неповиновенія“, Румовскій ставитъ ему въ вину и его шумное поведеніе въ Совѣтѣ. „Съ какимъ необыкновеннымъ крикомъ и съ какимъ намѣреніемъ профессора Цеплинъ, Германъ, зачинщикъ Каменской и адъюнкты Карташевскій и Запольскій, отвергаютъ не только директорскія, но и мои предложенія, подношу при семъ копіи съ писемъ профессоромъ Шторлемъ къ директору Яковкину и ко мнѣ писавныхъ, по случаю собранія, бывшаго 7-го іюля и поданнаго мнѣнія профессоромъ Каменскимъ“. Попечитель предупреждаетъ, что „если неповиновеніе упомянутыхъ членовъ останется не наказано и укоренится, то всё его попеченія о благоустроеніи гимназіи и университета останутся тщетными“ (9 октября 1806 года № 363).

Въ отвѣтъ на это донесеніе, Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ Завадовскій, увѣдомилъ попечителя (20 октября 1806 года № 545), „что онъ, дабы обуздать непослушаніе, будетъ ожидать отъ него представленія, кого именно изъ неповиновыхъ надлежитъ отрѣшить отъ должности“. Румовскій не заставилъ себя ждать. Въ новомъ донесеніи министру (25 октября № 391), онъ, указавъ сперва на „любобачаліе“, какъ общую причину „повиновенія къ начальству“ упомянулъ о „голосѣ“ Карташевскаго, уже въ 1805 году приглашавшаго Совѣтъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе круга его дѣлъ и отношеній“. Затѣмъ послѣдовалъ „планъ“ Цеплина и Германа, „клонящійся къ совершенному безначалію“, и попытки противниковъ Яковкина „удалить его отъ должности“ путемъ споровъ „по пустымъ жалобамъ отъ подчиненныхъ въ Совѣтѣ“. Цеплину попечитель ставитъ въ особую вину „его безпреставныя пререканія въ Совѣтѣ“, а также то, что „крикомъ своимъ онъ и нѣкоторое число товарищей всё предложенія дѣлали тщетными“. „Неповиновеніе“ перваго профессора обнаружилось, по мнѣнію Румовскаго, „подписаніемъ журнала 8 августа“. Ходатайствуя предъ Министромъ „объ удаленіи отъ должности“ Карташевскаго и Каменскаго, попечитель просилъ „въ разсужденіи единомышленниковъ ихъ, про-

фессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго предписать директору Яковкину, чтобы онъ въ полномъ Совѣтѣ собраніи сдѣлалъ имъ за оказанное начальству послушаніе выговоръ и отъ лица Вашего Сіятельства имъ объявилъ, что ежели кто изъ нихъ впредь вмѣсто того, чтобы совокупными съ благомыслящими силами стараться о наставленіи и просвѣщеніи ввѣреннаго имъ юношества, отважится презирать приказанія начальства и крикомъ своимъ нарушать будетъ тишину собраній, то и онъ будетъ удаленъ отъ своей должности¹⁾. Отвѣчая Румовскому (4 ноября № 603), Министръ, „отрѣшивъ отъ должностей главныхъ виновниковъ неустройства, Карташевскаго и Каменскаго, предоставилъ усмотрѣнію попечителя поступить также и относительно Цеплина, Германа, Запольскаго, „буде не раскаялся въ своихъ продерзостяхъ и не обратится къ должному повиновенію Вашимъ предписаніямъ“²⁾. На основаніи этого, попечитель уволилъ Карташевскаго и Каменскаго, относительно же „другихъ имъ подобныхъ въ разсужденіи непослушанія—профессоровъ Цеплина, Германа и адъюнкта Запольскаго, какъ явствуетъ изъ журналовъ августа 8 и сентября 12 и 13 дня“—Румовскій далъ знать Совѣту, „что поелику они имѣли наибольшее участіе въ допрашиваніи г. Левицкаго, и въ Совѣтѣ выходили изъ предѣловъ благопристойности, то дамъ я объ нихъ особое предложеніе, согласное съ волею Министра Народнаго Просвѣщенія, когда разсмотрѣно будетъ Совѣтомъ дѣло о допросѣ г. Левицкаго, а между тѣмъ, чтобы доставить Совѣту тишину и спокойствіе, г-мъ профессорамъ Цеплину, Герману и адъюнкту Запольскому запрещается имѣть участіе въ засѣданіяхъ Совѣта“ (19 ноября № 421)³⁾.

Это грозное предложеніе Румовскаго было заслушано въ засѣданіи Совѣта 5-го декабря, къ которому „по учиненной напередъ повѣсткѣ“ были приглашены всѣ члены для выслу-

¹⁾ Дѣло Арх. Мин. Народн. Просвѣщенія 1806 г. № 3963 карт. 136, лл. 17—23.

²⁾ Тамъ-же л. 26. - *Протоколы Совѣта* 1806 г. II, л. 55 Копія этого предложенія министра Завадовскаго имѣется и въ *Дѣлѣ Совѣта* № 10, 1806 г. л. 42а.

³⁾ Копія этого предложенія, ошибочно отнесенная Буличемъ (1 стр. 384) къ 16 ноября, имѣется въ *Протоколахъ Совѣта*, 1806 г. II л. 55.

шанія и исполненія предписанія высшаго начальства“¹⁾. Сначала было прочитано объ отрѣшеніи Каменскаго; выслушавъ предложеніе, Каменскій, по словамъ Яковкина, „вышелъ: благодаря за сотоварищество, только не всѣхъ“²⁾. Карташевскій не былъ въ собраніи, „а потому постановлено извѣстить его объ отрѣшеніи выпискою изъ протокола“. Цеплинъ пришелъ послѣ начала засѣданія, когда предложеніе попечителя было уже прочитано по русски. Онъ, доноситъ Яковкинъ, „принесъ съ собой цѣлую кипу книгъ, выписокъ и исписанныхъ бумагъ, безъ сомнѣнія содержащихъ новыя Совѣту представленія, новыя затѣи и новыя запутанія, но по выходѣ г. Каменскаго, обратившись къ Цеплину, объявилъ я ему объ его удаленіи отъ Совѣта и, не взирая на многократныя его повушенія о выслушаніи его бумагъ, не былъ онъ допущенъ долѣе оставаться въ Совѣтѣ. Занимъ гг. Германъ и Запольскій, дождавшись отъ меня извѣщенія объ ихъ удаленіи изъ Совѣта, вышли. Оставшійся изъ нихъ Бюнеманъ крайне пораженъ былъ таковымъ неожиданнымъ явленіемъ“³⁾. По совершившемся изгнаніи, члены собранія, по предложенію директора, постановили донести особымъ рапортомъ попечителю, „что Совѣтъ всѣми силами потщится соотвѣтствовать благимъ намѣреніямъ начальства, клонящимся къ общественному благу“.

Во второмъ предложеніи (19 ноября № 422), заслушанномъ въ томъ же засѣданіи, Румовскій, относительно 5-й статьи протокола 17 октября („*Quomodo secretarius praesumere potuisset consilium hoc attestatum ad Exc. Dum Curatorem non mittere voluisse*)“⁴⁾, указалъ, что подобнаго вопроса „не только Совѣтъ или членъ онаго, но никто предлагать не имѣлъ права, когда о посылкѣ аттестата въ журналѣ ничего не сказано“. По поводу же объясненія, изложеннаго Цеплинымъ въ журналѣ 3 ноября, попечитель предложилъ „сдѣлать особое собраніе, въ которомъ, собравъ всѣ бумаги, до сего ка-

¹⁾ Протоколы Совѣта, тамъ-же.

²⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 11 декабря 1806 года.

³⁾ Тамъ-же.—Въ Протоколахъ (л. 55а) по поводу этого удаленія имѣется слѣдующее опредѣленіе Совѣта: «Объявить (и объявлено) и. профессорамъ Цеплину, Герману и адъюнкту Запольскому, что для доставленія тишины и спокойствія Совѣту запрещается имѣть имъ участіе въ засѣданіяхъ онаго».

⁴⁾ См. выше стр. 130—132, 138 и примѣч. 2.

сающіяся, разсмотрѣть: 1) удовлетворительно-ли объясненіе г. Цеплина на второй вопросъ имъ или другимъ члѣмъ секретарю предложенный; 2) основательно-ли мнѣніе „Non vero a membro Consilii simpliciter tale quaesitum est, sed e secretario, qui pace D-ni Levitzky sit dictum, talis non membrum consilii est“¹⁾. Румовскій поручалъ Совѣту, „отобравъ на мѣстѣ нужныя объясненія, доставить ему свое мнѣніе о вопросахъ“. Исполняя порученіе, Совѣтъ въ засѣданіи 8 декабря постановилъ: 1) Объясненіе Цеплина на 2-й вопросъ, предложенный секретарю, признать неудовлетворительнымъ, „потому что оно ничѣмъ не доказано и никакихъ законовъ не приведено, чтобы членъ имѣлъ право предлагать другому вопросъ, подобный второму; 2) Секретаремъ по положеніямъ Совѣта гимназіи и университета предписано быть одному изъ членовъ онаго; слѣдовательно, обязанность секретаря не можетъ быть отдѣлена отъ лица члена Совѣта, кромѣ того, что онъ наблюдаетъ за исполненіемъ опредѣленій, въ Совѣтѣ постановленныхъ“¹⁾. При скрѣпленіи этого постановленія Бюнеманъ и Сторль сдѣлали особыя латинскія приписки³⁾, согласныя съ заключеніемъ Совѣта, остальные же члены—Яковинъ, Фуксъ и Эвельтъ (Эрихъ отсутствовалъ по болѣзни) ограничились одной подписью⁴⁾.

Этимъ постановленіемъ достойно завершился рядъ превратныхъ сужденій и доносовъ на Цеплина, взведенныхъ на него директоромъ и его приверженцами. Яковинъ торжествовалъ. „Неисповѣдимыя судьбы всеуправляющаго Провидѣнія, писалъ онъ Румовскому (11 декабря), и прозорливое начальство, прекращая буйственное своеволие, снабждаютъ истинное усердіе и чистую ревность новыми силами къ достойному прохожденію возложенныхъ должностей, хотя многоглавая адская гидра и старается еще употреблять всѣ мѣры къ спа-

¹⁾ т. е. «вопросъ былъ предложенъ не члену Совѣта, а секретарю, который, да престить г. Левицкій, какъ секретарь, не есть членъ Совѣта». См. выше стр. 135.

²⁾ *Протоколы Совета* л. 56.

³⁾ «Professor Buenemann *post praescriptum* Suae Excellentiae datum quaestionem alteram Domini Zeplin insufficientem declarat esse. Dr. Storl simpliciter affirmat insufficientem esse».

⁴⁾ *Протоколы Совета* л. 60.

сенію себя отъ вѣчной гибели“. Чтобъ окончательно уничтожить своего главнаго противника и тѣмъ обезопасить себя отъ „послѣднихъ усилій издыхающей гидры“, Яковкинъ въ томъ же засѣданіи 8 декабря „прочелъ свое извѣщеніе о словахъ и поступкахъ Цеплина 19 и 20 сентября и 3 ноября“, а въ Собраніи Совѣта 14 декабря настоялъ, чтобъ отмѣткою въ протоколъ была подтверждена справедливость сдѣланнаго директоромъ донесенія попечителю объ этомъ поведеніи Цеплина¹⁾. Не смотря на энергичное заявленіе Бюнемана, что возбужденное директоромъ дѣло слѣдуетъ оставить, какъ давно уже прошедшее и притомъ предлагаемое въ отсутствіе самаго Цеплина“²⁾—Совѣтъ согласился съ предложеніемъ Яковкина³⁾. Всѣ приведенныя обстоятельства могли только способствовать усиленію нерасположенія Румовскаго къ Цеплину, совершенное удаленіе котораго отъ должности сдѣлалось вопросомъ ближайшаго будущаго.

Безпрерывныя жалобы Яковкина на безпорядки въ Совѣтѣ, до того разстроили Румовскаго, что Цеплинъ и его партія явились для попечителя камнемъ преткновенія, нестерпимой обузой, сбросить которую сдѣлалось своего рода *idée fixe* для „прозорливаго начальства“. Еще въ началѣ ноября Румовскій писалъ директору: „На прошедшей почтѣ отправлено мною два неприятныхъ предложенія, которыми Совѣтъ только и занимается. Я надѣюсь, что въ короткое время получить онъ еще третье, которое будетъ прежнихъ повкуснѣе“. „Я отсрочилъ другихъ имъ подобныхъ отрѣшить отъ должностей, пишетъ попечитель Яковкину въ слѣдующемъ письмѣ (19 ноября), съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы увидѣть, какое графское отношеніе произведетъ въ нихъ дѣйствіе. Ежели будетъ безуспѣшно, то принужденъ буду отрѣшить всѣхъ крикуновъ и попустителей... Увѣдомьте меня, какое предложеніе мое при-

¹⁾ *Протоколы Совѣта* л. 61 ст. 4: «Professor inspector rogavit Consilium, ut inseratur protocollo, eum vere retulisse ad Excell. D-um Curatorem de tribus circumstantiis, quae locum habuere die 19 et 20 septembris atque die 3-e novembris».—*Дѣло Совѣта* 1806 года № 10 л. 45.—*Письмо Яковкина къ Румовскому* 11 декабря 1806 года.

²⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому* 10 декабря 1806 года.

³⁾ Это предложеніе Яковкина, помѣщенное въ *Дѣлѣ Совѣта* 1806 года № 10 л. 45, напечатано ниже въ «*Приложеніяхъ*».

несетъ Вамъ облегченіе... Я ласкаю себя надеждою, что послѣ сего подарка не только Вы, но и я буду спокойнѣе“. Вскорѣ потомъ Румовскій писалъ директору. „Я ожидаю съ нетерпѣливостью увѣдомленія, какое дѣйствіе произвело въ Совѣтѣ отношеніе ко мнѣ Министра Народнаго Просвѣщенія. Я ласкаю себя надеждою, что оно доставитъ и Вамъ нѣкоторое спокойствіе духа, когда убудетъ число завидующихъ Вамъ кризуновъ“ (29 ноября).

Исполнилъ-ли Яковкинъ просьбу Румовскаго о томъ, какое предложеніе попечителю съ его стороны можетъ принести „облегченіе“ директору—документально подтвердить нельзя; уцѣлѣвшая случайно переписка Яковкина съ Румовскимъ сохранилась не вполнѣ; многих писемъ, какъ справедливо замѣчаетъ историографъ Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ ¹⁾, не достаетъ и въ томъ числѣ, вѣроятно, и секретнаго извѣщенія, въ которомъ директоръ, со свойственной ему угодливостью на запросы начальства, повторно увѣдомлялъ, что только увольненіе Цеплина, главнаго виновника совѣтскихъ неурядицъ, можетъ принести директору „облегченіе“. Второй, несомнѣнной уже причиною совершеннаго увольнения перваго профессора, слѣдуетъ признать то, что Румовскому пришлось разочароваться въ отношеніи Цеплина въ примѣненной къ нему репрессивной мѣрѣ—удаленію отъ участія въ засѣданіяхъ Совѣта. Попечитель разчитывалъ, что Цеплинъ „взойдетъ“ къ нему съ повинною, и, сознавшись въ своей винѣ, будетъ просить о снисхожденіи. „Вы видите изъ отношенія ко мнѣ Министра, что онъ оставилъ на мою волю отрѣшить Цеплина, Германа и Запольскаго, писалъ Румовскій директору въ началѣ декабря. Не сказалъ я объ нихъ рѣшительно ничего въ ожиданіи ихъ раскаянія. Но ежели ожиданіе мое будетъ тщетно, то принужденъ буду и ихъ отрѣшить. Пусть они только сдѣлаютъ противъ послѣдняго моего предписанія представленіе Министру. Они воображаютъ, что Министръ о семъ не предъувѣдомленъ, но ошибаются во мнѣніи своемъ, и тогда жалѣтъ будучь, что не слѣдовало здравому совѣту г. Фукса“. Предположенія Румовскаго сбылись: Цеплинъ молчалъ и не выражалъ раскаянія и только 16 января 1807 года онъ препро-

¹⁾ Исторія Казанскаго университета, томъ I. Казань, 1902 года, стр. 36.

водилъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу Завадовскому докладную записку (*Vorstellung*), въ которой, указавъ на устраненіе отъ участія въ засѣданіяхъ Совѣта и на отказъ въ выдачѣ копій съ относящихся сюда распоряженій, просилъ, на основаніи 116 § Наказа императрицы Екатерины II, дать ему возможность представить объясненія и защитить себя отъ всѣхъ доносовъ (*Delationen*). Одновременно съ этимъ, писалъ Цеплинъ, я прошу и г. попечителя сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ засвидѣтельствованныхъ копій (*copia vidimata*) изъ всѣхъ относящихся къ моему дѣлу бумагъ, причемъ увѣдомляю вмѣстѣ съ тѣмъ его о препровожденной мною къ Вашему Сіятельству запискѣ. Не признавая за собой никакой вины, Цеплинъ въ концѣ выражаетъ убѣжденіе, „что его записка будетъ способствовать одному только признанію его невинности“ (*dass diese Vorstellung für nichts anders, als für die Erklärung meiner Unschuld angesehen werde*¹⁾). Какъ видно изъ помѣтки на оригиналѣ, записка была получена въ Петербургѣ 27 января, но Румовскій заблаговременно парализовалъ ея значеніе. Узнавъ отъ Яковкина, что въ половинѣ декабря удаленные отъ совѣтскихъ засѣданій послали жалобы въ высочайшепоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, попечитель, недовольный упрямствомъ Цеплина и подстрекаемый желаніемъ „облегчить“ положеніе своего любимца въ Казани—поспѣшилъ представленіемъ объ окончательномъ увольненіи отъ должности перваго профессора. „На Цеплина, какъ на главнаго нарушителя тишины въ Совѣтѣ, докладывалъ Румовскій Министру (19 января 1807 г. № 61), надѣются они (т. е. удаленные отъ совѣтскихъ засѣданій), какъ на крѣпкую

¹⁾ Эта записка сохранилась въ Дѣлѣ Архива Мин. Народн. Просвѣщ. 1806 г. № 3.963 карт. 136 и вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ увольненію Цеплина, напечатана нами въ «Приложеніяхъ».

²⁾ Въ письмѣ Яковкина къ попечителю отъ 18 декабря 1806 г. упоминается, что въ Петербургѣ «препровождены отъ пистерныхъ пять жалобъ: первая Вашему Превосходительству, которую, уповаю, уже изволили получить; вторая къ Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія, третья—къ графу Головкину, четвертая—къ графу Поттоцкому, пятая—къ академику Шуберту». Выраженіе «отъ пистерныхъ пять жалобъ» указываетъ, что въ числѣ жалобщиковъ былъ и Цеплинъ; но къ кому писалъ онъ въ то время—неизвѣстно.

ствѣну. Временное удаленіе отъ Совѣта Цеплина, Германа и Запольскаго произвело уже въ Совѣтѣ временную тишину, но чтобъ доставить ему спокойствіе и на будущее время, не вижу я никакого средства, какъ удалить вовсе и Цеплина отъ университета. Тогда умолкнуть Германъ и Запольскій. И увѣренъ будучи, что потеря Цеплина для просвѣщенія юношества не можетъ быть ощутительна, осмѣливаюсь испрашивать соизволенія Вашего Сіятельства на совершенное удаленіе отъ университета Цеплина, какъ человѣка строптиваго и покой ненавядящаго¹⁾. Отношеніемъ отъ 23 января 1807 года (№ 39) Министръ увѣдомилъ попечителя, „что онъ согласенъ, чтобы профессоръ Цеплинъ, за непослушаніе его предписаніямъ начальства, уволенъ былъ вовсе отъ университета“²⁾. Такимъ образомъ, записка Цеплина къ Министру была получена четыре дня спустя послѣ увольненія профессора и сдѣланная на ея русскомъ переводѣ помѣтка—„оставить безъ вниманія“—могла быть вызвана и совершившимся фактомъ увольненія, отмѣнить который признавали несвоевременнымъ и неудобнымъ.

Въ засѣданіи Совѣта 6 февраля 1807 года было заслушано приведенное выше отношеніе Министра и слѣдующее предложеніе попечителя объ увольненіи Цеплина (24 января 1807 г. № 79): „Министръ Народнаго Просвѣщенія, Его Сіятельство Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, сообщалъ Румовскій, въ отношеніи своемъ отъ 14-го ноября прошлаго 1806 года предоставилъ мнѣ отрѣшиться отъ должности г. Каменскаго и г. Карташевскаго и другихъ имъ подобныхъ. Я далъ знать Совѣту—это суть другіе, имъ подобныя. Изъ числа ихъ первое мѣсто занимаетъ г. профессоръ Цеплинъ. Онъ предсѣдателю въ Совѣтѣ сентября 19 дня говорилъ „egras“ и въ другое собраніе, сентября 20 дня—„in ergore es“. Сентября 24 числа, когда профессоръ и директоръ гимназій Яковкинъ по нуждамъ своимъ отлучился на короткое время изъ гимназій и въ первомъ часу возвратился уже домой, г. Цеплинъ, воспользовавшись симъ короткимъ временемъ, самовольно сдѣлавъ собраніе, котораго созывать никто права не имѣ-

¹⁾ Дѣло Архива Мин. Народн. Просв. 1806 г. № 3963 карт. 136: Записка по дѣлу объ увольненіи проф. Цеплина л. 75.

²⁾ Тамъ-же, л. 75—76.— Дѣло Совѣта 1806 года, № 10, л. 65.

еть, кромѣ предсѣдателя, открылъ засѣданіе, начавшееся и кончившееся только запискою въ протоколъ, что директора въ присутствіи не было. Потомъ, ноября 3-го дня, когда директоръ началъ сказывать секретарю, чтобы записалъ въ протоколъ, Professor Inspector in Consilio proposuit¹⁾, и остановленъ былъ г. докторомъ Каменскимъ продолжать далѣе, что продолжить былъ намѣренъ—то г. Цеплинъ, насмѣхаясь, сказалъ: „Scribas D. Evest, professor Inspector in Consilio proposuit, quod nihil habuit ad proponendum²⁾“. Таковыя неблагопристойныя къ предсѣдателю Совѣта отзвывы и другіе поступки г. Цеплина такъ странно нѣкоторымъ изъ членовъ казались, что препоручили ему просить меня, чтобы я употребилъ средство къ возстановленію въ Совѣтѣ спокойствія. Наконецъ г. Цеплинъ былъ первый начинщикъ допрашиванія въ Совѣтѣ адъюнта и секретаря Совѣта и, не взирая на напоминанія предсѣдателя о непристойности такого поступка, велѣлъ внести въ журналъ вопросъ: Quare non ad Excell. Virum Dominum Curatorem formulare missum sit et quo modo Secretarius praesumere potuisset Consilium hoc attestatum ad Curatorem non mittere voluisse³⁾? Оправданіе его въ семъ поступкѣ предложилъ я на разсмотрѣніе Совѣта и Совѣтъ почелъ оное недостаточнымъ. По причинѣ таковыхъ поступковъ, тишину и спокойствіе нарушающихъ, а особливо за непослушаніе, неоднократно начальству оказанное, увольняется г. Цеплинъ по согласію г. Министра Народнаго Просвѣщенія вовсе отъ университета, съ выдачею ему жалованья по день объявленія ему сего предложенія⁴⁾. Очень хотѣлось Яковкину объявить Цеплину лично объ его увольненіи и онъ официально приглашалъ профессора въ Совѣтъ, но Цеплинъ „по неизвѣстной причинѣ не явился“ и тогда опредѣлено было: „извѣстить его официально выпискою“. На слѣдующій день, 7 февраля, выписка эта за № 36, подписанная Яковкинымъ и скрѣпленная за секретаря адъюнтомъ Городчаниновымъ и чиновникомъ конторы Курбатовымъ и была вручена Цеплину⁵⁾.

¹⁾ т. е. «профессоръ-инспекторъ предложилъ въ Совѣтѣ».

²⁾ т. е. «защитите, г. Эвестъ, заявленіе профессора-инспектора о томъ, что ему не о чемъ заявлять».

³⁾ Переводъ этого заявленія см. *выше*, стр. 138 прим. 2.

⁴⁾ Предложеніе это въ копии сохранилось въ томъ-же *Дѣлѣ* 1806 года, № 10, л. 65.

⁵⁾ *Протоколы Совѣта*, 1807 г. засѣданіе 6 февраля ст. 9.

Такъ просто и внезапно совершилось увольненіе отъ должности перваго профессора Казанскаго университета. При- скорбный фактъ этотъ вызванъ былъ не столько личными дѣйствіями и провинностями Цеплина, сколько отношеніемъ къ нему двухъ вершителей судебъ тогдашняго Казанскаго учебнаго округа—Румовскаго и Яковкина. Въ началѣ четвертой главы нашего труда, мы указали на ту глубокую рознь, которая господствовала во взглядахъ Цеплина и Яковкина на характеръ и задачи начатковъ университетской жизни: первый былъ стой- вимъ, неподкупнымъ защитникомъ и поборникомъ корпоратив- ной автономіи, составлявшей отличительную черту универси- тетскаго устава императора Александра I; второй, явившись полномочнымъ довѣреннымъ жившаго владѣ отъ казанскихъ дѣлъ попечителя, хотѣлъ быть единоличнымъ правителемъ и устройтеlemъ возникавшей университетской жизни; руковод- ствуясь принципомъ—*l'état c'est moi*—онъ голосу Совѣта придавалъ не столько рѣшающее, сколько совѣщательное зна- ченіе. Столкновеніе и смуты Цеплинъ предвидѣлъ уже съ первыхъ собраній Совѣта и роковой исходъ возникавшей не- урядицы онъ, подобно Карташевскому, старался предупредить составленіемъ извѣстнаго намъ „Положенія“ о Совѣтѣ. Но попечитель остался глухъ къ заявленію старѣйшаго профес- сора. Тоже отношеніе проявилъ онъ и въ послѣдующихъ пе- рипетіяхъ борьбы Цеплина съ Яковкинымъ, когда профессоръ и его партія совѣстью и честью не разъ увѣряли попечителя о своемъ уваженіи къ законамъ и мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ искренности этихъ увѣреній. *Вся послѣдую- щая жизнь Цеплина, чуждая личной притязательности, за- печатлнная двукратнымъ гоненіемъ, трудомъ и лишеніями, отвергаетъ подобныя сомнѣнія.*

Односторонность взгляда Румовскаго на возникавшія еже- дневно столкновенія въ Совѣтѣ Казанской гимназіи и уни- верситета, отсутствіе контроля надъ дѣйствіями директора, являвшагося одновременно въ роли прокурора и судьи въ пре- реканіяхъ съ своими противниками—чрезмѣрно способствова- ли превратному мнѣнію о Цеплинѣ какъ о „зачинщикѣ“ смутъ и крайнемъ поборникѣ „любоначалія“. Выше мы отмѣти- ли, что первому профессору чуждо было чувство личной власти, во главѣ-же оппозиціи онъ становился только на за- щиту правъ корпораціи. Подобно ближайшему своему преем-

нику въ борьбѣ съ Яковкинымъ, профессору Броннеру ¹⁾, Цеплинъ не питалъ личной вражды къ директору, но возставалъ только противъ его образа дѣйствій, стараясь, во главѣ своей партіи, доказать ему, что онъ не самовластный ихъ начальникъ. Всего этого не сознавалъ старикъ попечитель, всецѣло предавшійся Яковкину и умѣло имъ эксплуатируемый. Рекомендую постоянно оппозиціонной партіи необходимость „тишины и спокойствія“, Румовскій не принималъ, однако, фактически никакихъ мѣръ, чтобы въ Совѣтѣ установить модус vivendi, примирить для пользы дѣла враждующія стороны. Онъ не старался даже внушить своему ставленнику, что споры и пререканія совершенно естественное дѣло въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ участвуютъ живые люди, что различныя точки зрѣнія способствуютъ успѣху самаго дѣла и обуславливаютъ индивидуальностью каждаго, различіемъ характеровъ, взглядовъ и убѣжденій. Напротивъ, въ самый разгаръ совѣтскихъ пререканій, вызванныхъ въ 1806 году отдѣльнымъ мнѣніемъ Каменскаго и разборомъ дѣла о „страсти Эвеста“, попечитель самъ открывалъ своему ставленнику широкую дорогу доносу и инсинуаціямъ, вызывая Яковкина на доставленіе ему свѣдѣній о томъ, кто зачинщики разныхъ вопросовъ, подымаемыхъ въ Совѣтѣ. „Когда они (т. е. Цеплинъ и его партія) станутъ судить о правахъ Совѣта, писалъ Румовскій директору, не мѣшайте въ ихъ разсужденія, дайте волю писать, что заблагоразсудятъ. Но отъ подписи журнала уклонитесь... Когда Совѣтъ обнаружитъ свои мысли, кои совершенно будутъ пахнуть безначаліемъ, тогда я съ моими объясненіями представлю ихъ министру Народн. Просвѣщенія и Главному Училищъ Правленію... Вы видите, что планъ мною обдуманнъ есть такого рода, что необходимо нужно мнѣ знать имена главныхъ зачинщиковъ, и не прежде буду Совѣту отвѣтствовать, какъ когда узнаю о семъ ваши мысли“. Изъ этого видно, что Румовскій самъ побуждалъ Яковкина къ борьбѣ съ Совѣтомъ, къ доносамъ, самъ сѣялъ рознь, вмѣсто примиренія, открыто вызывая, какъ замѣчаетъ Н. П. Загоскинъ, членовъ Совѣта къ извѣтамъ другъ на друга ²⁾. Въ рукахъ

¹⁾ Профессоръ Броннеръ, его Дневникъ и Переписка. Изслѣдованіе. Казань 1902, стр. LXV.

²⁾ Исторія Казанскаго университета, т. I, стр. 178.

директора попечительскій „планъ“ былъ какъ бы *carte blanche* для всевозможныхъ инсинуацій, которыми онъ и безъ того невозбранно опутывалъ преимущественно Цеплина. Результатъ директорскихъ махинацій не заставилъ себя долго ждать; черпая исключительно свои свѣдѣнія изъ мутнаго источника донесеній Яковкина, попечитель сталъ смотрѣть на Цеплина глазами директора и тѣмъ неминуемо обусловилъ несправедливое гоненіе профессора. Тѣ провинности Цеплина, на которыя ссылался попечитель въ своемъ предложеніи Совѣту отъ 24 января 1807 года, не были настолько вѣски и убѣдительны, чтобы способствовать остракизму университетскаго дѣятеля; онѣ заслуживали замѣчанія, выговора, быть можетъ временнаго удаленія изъ Совѣта. Это сознавалъ и попечитель, ограничивъ первоначально взысканіе съ Цеплина его временнымъ отстраненіемъ отъ коллегіальнаго обсужденія университетскихъ дѣлъ. Новыхъ обстоятельствъ, отягчающихъ положеніе Цеплина послѣ того не произошло, а потому и увольненіе его явилось столько же преждевременнымъ, сколько и *несправедливымъ*. Такъ, повидимому, смотрѣлъ на свое положеніе и самъ Цеплинъ. Узнавъ объ увольненіи своемъ изъ Совѣта, онъ, какъ мы видѣли, отнесся къ этому совершенно равнодушно, такъ какъ считалъ взысканіе временнымъ и, безсомнѣнія, заслуженнымъ; но когда 7 февраля 1807 года получилъ онъ увѣдомленіе объ увольненіи, то немедленно (12 февраля) послалъ „покорнѣйшія прошенія“ (*humillimae preces*) одно Министру, другое Главному Училищъ Правленію, а 19-го того-же мѣсяца—прошеніе на Высочайшее Имя. Въ этихъ челобитныхъ Цеплинъ справедливо ссылался на то, что отрѣшеніе его послѣдовало не только безъ всякаго разслѣдованія (*incognita causa*), но даже безъ указанія поступковъ, уличающихъ его въ неповиновеніи (*facta inoboedientiam probantia non mihi nominata sunt*). Профессоръ ходатайствовалъ о примѣненіи къ нему 66 § Устава 1804 года, по которому удаленію должно предшествовать „университетскаго Правленія изслѣдованіе“. „Тайные доносы изъ Казани, писалъ Цеплинъ въ прошеніи на Высочайшее Имя, рѣшаютъ участь членовъ университета. Двое другихъ уволены, равномѣрно еще двое ожидаютъ таковой же участи. Безповойствіе и страхъ, произведенные таковыми перемѣнами, потерянная честь и содержаніе, препятствуютъ нужному для науки спокойствію; вотще воз-

стаетъ противъ таковыхъ поступковъ гласъ здѣшней публики.... Я осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго повелѣнія, чтобы сообщили мнѣ жалобы, въ коихъ показываютъ на меня противныя законамъ поступки и чтобы мое оправданіе и самое дѣло, согласно съ законами, рѣшено было Главнымъ Училищъ Правленіемъ“¹⁾). Предъ 1-мъ іюля 1807 года онъ былъ уже въ Петербургѣ. Почему Цеплинъ не поѣхалъ раньше въ столицу лично хлопотать о своемъ дѣлѣ? Безъ сомнѣнія потому, что предварительно онъ сталъ выжидать отвѣта, какъ на свои прошенія, такъ и на официальное письмо, посланное въ концѣ февраля гражданскимъ губернаторомъ Казани Мансуровымъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Кочубею. Въ письмѣ этомъ указывалось на печальное положеніе гимназій и университета и на „всеобщій ропотъ“, вызванный строгими мѣрами противъ Казанскихъ профессоровъ. О Цеплинѣ губернаторъ писалъ: „Примѣръ ихъ (т. е. уволенныхъ Каменскаго и Карташевскаго), равнымъ образомъ отрѣшеніе профессора Цеплина.... и удаленіе другихъ изъ Совѣта, довольно сильны отвратить людей достойныхъ въ употребленію талантовъ въ Казани“. Но результатъ всѣхъ ходатайствъ оказался неблагоприятнымъ. Прошеніе, посланное графу Заваловскому, было оставлено безъ дѣйствія; таже участь постигла и ходатайство въ Главное Училищъ Правленіе, которое только въ половинѣ апрѣля возвратило его Цеплину чрезъ Совѣтъ обратно для объявленія о томъ. Правленіе сообщало, что прошеніе Цеплина „оставлено безъ вниманія, какъ по тѣмъ причинамъ, по коимъ онъ отставленъ отъ должности, такъ и потому, что дѣло сіе, будучи утверждено высшимъ начальствомъ, не подлежитъ болѣе изслѣдованію Совѣта“. Въ засѣданіи 24 апрѣля Совѣтъ опредѣлялъ: пригласить профессора Цеплина въ залъ Совѣта для выслушанія упомянутаго постановленія. Но, какъ видно изъ доклада секретаря Совѣта Эвеста въ засѣданіи 1-го мая, Цеплинъ не принялъ ни его, ни изготовленнаго для него паспорта, принесеннаго на квартиру Цеплина кандидатомъ Денисовымъ. Объ этомъ рапортомъ было донесено

¹⁾ Подлинникъ прошенія Цеплина въ Главное Училищъ Правленіе сохранился въ *Дѣлѣ Совѣта* 1806 года № 10 л. 69, другія два прошенія въ *Дѣлѣ Арх. Мин. Народн. Просв.* 1806 г. № 3963 карт. 136.

попечителю отъ Совѣта (7 мая № 136) ¹⁾. Что касается прошенія на Высочайшее Имя, то прошеніе это было положено въ долгій ящикъ и только 16 октября, при письмѣ статсъ-секретаря Молчанова (№ 545), было препровождено по Высочайшему повеленію къ Министру Народнаго Просвѣщенія, который приказалъ „пріобщить прошеніе къ дѣлу, оставивъ безъ производства“.

Въ концѣ марта Цеплинъ сталъ готовиться къ отъѣзду изъ Казани и часть своихъ книгъ принесъ въ даръ библіотекѣ университета. Яковкинъ доложилъ объ этомъ Совѣту и сообщилъ попечителю (2 апрѣля 1807 года), не безъ ироніи замѣтивъ: „что тотъ не дарить, это неимѣетъ куда дѣвать“. Въ концѣ апрѣля Совѣтъ потребовалъ отъ библіотекаря и Конторы гимназіи сообщить „въ скоромъ времени, не состоитъ ли какихъ-либо за уволеннымъ г. проф. Цеплинымъ казенныхъ вещей или другихъ какихъ до него не имѣется касательностей“ ²⁾. Очевидно, это необходимо было для выдачи паспорта и указывало на близкій отъѣздъ Цеплина. Въ началѣ мая, какъ видно изъ упомянутаго выше (стр. 161) посѣщенія Цеплина Эвестомъ и Денисовымъ, онъ былъ еще въ Казани. Но когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ выѣхалъ изъ Казани—остається неизвѣстнымъ. Перваго іюля, уже будучи въ Петербургѣ, Цеплинъ подалъ Министру новое прошеніе, въ которомъ вторично (*iterum*) просилъ защиты и помощи (*patrocinium et auxilium*), указавъ, что не знаетъ причинъ своего удаленія (*causas remotiois ignoro*) и официальнаго распоряженія объ этомъ (*mandatum*) со стороны Министра или попечителя не получалъ. Въ первой половинѣ августа Цеплинъ лично объяснялся съ гр. Завадовскимъ и Румовскимъ. „Г. Цеплинъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, писалъ попечитель Яковкину (15 августа № 428), требуя начальнымъ образомъ бумагъ, поданныхъ мною Его Сіятельству, для своего, какъ говорилъ, оправданія. Два раза приходилъ къ графу, который про первое его посѣщеніе сказалъ мнѣ: „вчера съ у меня былъ Цеплинъ и мнѣ надоѣлъ“. Во второе

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета. Дѣло Совѣта 1806 г. № 10 л. 71

²⁾ Архивъ Казанскаго университета. Дѣло Совѣта 1806 г. № 34 (32): Квитанціи уволеннымъ чиновниковъ гимназіи л. 31.

посѣщеніе нахально ворвался въ его кабинетъ и говорилъ столь неприлично, что графъ принужденъ былъ его выслать. Грозится жалобу принести Государю; но графъ тому, кто сіе говорилъ, отвѣчалъ: „Хорошо, онъ отрѣшенъ по моему предложенію, я и отвѣчать буду“.

Судя по дошедшимъ къ намъ даннымъ, этимъ завершились попытки Цеплина оправдать себя и вернуть потерянное; результата онъ не имѣли; въ перспективѣ выступали заботы о насущномъ хлѣбѣ, заботы, среди которыхъ неправо подвергнутый остракизму старѣйшій профессоръ Казанскаго университета могъ утѣшать себя сознаниемъ исполненнаго долга и вѣчно правдивыми словами поэта:

*Iustum et tenacem propositi virum—
Non civium ardor prava iubentium,
Non voltus instantis tyranni
Mente quatit solida....
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae ¹⁾.*

¹⁾ *Horat. Od. III, 3. 1—4, 7—8* (перев. А. Фета):

«Мужъ правоты, неотступный въ обдуманномъ.
Не поколеблется ни предъ выпучею
Волей гражданъ, коль потребуютъ низкаго,
Ни предъ властью тирана могучею....
Онъ, еслибъ небо съ трескомъ разрушилось,
И подъ обломками не испугается».

Глава шестая.

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕПЛИНА И ЧЕРТЫ
ЕГО ЖИЗНИ ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ПРОФЕССУРЫ.**

(1805—1807 гг.).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Преподавательская дѣятельность Цеплина и черты его жизни въ первый періодъ профессуры.

(1805—1807 г.).

Лекціи Цеплина „по Шпиттлеру“, его слушатели и экзамены.—Отзывъ Яковкина о преподаваніи Цеплина.—Черты общественной и частной жизни Цеплина.—Дружба его съ бывшимъ директоромъ гимназій Пекепомъ и „иностранцемъ“ Лейтеромъ.—Столкновеніе Цеплина съ Казанскимъ вице-губернаторомъ и съ „Обществомъ отечественной словесности“.—Частная жизнь Цеплина.—Приобрѣтеніе у него книгъ.—Неожиданный исходъ дѣла о книгахъ, принесенныхъ Цеплинымъ въ даръ бібліотекъ университета.—Френъ и Цеплинъ.—Преемственность взглядовъ и стремленій Цеплина.

Преподавательская дѣятельность Цеплина въ университетѣ, за первый періодъ его профессуры, была продолженіемъ разсмотрѣнной выше—гимназической¹⁾ и фактически началась только съ марта мѣсяца 1805 года. Въ распределеніи „профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій“ на весенній семестръ съ 24 февраля по 11 іюля 1805 года, указано, что Цеплинъ будетъ читать три раза въ недѣлю (вторникъ, четвергъ и суббота), отъ 7 до 9 часовъ утра, первую часть всеобщей исторіи государствъ, „пріемля основаніемъ г. Шпиттлера“ (6 часовъ)²⁾.

Людвигъ Тимофей фонъ Шпиттлеръ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, пользовался въ средѣ нѣмецкихъ ученыхъ большою извѣстностью, какъ историкъ и публицистъ. Онъ родился въ 1752 году въ Штуттгартѣ, обучался въ тюбингенскомъ и геттингенскомъ университетахъ и въ послѣднемъ, въ 1779 году, занялъ кафедру философіи и всеобщей исторіи. Цеплинъ, обучавшійся, какъ мы видѣли, въ геттингенскомъ университетѣ³⁾, былъ несомнѣнно его слушателемъ. Въ 1797 году Шпиттлеръ вернулся въ Штуттгартъ, былъ сдѣланъ министромъ, предсѣдателемъ главнаго школьнаго управленія и кураторомъ тюбингенскаго университета. Умеръ онъ въ 1810 году, по словамъ біографа, „vielfach verkannt, untergrub Gramm über die Täuschung seiner Hoffnungen seine Gesundheit“⁴⁾. Изъ его многочисленныхъ историко-политическихъ трудовъ особой извѣстностью пользовался: „Entwurf der Geschichte der europ. Staaten (2 Bde. Berl. 1793). Въ этомъ сочиненіи, авторъ, со свойственной ему живостью и послѣдовательностью изложенія, даетъ историческіе очерки политической и внутренней жизни европейскихъ государствъ съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка. Глубокія по содержанію прагматическія замѣчанія чередуются съ разсказами. Каждому отдѣлу очерковъ предшествуютъ указанія на спеціальныя труды и источ-

¹⁾ См. третью главу, стр. 81—82.

²⁾ Н. Заоскина, Исторія Казанскаго университета, т. I, стр. 56 и 57.

³⁾ См. первую главу, стр. 11.

⁴⁾ *Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie*, X-er Bd. 8 Aufl. Leipz. 1836 p. 499.—*Plank*, über Spittler als Historiker, Göttingen 1811.

ники. Трудъ Шпиттлера, считавшійся въ свое время образцовымъ (*ein Meisterwerk*), въ живой, устной передачѣ Цеплина, несомнѣнно легко усваивался его учениками, что подтверждается и Яковкинъ. Читаль Цеплинъ по упомянутому выше изданію 1793 года, повторенному безъ перемѣны въ Берлинѣ въ 1807 году съ добавленіями Сарторіуса ¹⁾.

Въ „Вѣдомости объ упражненіяхъ профессоровъ, адъюнктовъ и учителей Казанской гимназій“ за февраль 1805 года, „по университету“ отмѣчено: „гг. профессора и адъюнкты по причинѣ краткости времени и перемѣнъ учебныхъ предметовъ не могли подать рапортовъ за февраль мѣсяцъ“ ²⁾. На основаніи того-же архивнаго источника возможно прослѣдить ходъ занятій Цеплина до конца 1805 года ³⁾. Въ мартѣ, по рапорту, поданному имъ въ Совѣтъ, видно, что Цеплинъ „прошелъ со студентами введеніе во всеобщую исторію государствъ и исторію объ Испаніи. Слушателями Цеплина въ университетѣ были, за нѣкоторыми исключеніями, тѣ же, что и въ гимназій ⁴⁾, а именпо: Петръ Кондыревъ, Владиміръ Графъ, Петръ Баясниковъ, Василій Кузьминскій, Андрей Шубинъ, Ѳедоръ Риттау, Павелъ Поповъ, Никифоръ Андреевъ, Михаилъ Пестяковъ, Степанъ Шоникъ, Андрей Кайсаровъ, Еварестъ Груберъ, Николай Манасеинъ, Павелъ Чуфаровъ. Всѣ эти студенты, по аттестаціи профессора за мартъ, „хорошо успѣвали и были хорошаго поведенія“. Въ апрѣлѣ Цеплинъ „окончилъ исторію Испаніи, прошелъ исторію Португаліи и началъ французскую“. Отмѣтки студентамъ — „отлично“, кромѣ Шоника и Чуфарова, признанныхъ „посредственными“. Въ маѣ была изложена исторія и статистика Франціи и Англіи и успѣхи признаны очень хорошими (май) и хорошими (іюнь). Въ зимнемъ семестрѣ 1805 года Цеплинъ

¹⁾ Изданіе это имѣется въ Главной библиотекѣ Казанскаго университета. Третье изданіе появилось въ сборникѣ всѣхъ сочиненій Шпиттлера, изданномъ его зятемъ К. Вехтеромъ (*Sämmtliche Werke des Freiherrn L. F. von Spittler*, herausgegeben von K. Wächter Th. I—XV. Stuttgart und Tübingen, 1827—1837).

²⁾ *Архивъ Казанскаго университета* 1805 г. № 3 л. 41а.

³⁾ Тамъ-же, лл. 63а, 66—67, 77, 80—81.

⁴⁾ См. выше, стр. 81.

проходилъ: въ августѣ—исторію соединенныхъ Нидерландовъ и Швейцаріи, въ сентябрѣ—исторію, географію и статистику Германіи, въ ноябрѣ продолжалъ исторію Германіи и проходилъ географію Швейцаріи и Даніи. Въ весеннемъ полугодіи 1806 года: въ январѣ—окончилъ соединенную географію Даніи, Норвегіи и Швеціи и началъ исторію Даніи; въ февралѣ—окончилъ исторію Даніи и началъ исторію Швеціи; въ мартѣ окончилъ исторію Швеціи и началъ исторію Польши; въ апрѣлѣ—окончилъ исторію Польши и началъ исторію и географію Венгріи, Трансильваніи, Валахіи, Славоніи, Кроаціи и Далмаціи; въ маѣ—окончилъ курсъ предшествовавшего мѣсяца и прочелъ половину исторіи Италіи ¹⁾.

Въ августѣ изъ студентовъ Цеплина выбылъ Еварестъ Груберъ и не былъ зачисленъ Николай Манасеинъ, мѣсто котораго занялъ Александръ Лобачевскій. Въ ноябрѣ въ Цеплину поступили студенты: Василій Тимьянскій и Порфирій Безобразовъ. Къ прежнимъ отмѣткамъ—„хорошъ“ встрѣчаемъ прибавленія: „прилеженъ“, „внимателенъ“.

Въ концѣ академическаго года, когда „члены Совѣта объявляли методъ ученія, который будутъ они наблюдать при преподаваніи своихъ лекцій въ слѣдующемъ курсѣ“—Цеплинъ, въ засѣданіи 19 іюня 1805 года заявилъ, что онъ „будетъ продолжать исторію о новѣйшихъ европейскихъ государствахъ по сокращенію Шпитлера“ ²⁾. Въ слѣдующемъ году, въ собраніи Совѣта 17 марта Цеплинъ объявилъ, что въ первое полугодіе „до слѣдующаго лѣтняго экзамена 1806 года онъ будетъ продолжать исторію европейскихъ государствъ“ ³⁾. Преподаваніе велъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ и съ августа 1805 года читалъ въ часы „до полудни“, по понедѣльникамъ, четвергамъ и пятницамъ ⁴⁾. Лекціи велъ исправно. По рапорту дежурнаго по классамъ офицера Попова съ 15 по 22 мая

¹⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1805 г. № 39: Вѣдомость объ упражненіяхъ въ классахъ г.г. профессоровъ л.л. 33—34.—*Н. Заюскинъ*, Исторія Казанскаго университета, I стр. 127.

²⁾ *Протоколы Совѣта*, 1805 г. л. 226.

³⁾ *Исходящая Совѣта* 1806 г. № 30 л. 11.

⁴⁾ *Арх. Казанск. унив.* 1804 г. № 33(71): Собраніе разположеній учебнаго времени.

1805 года онъ промедлилъ 1 ч. 25 мин., а съ августа по декабрь того же года не читалъ четыре дня: 25 августа, 13 ноября, 21 и 22 декабря, приче́мъ въ Совѣтѣ заявилъ, что 25 августа онъ не былъ въ классѣ не „за болѣзнью“, а потому, что думалъ читать во вторникъ, „по старому расположенію учебнаго времени, а не въ понедѣльникъ—по новому“, относительно же пропуска 13 ноября замѣтилъ, что не былъ на лекціи „по причинѣ отлучки изъ города“¹⁾. Не столь аккуратнымъ, какъ въ чтеніи лекцій, былъ, повидимому, Цеплинъ въ представленіи „мѣсячныхъ вѣдомостей объ упражненіяхъ по университету“. Такъ, Яковкинъ въ письмѣ къ Румовскому (4 декабря 1806 года) жалуется, что „вѣдомостей онъ не могъ представить раньше 26 ноября „по причинѣ весьма медленной подачи рапортовъ, такъ что тогда Цеплинъ подалъ вдругъ за сентябрь и октябрь“.

Изъ приведенныхъ выше аттестаціи самаго Цеплина, а также изъ отзывовъ его контролера—Яковкина, видно, что слушатели занимались съ профессоромъ охотно и усваивали его предметъ. „По должности инспектора и директора, писалъ Яковкинъ попечителю (27 декабря 1804 года), при осматриваніи классовъ многократно посѣщалъ я классъ г. Цеплина: а по даваемымъ при мнѣ особенно ученикамъ вопросамъ и ихъ отвѣтамъ, равно какъ и по партикулярнымъ разпросамъ моимъ, дѣланнымъ отъ меня ученикамъ его, могу донести Вашему Превосходительству, что они понимаютъ его хорошо. Изъ Всеобщей исторіи прошелъ онъ съ ними о Португаліи, Испаніи и Франціи, о чемъ долгомъ моимъ поставлю донести Вашему Превосходительству рапортомъ съ будущей почтою, равно какъ объ окончаніи нынѣшняго экзамена и упражненіяхъ учениковъ въ классахъ и при экзаменѣ“.

Относительно экзаменовъ Цеплина, мы имѣемъ указаніе, что первый экзаменъ его въ университетѣ по исторіи, географіи и статистикѣ европейскихъ государствъ происходилъ въ понедѣльникъ, 3-го іюля 1805 года²⁾. Въ 1806 году въ засѣданіи Совѣта 11 іюня экзаменъ его „по университету“ былъ назначенъ первымъ,

¹⁾ Тамъ-же 1804 г. № 21: Собраніе рапортовъ дежурныхъ по классамъ офицеровъ лл. 53б, 82б, 91б.—*Протоколы Сов.* 1805 г. л. 45а, 70а.

²⁾ *Протоколы Совѣта* 1805 г. л. 20а.

„22 іюня, въ пятницу, до полудни, съ 9 до 11 часовъ“, но вслѣдствіе предложенія попечителя, опредѣлившаго время для ваканцій, согласно уставу, съ 11-го іюля по 12 августа, экзамень былъ перенесенъ на 3 іюля ¹⁾). Объ особенностяхъ перваго изъ этихъ испытаній Яковкинъ сообщалъ Румовскому слѣдующее (4 іюля 1805 года): „Г. Цеплинъ отговаривался было прежде экзаменоватъ своихъ студентовъ; но по настоянію вчера экзаменовалъ во введеніи во Всеобщую новую исторію и въ исторіяхъ Испанской, Португальской, Французской и Англійской: студенты на вопросы отвѣчали хорошо. Экзамень его различался отъ моего тѣмъ, что я студентовъ вызывалъ для чтенія лекцій, кому что приказывалъ изъ исторіи съ географическими и сообразными статистическими объясненіями. Послѣдній методъ кажется сообразнѣе съ предполагаемою для нашихъ студентовъ пѣлью“. Кромѣ собственнаго экзамена, Цеплинъ обязанъ былъ также присутствовать на испытаніяхъ учениковъ гимназіи. Насколько былъ онъ здѣсь исправенъ въ первый годъ профессорской дѣятельности, намъ неизвѣстно, но что Яковкинъ не вполне надѣялся на аккуратное посѣщеніе тогдашними членами Совѣта гимназическихъ экзаменовъ, видно изъ его предложенія Совѣту 6 іюля 1805 года: „предписать дежурному офицеру, чтобы онъ опоздавшихъ и неприсутствующихъ при экзаменахъ членовъ Совѣта вносилъ въ обыкновенный ежедневный рапортъ“ ²⁾). Но въ 1806 году Цеплинъ присутствовалъ на всѣхъ испытаніяхъ въ гимназіи (кромѣ экзамена 21 іюня), происходившихъ, какъ „приватно“ (съ 9 до 11 ч. утра), такъ и „публично“ (съ 4 до 6 послѣ обѣда) съ 14-го по 21 іюня ³⁾). Для характеристики преподавательской дѣятельности Цеплина слѣдуетъ еще указать, что нѣкоторые изъ его слушателей избрали своей спеціальною читанными имъ предметы. Такъ, въ концѣ 1806 года, когда Яковкинъ, по собственнымъ словамъ, „думалъ о заготовленіи учителей“ ⁴⁾), Павелъ Поповъ былъ назначенъ учителемъ исто-

¹⁾ *Проток. Сов. 1806 г. I л. 48, 51b. — Изходящая Совѣта 1806 г. № 30 л. 18.*

²⁾ *Проток. Сов. 1805 г. л. 28b.*

³⁾ *Арх. Каз. унив. Дѣло Сов.; Протоколъ для публичныхъ экзаменовъ въ іюнь 1806 и 1807 г. № 66 лл. 1—3а.*

⁴⁾ *Письмо Яковкина къ Румовскому 11 декабря 1806 года.*

ріи, географіи и статистики „для будущей Пермской гимназіи“¹⁾, а Петръ Кондыревъ, съ 1807 года въ званіи кандидата преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ всеобщую исторію, географію и статистику, а въ 1820 году онъ былъ утвержденъ тамъ-же ординарнымъ профессоромъ историческихъ наукъ и политической экономіи²⁾.

Общественная и частная стороны жизни перваго профессора мало въ общемъ извѣстны. Выше (стр. 78—80) мы отмѣтили то мѣсто, которое занялъ Цеплинъ среди своихъ сослуживцевъ по гимназіи и университету и между членами тогдашней „нѣмецкой колоніи“ въ Казани. По словамъ Яковкина, хорошо освѣдомленнаго со всѣми сторонами жизни казанскихъ профессоровъ, Цеплинъ, подобно Герману, имѣлъ въ городѣ „обширное знакомство“³⁾, изъ котораго, однако, мы знаемъ всего нѣсколько именъ. Къ ихъ числу относится бывший директоръ казанской гимназіи—Пекенъ, объ отношеніяхъ котораго въ Цеплину Яковкинъ, сообщая въ письмѣ къ Румовскому (30 октября 1806 года) о предстоящемъ взысканіи недоимки съ предмѣстника Пекена Лихачева⁴⁾, приводитъ слѣдующія подробности: „Равномѣрно жалобы ожидаю я и отъ бывшаго директора Пекена за слѣдующее съ него взысканіе по кирпичному дѣлу о выданныхъ въ задатокъ деньгахъ безъ всякаго залогоу подрядчику Паалъщичову, учинившемуся банкротамъ. Уповаю, что дѣло сіе будетъ мнѣ вмѣнять во мщеніе за ябедническую его связь съ г. Цеплинымъ и поддугищеніе его противъ меня, какъ то мнѣ уже давно достовѣрно извѣстно: но я надѣялся въ томъ оправдаться правотою моего сердца и совершенною невинностью“. Отсюда видно, что Цеплинъ „давно“ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Пекеномъ и, если вѣрить Яковкину, въ своемъ противодѣйствіи директору сильно подчинялся его вліянію. Другимъ близкимъ къ Цеплину лицомъ былъ

¹⁾ Арх. Казанск. ун-та. 1805 г. № 1(71): Книга о поведеніи студентовъ, 20 дек. 1806 г. л. 5б.

²⁾ Н. Залюскинъ, Дѣятели Казанскаго университета 1805—1900 г. Опись краткаго біографическаго словаря. Казань 1900 стр. 42.—*Ею-же*, Исторія Казанск. ун-верс. т. I стр. 139.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 25 сентября 1806 года.

⁴⁾ Казанская гимназія наканунѣ основанія Казанскаго университета стр. 40 прим. 1.

„иностранецъ Лейтеръ, въ то время человекъ безъ опредѣленныхъ занятій, а съ 1812 года лекторъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ, много разъ упоминаемый въ Дневникѣ Броннера по поводу недоразумѣній со студентами ¹⁾). Не лишняя интереса свѣдѣнія о немъ и его отношеніяхъ къ Цеплину даетъ Яковкинъ въ слѣдующемъ отрывкѣ письма къ Румовскому (22 августа 1805 года). „На высшій нѣмецкій классъ просится иностранецъ Лейтеръ, *одобряемый особливо по дружескимъ связямъ отъ профессора Цеплина*; но я никакъ не могу рѣшиться рекомендовать его Вашему Превосходительству. Опыты его знаній, состоящіе въ переводѣ съ російскаго на нѣмецкій языкъ и сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ изъ даннаго отъ меня предложенія: „Истинное просвѣщеніе составляетъ благоденствіе человѣческое“, препровождаются Вашему Превосходительству болѣе въ угодность г. Цеплина; но я никакъ не могу предполагать на нихъ начальственнаго Вашего одобренія; поелику они показались мнѣ весьма слабыми. Сверхъ того, на вопросъ мой о мѣстѣ его обученія, хотя и отвѣчалъ онъ, что обучался чрезъ три года въ Лейпцигѣ, но никакого аттестата о томъ не представилъ, ровно какъ и своего паспорта, который до нынѣ находится, по его увѣренію, въ Уѣздномъ Казанскомъ судѣ, въ коемъ онъ судимъ былъ, по веселю, якобы подложному, данному ему отъ бывшей его ученицы, дочери Масаловой, въ 3000 рублѣхъ. Произшествіе сіе само по себѣ весьма предосудительно и постыдно, какъ для просителя, такъ и отвѣтчицы. Кромѣ того судится оной Лейтеръ еще по невыставкѣ казеннаго провіанту по подряду. Частныя же мои объ немъ изслѣдованія удостовѣрили меня, что онъ сперва былъ мѣлочной, модной иностранной торгашъ, потомъ учителемъ въ частныхъ господскихъ домахъ, а наконецъ мыловаромъ и поставщикомъ казеннымъ и по послѣдней его неисправности описано имѣніе его собственное и поручителей по немъ, бывшаго гимназическаго учителя Вильфинга и казанскаго купца Миллера. Какую же честь можетъ принести гимназіи торгашъ, частный учитель, мыловаръ и подрядчикъ, такъ что я никакъ не согласился и на усиленные убѣжденія

¹⁾ Профессоръ Броннеръ, его Дневникъ и Переписка, стр. СЛХІХ, СЛХХ, СЛХХІІІ, СЛХХХІІІ. 50, 55, 85 и др.

г. Цеплина, дабы хотя на время, до разрѣшенія Вашего Превосходительства, препоручить оному Лейтеру высшій нѣмецкій классъ". Кромѣ Певена и Лейтера, къ хорошимъ знакомымъ Цеплина слѣдуетъ отнести упомянутаго уже капитана казанскаго драгунскаго полка, Густава фонъ Юста ¹⁾, а также поставщика медикаментовъ для гимназической больницы, аптекаря Андрея Засса, кредитора профессора, и провизора Дальке ²⁾.

Для характеристики Цеплина не лишены интереса и слѣдующіе факты, переданные Яковиннымъ въ письмахъ къ Румовскому.

„Прискорбно слышать, сообщалъ директоръ, разносимые по городу г.г. Цеплинымъ и Германомъ особливо, слухи о военныхъ, особенную грусть наводящихъ происшествіяхъ ³⁾, о коихъ будто бы послѣднему пишутъ прямо изъ Берлина... Я опасаюсь, заключаетъ Яковинъ, что рано или поздно, что нибудь здравомыслящій, услышавъ таковыя новости и засвидѣтельствовавъ о нихъ присутствующимъ, нанесетъ имъ многія непріятности, законами предписываемыя за несправедливыя разглашенія“. „30 августа, профессоръ Германъ и Цеплинъ, сообщаетъ директоръ (11 сентября 1806 года), пришелъ въ кафедральный соборъ, тѣснились напередъ всѣхъ и Германъ толкнулъ вице-губернатора. Сей сказалъ ему: „надобно бы наблюдать болѣе благопристойность въ церкви“. Германъ что-то началъ говорить ему по нѣмецки, но вице-губернаторъ отвѣчалъ: „я не разумѣю иностранныхъ языковъ“. За Германомъ шедшій Цеплинъ началъ говорить по-французски; вице-губернаторъ ему отвѣчалъ тоже. Вице-губернаторъ потомъ спросилъ стоявшаго подлѣ него губернскаго казначея: кто бы таковыя оныя двое были: потому что оба были въ сюртукахъ и, получивъ отъ него въ отвѣтъ, что это два профессора: Германъ и Цеплинъ, сказалъ вслухъ: „ахъ, какіе невѣжды, другой на моемъ мѣстѣ приказалъ бы вывести ихъ изъ церкви“. Но слышалъ я, что оба они, оправдывая сами себя и обвиняя вице-губернатора, жаловались на него губернатору, а вице-

¹⁾ См. выше, стр. 106.

²⁾ Дѣло Казанской гимназій, 1804 года № 4б.—Письмо Яковинна къ Румовскому 23 октября 1806 года.

³⁾ По времени письма, какъ замѣчаетъ Буличъ (I, стр. 73), эти слухи относились къ пораженію при Аустерлицѣ.

губернаторъ будто бы рѣшился отнести объ ономъ произшествіи въ Вашему Превосходительству“. Спустя двѣ недѣли (25 сентября), Яковкинъ сообщалъ попечителю „за достовѣрное, что вице-губернаторъ письменно жаловался Министру Народнаго Просвѣщенія“ на грубости, причиненныя ему публично Германомъ и Цеплинымъ. Но это „непріятное произшествіе“, какъ называлъ его Яковкинъ, дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣло, вызвавъ только, вѣроятно, скрытое неудовольствіе попечителя и разговоры въ городѣ.

Второе столкновеніе произошло у Цеплина съ членами „Общества отечественной словесности“, которымъ Яковкинъ позволилъ собираться, подъ предсѣдательствомъ учителя Ибрагимова, въ одной изъ комнатъ Тенишевскаго дома. „Въ прошедшую субботу, сообщаетъ Яковкинъ (16 октября 1806 года), профессоръ Цеплинъ, идучи отъ профессора Фукса, зашелъ въ оную комнату и узнавъ отъ сочленовъ о причинѣ ихъ собранія, изъяснилъ крайнее негодованіе и при всѣхъ тутъ бывшихъ сказалъ, что въ будущее засѣданіе Совѣта донесетъ объ ономъ, какъ противозаконномъ, поелику Совѣту неизвѣстномъ, скопщѣ“¹⁾. Но послѣдовавшія затѣмъ бурныя засѣданія Совѣта поглотили все вниманіе Цеплина и онъ не исполнилъ своей угрозы, а въ декабрѣ 1806 „Общество“ получило официальное утвержденіе въ Петербургѣ.

Частная жизнь Цеплина извѣстна очень мало. Жилъ онъ холостымъ, въ деревянномъ домѣ, но гдѣ находился этотъ домъ—неизвѣстно. Яковкинъ, въ письмѣ котораго къ Румовскому (18 сентября 1806 года) отмѣченъ этотъ фактъ, сообщаетъ еще, что домъ этотъ въ то время поправляли и всѣ книги и вещи Цеплина были уложены въ ящики. Изъ указанія того же корреспондента (23 октября 1806 года), что Цеплинъ, захворавъ во время засѣданія Совѣта лихорадкою, уѣхалъ домой, можемъ заключить, что жилъ онъ не вблизи университета. Лѣтомъ, въ 1805 и 1806 году Цеплинъ жилъ въ деревнѣ, но гдѣ и у кого, неизвѣстно; въ началѣ ноября 1805 года онъ тоже былъ въ отлучкѣ изъ Казани. О своемъ отъѣздѣ и возвращеніи онъ не имѣлъ обыкновенія извѣщать начальство и Яковкину, не безъ присморбія, приходилось узнавать „стороною“ объ отлучкахъ и прибытіи Цеплина²⁾.

¹⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Попеч. 1806 года № 87.

²⁾ *См. выше*, стр. 106 и 109.

Не смотря на то, что Цеплинъ получалъ содержаніе въ 2000 рублей, въ то время для одного человѣка весьма достаточное—матеріальное его положеніе было далеко не блестящимъ. „Казанскому аптекарю Зассу, какъ мнѣ извѣстно, писалъ Яковкинъ попечителю (18 декабря 1806 года), Германъ долженъ болѣе 2000 рублей, Цеплинъ болѣе 1500, Бюнеманъ болѣе 500 и жалованье забираютъ тотчасъ при началѣ наступившаго мѣсяца“. „Не могу оставить безъ донесенія, сообщаетъ тотъ-же корреспондентъ, что вычетъ одного процента на госпиталь сопровождается крайнѣйшимъ со стороны гг. Цеплина и Германа роптаніемъ“ (4 сентября 1806 года). Что было причиною плохого матеріальнаго положенія перваго казанскаго профессора—прежня-ли задолженность, бѣдственное положеніе родныхъ за границей или веселая казанская жизнь, въ которой, по словамъ современнаго нѣмецкаго журнала, дѣятельное участіе принимали нѣкоторые профессора ¹⁾—мы не знаемъ. Безъ сомнѣнія, однако, тогдашнія „мятежныя собранія по домамъ единомышленниковъ“, на которыя не разъ негодовалъ Яковкинъ, не проходили безъ приличныхъ возліаній, да и самъ Цеплинъ, какъ можно заключить изъ указанія его позднѣйшаго сослуживца, Броннера, не принадлежалъ къ числу трезвенниковъ, но охотно принимался за „освѣжительное“ (gafräichissements) ²⁾.

Матеріальная задолженность и предстоящій отъѣздъ изъ Казани, безъ сомнѣнія, побудили Цеплина разстаться съ своею библіотекою, составленною преимущественно изъ книгъ, относящихся къ его специальности. Въ засѣданіи Совѣта 23 февраля 1807 года библіотекаръ университета, профессоръ Сторль, заявилъ, что отъ Цеплина онъ получилъ „нѣсколько списковъ

¹⁾ Указанія на это помѣщены въ небольшой анонимной корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода, напечатанной въ 55 № газеты «Der Freimäthige» (18 февраля 1806 года), издаваемой въ Берлинѣ Готтлибомъ Меркелемъ. Иронически говоря объ «увеселеніяхъ казанскихъ», напоминающихъ «авилонское смѣшеніе», корреспондентъ сравнивалъ профессоровъ съ Бриганами, упоминаемыми въ посланіи ап. Павла къ Титу (1, 12) и упрекалъ ихъ въ дорогихъ жертвахъ, приносимыхъ на алтарь боговъ ихъ. Подробнѣе объ этой статьѣ или «пасквилѣ» говоритъ Н. П. Замоскинъ, Ист. Каз. ун-в. I стр. 161—164.

²⁾ Профессоръ Броннеръ, его Дневникъ и Переписка, стр. 335.

книгъ, которыя профессоръ отчасти желаетъ принести въ даръ библиотекѣ, отчасти же предлагаетъ, не благоугодно-ли будетъ Совѣту нѣсколько изъ нихъ купить“ ¹⁾). Въ первыхъ двухъ спискахъ, писанныхъ собственноручно Цеплинымъ и заключающихъ въ себѣ сочиненія, приносимыя въ даръ (*libri donandi Universitati a D-no prof. Zeplin*), помѣщено 39 книгъ, относящихся преимущественно въ латинскимъ изданіямъ XVIII вѣка, по юриспруденціи, исторіи и богословію ²⁾). Въ двухъ слѣдующихъ спискахъ, одинъ изъ которыхъ писанъ Сторлемъ, другой Цеплинымъ, помѣщены книги, предназначенныя для продажи (*libri vendendi*), числомъ 177, оцѣненныя въ 166 рублей ³⁾). Наиболѣе цѣннымъ отдѣломъ въ этомъ спискѣ является извѣстный сборникъ, подъ заглавіемъ „Respublicae Elzevirianae“, въ 23 томахъ и Словарь Адельунга—5 томовъ. Остальныя книги, преимущественно на языкахъ латинскомъ и французскомъ, относятся главнымъ образомъ къ исторіи и законовѣдѣнію, въ изданіяхъ XVIII-го и частью конца XVII столѣтія ⁴⁾). Изъ русскихъ книгъ, попала, къ Цеплину, вѣроятно, случайно, только одна (№ 15)—„Анекдоты изъ жизни Бонапарта“ (Москва 1803), неизвѣстнаго автора. Заслушавъ заявленіе Сторля, Совѣтъ постановилъ: препроводивъ къ попечителю копіи списковъ, донести, „не благоугодно-ли будетъ принять по означеннымъ спискамъ даруемыя книги, а прочія—купить“. Третьяго апрѣля Яковкинъ въ Совѣтѣ доложилъ, что попечитель изъявилъ согласіе на покупку книгъ у Цеплина, относительно же изданій,

¹⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1807 года № 53 л. 68а.

²⁾ *Тамъ-же* л. 69—70. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ: Ritter, Elementa juris publici germanici, Goettingae 1766. 4-о.—*Conringii*, Antiquitates academicae, Helmstadt 1674.—*Scripta in academia Rostochiensis publice proposita. Rostochii 1567.* 12-о.—*Ioach. Hartmanni*, Systema chronologicum, Rostochii 1777. 8°.—*Struvii*, Bibliotheca juris, Jenae 1756. 8-о.—Изъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи, указана только одна: *Ioh. Doviati*, Praenotiones juris canonici ed. *Schott*, Mitaviae 1776. P. 1—2 8° maj.

³⁾ *Тамъ-же* л. 71—72, 74—76а.

⁴⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ изданій: *Histoire de François I par Varrillas* P. 1—2 à la Haye, 1684. 8°.—*Vie privée de Louis XV* P. 1—4, à Londres 1781. 8°.—*Journal du Cardinal de Richelieu*, P. 1—2 Paris 1652. 12°.—*Pantoppidani, Gesta Danorum* P. 1—3. Lipsiae 1740. 8° и др.

приносимыхъ въ даръ, „предписалъ отобрать отъ Цеплина извѣстіе о цѣнѣ ихъ“. Что побудило попечителя обратиться въ Совѣтъ съ этимъ предложеніемъ, неизвѣстно, въ результатѣ, однако, получилось то, что университетъ лишился нѣсколькихъ десятковъ книгъ, если и не особенно цѣнныхъ, то вообще рѣдкихъ и не лишенныхъ значенія для исторіи литературы по извѣстнымъ отраслямъ наукъ. Когда посланный Яковкинымъ къ Цеплину адъютантъ Эвель сообщилъ ему предложеніе попечителя, то профессоръ объявилъ, „что оныя книги, не его книги, а нѣкотораго незнакомаго“. Тогда Совѣтъ опредѣлилъ: „такъ какъ профессоръ Цеплинъ отрекся объявить означеннымъ книгамъ цѣну, то возвратитъ ему ихъ обратно, а о продаваемыхъ имъ на 166 рублей сообщить Конторѣ, чтобъ она соблаговолила выдать ихъ на счетъ университетской Библіотеки“. Книги эти и поступили въ Библіотеку только въ началѣ іюля ¹⁾.

Съ своей родиной и мѣстомъ воспитанія—Ростокомъ Цеплинъ не прерывалъ сношеній; въ концѣ 1806 года онъ увѣдомилъ своего учителя, извѣстнаго ростовскаго профессора Тихсена, о вакантной въ Казани каедрѣ восточной словесности, на которую въ слѣдующемъ году былъ назначенъ воспитанникъ ростовскаго университета, молодой ученый Френъ—знаменитый основатель славной школы казанскихъ ориенталистовъ ²⁾. Предстоящее назначеніе новаго профессора, при участіи Цеплина, встревожило Яковкина. „Профессоръ Френъ, какъ землякъ, а можетъ быть и соученикъ Цеплина, писалъ директоръ попечителю (4 декабря 1806 года), не преминетъ свести съ нимъ тѣсную дружбу. Дай Богъ, чтобъ характеръ его не походилъ на Цеплиновъ и чтобъ предъопаденіе сіе было напрасно; въ противномъ случаѣ не оставятъ они оба возбуждать новыхъ вѣщихъ безпокойствъ“. Тревога Яковкина не оправдалась: Френъ не засталъ уже Цеплина въ Казани и, предавшись всецѣло наукѣ, равнодушно относился къ самовластію попечительскаго ставленника.

Здѣсь мы расстаемся съ Цеплинымъ до того времени, когда въ 1813 году, онъ при новомъ Министрѣ и другомъ

¹⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1807 года № 53 л. 106а.

²⁾ *П. Савельевъ, О жизни и ученыхъ трудахъ Френа.* С.-Петербург. 1855 стр. 15.—См. выше стр. 8—9.

Попечителѣ снова былъ назначенъ профессоромъ Казанскаго университета. На цѣлыя семь лѣтъ личность старѣйшаго профессора исчезаетъ изъ ученаго горизонта Казани, но первая дѣятельность его, если и не увѣнчалась успѣхомъ, не прошла однако, безслѣдно для жизни и развитія университета. Посвященная Цеплинымъ сѣмена борьбы за самостоятельность университетской корпораціи, самостоятельность, огражденную незабвеннымъ уставомъ 1804 года, не заглохла. Глухая борьба противъ самовласти Яковкина продолжалась и по удаленіи Цеплина, при его ближайшихъ преемникахъ, профессорахъ Браунѣ, Френѣ, Бартельсѣ и, по временамъ, изъ тайной дѣлалась явною, замѣтно усилившись съ назначеніемъ въ университетъ Броннера (1810 г.) и Арнгольда (1812 г.): она прекратилась только тогда, когда, вслѣдъ за возвращеніемъ Цеплина въ Казань въ мартѣ 1814 года, послѣдовало 5-го іюля того же года давно ожидавшееся, такъ называемое „полное открытіе“ Казанскаго университета на точномъ основаніи правилъ устава 1804 года.

Глава седьмая.

**ВОЗВРАЩЕНІЕ ЦЕПЛИНА ВЪ КАЗАНЬ И ЕГО
ДЕКАНСТВО.**

(1813—1819 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Возвращеніе Цеплина въ Казань и его деканство.

(1813—1819 г.).

Недостатокъ свѣдѣній о Цеплинѣ съ 1807 по 1813 годъ.— „Записка“ о Цеплинѣ съ 1810 года.— „Опредѣленіе его паки въ университетъ“ 9 октября 1813 года.— Возвращеніе его въ Казань.— Дѣятельность Цеплина въ должности декана.— Первый докторскій диспутъ Богдана Іона.— Промоціи Гавріила Солнцева и Эльпидифора Маиассенина.— Столкновеніе Цеплина съ Вроннеромъ въ факультетѣ.— Особыя порученія Цеплину отъ Совѣта и Правленія въ 1815 году: по дѣлу Степана Смирнова и столкновенію Яковкина съ Совѣтомъ Казанской гимназіи.— Протестъ Цеплина по поводу „поборовъ“ съ профессоровъ.— Ревизія имъ университетской бібліотеки.— Столкновеніе въ Совѣтѣ съ ректоромъ Брауномъ и Вроннеромъ.— Два послѣдніе года дѣятельности Цеплина.— Заявленіе Цеплина по поводу „опорочиванія“ Аригольдомъ Правленія университета.— Уколъ самолюбію Цеплина со стороны ректора Брауна.— Смерть Брауна и участіе Цеплина въ его похоронахъ.— Отличительныя черты ревизіи М. Л. Магницкаго.— Причины массоваго увольненія профессоровъ.— „Удаленіе“ Цеплина 5 го августа 1819 года.— Блѣвета Магницкаго на Цеплина.— Преподавательская дѣятельность Цеплина.— Кандидатскій экзаменъ Антеиорова.— Научная дѣятельность отдѣленія Правственно-политическихъ наукъ при Цеплинѣ.— Черты частной жизни Цеплина.— Пристрастіе его къ „освѣжительному“.— Сближеніе Цеплина съ гр. Н. П. Румянцевымъ.— Мѣстожителство Цеплина въ Казани.

Жизнь и дѣятельность Цеплина, послѣ переѣзда его изъ Казани въ Петербургъ въ первой половинѣ 1807 года, скрываются отъ насъ на цѣлыя шесть лѣтъ. Мы не знаемъ въ точности ни мѣста пребыванія его за это время, ни рода его занятій. Никакихъ данныхъ для выясненія этихъ вопросовъ не имѣется. Въ письмахъ Яковкина къ Румовскому, представляющихъ въ общемъ обильный матеріалъ для біографій первыхъ дѣятелей Казанскаго университета съ 1804 по 1812 годъ, имя Цеплина, послѣ его отъѣзда въ Петербургъ, встрѣчается только намекомъ и мимоходомъ ¹⁾, а съ 1809 года совершенно исчезаетъ изъ переписки директора съ первымъ попечителемъ казанскаго округа. Въ обширной корреспонденціи позднѣйшаго сослуживца Цеплина въ Казани, Франца Броннера, дополняющей рядъ извѣстій о казанскихъ профессорахъ по письмамъ Яковкина, имя Цеплина, до вторичнаго его назначенія въ Казань, не встрѣчается. Частная переписка ближайшихъ къ старѣйшему профессору людей, Германа и Запольскаго, оставшихся въ Казани, къ намъ не дошла, да едва-ли Цеплинъ переписывался съ ними, такъ какъ вообще онъ былъ очень туго на письменныя сношенія. Единственнымъ казанскимъ профессоромъ, съ которымъ Цеплинъ, живя въ Петербургѣ, несомнѣнно переписывался, былъ его землякъ Френъ. Но переписка эта, какъ видно изъ указаній самого Френа, касалась преимущественно вопросовъ историческихъ, и относится къ августу мѣсяцу 1813 года, т. е. ко времени вторичнаго назначенія Цеплина въ Казань ²⁾.

¹⁾ Такъ, по поводу шума, поднятаго Германомъ въ Совѣтѣ вслѣдствіе незнанія студентами латинскаго языка, Яковкинъ писалъ (3 сентября 1807 г.): «Такое необыкновенное нешество весьма страннымъ показалось г. Брауну. Справедливо сказать, что ежели г. Цеплинъ, съ коимъ весьма сходенъ и г. Германъ, не преминулъ оказать безпокойнаго своего характера предъ Вашимъ Превосходительствомъ и даже предъ самимъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія; то можно представить, каково мнѣ укрощать здѣсь киченіе и буйство».—Въ слѣдующемъ году, по поводу предложенія Румовскаго внушать воспитанникамъ «смиреномудріе», Яковкинъ, имѣя въ виду представить объ этомъ въ Совѣтѣ, злобно намекаетъ въ письмѣ къ попечителю на Цеплина и его приверженцевъ (21 апрѣля 1808 года): Богъ судитъ Карташевскому, Каменскому и прочей ихъ сволочи; они виновны во внушеніи юношамъ кичливости, а особливо по математикѣ и физикѣ».

²⁾ *C. Frachn*, Numophylacium orientale Pototianum, Casani MDCCCXIII p. 12, 78.

Изъ формулярныхъ списковъ Цеплина, хранящихся въ архивахъ Казанскаго университета и Гидрографическаго Депо Морскаго Министерства, мы можемъ несомнѣнно заключить, что Цеплинъ, получивъ отставку „безъ награжденія чина ¹⁾“, находился съ 7 февраля 1807 года по 9 октября 1813 года не у дѣлъ, не занималъ никакого оффиціального положенія въ Петербургѣ или внѣ его. Мы не думаемъ даже, чтобы въ періодъ своей отставки онъ жилъ безвыѣздно въ столицѣ. У Цеплина, до его назначенія въ 1803 году, были прочныя связи въ Лифляндіи и въ Ригѣ, связи, которыя за время трехлѣтняго съ небольшимъ пребыванія въ Казани не могли прерваться. Матеріальное положеніе уволеннаго профессора, какъ мы отмѣтили въ свое время ²⁾, было далеко не блестящимъ и въ періодъ его казанской жизни, послѣ же отставки оно стало критическимъ. Въ виду этихъ соображеній, намъ кажется несомнѣннымъ, что, очутившись въ безвыходномъ положеніи въ Петербургѣ, Цеплинъ возвратился къ тѣмъ литературнымъ занятіямъ, которымъ предавался и раньше въ Лифляндіи и столицѣ. Весьма возможно также, что бывший профессоръ не чуждался въ то время, какъ и прежде, и учительскаго труда. Изъ сношеній Цеплина съ тогдашними вліятельными представителями прибалтійской культуры—Б р о т ц е и двумя Б е р г м а н а м и—на что указывалось раньше ³⁾, является несомнѣннымъ, что они могли не только привлечь бывшаго профессора къ своимъ трудамъ по исторіи Ливоніи, но и предоставить ему „privatim“ занятія въ одномъ изъ рижскихъ учебныхъ заведеній ⁴⁾. Одновременно съ этимъ, друзья и покровители Цеплина, среди которыхъ выдающееся мѣсто занималъ вліятельный академикъ Н. Ф у с с ь ⁵⁾, не упускали случая снова пристроить отставнаго профессора въ казенному мѣсту.

¹⁾ *Архивъ Казанскаго университета: Формуляръ Цеплина съ 1819 года.*

²⁾ *См. выше, гл. VI стр. 177.*

³⁾ *Тамъ-же, гл. I стр. 15—16.*

⁴⁾ *Тамъ-же, гл. I стр. 16.*

⁵⁾ *Тамъ-же, гл. I стр. 17.*

Въ апрѣлѣ 1810 года, новымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій. Казанскій университетъ представлялся ему въ весьма неприглядномъ видѣ. По дошедшимъ до Министра свѣдѣнїямъ отъ лицъ бывшихъ въ свитѣ рѣвизовавшаго въ 1809 году Казанскую губернію сенатора Обрѣзкова, главнымъ виновникомъ разстройства университета былъ Яковкинъ ¹⁾. Эти же лица, безъ сомнѣнїя, сообщили гр. Разумовскому и обстоятельства, сопровождавшія разгромъ Совѣта казанской гимназїи и университета въ 1806 году, произведенный по настоянїю и интригамъ любимца Румовскаго. Свѣдѣнїя эти, конечно, не могли расположить гр. Разумовскаго къ казанскому директору-инспектору и, отчасти, къ его столичному атфитріону и этимъ настроенїемъ не преминулъ воспользоваться близко знавшій дѣло Цеплина человекъ, чтобы реабилитировать его въ глазахъ новаго главы народнаго просвѣщенїя. Доказательствомъ тому является случайно найденная нами въ Архивѣ Министерства „Записка“, приложенная къ дѣлу, въ которомъ, по желанїю Министра Народнаго Просвѣщенїя, были собраны свѣдѣнїя о профессорѣ Яковкинѣ ²⁾. Какъ видно изъ канцелярской помѣтки, „Записка“ была получена 12 іюля 1810 года, но составитель ея неизвѣстенъ. Содержаніе самаго документа слѣдующее.

„Докторъ Цеплинъ 26 февраля 1804-го года определенъ ординарнымъ профессоромъ исторїи въ Императорскій Казанскій университетъ. На исправленіе должности его никогда жалобы не было. Тѣмъ неожиданнѣе было, что его и еще четырехъ членовъ удалили изъ Собранїя. За симъ изгнанїемъ послѣдовало вскорѣ ближайшее о пяти несчастныхъ сотру-

¹⁾ Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, ч. I стр. 443—447; ч. II стр. 299.

²⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. 1810 года № 4074 карт. № 137: По предписанїямъ Министра Народнаго Просвѣщенїя Почетителю Казанскаго учебнаго округа о доставленїи свѣдѣнїи о профессорѣ и директорѣ Казанской гимназїи Яковкинѣ, а также объ избранїи въ Казанскомъ университетѣ Ректора и декановъ. Начато 17 августа 1810 г., кончено 8 января 1811 года (на 11 листахъ).

нивахъ рѣшеніе. Двое изъ Императорской службы исключены, двое помилованы. Профессоръ *Цеплинъ* за непослушаніе въ предписаніяхъ начальства уволенъ отъ университета. Такого содержания была выписка изъ Журнала Совѣта отъ 7-го февраля 1807 года, какъ значится изъ приложенной у сего копіи. Другой о семь бумаги профессоръ *Цеплинъ* никогда не видалъ“.

„Не дано отвѣта на препочтеннѣйшіе запросы, о какомъ начальствѣ и о какихъ повелѣніяхъ могла быть рѣчь. Тщеты были всѣ старанія большей части знатныхъ членовъ Главнаго училищъ Правленія. Даже когда профессоръ находился въ Санктпетербургѣ, не было возможности найти способъ получить свѣдѣнія, хотя объ одной статьѣ жалобы, о доказательствахъ оной и объявленіяхъ“.

„Профессору *Цеплину*, не взирая на истребленіе экономическихъ его положеній, осталось претерпѣть еще вѣдущую тягость. Утвердительная грамота Императорскаго Казанскаго университета и уставъ его отъ 5-го ноября 1804-го года переведены почти на всѣ языки и обнародованы ученому свѣту. Сей уставъ постановляетъ въ статьѣ 66-й, что ни одинъ членъ университета не можетъ быть отставленъ отъ своей должности, какъ по предварительномъ изслѣдованіи и по приговору. Явно страждетъ доброе имя члена университета, когда публика сравнитъ существо отставки съ изданными законами“.

Если сравнить эту „записку“ съ подлинными жалобами *Цеплина* на свое увольненіе ¹⁾, то нельзя не признать, что она была составлена имъ самимъ на нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ и затѣмъ, для представленія Министру, вѣроятно, однимъ „изъ знатныхъ членовъ Главнаго училищъ Правленія“, была переведена кѣмъ-либо по-русски. Записка, однако, успѣха не имѣла, благодаря, вѣроятно, тому, что, на разспросы гр. Разумовскаго о *Цеплинѣ*, *Румовскій*, ради собственнаго престижа, постарался представить его новому Министру, какъ раньше и гр. *Завадовскому*, „человѣкомъ строптивымъ и покой ненавидящимъ“. Для полной своей реабили-

¹⁾ См. выше гл. V стр. 160—162.

таціи, Цеплину пришлось снова запастись терпѣніемъ на цѣ-
лыхъ три года.

Восьмого іюля 1812 года скончался Румовскій. Событіе
это могло имѣть важное значеніе для будущихъ видовъ Це-
плина, такъ какъ со смертью перваго попечителя пала одна
изъ наиболѣ существенныхъ преградъ въ возстановленію уво-
леннаго профессора въ прежней должности. Преемникомъ
Румовскаго 26 сентября того же 1812 года былъ назначенъ
Михаиль Александровичъ Салтыковъ, чело-
вѣкъ гуманный и уступчивый, большой поклонникъ иностран-
цевъ. Едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, что Цеплинъ не упу-
стилъ случая представиться новому попечителю и ознакомить
его съ своимъ положеніемъ. Но никакихъ подробностей объ
этомъ у насъ не имѣется. Возможно только догадываться,
что Салтыковъ не сразу рѣшился ходатайствовать предъ
Министромъ о вторичномъ назначеніи бывшего профессора
въ Казанскій университетъ. Новый попечитель, въ началѣ
слѣдующаго года, собирался самъ переѣхать на жительство
въ Казань, чтобы имѣть университетъ, такъ сказать „подъ
рукою“, ознакомиться непосредственно съ его прошлымъ и
лично наблюдать за дальнѣйшимъ его развитіемъ. Салтыковъ
видимо желалъ собрать свѣдѣнія и мнѣнія и о дѣлѣ Це-
плина лично въ Казани и этимъ желаніемъ новаго попечителя
возможно объяснить тотъ фактъ, что „опредѣленіе Цеплина
наки въ университетъ“, по словамъ архивной выписки ¹⁾,
послѣдовало только годъ спустя по утвержденіи Салтыкова
попечителемъ. Эта осмотрительность попечителя могла быть
только наруку планамъ бывшего профессора. По удаленіи
Цеплина въ 1807 году, въ Казани объявился цѣлый сонмъ
нѣмецкихъ профессоровъ: Браунъ, Френъ, Бартельсъ, Кас-
паръ Реннеръ, Фойгтъ, Финке, Литтровъ, Іоганнъ Эрдманъ,
Броннеръ, Томасъ. Всѣ они, во главѣ съ старымъ привер-
женцемъ Цеплина, Германомъ, тѣмъ болѣе могли желать воз-
вращенія въ свою среду подвергшагося опалѣ профессора,
что презирали Яковкина, для котораго новое появленіе въ
университетской средѣ его непримиримаго и энергичнаго

¹⁾ *Архивъ Мин. Нар. Просв.*: Алфавитъ дѣламъ Казанскаго Учебнаго
Округа съ 1802 по 1818, описъ Ж 4254.

врага было бы событіемъ крайне-тяжелымъ. Но при такихъ обстоятельствахъ послѣдовало вторичное назначеніе Цеплина, какіе мотивы были приведены для этого въ представленіи Салтыкова—у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, такъ какъ значительная часть подлинныхъ дѣлъ Казанскаго учебнаго округа того времени была *уничтожена* въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1866 и 1867 годахъ, причѣмъ содержаніе ихъ только въ извлеченіи надписывалось тогдашнимъ начальникомъ Архива Ошметьевымъ на краяхъ описи, въ видѣ *glossae interlineares* старинныхъ манускриптовъ. Изъ этихъ извлеченій мы узнаемъ только, что дѣло о вторичномъ назначеніи Цеплина въ Казань было начато 5 октября 1813 года, а утвержденіе его ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ дипломатики и политической экономіи послѣдовало вслѣдствіе предложенія Министра 9 октября 1813 года за № 2541 ¹⁾. Графъ А. К. Разумовскій сообщалъ тогда Салтыкову, что утвержденіе это послѣдовало *по его представленію и по желанію* Цеплина ²⁾. Въ самомъ началѣ ноября увѣдомленіе Министра было получено въ Казани, а 8-го того же мѣсяца, согласно предложенію Салтыкова (6 ноября № 630), было принято къ свѣдѣнію въ засѣданіи Совѣта ³⁾. Такъ совершилось вторичное назначеніе Цеплина въ Казанскій университетъ, назначеніе, представляющее единственный въ его исторіи фактъ официальной реабилитаціи несправедливо удаленнаго представителя высшей науки. Въстѣ

¹⁾ *Арх. Мин. Нар. Просв.* Опись № 21 дѣламъ Казанскаго Учебнаго Округа съ 1802 по 1822 № 4254 (139): Объ опредѣленіи Казанскаго университета профессоромъ дипломатики и политической экономіи бывшаго при семъ университетѣ профессоромъ всеобщей исторіи Цеплина. — *Буличъ* (II стр. 697) ошибается, сообщая, что «Цеплинъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ *по прежде занимаемой имъ кафедрѣ*»; раньше онъ читалъ всеобщую исторію, географію и статистику и такъ какъ при новомъ его назначеніи кафедре всеобщей исторіи уже занималъ Томашъ, то бывшему профессору и были предложены чтенія по кафедрѣ дипломатики и политической экономіи, бывшей тогда вакантной.

²⁾ *Арх. Каз. унив.* Дѣло Сов. 6 ноября 1813 года № 122: Объ опредѣленіи бывшаго профессора Цеплина опять профессоромъ Дипломатики и Политической экономіи въ Казанскій университетъ, л. 2а.

³⁾ *Тамъ-же* л. 1.

объ этомъ дошла въ Казань значительно раньше официальнаго увѣдомленія ¹⁾ и, безъ сомнѣнія, съ большою радостью была принята въ средѣ нѣмецкой партіи профессоровъ, отозвавшись грознымъ „*metemento mori*“ для Яковкина, звѣзда котораго со смертью Румовскаго видимо клонилась въ закату. Въмѣсто ея, на ученомъ горизонтѣ Казани, стала заниматься заря *автономной жизни* университета, ярко возсіявшая сначала при выборѣ въ Совѣтъ 4-го сентября 1813 года ректора, декановъ и другихъ лицъ университетской корпораціи, а затѣмъ при ихъ утвержденіи въ началѣ слѣдующаго 1814 года ²⁾.

Послѣ утвержденія въ октябрѣ 1813 года, Цеплинъ прибылъ, однако, въ Казань не очень скоро. Причиной задержки было, вѣроятно, то, что жалованье (2000 р.) и квартирные деньги (500 р.) были назначены ему только съ 12 марта 1814 года, согласно предложенію Министра отъ 8 апрѣля того же года за № 1110 ³⁾. Вторая причина отсрочки возвращенія въ Казань заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, что Цеплинъ не желалъ вторично подпасть подъ ферулу своего врага—Яковкина и, освѣдомившись о состоявшемся въ сентябрѣ 1813 года въ университетѣ выборѣ ректора, предпочелъ выждать въ Петербургѣ его утвержденія, Получивъ по распоряженію министра заимообразно изъ суммъ Главнаго правленія Училищъ 400 руб., Цеплинъ воротился въ Казань только въ мартѣ 1814 года ⁴⁾.

¹⁾ Это видно изъ замѣтки о назначеніи Цеплина профессоромъ (*professor designatus*), сдѣланной его другомъ Френомъ въ монографіи «*Nimophylacium orientale Pototianum*» (стр. 79), одобренной къ печати 13 сентября 1813 г.

²⁾ Высочайшій указъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи на три года перваго ректора Брауна послѣдовалъ 24 февраля 1814 года въ главной квартирѣ въ Шомонѣ. Остальныя должностныя лица, избранныя Совѣтомъ, были утверждены предложеніемъ министра, заслушаннымъ въ Совѣтѣ 18 апрѣля того же года (*Буличъ II*, стр. 697—698).

³⁾ *Арх. Мин. Нар. Просв.* Опись № 21 дѣламъ Казанскаго учебн. округа съ 1802 по 1822 № 4254 (139).

⁴⁾ *Арх. Казанскаго учив.* Дѣло Сов. 6 ноября 1813 г. № 122: Объ опредѣленіи бывшаго профессора Цеплина опять профессоромъ л. 4а.—*Буличъ II* стр. 697.—*Н. П. Заюскинъ*, Исторія Казанскаго университета, т. I стр. 486.

Съ полнымъ примѣненіемъ въ Казанскомъ университетѣ устава императора Александра I для Цеплина настала новая эра жизни. Тѣ принципы университетской самостоятельности, за которые онъ боролся и пострадалъ, теперь казались осуществленными вполнѣ, стали вѣдраться въ основы университетской жизни и захватывать всѣ ея постепенно развѣтлявшіяся отрасли. Проявленіямъ и проискамъ, „начальственнаго“ деспотизма, этому обычному симптому въ жизни Казанскаго университета при Румовско-Яковкинскомъ режимѣ, теперь былъ положенъ предѣлъ. Во главѣ университета уже стояли выборные ректоръ и деканы, а рядомъ съ ними самоуправляющаяся корпорація профессоровъ. Свѣжая, давно желанная атмосфера академической жизни сразу охватила Цеплина, подѣйствовавъ на него умиротворяющимъ, благотворнымъ образомъ. Прежній „главный, высокій крикунъ“, подымавшій при Яковкинѣ „безпрестанныя споры“, охотно примирается теперь съ новыми формами автономной жизни университета, и посвящаетъ ему много трудовъ и времени, въ аудиторіяхъ и въ кабинетной тиши. Лекціи свои по новой каедрѣ Цеплинъ читаетъ по французски или по нѣмецки или по латыни, интересуется мѣстной стариной, работаетъ надъ исторіей Казани и Хановъ Золотой Орды, пишетъ введеііе въ русскую хронологію и опытъ руководства по политическимъ наукамъ. Съ своей стороны и университетская корпорація не оставляетъ безъ вниманія заслугъ своего старѣйшаго сочлена, подвергшагося незаслуженной опалѣ въ періодъ Яковкинскаго самовластиа: Совѣтъ не разъ избираетъ его деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, членомъ Училищнаго Комитета и облакаетъ особыми полномочіями.

Къ сожалѣнію, для характеристики жизни и дѣятельности Цеплина въ періодъ его вторичной профессуры, сохранились въ общемъ не многочисленныя и скудныя свѣдѣнія. Протоколы такъ называемаго „Отдѣленія (факультета) Нравственно-политическихъ Наукъ“, которому принадлежалъ Цеплинъ, какъ профессоръ и деканъ, не дошли къ намъ за разсматриваемое время за рѣдкимъ исключеніями. Акты Училищнаго Комитета не представляютъ для характеристики дѣятельности Цеплина особаго интереса, такъ какъ профессоръ пассивно относился къ занятіямъ этого учрежденія,

предоставивъ вершить въ немъ дѣла педагогамъ по призванію: Броннеру, Яковкину, Герману, Эриху. Только по протоколамъ Совѣта, воспріявшимъ существенныя черты въ развитіи главнѣйшихъ органовъ университета — факультетовъ, Правленія, Училищнаго Комитета — возможно прослѣдить дѣятельность старѣйшаго профессора въ рассматриваемое время, причемъ и эта дѣятельность представится намъ почти исключительно съ одной официальной стороны, въ формѣ корректныхъ докладовъ и заявленій, по дѣламъ факультета и совѣтскимъ порученіямъ. Применивъ сразу къ преобладавшей тогда въ университетѣ нѣмецкой профессорской партіи ректора Брауна, въ составъ которой вошли крупнѣйшіе представители академической корпораціи — Френъ, Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ, Эрдманъ, Фуксъ — Цеплинъ поддерживалъ ея интересы стойко, но умѣренно, выступая съ рѣзкимъ протестомъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда попечителемъ, или его услужливыми приверженцами, нарушались автономныя права университета. Въ общемъ, образъ дѣйствій старѣйшаго профессора въ рассматриваемый періодъ представляетъ совершенный контрастъ съ шумливой оппозиціонной агитаціей прежняго времени, выдѣляясь спокойствіемъ и уравновѣшенностью. Къ разсмотрѣнію этой дѣятельности въ ея постепенныхъ проявленіяхъ мы и перейдемъ теперь.

По возвращеніи въ Казань, Цеплинъ явился въ первый разъ въ Совѣтъ во время памятнаго въ исторіи университета засѣданія 22 апрѣля 1814 года, когда, въ присутствіи поселившагося въ Казани попечителя Салтыкова, приведены были къ присягѣ вновь избранный и Высочайше утвержденный первый ректоръ Казанскаго университета Браунъ, деканы, синдикъ, секретарь университетскаго Правленія, члены Училищнаго Комитета, архивариусъ, переводчикъ, ординарные и экстраординарные профессора и адъюнкты ¹⁾ Принесъ присягу и Цеплинъ. Свое прежнее, первое мѣсто вслѣдъ за председателемъ при подписи протоколовъ, онъ уступилъ третьему по времени назначенія профессору, декану Словеснаго отдѣленія, Герману, и сталъ подписываться, вѣроятно случайно, на двѣнадцатомъ мѣстѣ, вслѣдъ за профессорами Томасомъ

¹⁾ *Протоколы Совѣта за 1815 годъ л. 75.*

и Брейтенбахомъ ¹⁾). Съ тѣхъ поръ Цеплинъ довольно исправно сталъ посѣщать собранія Совѣта, особенно въ 1814 и 1815 годахъ ²⁾), хотя подписи его мѣстами и отсутствуютъ на протоколахъ засѣданій: очевидно, онъ не всегда досиживалъ до конца совѣтскихъ собраній, въ число „отсутствующихъ по законной причинѣ“ его, какъ явившагося въ началѣ засѣданія, не заносили, а впослѣдствіи онъ не добивался скрѣплять протоколы своей подписью ³⁾).

Самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни Цеплина и его дѣятельности въ Казанскомъ университетѣ слѣдуетъ признать избраніе его деканомъ отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ. 17 сентября 1814 года умеръ первый деканъ этого отдѣленія Фивке и преемникомъ его избранъ былъ Цеплинъ ⁴⁾). Этимъ актомъ, безъ сомнѣнія, Совѣтъ имѣлъ въ виду не только почтить Цеплина, какъ перваго по времени назначенія члена своей коллегіи, но и нравственно вознаградить за несправедливо испытанное гоненіе. Въ ожиданіи утвержденія выбора, Ректоръ, въ собраніи Совѣта 3 сентября 1814 года, предложилъ поручить Цеплину „от-
травленіе должности въ качествѣ прорекана“. Совѣтъ согласился безъ возраженій, опредѣливъ дать Цеплину (въ засѣданіи онъ не присутствовалъ) и въ отдѣленіе Нравственно-политическихъ наукъ „выписки“ съ этого постановленія ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ-же л. 96а.

²⁾ Арх. Казанскаго университета: Шнуровая книга для записыванія о причинахъ отсутствія членовъ въ засѣданіяхъ Совѣта, 1814 г. № 189 л. 2—7. Первая неявка Цеплина въ Совѣтъ отмѣчена въ 1814 году подъ 3 октября (тамъ-же л. 4б).

³⁾ На это указываютъ, напримѣръ, протоколы 1814 года отъ 22, 24, 30 іюня, 3-о іюля и др. Подобно Цеплину, къ подписи протоколовъ относились и другіе профессора, что видно, напримѣръ, изъ протокола засѣданія 6-о іюля того же года, гдѣ нѣтъ подписей ректора и почти всѣхъ профессоровъ, за исключеніемъ Григ. Никольскаго и Ренара, между тѣмъ какъ «въ собраніи отсутствующими по законной причинѣ» отмѣчены только Яковлевиъ, Кондыревъ и Лобачевскій (л. 123а).

⁴⁾ Еще до этого избранія Цеплинъ 22 іюня подвергался баллотировкѣ на должность инспектора казенныхъ студентовъ, но изъ 17 шаровъ получилъ 5 избирательныхъ (Броннеръ, его Дневникъ и Переписка стр. СXLVIII).

⁵⁾ Проток. Сов. за 1814 годъ л. 141а.—Дѣло Сов. 3 окт. 1814 года № 135: объ утвержденіи орд. проф. Цеплина деканомъ л. 1а.

Утвержденіе Цеплина въ должности декана послѣдовало со стороны Министра 17 октября ¹⁾. Предложеніе объ этомъ Салтыкова (6 ноября № 596) было заслушано въ Совѣтѣ 10 ноября и тогда же Цеплинъ, въ присутствіи ректора Брауна былъ приведенъ въ присягѣ протоіереемъ Іоанномъ Воскресенскимъ и подписалъ клятвенное обѣщаніе по-русски: „По сему листу присягалъ деканъ Петръ Цеплинъ ²⁾).

Въ періодъ деканства Цеплина, продолжавшагося до половины 1818 года, жизнь отдѣленій или факультетовъ находилась въ первоначальной стадіи своего развитія. Такъ, въ началу 1815 года всѣхъ студентовъ, слушавшихъ юридическія науки (*jura, jurisprudentia*) было всего десять ³⁾, въ ближайшіе затѣмъ годы число это измѣнялось весьма незначительно. Учебный персоналъ отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ ограничивался въ 1814—1815 академическомъ году, вмѣстѣ съ деканомъ, пятью профессорами и двумя адъюнктами, а въ слѣдующіе годы (до 1818) пополненъ былъ всего двумя профессорами ⁴⁾. Письменные сношенія отдѣленія происходили, почти исключительно, съ Совѣтомъ, раза два въ мѣсяць. Засѣданія происходили рѣдко. Бывали случаи,

¹⁾ Дѣло Сов. 3 октября 1814 года № 135 л. 3а.

²⁾ Дѣло Сов. 3 окт. 1814 года № 135 л. 2 и 4.—Подписывать клятвенное обѣщаніе по русски далеко не всегда было въ обыкновеніи у тогдашнихъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, Броннеръ, при вступленіи въ должность директора Педагогическаго Института, скрѣпилъ обѣщаніе по-латыни (*Броннеръ, его Дневникъ и Переписка*, стр. СIII—СIV).

³⁾ Вотъ, по «Дневнику Броннера» (стр. 63—64), имена студентовъ, которыхъ засталъ Цеплинъ въ должности декана: Сергій Спиридоновъ, Николай Евреиновъ, Василій Кожевниковъ, Капитонъ Бутлеръ, Дмитрій и Николай Лохтины, Иванъ Плато, Иванъ Сычуговъ, Александръ Геркентъ, Александръ Черновъ.

⁴⁾ По «*Catalogus praelectionum in Universitate Caesarea Casanensi*» съ 1815 по 1818 гг. составъ отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ былъ слѣдующій: профессора — Петръ Цеплинъ, Георгій Врангель, Петръ Коидеръ, Александръ Лубенинъ (ум. 1815 г.), Іоганнъ Нейманъ, Гавріилъ Солдцевъ и адъюнкты: Іос. Срезневскій, Николай Алехинъ, Эльпидифоръ Манасенинъ.

что впродолженіе всего мѣсяца въ Совѣтъ не поступало вовсе бумагъ изъ отдѣленія. Такъ, въ началѣ 1815 года Цеплинъ извѣщаетъ Совѣтъ (5 февраля № 2), „что въ январѣ въ отдѣленіи Нравственно-политическихъ наукъ засѣданій не было и дѣлъ никакихъ не производилось“. Совѣтъ опредѣляетъ: „взять къ свѣдѣнію“¹⁾. Новому декану, слѣдовательно, не представляло большихъ затрудненій справиться съ дѣлами быстро и своевременно; секретаремъ отдѣленія былъ сначала магистръ Срезневскій, а съ конца ноября 1817 года адъюнктъ Алексинъ.

Однимъ изъ первыхъ актовъ дѣятельности Цеплина въ должности декана было его участіе въ знаменательномъ событіи научной жизни университета. Событіе это — *первый публичный въ Казанскомъ университетѣ ученый диспутъ*. Диспутантомъ явился саксонскій уроженецъ Іоганнъ Готлибъ или Богданъ Іонъ, бывшій студентомъ сначала Гэттингенскаго, а затѣмъ Московскаго университетовъ²⁾. Война 1812 года привела его въ Казань. Въ началѣ ноября 1812 года онъ подалъ въ Совѣтъ Казанскаго университета прошеніе о желаніи своемъ подвергнуться установленному испытанію и получить степень доктора обоихъ правъ (*pro gradu doctoris utriusque juris*). Къ устному экзамену Іонъ приступилъ только въ мартѣ 1813 года, когда старѣйшиной отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ былъ Финке. Испытаніе затянулось и окончилось только въ февралѣ 1814 года. Слѣдующіе три мѣсяца Іонъ посвятилъ на окончательную обработку своей диссертациі, которую, въ началѣ іюня, и представилъ отдѣленію Нравственно-политическихъ наукъ для

¹⁾ *Протоколы Совѣта* за 1815 годъ л. 11а.

²⁾ Свѣдѣнія объ экзаменѣ и диспутѣ Іона сохранились вполнѣ въ *Днѣхъ Сов.* 9 ноября 1812 г. № 98 (на 135 листахъ), гдѣ, между прочимъ, приложены всѣ его отвѣты, тексты пробныхъ лекцій и экземпляръ печатной диссертациі. Это обширное дѣло, весьма интересное для характеристики научныхъ требованій, предъявленныхъ испытующему для полученія доктора правъ въ то далекое отъ насъ время, ждетъ еще своего изслѣдователя. Историкъ Казанскаго университета коснулся этого дѣла только въ общихъ чертахъ (Булчичъ II, стр. 740—744; *Записки*, Ист. Казанскаго унив. II стр. 76—79).

одобрения къ напечатанію ¹⁾). Диссертация, озаглавленная „*De jure puniendi, non nisi in statu civili fundando*“, за подписью цензора, декана Финке, была одобрена къ печати 8 августа ²⁾). Спустя два мѣсяца, 10 октября, когда Цеплинъ послѣ смерти Финке занималъ должность прорекана, Ионъ вошелъ въ отдѣленіе съ прошеніемъ по-латыни, въ которомъ просилъ, на основаніи § 102 устава, войти съ ходатайствомъ въ Совѣтъ о назначеніи „времени публичнаго защищенія представленной диссертациі“. Ходатайство было уважено. Какъ на прошеніи, такъ и на обложкѣ диссертациі сохранилась помѣтка, сдѣланная рукой Цеплина: *Prod. die X-o mens. Oct. Ann. 1814* ³⁾). Прошеніе въ тотъ же день было заслушано въ засѣданіи отдѣленія, которое и опредѣлило: „препроводить на основаніи § 102 устава экзаменное производство Иона съ диссертациею въ Совѣтъ, дабы благоволено было назначить время для публичнаго защищенія оной“ ⁴⁾). 21 октября, Цеплинъ въ особомъ „представленіи“ вошелъ объ этомъ въ Совѣтъ ⁵⁾, который, заслушавъ постановленіе отдѣленія въ засѣданіи того же дня, опредѣлилъ: назначить защиту диссертациі на 30 октября въ 10 час. утра ⁶⁾. Свѣдѣній о диспутѣ сохранилось не много. Предсѣдательствовалъ, согласно § 102 устава, Цеплинъ, замѣнявшій декана. Диспутъ происходилъ на латинскомъ языкѣ (§ 103); оппонентами

¹⁾ Дѣло Сов. 9 ноября 1812 г. № 98 л. 101а.

²⁾ Тамъ же л. 105—117. Диссертация эта представляетъ брошюру въ 25 печатныхъ страницъ in 4° (Casani, Turis Universitatis). Она посвящена попечителю Салтыкову, написана хорошей латынью, безъ цитатъ. Тезисы къ ней, повидимому, не были напечатаны.

³⁾ Т. е. поступило 10 окт. 1814 года.

⁴⁾ Тамъ же л. 103.

⁵⁾ Тамъ же л. 124а. Представленіе это воспроизведено нами ниже въ «Приложеніяхъ».

⁶⁾ Буличъ (II, 743) и Заоскинъ (II, 79) относятъ время защиты къ 31 октября. Но въ сохранившемся въ дѣлѣ опредѣленіи Совѣта (л. 124б), и въ выпискѣ изъ Протоколовъ Совѣта, препровожденной въ отдѣленіе Нравственно-политическихъ наукъ (л. 118а) ясно обозначено 30 октября. Ссылка на 31 число произошла, вѣроятно, оттого, что на заглавномъ листѣ подшитой къ дѣлу диссертациі (л. 105а) въ промежуткѣ между словами *die* и *mensis* обозначено карандашемъ не вполнѣ ясно число 30 или 31.

были три профессора отдѣленія „по старшинству“ (§ 104): Врангель, Кондыревъ и Лубяинъ. Принимали-ли участіе въ диспутѣ „посторонніе составители“, которымъ, согласно приведенному параграфу устава предоставлялось первенство предъ официальными оппонентами, изъ дѣла не видно. Диспутъ не былъ особенно блестящимъ, какъ можно заключить изъ мнѣній представленныхъ въ Совѣтъ официальными оппонентами, признавшими однако научныя достоинства диссертациі. 17 ноября, Цеплинъ, въ то время уже утвержденный деканомъ, вошелъ въ Совѣтъ съ представленіемъ удостоить Іона степени доктора ¹⁾. Представленіе было заслушано въ Совѣтѣ 19 ноября и прошло безъ возраженія; 2 декабря Іонъ былъ утвержденъ Совѣтомъ въ степени доктора обоихъ правъ ²⁾. Такъ какъ опредѣленной формы для дипломовъ тогда еще не существовало ³⁾, то Іону было выдано предварительное свидѣтельство (31 декабря 1814 г. № 876). Было-ли это свидѣтельство подписано ректоромъ или деканомъ, или обоими вмѣстѣ—свѣдѣній не сохранилось ⁴⁾. О производствѣ Іона въ степень доктора Совѣтъ постановилъ донести Министру ⁵⁾.

Вскорѣ по защитѣ диссертациі Іономъ на отдѣленіи Нравственно-политическихъ наукъ происходилъ другой докторскій диспутъ—магистра Гавріила Ильича Солнцева, чистаго руссава ⁶⁾. Особаго дѣла объ этой промоціи не сохранилось, но вѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что защита диссертациі Солнцевымъ происходила также, какъ и диспутъ Іона. Такъ какъ представленіе отдѣленія о допущеніи Солнцева къ диспуту было заслушано въ Совѣтѣ 19 ноября 1814 года, а утвержденіе въ степени доктора

¹⁾ Тамъ же л. 125а.—Представленіе это напечатано нами ниже въ «Проложеніяхъ».

²⁾ *Протоколы Сов.* 1814 г. л. 150а, 157б.

³⁾ Буличъ II, 744.

⁴⁾ *Дѣло Сов.* 9 ноября 1812 г. № 98 л. 195.

⁵⁾ Тамъ же л. 134.

⁶⁾ Солнцевъ былъ сыномъ священника, родился въ с. Радогощъ, Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи (*Н. П. Заюскинъ, Дѣтели Казанскаго университета*, стр. 115).

правъ произошло 2 декабря, одновременно съ признаніемъ Иона¹⁾—то самый диспутъ долженъ былъ имѣть мѣсто въ двадцатыхъ числахъ ноября.

Въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ произошла подъ эгидой Цеплина и промоція кандидата, Эльпидифора Петровича Манассеина въ степень *магистра* правовѣдѣнія и политической экономіи. Магистерскій экзаменъ Манассеина производился одновременно съ экзаменомъ Солнцева, 4 мая 1814, когда деканомъ былъ Финке; Цеплинъ, какъ видно изъ архивнаго дѣла, присутствовалъ на этомъ испытаніи и, безъ сомнѣнія, принималъ въ немъ и активное участіе²⁾. „Публичное испытаніе“ Манассеина происходило 9 декабря; это была первая магистерская промоція подъ дѣйствіемъ передъ тѣмъ только введеннаго устава 1804 года. Диспутантъ предварительно читалъ публичную лекцію („*Circa media probandi in processu criminali rossico*“), а затѣмъ публично защищалъ печатные тезисы въ диссертациі (рукописной) на тему: „*De poenis in concursu delictorum irrogandis secundum principia generalia, respectu quoque habito ad leges criminales rossicas excerptas*“. Подробностей о диспутѣ не сохранилось; 11 декабря Манассеинъ былъ утвержденъ Совѣтомъ въ степени магистра³⁾.

Такимъ образомъ, и первый публичный докторскій диспутъ и промоція перваго доктора и перваго магистра изъ русскихъ людей произошли въ Казанскомъ университетѣ подъ ауспиціями и подъ ближайшимъ руководствомъ его старѣйшаго профессора.

Изъ остальныхъ фактовъ служебной дѣятельности Цеплина за 1814 годъ отмѣтимъ: 1) представленіе имъ въ засѣданіяхъ Совѣта 19 августа и 17 октября книгъ, присланныхъ для бібліотеки университета отъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Грефа (*Сочиненія* 4 тома) и отъ статскаго совѣтника Аделупга (*Apercu de la littérature russe; Rapports entre la langue sanscrite et la langue russe; Voca-*

¹⁾ *Протоколы Сов.* 1814 г. л. 150а, 157.

²⁾ *Дѣло Совѣта* 30 іюля 1813 г. № 94: «0 полномъ открытіи университета» л. 26b; 155а.

³⁾ Н. П. Заоскинъ, *Исторія Казанск. унив.* т. II стр. 44.

bulaire de quelques peuples de l'Asie etc.)¹⁾; 2) изъясненіе Цеплинымъ благодарности студентамъ въ собраніи Совѣта 9 ноября за „вспомоществованіе при спасеніи его имущества отъ пожара“²⁾.

Слѣдующій, 1815 годъ былъ весьма плодотворнымъ для дѣятельности Цеплина и его отдѣленія. Въ засѣданіи Совѣта 14 апрѣля онъ *вторично* былъ избранъ *деканомъ* и 13 мая (№ 1303) утвержденъ въ этомъ званіи Министромъ³⁾. Въ томъ же собраніи Совѣтъ впервые избираетъ Цеплина членомъ Училищнаго Комитета, 14 голосами противъ трехъ⁴⁾. Утвержденіе Министромъ въ этомъ званіи послѣдовало 11 іюня, послѣ чего, 30 іюня, Цеплинъ былъ приведенъ къ присягѣ⁵⁾. Дѣятельность факультета оживилась. Въ началѣ марта, докторъ правъ Солнцева обратился въ Совѣтъ съ просьбой „возвести его въ экстра-ординарные профессора“. Ходатайство было препровождено на заключеніе отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ, которое вскорѣ извѣстило Совѣтъ (8 мая № 8), что Солнцева удостоенъ отдѣленіемъ званія экстра-ординарнаго профессора; 15 мая Солнцева былъ избранъ въ Совѣтъ единогласно⁶⁾. Въ томъ-же собраніи

¹⁾ *Проток. Сов.* 1814 года л. 133b, 143b.

²⁾ *Тамъ же*, л. 149a. По тому же поводу была выражена тогда благодарность студентамъ проф. Брейтенбахомъ и дѣйств. статскимъ совѣтникомъ Сергѣевымъ.

³⁾ *Архивъ Казанск. унив.* Дѣло Сов. 14 апр. 1815 г. № 45 л. 7a и 8.— Сколько голосовъ получилъ при этомъ Цеплинъ, неизвѣстно. Въ баллотировочномъ листѣ, приложенномъ къ дѣлу (л. 2), число избирательныхъ и не избирательныхъ шаровъ не означено.

⁴⁾ Одновременно съ Цеплинымъ были избраны: Эрнхъ (15 голосовъ), Бартельсъ (14), Броннеръ (14), Реннеръ (13), Брейтенбахъ (11).

⁵⁾ *Дѣло Сов.* 14 апр. 1815 г. № 45 л. 6, 8 и 11a.—*Проток. Сов.* 1815 г. л. 25b, 42a.—*Fr. Bronner, Adnotationes quotidianae de negotiis in Universitate* (рукопись Аарауской кантональной библиотеки): *Sessio Concilii* 15 april. 1815.—Какъ видно изъ приведеннаго здѣсь Дѣла Совѣта (л. 11), Цеплинъ и въ этомъ случаѣ подписалъ клятвенное обѣщаніе по-русски. Езъ присягѣ приводилъ его Казанской Грузинской церкви іерей Іоаннъ Паніевскій.

⁶⁾ *Проток. Сов.* 1815 года л. 16b, 34a, 37b.

Совѣта, по предложенію отдѣленія Цеплина, профессоръ философіи Лубкинъ былъ повышенъ единогласно въ ординарные ¹⁾. Въ концѣ учебнаго года факультетъ извѣстилъ Совѣтъ (30 іюня № 13), что въ публичномъ засѣданіи Совѣта рѣчь произнесетъ Лубкинъ ²⁾. Но вскорѣ Лубкинъ умеръ и отдѣленіе, озабоченное полнотою преподаванія, представило Совѣту (10 сент. № 15) о порученіи адъюнкту Срезневскому чтеній по теоретической и практической философіи ³⁾.

Заслушавъ это, Совѣтъ 18 сентября предложилъ Срезневскому пройти весь курсъ философіи въ два года и поручилъ Броннеру, бывшему въ то время инспекторомъ студентовъ, войти въ соглашеніе съ факультетомъ Нравственно-политическихъ наукъ, относительно точнаго примѣненія этого постановленія ⁴⁾. Случай этотъ повелъ къ столкновенію Броннера съ Цеплинымъ. Когда инспекторъ студентовъ, исполняя порученіе Совѣта, явился 28 сентября въ засѣданіе факультета, то Цеплинъ отнесся къ нему весьма не корректно. По улоствовѣренію Броннера, деканъ сталъ высмѣивать его (*ludificari*) и это до того возмутило инспектора, что на поступокъ Цеплина онъ хотѣлъ жаловаться въ Совѣтъ. Впослѣдствіи, однако, Броннеръ одумался и, не желая возбуждать пререканій, оставилъ жалобу у себя ⁵⁾. Что послужило причиною столкновенія Цеплина съ Броннеромъ, неизвѣстно, такъ какъ протоколы отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ не дошли къ намъ за это время. Весьма вѣроятнымъ кажется намъ, что Броннеръ, будучи недоволенъ философскою подготовкой молодыхъ людей къ юридическимъ наукамъ ⁶⁾,

¹⁾ *Проток. Сов.* 1815 г., л. 37а.

²⁾ *Тамъ-же*, л. 53а.

³⁾ *Тамъ-же*, л. 71а.

⁴⁾ *Дневникъ Броннера* стр. 100.

⁵⁾ *Тамъ-же* стр. 101—102: »Sessioni facultatis politico-moralis adfui, ubi convenimus post aliquas D-i Decani Zepin ludificationes, quas mihi inirege voluit, ad resolutionem... Scriptum, quo contra D. Zepin coram Concilio conqueri volui, pacis ergo reservavi», См. также въ первой части моей книги «Профессоръ Броннеръ» стр. LXVI.

⁶⁾ *Письмо Броннера къ Фуссу* 6 декабря 1816 г. (стр. 412): «Jetzt reist die Willkühr und die Gunst für einzelne alles wieder ein, der 16 jährige Jüngling wird wieder, ehe er Logik studiert hat, zu den juristischen Collegien ungelassen; der Ordnung wird Hohn gesprochen»...

настаивалъ, вопреки желанію Цеплина, на увеличеніи числа часовъ по логикѣ, чего въ результатѣ онъ и достигъ, такъ какъ факультетъ предложилъ Срезневскому читать по два раза въ недѣлю логику и по одному разу въ недѣлю метафизику и нравственную философію ¹⁾.

Вслѣдствіе отъѣзда изъ Казани профессора правъ естественнаго, политическаго и народнаго Неймана и руководимыхъ имъ магистровъ Алехина и Манассеина, изъ которыхъ первый читалъ римское право, а второй—естественное, отдѣленіе Нравственно-политическихъ наукъ, вслѣдствіе предложенія попечителя (14 ноября 1815 г. № 236) донесло Совѣту (27 ноября № 16), что римское право преподаетъ экстраординарный профессоръ Солянцеаъ, а адъюнктъ Срезневскій практическую философію, существенную часть которой составляетъ и право естественное ²⁾. Совѣтъ, заслушавъ это въ засѣданіи 27 ноября, постановилъ: представить объ этомъ попечителю ³⁾. Въ томъ же засѣданіи Цеплинъ предложилъ приобрести для университетской библиотеки полученныя имъ книги: *Eichorn*, *Geschichte der Wissenschaften* (11 частей); *Placidius*, *Litteratur der Staatslehre*, а также сочиненія: *Adelung*, *Mithridates* (4 части) и *Abulgasi* ⁴⁾, всего на 167 руб. 51 коп. Совѣтъ опредѣлялъ: приобрести упомянутыя книги изъ библиотечной суммы, отпущенной на 1816 годъ ⁵⁾.

Въ томъ же 1815 году Цеплину были даны Совѣтомъ *два порученія*. Первое изъ нихъ возникло по дѣлу директора Казанскаго главнаго народнаго училища *Стпана Смирнова*.

¹⁾ *Профессоръ Броннеръ*, стр. CLXXXI сл. и 101.

²⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1816 г. 9 ноября № 149 (139): Объ опредѣленіи въ университетъ прежде бывшаго въ ономъ профессора Неймана и т. д. л. 43 и 44.

³⁾ *Проток. Сов.* 1815 г. л. 112б, 113а.

⁴⁾ Разумѣется «Исторія турокъ», написанная Хивинскимъ ханомъ Абуль-гази-Багадуромъ (1602—1665) на восточно-турецкомъ нарѣчій (*Броунаузъ—Эфронъ*, Энциклопед. словарь ч. I стр. 49).

⁵⁾ *Bronner*, *Adnotationes quotidianae de negotiis in Universitate* (рукопись Аарауской кантональной библиотеки): *Sessio Concilii* 27 Novembr. 1815 л. 11.—*Прот. Совета* 1815 г. л. 112б.

Послѣ большаго Казанскаго пожара, уничтожившаго значительную часть города 3 сентября 1815 года, Смирновъ донесъ Правленію университета, что хранившіяся въ училищѣ казенныя деньги сгорѣли. Правленіе усумнилось въ этомъ и когда Смирновъ 8 октября умеръ, то въ тотъ же день поручило Цеплину, синдикъ бар. Врангелю и секретарю Правленія Юферову „описать имѣніе“ умершаго „въ предохраненіе казеннаго интереса по дѣлу о сгорѣвшихъ во время пожара 3 сентября деньгахъ“. Но уполномоченные „по величайшему разстройству семейства умершаго, глубокому отчаянію и слезамъ, не могли исполнить препорученія Правленія и приступить къ описи имѣнія Смирнова“. Совѣтъ, заслушавъ объ этомъ въ засѣданіи 9 октября донесеніе Правленія (8 октября № 1739), опредѣлилъ: „поручить Цеплину, Врангелю и Юферову немедленно сдѣлать опись имѣнію, собственно принадлежащему Смирнову, объ оказавшемся донести“; объ этомъ дать выписку декану Цеплину ¹⁾. Исполняя это порученіе, Цеплинъ, Врангель и Юферовъ донесли Совѣту, что, отправившись 11 октября на квартиру жены Смирнова, Ирины Ивановой, освѣдомились у нея, что все личное имѣніе ея мужа сгорѣло 3 сентября. Изъ казенныхъ вещей уполномоченные Совѣтомъ нашли два портрета—Павла I безъ рамы и Александра I въ ветхой, позолоченной рамѣ; бумаги, оставшіяся отъ пожара, запечатаны были въ сундукъ безъ описи. Совѣтъ, въ засѣданіи 27 октября, опредѣлилъ: przeprowadить это донесеніе въ Правленіе ²⁾.

Второе порученіе, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Цеплинъ, оказалось болѣе сложнымъ и щекотливымъ.

Въ засѣданіи Совѣта 15 декабря 1815 года, Цеплинъ, въ мѣстѣ съ деканомъ математическаго отдѣленія Бартельсомъ и экстраординарнымъ профессоромъ Солнцевымъ, былъ избранъ членомъ комитета по столкновенію Яковкина съ Совѣтомъ Казанской гимназіи ³⁾.

¹⁾ *Прот. Сов.* 1815 года л. 82b, 83a.

²⁾ *Протокол. Сов.* 1815 года л. 93.

³⁾ *Протоколы Совѣта* 1815 года л. 118b, 119a.

Избраніе Цеплина не было дѣломъ случайности. Поручая ему стать во главѣ комитета по столкновенію Яковкина съ Совѣтомъ гимназіи, избравшіе Цеплина члены несомнѣнно руководствовались тѣмъ, что, какъ старѣйшій представитель университетской корпораціи, Цеплинъ близко былъ знакомъ съ образомъ дѣйствій директора и его отношеніями къ гимназической сферѣ. Притомъ Совѣтъ университета былъ увѣренъ, что Цеплинъ, не смотря на свои старые счеты съ побѣдившимъ его противникомъ, отнесется, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, совершенно объективно къ порученному ему дѣлу. И Цеплинъ, какъ увидимъ, вполне оправдалъ ожиданія своихъ сочленовъ.

Столкновеніе Яковкина съ Совѣтомъ гимназіи произошло по слѣдующему поводу. Въ началѣ декабря 1815 года, директоръ Яковкинъ, на представленномъ ему гимназическимъ Совѣтомъ „расположеніи зимнихъ экзаменовъ“ въ гимназіи, составленномъ инспекторомъ Ибрагимовымъ—сдѣлалъ „на оборотѣ замѣчанія“, относительно времени производства и распредѣленія испытаній, причемъ указалъ на необходимость обратить вниманіе преподавателей, особенно „россійскихъ“, на чисто и правописаніе учениковъ, въ которомъ директоръ замѣчалъ „нѣсколько разъ великую небрежность“. Совѣтъ гимназіи, представляя при особомъ рапортѣ (9 декабря 1815 г. № 175) попечителю, какъ свой „оригиналъ расположенія экзаменовъ“, такъ и исправленный Яковкинымъ, опредѣлили признать замѣчанія директора „безполезными напоминаніями Совѣту“, руководствующемуся установленнымъ закономъ, и просить попечителя „опредѣлить мѣру директорской власти“ по отношенію къ рѣшеніямъ Совѣта, поставленнаго, вслѣдствіе замѣчаній директора, „въ недоумѣніе, нужно ли Совѣту собираться для совѣщаній“, когда директоръ „дастъ ему рѣшительныя повелѣнія“ и можетъ „перемѣнять постановленія по учебной части безъ всякаго сношенія съ Совѣтомъ“¹⁾. Салтыковъ на другой же день направилъ все дѣло въ Совѣтъ университета (10 декабря, № 300) и, указывая, что дирек-

¹⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1815 № 122: 0 противозаконныхъ поступкахъ членовъ Совѣта Казанской гимназіи, лл. 2—6.

торъ свои замѣчанія въ томъ видѣ, какъ они писаны Совѣту гимназіи, писать не долженъ“—просилъ предложить Совѣту гимназіи, чтобъ онъ обо всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ Совѣту университета“. По заслушаніи этого въ засѣданіи 15 декабря, Совѣтъ опредѣлилъ: составить для выясненія дѣла комитетъ изъ Цеплина, Бартеляса и Солдцева ¹⁾).

Члены комитета, съ Цеплинымъ во главѣ ²⁾, отнеслись къ порученію Совѣта весьма внимательно. „Сообразивъ мнѣніе Совѣта гимназіи и замѣчанія Яковкина съ Высочайшими узаконеніями и съ предложеніемъ попечителя“, они, въ засѣданіи 21 декабря, составили обширное „мнѣніе“, въ которомъ обстоятельно указали: во 1-хъ) что „недоумѣніе“ членовъ Совѣта относительно „совѣщаній о пользѣ учебныхъ предметомъ“ — излишне, ибо члены Совѣта имѣютъ „право и обязанность“ собираться для подобныхъ совѣщаній; во 2-хъ) „опредѣленіе мѣры директорской власти вновь“ — тоже излишне, такъ какъ власть эта опредѣлена уже положеніемъ о гимназіи; въ 3-хъ) „замѣчанія директора Яковкина комитетъ находитъ правильными, кромѣ ихъ внѣшней формы, и съ пользою учащихся согласными“. Въ виду этого комитетъ полагалъ, что члены гимназіи, признавъ „напоминанія директора бесполезными, устранились отъ границъ своихъ обязанностей и не соблюли порядка, законами предписаннаго, касательно засѣданія въ отсутствіи директора“. Относительно Яковкина, комитетъ нашель; что ему замѣчанія свои слѣдовало „написать особо на бумагѣ въ видѣ предложенія, но не писать на оборотѣ вѣдомости, подписанной инспекторомъ Ибрагимовымъ“. Въ заключеніе своего мнѣнія комитетъ полагалъ: 1) внушить членамъ Совѣта гимназіи быть „осмотрительнѣе“ въ своихъ сужденіяхъ и „не выступать изъ предѣловъ своего званія“; 2) „директору Яковкину замѣтить, чтобы онъ по всѣмъ дѣламъ гимназіи руководствовался не только внутреннею, но и внѣшнею формою, въ законахъ постановленною“; 3) „на основаніи предложенія попечителя

¹⁾ Тамъ-же л. 1.

²⁾ На мнѣніи комитета, представленномъ Совѣту, подпись Цеплина стоитъ на первомъ мѣстѣ (тамъ-же л. 10b).

предписать Совѣту гимназіи, чтобъ онъ во всѣхъ дѣлахъ по учебной части представлялъ Совѣту университета, а объ хозяйственныхъ и судебныхъ въ университетское Правленіе“. Въ засѣданіи 20 декабря, Совѣтъ университета, одобривъ мнѣніе комитета, препроводилъ его попечителю на „благоусмотрѣніе“, а Совѣту гимназіи—для надлежащаго руководства ¹⁾.

Для характеристики дѣятельности Цеплина въ 1815 году необходимо еще указать на его *участіе въ протестъ* нѣкоторыхъ членовъ Совѣта по поводу опредѣленнаго Правленіемъ взысканія съ профессоровъ за 1813 и 1814 гг. такъ называемыхъ „печныхъ денегъ“, а также на содержаніе „будочныхъ“ служителей и проч. Всѣ подобныя поборы возмущали нѣмецкихъ профессоровъ и мы уже раньше имѣли случай указывать по письму Яковкина къ Румовскому, „что вычетъ одного процента на гошпиталь сопровождался крайнѣйшимъ со стороны Цеплина и Германа роптаніемъ“ ²⁾. Здѣсь прежнее „роптаніе“ Цеплина выразилось въ очень мягкой формѣ—подписью протеста на протоколъ Совѣта. Дѣло въ Совѣтѣ о неправильномъ требованіи отъ профессоровъ „печныхъ и будочныхъ денегъ“ возбудилъ Германъ, (27 января 1815 года), у котораго и раньше были столкновенія съ казанской полиціей, вслѣдствіе нарушенія его профессорскихъ правъ ³⁾. Однако, большинствомъ 9 голосовъ противъ 7, опредѣлено было: „печныя деньги“ платить и профессорамъ“. Тогда Броннеръ, подписывая это постановленіе, заявилъ протестъ противъ опредѣленія большинства (*contra eam majoritatis opinionem protestor*) и предложилъ обратиться за разъясненіемъ къ Министру, указывая при этомъ, что постановленіе Совѣта затрогиваетъ интересы всѣхъ будущихъ университетскихъ дѣателей (*cum tangat emolumenta omnium*

¹⁾ Подлинникъ мнѣнія комитета хранится въ приведенномъ уже *Днль Сов.* 1815 г. № 122 л. 7—11, копія же, вмѣстѣ съ представленіемъ попечителю отъ Совѣта университета, въ *Днль Понеч.* 1815 г. № 100 л. 3—7а.—*Bronner Adnotaciones quotid.: Sessio Concilii 20 dec. 1815 n. 6: «Referunt Bartels, Zeplin et Solnzew de Gymnasii concilio, contra directorem conquerente».*

²⁾ См. *выше*, гл. VI стр. 177.

³⁾ Подробности этого столкновенія приводитъ Буличъ, I, стр. 109—110; II, стр. 393—395.

posterorum Universitatis) и что поборы всегда можно наложить под какимъ либо благовиднымъ предлогомъ (*quia contributiones petentur semper sub titulo permissio qualicunque* ¹). Мнѣніе это, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами нѣмецкой партіи, (Литтровъ, Германъ, Томасъ, Брейтенбахъ) подписалъ и Цеплинъ ²).

Слѣдующій 1816 годъ не прошелъ безслѣдно для дѣятельности Цеплина и развитія отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ.

Въ исходѣ декабря, 1815 года, Цеплинъ, по порученію Правленія, предпринялъ *ревизию библіотеки университета*. Подробности этой ревизіи намъ неизвѣстны, но результатъ ея изложенъ въ нѣмецкомъ рапортѣ (Bericht) Цеплина, поданномъ имъ въ Правленіе 16 февраля 1816 года. Цеплинъ провѣрилъ наличность библіотеки, какъ по алфавитнымъ каталогамъ, такъ и по каталогу, въ который были внесены всѣ книги, начиная съ 1805 года, причемъ сличилъ съ каталогомъ извѣщенія Совѣта о книгахъ, препровождаемыхъ въ библіотеку. Изъ недочетовъ, онъ обнаружилъ потерю всего одной книги; для упорядоченія регистраціи рекомендовалъ внести въ имѣющійся каталогъ „собраніе книгъ изъ гимназій и Франкову библіотеку“, а также „періодическія сочиненія, вѣдомости, и т. д.; извѣщенія же о книгахъ, непосредственно (unmittelbar) поступающихъ въ библіотеку, хранить

¹) Вотъ полностью заявленіе Броннера, изложенное, какъ всегда, красной латинью: «Cum § 13 tangat emolumenta omnium posterorum Universitatis, atque eorum immunitatem ab oneribus temere iisdem imponendis, contra eam majoritatis opinionem protestor, atque ad serenissimum dominum Ministrum recurendum puto eumque submisso rogandum, num §—us XII-us Act. fundat. sub nomine immunitatis a contubernio militum non complectatur etiam immunitatem a contributionibus ob fornaces et ob alimenta famulorum politiæ etc.; nam si licet magistratui aut politiæ contributiones sub aliquo titulo petere, immunitas a contributione pecuniaria quacunque serio defendi nequit, quia contributiones petentur semper sub titulo permissio qualicunque» (Проток. Сов. 27 янв. 1815 г. л. 7а).

²) Проток. Сов. 1815 г. л. 6b и 7а

въ видѣ приложеній (Beilage) къ каталогу ¹⁾. Заслушавъ рапортъ Цеплина въ засѣданіи 22 марта, Совѣтъ постановилъ: поручивъ отдѣленіямъ представить списки книгъ по специальности каждаго, приступить къ составленію „Систематическаго Каталога Библіотеки“ ²⁾. Первымъ представило затребованные Совѣтомъ списки отдѣленіе Нравственно-политическихъ наукъ (4 мая № 7), указавшее притомъ на необходимость, согласно § 76 университетскаго устава имѣть перечень книгъ, принадлежащихъ отдѣленіямъ и находящихся уже въ библіотекѣ (3 марта № 2) ³⁾. Всѣ списки изъ отдѣленій, по рѣшенію Совѣта (12 мая), были препровождены къ Цеплину „для составленія общаго каталога“ ⁴⁾. Дальнѣйшаго движенія однако это дѣло, какъ видно, не получило, ибо ни въ Архивѣ университета, ни въ дѣлахъ его Главной библіотеки не нашлось никакихъ указаній на то, что было приступлено къ составленію „систематическаго каталога библіотеки“, котораго, какъ не безъ извѣстно, не имѣется и по настоящее время.

Въ засѣданіи 19 апрѣля, Совѣтъ снова избираетъ Цеплина деканомъ, большинствомъ 13 голосовъ противъ 5, и въ этомъ званіи онъ утверждается Министромъ 22 мая, но при выборахъ въ члены училищнаго комитета, происходившихъ въ томъ-же собраніи Совѣта, Цеплинъ большинства не получаетъ (8 избират. и 11 неизбир.) ⁵⁾. Въ самомъ началѣ мая, Совѣтъ, согласно представленію отдѣленія (19 апрѣля № 4) объ избраніи секретаремъ послѣдняго адъюнкта Срезневскаго, опредѣляетъ—представить объ этомъ на утвержденіе попечителя ⁶⁾. Одновременно съ этимъ, Со-

¹⁾ *Арх. Каз. Унив.* Дѣло Сов. 21 марта 1816 года № 37: О освидѣтельствованіи университетской библіотеки и о составленіи отдѣленіями конспектовъ наукъ, л. 1—2.

²⁾ *Протоколы Совета* 1816 г. л. 29а.

³⁾ *Тамъ-же* л. 31b, 45.—По § 76 Уст. унив. «Библіотекаръ о всѣхъ книгахъ, вновь поступившихъ, доставляетъ Совѣту свѣдѣніе, подъ какима нумеромъ и въ какомъ классѣ каждая внесена въ его каталогахъ». Этотъ параграфъ, очевидно, не исполнялся.

⁴⁾ *Дѣло Сов.* 21 марта 1816 года № 37 л. 7b.

⁵⁾ *Bronner, Adnotat. quotid. Sessio Concilii* 19 April. 1816 n. 6.—*Проток. Сов.* 1816 года л. 38b, 60а.

⁶⁾ *Проток. Сов.* 1816 г. л. 41b (засѣданіе 4 мая).

вѣтъ постановляетъ представленное отдѣленіемъ „рописание о преподаваніи наукъ на будущій академическій годъ“ (4 мая № 6) препроводить Френу „для редакціи“ и для представленія затѣмъ Совѣту „на окончательное разсмотрѣніе“ ¹⁾. Спустя мѣсяць, отдѣленіе проситъ Совѣтъ (5 іюня № 11) избрать „двухъ депутатовъ другихъ отдѣленій для присутствованія при испытаніи адъюнкта Срезневскаго на степень доктора философіи. Совѣтъ, въ засѣданіи 7-о іюня, поручаетъ обязанности депутатовъ Френу и адъюнкту Дунаеву ²⁾. Въ концѣ того-же мѣсяца, Солпцевъ, большинствомъ 10 голосовъ противъ 6, избирается Совѣтомъ въ ординарные профессоры ³⁾. Сообщая объ этомъ переселившемуся въ Петербургъ Салтыкову, Броннеръ не преминулъ указать и на образъ дѣйствій Цеплина въ отдѣленіи. „Mr Zeplin, писалъ корреспондентъ попечителя (3 іюля 1816 г.), trop facile à approuver tout ce qu'on veut, a fait écrire une recommandation de la faculté au Conseil assez plausible“. Вскорѣ послѣ того, по рекомендаціи Френа, докторъ *Винтеръ* пытался получить профессуру по юридическимъ наукамъ. Отдѣленіе Нравственно-политическихъ наукъ, разсмотрѣвъ ходатайство аспиранта и его сочиненіе, возвратило его трудъ въ Совѣтъ съ заявленіемъ, „что въ отдѣленіи не находится празднаго мѣста по части правовѣднія“ (25 іюля №.14). Совѣтъ въ собраніи 25 іюля, постановилъ—дать объ этомъ выписку профессору Френу. Послѣ этого, съ августа, по 8 ноября, Цеплинъ, по какимъ-то причинамъ, почти не посѣщалъ совѣтскихъ засѣданій и у насъ почти нѣтъ данныхъ для характеристики его дѣятельности за вторую половину 1816 года. Мы знаемъ только, что при выборахъ въ проректоры, 22 ноября, когда выбаллатированнымъ оказался Эрдманъ, Цеплинъ получилъ равное число избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ ⁴⁾.

Не задолго до того, въ засѣданіи Совѣта 11 ноября, у Цеплина произошло сильное недоразумѣніе съ ректоромъ

¹⁾ Тамъ-же л. 45а.

²⁾ Проток. Сов. 1816 г. л. 61b.

³⁾ Тамъ-же л. 74а.

⁴⁾ *Bronner, Aduot. quot. Sessio Concilii 22 novembr 1816.*

Брауномъ и тогдашнимъ инспекторомъ студентовъ и директоромъ Педагогическаго института—Броннеромъ. Поводомъ въ размовкѣ послужилъ Краузе, исполнявшій въ то время обязанности лектора французскаго языка. Желая получить утвержденіе въ должности, онъ подалъ прошеніе въ Совѣтъ, сославшись при томъ на письмо попечителя Салтыкова, рекомендовавшаго ему обратиться съ ходатайствомъ къ Совѣту. Этого было достаточно, чтобы Цеплинъ, ознакомившись предварительно съ прошеніемъ Краузе, сталъ настаивать предъ ректоромъ — недопускать въ Совѣтъ прошенія ходатайства Краузе, какъ документа, содержащаго указанія изъ частнаго письма попечителя ¹⁾. Безъ сомнѣнія, этимъ маневромъ Цеплинъ имѣлъ въ виду помѣшать Краузе окончательно утвердиться на томъ мѣстѣ, которое желалъ присоединить къ своей нѣмецкой лектурѣ, старинный protégé Цеплина—Лейтеръ ²⁾. Браунъ видимо не соглашался съ протестомъ Цеплина, но выведенный имъ изъ терпѣнія бросилъ наконецъ предъ нимъ прошеніе Краузе, закричавъ: я предоставляю Вамъ поступить съ этимъ прошеніемъ, какъ Вамъ угодно. Тогда поднялся Броннеръ и громко заявилъ свой протестъ противъ столь легкомысленнаго и незаконнаго отношенія къ прошенію, поданному въ Совѣтъ. Полная побѣда, однако, оказалось на сторонѣ Цеплина, стремившагося оградить самостоятельность совѣтскихъ рѣшеній отъ всякихъ постороннихъ вліяній: прошеніе Краузе было оставлено безъ движенія и не было заслушано даже въ слѣдующемъ собраніи Совѣта 22 ноября. Салтыкову пришлось утвердить Краузе помимо Совѣта ³⁾.

Къ дѣятельности Цеплина за рассматриваемое время слѣдуетъ отнести еще то, что въ концѣ года (7 декабря) Совѣтъ рассматривалъ постановленіе отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ о присужденіи своекоштному студенту *Ивану Сычугову* званія кандидата правовѣдѣнія. По словамъ Броннера, Цеплинъ лично прочелъ ходатайство факультета (*legit*

¹⁾ Письмо Броннера къ Салтыкову 1816 г. № XVII стр. 336.

²⁾ Уже въ 1814 году Лейтеръ выдержалъ испытаніе на должность лектора французскаго языка. Одновременно съ нимъ добивались этого мѣста Стефани и Краузе (*Протоколы Совѣта* 1814 г. л. 140b; 141b; 1816 года л. 56a).—Объ отношеніяхъ Цеплина къ Лейтеру мы говорили выше, гл. VI стр. 173—175.

³⁾ Письмо Броннера къ Салтыкову, стр. 336.

defensionem facultatis). Протестъ заявилъ Броннеръ. Совѣтъ, въ виду того, что „высшее начальство“ предполагало въ скоромъ времени составить новыя правила о степеняхъ, постановилъ— отложить утверженіе Сычугова въ степени кандидата ¹⁾.

Сравнительно съ двумя предъидущими годами, сохранилось немного данныхъ о дѣятельности Цеплина и отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ въ 1817 году. При выборахъ въ ректоры (17-го апрѣля) Цеплинъ получилъ столько же голосовъ, сколько Германъ и Яковинъ (+4,—13). Потерпѣлъ онъ также неудачу и при новыхъ выборахъ въ деканы (+10,—7), получивъ однимъ шаромъ меньше Врангеля (+11,—6) ²⁾. Но, спустя четыре мѣсяца, Цеплинъ за отказомъ барона Врангеля, снова становится, „по большинству голосовъ“, во главѣ отдѣленія (18 августа) и, вслѣдъ затѣмъ, утверждается Министромъ (11 сентября № 2702) ³⁾. Двдцатаго апрѣля, онъ опять избирается членомъ Училищнаго Комитета (+13,—3) ⁴⁾. Изъ адъюнктовъ, Срезневскій, по представленію Отдѣленія (8 января), былъ избранъ въ Совѣтъ (26 января) большинствомъ 14 голосовъ противъ 4, экстра-ординарнымъ профессоромъ философіи ⁵⁾. Въ самомъ началѣ этого года Цеплину пришлось отстаивать въ Совѣтѣ распоряженіе Министерства. Произошло это по слѣдующему поводу. При слушаніи въ собраніи Совѣта 12 января представленія отдѣленія Словесныхъ наукъ о производствѣ экзаменовъ на ученныя степени, большинствомъ Совѣта было опредѣлено: препроводить на благоусмотрѣніе высшаго начальства прежнія правила, съ присоединеніемъ нынѣ представленныхъ изъ отдѣленія мнѣній. Подписывая это опредѣленіе,

¹⁾ *Bronner, Adnot. quotid. Sessio Concilii 7 decembr. 1816.—Проток. Сов. 1816 года л. 151а.*

²⁾ *Bronner, ibidem, Sessio Concilii 17 april. 1817.—Протоколы Сов. за 1817 годъ л. 43b.*

³⁾ *Прот. Сов. 1817 г. л. 86а, 99b.*

⁴⁾ *Bronner, Adnot. quotid. Sessio Concilii 20 april. 1817.—Прот. Сов. 1817 г. л. 44а.*

⁵⁾ *Проток. Сов. 1817 г. л. 9b и 14а.*

Цеплинъ добавилъ, что, по его мнѣнію, „симъ образомъ не исполнено предписаніе г. Министра“. При особомъ мнѣніи по поводу этой статьи протокола, остался и профессоръ Солнцева ¹⁾.

Слѣдующій, 1818 годъ даетъ намъ весьма мало фактовъ для дѣятельности Цеплина. Дѣятельность эта видимо влилась въ упадку. Тогдашнее состояніе Казанскаго университета было печально; происки и борьба двухъ враждебныхъ совѣтскихъ партій—нѣмецкой и русской—обострились до того, что, по увѣренію жившаго въ Петербургѣ попечителя Салтыкова, Казанскій университетъ, въ началѣ 1817 года, былъ накануне своего упраздненія ²⁾. „Разладъ царить въ университетѣ, писалъ тогда же Броннеръ, исполнять долгъ свой невозможно... дня не проходить безъ заботъ и огорченій ³⁾. Въ Совѣтѣ большинство составляютъ не здравомыслящіе, а пристрастные“ ⁴⁾... Ненормальное состояніе академической среды угнетало и Цеплина: онъ рѣдко является въ собранія Совѣта и видимо уклоняется отъ притязаній его верховниковъ.

Этотъ предпоследній годъ въ служеніи Цеплина Казанскому университету начался далеко не мирными отношеніями къ нѣкоторымъ членамъ Совѣта старѣйшаго профессора. Поводомъ къ недоразумѣнію послужило слѣдующее обстоятельство. Еще въ октябрѣ 1817 года, Совѣтъ постановилъ образовать особый комитетъ для разсмотрѣнія жалобъ на дурное поведеніе студентовъ. Въ составъ комитета вошли, почти исключительно, представители совѣтской русской молодежи: профессора—Арнольдъ, Кондыревъ, Лобачевскій и адъюнкты—Тимьянскій, Юнаковъ, Манассеинъ, Алехинъ и Ибрагимовъ. Исполняя порученіе, комитетъ 23 октября, вошелъ въ Совѣтъ съ обширнымъ представленіемъ, въ которомъ, выказавъ весьма гумманное отношеніе къ провинившимся студен-

¹⁾ *Проток. Сов. 1817 г. л. 5 и 6а.*

²⁾ *Броннеръ, его Дневникъ и Переписка*, стр. 361: Письмо Салтыкова къ Броннеру 12 янв. 1817 года.

³⁾ *Тамъ-же* стр. 411, 414: Письмо Броннера къ Фуссу, 6 декабря 1816 года.

⁴⁾ *Тамъ-же* стр. 412.

тамъ, подвергнувъ весьма строгой критикѣ условія тогдашней студенческой жизни ¹⁾). Совѣтъ, заслушавъ представленіе комитета, постановилъ: „Назначить особое засѣданіе для разсужденія о семь“. Это „особое засѣданіе“, состоявшееся лишь спустя два мѣсяца, 26 января 1818 года, не привело ни къ какимъ результатамъ положительнаго характера относительно постановленій комитета ²⁾), но послужило поводомъ къ коллегіальному инциденту, возгорѣвшемуся на почвѣ сдѣланнаго профессоромъ Аригольдомъ словеснаго заявленія о томъ, „что для возстановленія порядка, благоустройства и благонравія“ между казенными студентами необходимо размѣстить ихъ въ смежныхъ комнатахъ, а не отдѣльно, въ разныхъ частяхъ университета ³⁾). Ректоръ возразилъ, „что Правленіе, размѣстившее студентовъ, не находило и не находитъ возможности къ лучшему ихъ размѣщенію“ ⁴⁾). Аригольдъ заявилъ на это, „что Правленіе при помѣщеніи студентовъ по комнатамъ *худо* распорядилось“. ⁵⁾ Эти слова Аригольда вызвали крайнее возбужденіе въ нѣкоторыхъ профессорахъ, особенно же въ членахъ Правленія. Цеплинъ, „не позволивъ Аригольду окончить его объясненіе“, въ настойчивыхъ выраженіяхъ потребовалъ, вмѣстѣ съ другимъ деканомъ, Бартельсомъ „записать въ протоколъ, что Аригольдъ опорачиваетъ распоряженіе Правленія.“ ⁶⁾ Инцидентъ получилъ дальнѣйшее движеніе. Совѣтъ „обязалъ Аригольда представить особое объясненіе съ мнѣніемъ“, Правленіе же, считая себя обиженнымъ „укорительнымъ отзывомъ профессора Аригольда въ собраніи Совѣта произнесеннымъ“, представило объ этомъ (4 февраля № 229) на благоусмотрѣніе попечителя. Салтыковъ, одна-

¹⁾ Н. П. Заюскинъ, Исторія Казанскаго унив. т. II стр. 505.

²⁾ Подробности засѣданія и самый текстъ постановленія комитета приводитъ Н. П. Заюскинъ, II стр. 506—507.

³⁾ Буличъ II стр. 554.

⁴⁾ *Архивъ Казанск. унив. Дѣло Попеч.* 12 марта 1818 г. № 36: По рапорту Правленія объ укорительномъ отзывѣ профессора Аригольда на счетъ университетскаго Правленія въ собраніи Совѣта произнесенномъ, л. 3а.

⁵⁾ *Проток. Сов.* 1818 г. л. 11а.—*Дѣло Попеч.* 22 марта 1818 г. № 36 л. 1б, 3б.

⁶⁾ *Дѣло Попеч.* тамъ-же л. 3б.

во, принявъ сторону Арнольда и предложилъ Совѣту озаботиться „объ удобнѣйшемъ размѣщеніи студентовъ“ ¹⁾. Этимъ возбужденный Цеплинымъ вопросъ объ „опороченіи“ Правленія хотя и былъ исчерпанъ, но онъ не остался, какъ кажется, безъ вліянія на положеніе его инициатора въ средѣ членовъ Совѣта. Протестъ Цеплина противъ заявленія Арнольда косвенно задѣвалъ самолюбіе и остальныхъ членовъ комитета и они безъ сомнѣнія, рѣшили отплатить защитнику непогрѣшимости Правленія той же монетой. Вскорѣ послѣ этого инцидента, 30 апрѣля происходили выборы декана въ отдѣленіи Нравственно-политическихъ и Цеплинъ, сверхъ ожиданія, былъ забаллотированъ; деканомъ впервые по открытіи университета былъ избранъ руссакъ, профессоръ Солнцевъ ²⁾, за котораго, безъ сомнѣнія, подали свой голосъ русскіе члены комитета, задѣтые отзывомъ Цеплина о его главномъ дѣятелѣ—Арнольдѣ.

Новый уколъ самолюбія Цеплина былъ нанесенъ въ концѣ того же года. Въ засѣданіи 28 ноября ректоръ предложилъ Совѣту исходатайствовать награду орденомъ св. Владиміра 4 ст. слѣдующимъ ординарнымъ профессорамъ: Герману, Фуэсу, Бартельсу, безсмѣнному засѣдателю Никольскому, Врангелю, Эриху, Арнольду, и экстраординарнымъ профессорамъ: Перешокинову и Кондыреву; въ денежной же наградѣ ректоръ предложилъ Городчанинова и адъюкта Дунаева. Такимъ образомъ, изъ награднаго списка былъ совершенно исключенъ старѣйшій профессоръ университета, бывшій нѣсколько разъ деканомъ и прослужившій университету почти 9 лѣтъ: Цеплину предпочтенъ былъ даже интриганъ Арнольдъ, бывшій профессоромъ всего четыре года и ученикъ Цеплина, Кондыревъ. Представленіе это, конечно, не обошлось безъ протеста. Профессоръ Вердерамо, никогда не бывшій сторонникомъ Брауна, при скрѣпленіи протокола написалъ, что онъ не согласенъ съ предложеніемъ ректора; Солнцевъ, исправлявшій въ то время обязанность секретаря Совѣта за болѣзнь барона Врангеля, написалъ, что „въ разсужденіи предложенія ректора онъ остается при особомъ мнѣніи“.

¹⁾ Дѣло Попечителя, тамъ-же л. 7б.

²⁾ Протоколы Сов. 1818 г. л. 38с.

Цеплинъ примкнулъ къ этимъ протестамъ, заявивъ на протоколѣ, что онъ не согласенъ на ст. 34, такъ какъ въ ней не приведены мотивы къ награжденію предложенныхъ ректоромъ лицъ (*Petrus Zeplin non consentit cum § 34, quia causae non additae sunt*)¹⁾. Вслѣдствіе-ли этихъ протестовъ или по другимъ причинамъ, представленіе ректора было уважено въ весьма скромныхъ размѣрахъ: изъ 10 рекомендованныхъ имъ профессоровъ награждены были орденомъ св. Владиміра 4 ст. спустя слишкомъ полгода, уже при Магницкомъ, только Фувсъ, Никольскій, Кондыревъ, Перевощиковъ, а также—оставшійся при особомъ мнѣніи Солнцева, удостоенный ордена св. Анны 2-й степени²⁾. Самъ Цеплинъ въ то время, какъ увидимъ ниже, былъ уже намѣченъ къ удаленію изъ университета

Послѣдними дѣйствіями Цеплина въ должности декана въ 1818 году³⁾ было представленіе его отъ 22 апрѣля, при которомъ была приложена книга въ даръ университету, присланная Цеплину отъ Государственнаго Канцлера, графа Н. П. Румянцева⁴⁾. Кромѣ того, въ собраніи Совѣта 14 мая было доложено, за подписью Цеплина, обзорніе преподаванія въ отдѣленіи Нравственно-политическихъ наукъ на слѣдующій академическій годъ, а также ходатайство Цеплина выписать для университетской бібліотеки „весьма нужныя“ книги: „*Commentarii de origine legum germanicarum Veneri*“ и „*Corpus iuris germanici*“⁵⁾.

Насталъ 1819 годъ,—роковой для Казанскаго университета и его старѣйшаго профессора. Вслѣдъ за смертью перваго ректора университета въ самомъ началѣ года, наступило мрачное время ревизіи и произвола Магницкаго, едва не стоившее жизни Казанскому университету и роковымъ образомъ отразившееся на его первомъ представителѣ. Скрудны числомъ факты и за это время изъ дѣятельности Цеплина,

¹⁾ Тамъ-же л. 126а.

²⁾ *Проток. Сов.* 1819 г. л. 90b (засѣданіе 5-го іюня).

³⁾ Должность эту Цеплинъ исполнялъ до 26 іюня, когда въ Совѣтѣ было заслушано объ утвержденіи Солнцева (*Проток. Сов.* 1818 г. л. 51b).

⁴⁾ *Проток. Сов.* 1818 г. л. 38b.

⁵⁾ Тамъ-же л. 41в.

но они не лишены интереса для исторіи перваго профессора Казанскаго университета.

Однимъ изъ наиболѣ видныхъ актовъ университетской дѣятельности Цеплина за это время было его официальное участіе въ погребальной церемоніи ректора Брауна въ началѣ января 1819 года. Болѣзнь, постигшая Брауна въ половинѣ декабря 1818 года, до того усилилась въ концѣ того же мѣсяца, что Совѣтъ университета, 30 декабря избралъ ему, согласно § 21 устава, замѣстителя съ званіемъ проректора ¹⁾. Выборъ палъ на профессора Солнцева. Цеплинъ при этомъ не присутствовалъ. На баллотировачномъ листѣ, приложенномъ въ протоколу Совѣта 30 декабря, противъ его фамиліи сдѣлана помѣтка: „по законной отлучкѣ не выбирается“—указывающая на то, что Цеплина въ то время не было въ Казани ²⁾. Подписи его нѣтъ тоже и на пригласительной повѣсткѣ о выборѣ замѣстителя Брауну, посланной 30 декабря членамъ Совѣта непременнымъ засѣдателемъ, профессоромъ Григоріемъ Никольскимъ ³⁾. Въ половинѣ 6-о часа утра 8 января 1819 года скончался первый ректоръ Казанскаго университета, „достопочтенный“ Иванъ Осиповичъ Браунъ. Члены Совѣта немедленно были извѣщены объ этомъ горестномъ событіи особой повѣсткой за подписью проректора Солнцева, съ приглашеніемъ въ тотъ же день въ 10 ч. утра на совѣщаніе, „по случаю послѣдовавшей кончины“. Подпись Цеплина, помѣщенная въ списокѣ чиновниковъ университета, приложенномъ къ пригласительной повѣсткѣ, указываетъ, что въ то время онъ уже находился въ городѣ ⁴⁾. „Для почести,“ при гробѣ ректора было определено двухчасовое дежурство „изъ чиновниковъ университета и гимназій въ мундирахъ, съ приличными траурными знаками“, причемъ дежурство распредѣ-

¹⁾ *Протоколы Сов.* 1818 г. л. 156b.

²⁾ Та-же помѣтка имѣется и въ книгѣ для записыванія о причинахъ отсутствія членовъ Совѣта (*Арх. Казанск. унив.* 1814 г. № 189) л. 16b.

³⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло Сов. 1818 года № 121: Объ избраніи проф. Солнцева въ званіе проректора л. 2а, 8а.

⁴⁾ *Тамъ-же*, л. 9а, 10а—Въ протоколѣ Совѣта, собраннаго 8 января по случаю кончины ректора, подписи Цеплина нѣтъ, но въ числѣ отсутствующихъ онъ не отмѣченъ (*Прот. Сов.* 1819 г. л. 9b).

лено было въ восходящемъ порядкѣ, начиная адъюнктами (Алексѣй Лобачевскій и Булыгинъ) и кончая ординарными профессорами (Аригольдъ и баронъ Врангель). Такъ какъ похороны первоначально были назначены 10 января, то сначала Цеплинъ въ списокъ дежурныхъ не попалъ и только „по причинѣ отсрочки похоронъ до 11 числа“ онъ вмѣстѣ съ „учителемъ университета“ Крюковымъ былъ назначенъ на послѣднее при гробѣ дежурство въ 5 и 6 час. по полудни 10 января. Не сомнѣваясь, что старѣйшій профессоръ не отказался отдать послѣднюю почесть первому ректору, слѣдуетъ отмѣтить, что въ списокѣ лицъ, избранныхъ для дежурства подпись Цеплина (вѣроятно, случайно) не значится ¹⁾. Въ церемоніи погребенія, происходившаго 11 января въ 9 ч. утра, Цеплинъ, какъ старѣйшій членъ коллегіи, занималъ, вмѣстѣ съ орд. проф. Аригольдомъ, соратникомъ почившаго по родственной каедрѣ, выдающееся мѣсто. „По отправленіи въ домъ надъ тѣломъ церковнаго пѣнія, читаемъ въ церемоніалѣ, гробъ покойнаго подымутъ къ выносу двое ординарныхъ профессоровъ: Цеплинъ и Аригольдъ, двое экстраординарныхъ профессоровъ: Срезневскій и Симоновъ; четверо адъюнктовъ: Дунаевъ, Тимьянскій, Алексинъ и Лобачевскій, кои и поставятъ оный на приготовленный катафалкъ“. Тѣ же лица, съ Цеплинымъ во главѣ, какъ видно изъ остальныхъ пунктовъ „Церемоніала“, снимали гробъ съ катафалка и вносили въ церковь, выносили изъ церкви, ставили на катафалкъ и снимали на кладбищѣ. Въ шествіи Цеплинъ, вмѣстѣ съ остальными ординарными профессорами, занималъ мѣсто вслѣдъ за проректоромъ ²⁾.

Вскорѣ послѣ того, Цеплину пришлось выступить съ протестомъ—послѣднимъ, по дошедшимъ къ намъ даннымъ, за весь періодъ его профессуры. Въ засѣданіи Совѣта 15 января, адъюнктъ технологии, Алексѣй Лобачевскій, отправляясь въ служебное путешествіе по Сибири, ходатайствовалъ объ откомандированіи, для сопровожденія въ пути, служителя „изъ университетской инвалидной команды съ выдачею ему аммуниціонныхъ и провіантскихъ денегъ“. Совѣтъ

¹⁾ Тамъ-же л. 12 и 13а.

²⁾ Тамъ-же л. 14 и 15а.

большинствомъ голосовъ согласился на это, но Цеплинъ, вмѣстѣ съ проректоромъ Солнцевымъ, вотироваль противъ удовлетворенія ходатайства ¹⁾).

Послѣднимъ актомъ совѣтской дѣятельности Цеплина было освидѣтельствованіе, вмѣстѣ съ Брейтенбахомъ и Перевощиковымъ, годовыхъ отчетовъ университетской суммы. Докладъ объ этомъ былъ заслушанъ въ Совѣтѣ 8 февраля, причемъ отчеты были признаны правильными ²⁾).

Ровно мѣсяць спустя, 8 марта, въ Совѣтѣ было заслушано предписаніе Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, кн. Александра Николаевича Голицына о Высочайшемъ порученіи члену Главнаго Правленія училищъ М. Л. Магницкому *обозрѣть Казанскій университетъ* ³⁾). Въ тотъ же самый день, 8 марта, за № 1 получено было Совѣтомъ и первое предписаніе ревизора, пріѣхавшаго наканунѣ въ Казань, съ требованіемъ разнообразныхъ свѣдѣній, относящихся къ возложенному на него порученію. Не болѣе недѣли потребовалось Магницкому для того, чтобы „обозрѣть“ Казанскій университетъ и гимназію и составить о результатахъ ревизіи свое заключеніе. 16 марта за № 2 онъ препроводилъ въ Совѣтъ свое предложеніе, въ которомъ, извѣщая „объ окончаніи обозрѣнія Казанскаго университета во всѣхъ частяхъ его управленія, заявлялъ, что первую часть своего отчета онъ „относитъ къ разсмотрѣнію высшаго начальства и къ Высочайшему разрѣшенію“, вторую же—препровождаетъ въ университетъ и „требуетъ по ней немедленныхъ распоряженій“ ⁴⁾).

Въ этой второй части, заслушанной въ засѣданіи Совѣта 17 марта, ⁵⁾ Магницкій, коснувшись бѣгло и поверхно-

¹⁾ *Протоколы Совѣта* 1819 г. л. 17а.

²⁾ *Тамъ-же* л. 27а.

³⁾ *Тамъ-же* л. 38а.

⁴⁾ *Арх. Казанскаго унив.* 17 марта 1819 года № 71 (64): Дѣло о безпорядкахъ по университету и Казанской гимназій, найденныхъ ревизоромъ д. с. с. Магницкимъ, объ увольненіи и удаленіи нѣкоторыхъ чиновниковъ университета и гимназій л. 1а.

⁵⁾ *Тамъ-же* л. 7—11.

ство состоянія университета и гимназіи по части „наружной, полицейской, хозяйственной, учебной, нравственной“¹⁾), указывалъ на то, что онъ „поставляетъ первымъ долгомъ отдать всю часть успѣха тѣмъ членамъ Совѣта, коихъ просвѣщеніе, усердіе къ правительству и отличные труды не только исполнили, но даже предупредили всѣ его желанія“²⁾). Въ числѣ этихъ лицъ онъ называетъ проректора Солнцева, бывшаго „правою рукою“ ревизора, и профессоровъ Никольскаго, Кондырева, Фукса, Вердерамо, а также обладающихъ „отличными способностями молодыхъ профессоровъ“: Лобачевскаго, Симонова, Срезневскаго и Перевощикова³⁾). О профессорахъ Германъ и Эрихъ ревизоръ замѣтилъ, что ихъ „заслуженная ученость будетъ поставлена на вниманіе начальства“⁴⁾). Всѣ остальные представители того времени въ Казанскомъ университетѣ, въ томъ числѣ и старѣйшій его профессоръ—Цеплинъ, были пройдены молчаніемъ и это молчаніе явилось какъ бы грознымъ мemento могі для дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ въ университетѣ, предрѣшало ихъ участь. Конецъ академическаго года и наступившія каникулы прошли однако безъ особыхъ тревоженій въ университетской средѣ. Но это было затишье предъ бурей. 30 іюля Цеплинъ присутствовалъ еще въ засѣданіи Совѣта⁵⁾), но уже въ послѣдній разъ. 20 августа въ собраніи Совѣта было заслушано предложеніе утвержденнаго уже въ то время попечителемъ Магницкаго, отъ 5 августа за № 61 „о мѣрахъ къ приведенію по Высочайшей волѣ всѣхъ частей университета въ должный порядокъ“. Для достиженія этого, рѣшено было начать „съ оставленія только тѣхъ изъ профессоровъ, которые заслужили одобреніе ревизора, остальныхъ же, неодобренныхъ, удалить изъ университета“⁶⁾). Въ силу этого *уволены* были по Высочайшему указу отъ службы съ пенсіей Германъ

¹⁾ Тамъ-же л. 1—5.

²⁾ Тамъ-же л. 6а.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же л. 6в.

⁵⁾ *Протоколы Сов.* 1819 г. л. 129а.

⁶⁾ *Архивъ Казанскаго унив.* Дѣло Сов. 17 марта 1819 г. № 71 (64) л. 15а.

и Эрихъ, безъ пенсіи—Яковкинъ и Томасъ и удалены по предписанію попечителя—баронъ Вравгель, Цеплинъ, Брейтенбахъ, Аргольдъ, Срезневскій ¹⁾. Цеплинъ въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ и о своей участи онъ извѣщенъ былъ выпискою изъ протокола Совѣта (28 августа № 1091), жалованіемъ же былъ удовлетворенъ по день полученія указа объ увольненіи, т. е. по 20 августа 1819 года ²⁾.

Причину этого „массоваго“ увольненія профессоръ, превзошедшаго своей численностью и суровостью разгромъ Совѣта въ попечительство Румовскаго, слѣдуетъ искать не столько въ плачевномъ состояніи Казанскаго университета, сколько въ настроеніи и во взглядахъ тогдашнихъ правящихъ сферъ и въ личныхъ проискахъ самого Магницкаго. „Возврѣнія Священнаго союза, замѣчаетъ Д. А. Корсаковъ, направленные на борьбу съ революціонными идеями въ западной Европѣ, проявились въ Австріи и Германіи страшными репрессаліями противъ университетовъ, признанныхъ очагами религіознаго и политическаго вольнодумства. Императоръ Александръ I отнесся къ университетамъ также съ недоверіемъ, найдя исполнителя своихъ мыслей въ тогдашнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ. Казанскій университетъ былъ тоже „заподозрѣнъ“ и ревизія его была возложена на Магницкаго. Человѣкъ большаго ума и блестящаго свѣтскаго общаго образованія, онъ былъ совершенно лишенъ нравственныхъ принциповъ“ ³⁾. По словамъ его біографа, лихорадочное стремленіе къ власти, почестямъ, богатству овладѣли имъ уже въ то время, когда онъ трудился подъ руководствомъ Сперанскаго. Для этого онъ жертвовалъ всею, не гнушаясь никакими средствами, служа самымъ противнымъ убѣжденіямъ ⁴⁾.

¹⁾ Проток. Сов. 1819 г. л. 138а.

²⁾ Дѣло Сов. 17 марта 1819 г. № 72 (64) л. 18а.—Проток. Сов. 1819 г. л. 185b.

³⁾ Д. Корсаковъ, Памяти К. Фукса, Волжскій Вѣстн. 1896 г. № 102.

⁴⁾ Е. Θεоктистовъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I: Магницкій. С.-Петербург. 1865 стр. 3, 4.

По словамъ Н. Шильдера, онъ послѣ ссылки постигшей его въ 1812 году, сдѣлался изъ вольнодумцевъ поборникомъ самаго крайняго ханжества и черезъ это овладѣлъ полнымъ довѣріемъ слабохарактернаго князя Голицына. Современники Магницкаго, къ своему крайнему удивленію, видѣли его ежеминутно возводящимъ глаза къ небу и твердящимъ при каждомъ случаѣ, встаети и не встаети, о милосердіи Божіемъ, о постѣ и грѣхопадении. Начала, провозглашенныя Священнымъ союзомъ, не сходили съ его устъ. Посѣщая неуклонно по праздникамъ церковь кн. Голицына, онъ земными поклонами усердно старался заявить о своей набожности и благочестіи. „Основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго союза“, вотъ что составляло единственную цѣль его дѣятельности, со времени перехода на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ члена Главнаго Правленія училищъ ¹⁾.

Не нуждаясь въ постороннихъ побужденіяхъ и внушеніяхъ, онъ, опираясь на могущественное содѣйствіе кн. Голицына, самъ становился инициаторомъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ. Утвердившаяся въ то время мысль о необходимости подчинить университетское преподаваніе строгому надзору нашла въ немъ ревностнаго поборника. Онъ мечталъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для правительства, внушить ему высокое понятіе о предполагаемыхъ преобразованіяхъ и, такимъ образомъ, открыть себѣ путь къ почестямъ и славѣ ²⁾. Ясно, чего могъ ожидать Казанскій университетъ отъ ревизіи этого „нравственнаго феномена“, какъ называли Магницкаго. Произведенная съ предвзвѣтой цѣлью, пристрастно и поверхностно, въ нѣсколько дней, ревизія представила университетъ въ ужасномъ видѣ. Здѣсь не мѣсто излагать подробности этого поистинѣ „варварскаго набѣга“ на Казанскій университетъ ³⁾,

¹⁾ Н. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Томъ IV. С.-Петербург. 1898 стр. 294.

²⁾ Е. Оеоктистова, Магницкій, стр. 7.

³⁾ Подробности объ этомъ изложены въ дѣлѣ Архива Казанскаго университета 10 февраля 1819 г., гдѣ помѣщено донесеніе Магницкаго, заключающее отчетъ по обзорнѣи университета (№ 3, апр. 9, 1819 года). См. также у Оеоктистова, стр. 34 и слѣд.

но нельзя не указать, что въ заключеніи своего отчета вн. Голицыну Магницкій совѣтовалъ „по непреложной справедливости и по всей строгости правъ уничтожить университетъ въ видѣ публичнаго его разрушенія“¹⁾.

Для подрѣвленія этого адскаго замысла Магницкій со всей суровостью обрушился на академическій персоналъ тогдашняго университета. „Изъ 25 профессоровъ, докладывалъ онъ, не можно выбрать одной трети. Академическій кругъ неполонъ и въ безпорядкѣ, многія лекціи выдуманы, другія двойныя, для размѣщенія не жалованныхъ профессоровъ и адъюнктовъ. Ни профессора ни студенты на лекціи не ходятъ исправно. Метода преподаванія самая дурная и давно вездѣ оставленная“²⁾. Столь же неумолимо и рѣшительно отозвался онъ и объ отдѣльныхъ профессорахъ³⁾. О Цеплинѣ Магницкій писалъ, что „онъ есть человѣкъ самый пустой и читаетъ лекціи политики, самой тщетной и почти не существующей науки“⁴⁾. Способности имѣетъ весьма посредственныя⁵⁾.

Эти замѣчанія о старѣйшемъ представителѣ Казанскаго университета и о предметѣ его кафедр опровергаютъ сами себя своей рѣзкостью, чтобъ не сказать наглостью. Заявленіе Магницкаго о Цеплинѣ, какъ человѣкѣ „пустомъ“, совершенно голословно и не согласно съ дѣйствительностью. Опытный въ житейскихъ дѣлахъ академикъ Румовскій, умѣвшій выбирать людей для Казанскаго университета и осторожно взвѣшивавшій ихъ достоинства, едва ли предложилъ-бы Цеплину профессуру въ Казани, если-бъ не былъ убѣжденъ въ его серьезной нравственной и научной уравновѣшенности. Первоначальная дѣятельность Цеплина въ Казани, его борьба съ Яковиннымъ были обусловлены не легкомысліемъ и пустотой, а разумной рѣшимостью вступить за права профессорской корпораціи, обеспеченныя уставомъ университета. Послѣдовавшая затѣмъ реабилитація Цеплина при Салтыковѣ, почет-

¹⁾ *Ое.ктисовъ*, стр. 48.

²⁾ *Тамъ-же*, стр. 51.

³⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ отзывовъ приводитъ *Ое.ктисовъ*, стр. 38—39.

⁴⁾ Дѣло по обрѣвизированію Казанскаго университета 10 февр. 1819 года л. 351.

⁵⁾ *Тамъ-же* л. 387.

ныя отличія, неоднократно предоставляемыя ему Совѣтомъ университета, высокое вниманіе, оказываемое русскимъ мекенатомъ, государственнымъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ Цеплину во все время вторичной службы профессора въ Казани—неопровержимо доказываютъ, что мнѣніе Магницкаго о Цеплинѣ, какъ о человѣкѣ „пустомъ и съ весьма посредственными способностями“—совершенно несправедливо: Цеплинъ несомнѣнно приносилъ существенную пользу университету, чего въ свое время не отрицалъ и злѣйшій врагъ профессора — Яковкинъ. Для надлежащей оцѣнки мнѣнія Магницкаго необходимо имѣть въ виду, что, при кратковременности своихъ наблюденій надъ положеніемъ Казанскаго университета, онъ лишенъ былъ возможности составить себѣ сколько нибудь вѣрное и опредѣленное представленіе о его дѣятеляхъ и потому въ приговорахъ его о профессорахъ противорѣчія встрѣчались на каждомъ шагѣ. Такъ, напримѣръ, указавъ сначала въ своемъ отчетѣ, что профессоръ философіи Срезневскій „руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и излагаетъ предметъ свой столь дурно, что никто не понимаетъ“—Магницкій говоритъ въ другомъ мѣстѣ отчета, что Срезневскій „обладаетъ хорошимъ русскимъ языкомъ, изясняетъ съ дарованіемъ“ и что „не укроется отъ вниманія начальства, какъ самая пріятная надежда того, что общается въ будущемъ“¹⁾. Такое же противорѣчіе, какъ указываетъ Теокистовъ²⁾, замѣчается и въ сужденіи Магницкаго о профессорѣ хирургіи Аригольдѣ, котораго онъ сначала выставилъ совершеннымъ неучемъ, „не умѣвшимъ собрать основа человѣческаго тѣла“, а затѣмъ ревностно хлопоталъ о возвращеніи ему прежней катедры. Этого снисхожденія Цеплину не было оказано, такъ какъ онъ не вступалъ, подобно Аригольду, въ компромиссы съ собственной совѣстью и убѣжденіями. Его профессорской дѣятельности былъ положенъ окончательный предѣлъ и этотъ актъ явной несправедливости и дживаго доноса, подвергшій вторичному гоненію старѣйшаго представителя Казанскаго университета, навсегда останется темнымъ пятномъ въ позорной дѣятельности Магницкаго.

¹⁾ Теокистовъ, Магницкій стр. 38—39.

²⁾ Тамъ-же стр. 105—106.

Столь же превратнымъ и неосповательнымъ слѣдуетъ признать и сужденіе Магницкаго о значеніи избранной Цеплинымъ науки—политической экономіи. Наука эта въ то время имѣла своихъ представителей почти во всѣхъ западно-европейскихъ университетахъ и труды по ней знаменитыхъ ученыхъ—Готфрида Ахенвала и Августа фонъ Шлэцера—не только дали точное опредѣленіе всѣхъ ея составныхъ частей, но и указали ея истинныя задачи и цѣли.

О преподавательской дѣятельности Цеплина въ разсматриваемое время сохранилось сравнительно меньше свѣдѣній, чѣмъ за первый періодъ его профессуры. Какъ видно изъ обзорной преподаванія въ отдѣленіи Нравственно-политическихъ наукъ съ 1815 по 1819 учебный годъ, Цеплинъ „изъяснялъ по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ основанія политическихъ наукъ,¹⁾ по руководству Ахенвала, на языкахъ: латинскомъ, или нѣмецкомъ или французскомъ. Съ 1819 по 1820 учебный годъ онъ предполагалъ читать этотъ курсъ только по французски и, по окончаніи его, „обучать дипломатию, руководствуясь собственнымъ рукописнымъ сочиненіемъ“²⁾. Трудъ Ахенвала, служившій основаніемъ Цеплиновыхъ чтеній, это—„Staatsverfassung der europ. Reiche im Grundrisse“—изданный первоначально въ Геттингенѣ (1749 г.) и пользовавшійся большой извѣстностью среди германскихъ спеціалистовъ по статистикѣ и политической экономіи³⁾. Что касается „собственнаго рукописнаго сочиненія“, по которому Цеплинъ читалъ лекціи дипломатики, то никакихъ свѣдѣній о содержаніи и характерѣ этого труда къ намъ не дошло.

Къ преподавательскимъ занятіямъ Цеплина относится также его *участіе въ испытаніяхъ*, произвольныхъ въ отдѣленіи Нравственно-политическихъ наукъ. Такъ называемые

¹⁾ *Замѣткіи В. Ф.* Сводная таблица расположенія лекцій на Юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета за время съ 14 февраля 1805 по 1 мая 1903 года. Прилож. къ Учен. Записк. Каз. унив. за 1903 г. сентябрь, стр. 32—33.

²⁾ *Арх. Казанск. унив.* Дѣло по обривизованію университета 10 февр. 1819 г. л. 410, 411.

³⁾ Впродолженіи тринадцати лѣтъ вышло четыре изданія этого труда, изъ которыхъ 4-ое, появившееся въ Геттингенѣ въ 1762 г., имѣется въ библиотекѣ университета.

переводные экзамены производились въ то время съ конца іюня и однимъ изъ первыхъ былъ экзаменъ Цеплина. Изъ протокола этихъ испытаній въ 1818 году, сохранившагося въ дѣлахъ Архива университета, видно, что экзаменъ Цеплина происходилъ одновременно съ экзаменами Брауна, Бартельса, Эриха, 26 іюня въ 8 часовъ пополудни. Изъ его слушателей „рекомендованы по отличнѣмъ успѣхамъ: Волеговъ и Курбановскій; по весьма хорошимъ: фонъ Гине и Бабановскій“ ¹⁾. Кромѣ того, Цеплинъ присутствовалъ въ тотъ же день „полудни“ и на другихъ экзаменахъ, въ качествѣ ассистента: у профессора Томаса, по прежнему предмету своихъ чтеній — по географіи и статистикѣ и у Солнцева — по римскому праву ²⁾. Какъ видно изъ указаній Броннера съ 1815 и 1816 гг., нѣкоторые изъ студентовъ отлично занимались у Цеплина: Александръ Герольдъ, Александръ Геркенъ, Иванъ и Эдуардъ Плато, Иванъ Сычуговъ, Иванъ Поповъ, Сергій Спиридоновъ и упомянутый уже Волеговъ ³⁾.

Кромѣ этихъ испытаній, Цеплинъ, какъ деканъ и профессоръ, принималъ непосредственное участіе и въ экзаменахъ на *ученыя степени* кандидата, магистра, доктора.

Ищущій степени кандидата подавалъ, согласно § 96 устава, прошеніе на имя декана съ приложеніемъ всѣхъ необходимыхъ документовъ, послѣ чего деканъ назначалъ дни собраній отдѣленія, въ которые должно было происходить испытаніе. Послѣднее было двоякимъ: письменнымъ, на которомъ экзаменующійся давалъ отвѣты „касающіеся до наукъ, въ отдѣленію принадлежащихъ“, и затѣмъ устнымъ, заключавшимся „въ двухъ вопросахъ, относящихся до главной науки, въ которой студентъ упражнялся и выбранныхъ по жребію“. Заключение факультета относительно произведеннаго испытанія поступало затѣмъ на утвержденіе университетскаго Совѣта ⁴⁾.

Въ архивѣ Казанскаго университета сохранилось „Дѣло объ удостоеніи званія кандидата правовѣдѣнія бывшаго студента Казанской духовной Академіи *Алексыя Антенорова*“ ⁵⁾. Окончивъ Академію, Антеноровъ, въ мартѣ 1816 года,

¹⁾ *Экзаменный протоколъ для студентовъ на 1818 годъ* (№ 142), л. 1.

²⁾ *Тамъ-же* л. 2б, 3б.

³⁾ *Дневникъ Броннера* стр. 78, 80, 150, 151.

⁴⁾ *Н. Заюскинъ, Исторія Казанскаго универс.*, т. II стр. 72.

⁵⁾ *Дѣло Сов.* 1816 г. 8 ноября № 138 на 14 листахъ.

заявилъ желаніе слушать лекціи профессоровъ: барона Врангеля, Солнцева и адъюкта Срезневскаго ¹⁾, а въ октябрѣ того же года, въ силу § 111 устава, допускавшаго и обучавшихся „въ другомъ мѣстѣ“ въ испытаніямъ на ученныя степени въ университетѣ—былъ подвергнутъ, согласно прошенію, экзамену въ отдѣленіи Правственно-политическихъ наукъ ²⁾. По даннымъ этого „Дѣла Антенорова“ возможно прослѣдить дѣятельность Цеплина при производствѣ испытаній на степень кандидата. Принявъ 20 октября прошеніе аспиранта, онъ, чрезъ недѣлю (27 октября), назначилъ первое засѣданіе, въ которомъ, въ присутствіи декана, экзаменующійся, согласно § 96 устава, писалъ по-латыни отвѣты на пять вопросовъ, относящихся къ различнымъ отдѣламъ правовѣдѣнія. Отвѣты были розданы членамъ отдѣленія на разсмотрѣніе и рѣшено было собраться для продолженія испытанія 4 ноября. Въ этомъ второмъ засѣданіи продолжалось письменное испытаніе: экзаменующійся представилъ отвѣты на четыре вопроса, предложенные на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Члены отдѣленія опять взяли отвѣты для разсмотрѣнія и опредѣлили собраться для словеснаго испытанія 6-го ноября въ 10 часовъ утра. При производствѣ этого экзамена, Антеноровъ отвѣчалъ и на вопросы изъ предметовъ каѳедры Цеплина—политической экономіи и дипломатики, но содержаніе этихъ вопросовъ, равно какъ и остальныхъ, предложенныхъ для устнаго отвѣта Антенорову, не указано. Въ томъ же засѣданіи было признано, что Антеноровъ „имѣетъ очень достаточныя свѣдѣнія, какъ въ правовѣдѣніи, такъ и въ другихъ вспомогательныхъ наукахъ“ и потому факультетъ постановилъ представить Совѣту „объ утвержденіи его въ степени кандидата“. Восьмага ноября Совѣтъ утвердилъ представленіе отдѣленія (8 ноября № 17), а 14 того же мѣсяца, *sub sigillo universitatis majore*, Антенорову былъ выданъ на латинскомъ языкѣ, по особой формѣ, съ упоминаніемъ именъ Основателя университета, ректора и декана, дипломъ „*Candidati juris*“ ³⁾.

¹⁾ *Дневникъ Броннера* стр. 129—130.—*Дѣло Сов.* 1816 г. 8 ноября № 138 л. 8а.

²⁾ *Дѣло Сов.* 1816 г. 8 ноября № 138 л. 1—2а.

³⁾ *Дѣло Сов.* тамъ-же л. 1, 2, 5.—«Особенный протоколъ» испытанія Антенорова, представленіе отдѣленія въ Совѣтъ и образецъ диплома, выданнаго Антенорову, напечатаны ниже въ «Приложеніяхъ».

Но этимъ дѣло о предоставленіи Антенорову степени кандидата не кончилось. Въ началѣ 1818 года, управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Осипъ Козодавлевъ, вслѣдствіе запроса Министра полиціи, обратился къ попечителю Салтыкову съ предложеніемъ (25 января № 149), доставить ему отъ Казанскаго университета объясненіе о томъ, „соблюдено-ли было при производствѣ Антенорова въ степень кандидата правовѣдѣнія все то, что уставомъ университетскимъ предписывается“ ¹⁾. Поводомъ въ этому послужило возбужденное въ Петербургѣ ходатайство Антенорова, объ утвержденіи его, по степени кандидата, въ чинъ XII класса, согласно 16 и 17 статьямъ Высочайше подтвержденной Грамоты Казанскому университету ²⁾. Въ виду сдѣлавшагося не задолго до того предметомъ огласки и пересудовъ противузаконнаго возведенія Дерптскимъ университетомъ дѣломъ 1816 года въ степень доктора правъ, Вальтера, бывшаго раньше театральнымъ портнымъ и фабриканта Вебера ³⁾, Министръ полиціи, безъ сомнѣнія, вынужденъ былъ отнестись „*cum grano salis*“ и къ диплому кандидата Казанскаго университета. Попечитель Салтыковъ, проживавшій въ то время уже въ Петербургѣ, немедленно затребовалъ отъ Совѣта свѣдѣній объ экзаменѣ Антенорова (28 января 1818 года № 26) и отдѣленію пришлось представить, по опредѣленію Совѣта, обстоятельную исторію съ протоколовъ испытаній Антенорова и удостовѣрять, что удостоенный степени кандидата не только вполне удовлетворительно отвѣчалъ на всѣ письменные вопросы, но что онъ „первый занялся систематическимъ обработаніемъ русскаго мѣстнаго права“ и, сверхъ того, „представилъ опыты ученыхъ занятій своихъ“ по естественному праву, политической экономіи и русскому праву ⁴⁾. Въ концѣ своего представленія Совѣту отдѣленіе увѣряло, что, какъ и другія, оно всегда исполняло и исполняетъ, при всѣхъ случаяхъ, предписываемыя уставомъ правила, равно какъ и предписанія выс-

¹⁾ Дѣло Сов. 1816 г. 8 ноября № 138 л. 7б.

²⁾ Тамъ-же л. 3.

³⁾ Е. В. Пятуховъ, Императорскій Юрьевскій университетъ, Историческій очеркъ, Юрьевъ 1902 т. I стр. 271—275.

⁴⁾ Дѣло Сов. 1816 г. 8 ноября № 138 л. 8.

шаго начальства, безъ малѣйшаго упущенія“¹⁾. Этимъ объясненіемъ, препровожденнымъ Совѣтомъ къ попечителю (24 марта № 310), инцидентъ съ дипломомъ Антенорова хотя и закончился, но самые запросы и сомнѣнія, относительно правильности произведеннаго испытанія, показались Цеплину, вѣроятно, оскорбительными, такъ какъ онъ не скрѣпилъ своей подписью объяснительнаго представленія своего отдѣленія въ Совѣтъ²⁾. Не усмотрѣлъ ли и здѣсь обидчивый деканъ признаковь „опорочиванія“, на которыхъ настаивалъ при случившемся тогда же столеновеніи профессора Арнгольда съ Правленіемъ университета?

Нѣсколькими мѣсяцами раньше Антенорова утвержденъ былъ, въ періодъ деканства Цеплина, кандидатомъ правовѣдѣнія и студентъ Сергѣй Спиридоновъ (6 марта 1816 г.)³⁾, но подробности его испытанія намъ неизвѣстны.

Объ участіи Цеплина въ магистерскомъ испытаніи кандидата М а н а с с е и н а и въ докторской промоціи І о н а и С о л н ц е в а мы уже упоминали⁴⁾.

Къ другимъ актамъ научно-учебной жизни своего факультета Цеплинъ, какъ деканъ и профессоръ, долженъ былъ прилагать особенное вниманіе. Въ самомъ началѣ исполненія имъ обязанностей старѣйшины отдѣленія (14 ноября 1814 г.), вѣроятно по инициативѣ самаго Цеплина, былъ возбужденъ

¹⁾ *Протоколы Сов.* 1818 г. л. 17b и 26.—*Дѣло Сов.* 1816 г. 8 ноября № 138 л. 8—9.

²⁾ *Дѣло Сов.* тамъ-же л. 8b. Представленіе подписано только профессорами бар. Врангелемъ, Солнцевинымъ и секретаремъ Алексинимъ.

³⁾ *Историческая Записка о четырехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 гг.* Издавъ Н. Загоскинъ, Казань 1899 л. 5.—Это тотъ самый Спиридоновъ, имя котораго неоднократно встрѣчается въ *Дневникѣ Броннера* (см. *Указатель къ Дневнику* стр. 492). За успѣхи въ юридическихъ наукахъ онъ не разъ получалъ награды книгами. Въ началѣ октября 1815 года Совѣтъ поручилъ Броннеру побудить Спиридонова заявить декану о своемъ желаніи подвергнуться испытанію на степень кандидата (*Дневникъ* стр. 103). Такъ какъ по свидѣтельству «Исторической Записки» Спиридоновъ былъ утвержденъ въ этой степени въ самомъ началѣ марта 1816 года, то упоминаемый Броннеромъ подъ 3 декабря 1816 г. *студентъ* Спиридоновъ, «запертый на 2 сутокъ въ карцеръ», вѣроятно однофамилецъ кандидата.

⁴⁾ См. *выше*, стр. 195—198.

вопросъ о томъ, „что отдѣленіе не имѣеть ни одного адъюнкта“. Члены факультета обратили свое вниманіе на магистра Срезневскаго и, разсмотрѣвъ „его достоинства, дарованія, свѣдѣнія, многообразныя познанія и труды“—нашли его достойнымъ званія адъюнкта, особенно по философіи. Въ концѣ того же академическаго года (19 іюня) отдѣленіемъ было разсмотрѣно представленное для полученія этого званія разсужденіе Срезневскаго—*Dissertatio summa capita philosophiae exhibens*—и одобрено ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ (23 іюля) Совѣтъ утвердилъ Срезневскаго адъюнктомъ философіи ²⁾.

Въ самомъ концѣ 1816 учебнаго года (1 іюля) отдѣленіе разсматривало два сочиненія учителя Мерцалова: 1) „Обозрѣніе происхожденія, цѣли и успѣховъ государства“ и 2) „Размышленіе о безсмертіи души“, а въ началѣ 1817 года подвергалось разсмотрѣнію и не было одобрено для руководства къ преподаванію естественнаго права сочиненіе Перро въ переводѣ Карлевича (въ двухъ частяхъ)—„Основаніе естественнаго законодательства“. Въ 1818 году были разсмотрѣны и одобрены отдѣленіемъ: 1) „Метафизика“ профессора Лубкина (8 января) ³⁾ и 2) „Первая часть краткаго начертанія Россійскаго законодательства или правовѣдѣнія“, директора Астраханскихъ училищъ Храповицкаго— (4 іюля) ⁴⁾. Къ концу дѣятельности Цеплина относится разсмотрѣніе факультетомъ „Обозрѣнія естественнаго права“ и отрывковъ, содержащихъ въ себѣ „Нѣкоторыя мысли о древнихъ Россійскихъ законахъ“, проф. Перевощикова (23 января 1819 г.) и „Краткое обозрѣніе системъ философскихъ“ (въ двухъ частяхъ) проф. Срезневскаго (28 мая 1819) ⁵⁾.

¹⁾ *Историческая Записка о четырехъ отдѣленіяхъ*, изд. Н. П. Загоскина т. 5.

²⁾ *Формулярный списокъ Срезневскаго 1815—1819 г.*

³⁾ Трудъ этотъ, подъ заглавіемъ «Начертаніе метафизики» (части 1—3) былъ изданъ въ Казани въ 1818—1819 г. (*Заоскинъ*, *Ист. Казанск. унив.* II стр. 647).

⁴⁾ *Историческая Записка* т. 5.

⁵⁾ *Историч. Записка*, тамъ-же.—Эти труды Срезневскаго были представлены для полученія званія ординарнаго профессора (*Заоскинъ*, *Исторія Казанскаго универс.*, II стр. 652).

Хотя упомянутые труды и не относились непосредственно къ кафедрѣ Цеплина, но нѣтъ основаній сомнѣваться, что въ направленіи и рѣшеніи возникавшихъ при этомъ вопросовъ онъ, какъ первый представитель научныхъ интересовъ факультета, принималъ надлежащее участіе.

Частная жизнь Цеплина во второй періодъ его профессуры извѣстна мало. Онъ по прежнему оставался холостымъ, раздѣляя въ этомъ участь нѣкоторыхъ своихъ сослуживцевъ, бывшихъ и настоящихъ—Каменскаго, Левицкаго, Эриха, Броннера, Брейтенбаха. Родныхъ у него въ Казани не было. Принадлежалъ-ли Цеплинъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые, по терминологіи Румовскаго и Яковкина, держали „домоводокъ“ и жили „*liederlich*“—неизвѣстно. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить тотъ фактъ, что въ отзывахъ Магницкаго, въ которыхъ съ полной откровенностью представленъ нравственный обликъ, не только профессоровъ, но и членовъ ихъ семействъ ¹⁾—имя Цеплина вовсе не упоминается. Очевидно, что въ этомъ отношеніи репутація его была совершенно безупречна, что Цеплинъ посвящалъ все свое время только служебнымъ и научнымъ трудамъ, избѣгая той шумливой суетливости и увлеченія дешевой популярностью, которыя въ корнѣ подрываютъ основы и цѣли серьезной профессорской дѣятельности. Въ этомъ случаѣ онъ подражалъ своему земляку и другу Френу, который вскорѣ по прибытіи въ Казань, по собственнымъ словамъ, „порвалъ связи съ мѣстнымъ обществомъ и жилъ лишь для себя, для науки и для немногихъ друзей“ ²⁾.

Изъ среды сослуживцевъ, Цеплинъ по прежнему былъ близокъ съ Германомъ, особенно же съ Френомъ, изслѣдова-

¹⁾ Отзывы эти, данные Магницкимъ въ 1826 году въ отвѣтъ наобличенія его генералъ-маіоромъ П. Ф. Желтухнымъ, сохранились въ *Днѣ Архива Мин. Народн. Просв.* за 1826 г. Ж 32—130 (л. 54—58). Характеризуя, напримѣръ, поступки Германа, Магницкій, между прочимъ, сообщаетъ, что дочери этого профессора «открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ». Отзывы въ извлеченіи впервые напечатаны *Оеоктисовымъ* (Магницкій, стр. 38 сл.) и полностью *Н. П. Затоскинымъ* (Исторія Казанскаго унив., II стр. 474—475).

²⁾ *Письмо Френа къ Румовскому* 3 декабря 1811 года.

ніямъ котораго въ области оріенталистики оказывалъ существенную услугу по вопросамъ русской исторіи и этнографіи ¹⁾). Дружба съ Лейтеромъ, въ интересахъ котораго, какъ мы видѣли, Цеплинъ возставалъ въ Совѣтѣ противъ притязаній Краузе на лектуру французскаго языка ²⁾)—продолжалась неизмѣнно. Объ отношеніяхъ его къ ректору Брауну и его партіи мы уже говорили. Нельзя не отмѣтить, что, не смотря на все зло, причиненное Яковиннымъ Цеплину, послѣдній относился къ нему вполне корректно и въ архивныхъ дѣлахъ того времени вовсе нѣтъ указаній или намековъ на проявленія злобы и мести старѣйшаго профессора къ своему преслѣдователю. Напротивъ, въ столкновеніи Яковина съ Совѣтомъ Казанской гимназіи, Цеплинъ, какъ мы видѣли, явился вполне объективнымъ ³⁾): злопамятство и жажда возмездія были чужды его характеру и убѣжденіямъ.

Въ средѣ факультета Цеплинъ, повидимому, сблизился съ Солнцевымъ, мнѣнія котораго поддерживалъ неоднократно, и покровительствовалъ Срезневскому, бывшему не разъ секретаремъ въ періодъ деканства Цеплина. Нѣсколько натавнутыми слѣдуетъ, какъ кажется, признать отношенія Цеплина къ Арнгольду, Броннеру, Кондыреву, заигрыванія которыхъ съ попечителемъ Салтыковымъ и желанія ихъ не въ мѣру угождать начальству и быстро выслужиться—шли въ разрѣзъ съ прямымъ, независимымъ характеромъ Цеплина и его убѣжденіями о престижѣ профессорской самостоятельности. Особенно обострились отношенія Цеплина съ Броннеромъ со времени большаго Казанскаго пожара 3 сентября 1815 года, когда пострадавшій отъ огня Броннеръ, получивъ даровое помѣщеніе въ зданіи университета, добивался удержать за собою сверхъ того и квартирныя деньги ⁴⁾). Правленіе не согласилось представить Министру Народнаго Просвѣщенія ходатайство Броннера объ этой льготѣ и это до того возмутило

¹⁾ *C. Fraehn, Numophylacium Orientale Pototianum, Casani MDCCCXIII* р. 12.

²⁾ См. *выше*, стр. 209.

³⁾ См. *выше*, стр. 203—205.

⁴⁾ Объ этомъ см. въ нашей книгѣ «Профессоръ Броннеръ, его Дневникъ и Переписка», стр. LXXIV—LXXVI.

профессора, что онъ сталъ обвинять въ пристрастномъ къ нему отношеніи членовъ Правленія и предполагалъ сообщить объ этомъ въ Петербургъ Салтыкову ¹⁾. Цеплинъ, какъ деканъ, былъ въ то время членомъ Правленія и Броннеръ не задумался объяснять нерасположеніе къ нему декана тѣмъ, „что при посѣщеніи его Цеплинымъ онъ не предлагалъ ему освѣжительнаго“, (*je m'étais obstiné de ne donner rien de rafraichissements à Monsieur Zeplin, lorsqu'il entrait chez moi*) ²⁾ къ которому, какъ можно догадываться, Цеплинъ относился далеко не равнодушно. Къ счастью для репутаціи Броннера письмо его съ этой инсинуаціей на Цеплина не получило дальнѣйшаго движенія; написанное въ пылу раздраженія, оно, по словамъ самого его составителя, не было отослано по назначенію (*im Zorn geschriebener, nicht abgesandter Brief*) ³⁾. Едва-ли, однако, Броннеръ имѣлъ основаніе ставить въ упрекъ Цеплину его пристрастіе къ „освѣжительному“, такъ какъ самъ далеко не былъ чуждъ этому влеченію. Прибывъ въ Казань, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на вино у мѣстныхъ торговцевъ и впоследствии, не смотря на его дороговизну, держалъ вино у себя цѣлыми ящиками ⁴⁾. Пристрастіе къ возліаніямъ въ честь Вакха не составляло въ ту пору исключенія въ профессорской средѣ ⁵⁾. Что касается отношеній Цеплина къ самому Салтыкову, то надлежащихъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Въ обширной перепискѣ Броннера, содержащей не мало указаній на взаимныя отношенія между университетскими преподавателями и попечителемъ, имя Цеплина, въ связи съ Салтыковымъ, совершенно не встрѣчается. Несомнѣнно, что всѣ отношенія старѣйшаго профессора къ главѣ округа ограничивались лишь сферой официальной; болѣе тѣснаго сближенія Салтыковъ не искалъ, а Цеплинъ— тѣмъ менѣе.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 335—336; 347—348.

²⁾ Тамъ-же, стр. 335.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же стр. LXXIII и CCIX примѣч. 8.

⁵⁾ Н. П. Загоскинъ, Исторія Казанскаго унив. II стр. 476—477.

Однимъ изъ наиболѣ отраднѣхъ фактовъ въ жизни Цеплина слѣдуетъ признать сближеніе съ казанскимъ профессоромъ извѣстнаго русскаго мецената эпохи Александра I, государственнаго канцлера Николая Петровича Румянцова. Непосредственно ознакомленный съ западной наукой и ея представителями, какъ бывший слушатель Лейденскаго университета, графъ Румянцевъ посвящалъ свободное время изученію западно-европейскихъ литературъ, преимущественно же наукъ политическихъ, историческихъ и библіографіи. Вокругъ Румянцова группировались и его матеріальной поддержкой пользовались многіе изъ современныхъ ему ученыхъ: Баттшъ-Каменскій, Строевъ, Калайдовичъ, Кеппенъ, Кругъ, Востоковъ, митрополитъ Евгеній, Карамзинъ и др. ¹⁾. Сближеніе гр. Румянцова съ Цеплинымъ началось, вѣроятно, въ Петербургѣ, въ періодъ первой отставки казанскаго профессора, занимавшагося изслѣдованіями по исторіи прибалтійскаго края въ столичныхъ книгохранилищахъ и архивахъ ²⁾. Специально изученныя Цеплинымъ науки—исторія, политика, дипломатика—столь дорогія и близкія русскому меценату, могли только упрочить случайное сближеніе. Послѣдовавшее 4 мая 1814 года, по инициативѣ отдѣленія Нравственно-политическихъ наукъ, избраніе графа Румянцова почетнымъ членомъ Казанскаго университета ³⁾, способствовало еще большому укрѣпленію благосклонныхъ отношеній къ Цеплину. Будучи въ Казани въ началѣ августа 1816 года и осмотрѣвъ университетъ, гр. Румянцевъ оказалъ особенное вниманіе его старѣйшему представителю: вмѣстѣ съ ректоромъ Брауномъ и профессоромъ Френомъ Цеплинъ былъ приглашенъ графомъ на обѣдъ ⁴⁾. Угощеніе, по всей вѣроятности, происходило

¹⁾ В. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I кн. 1 гл. V.—*Брокгаузъ-Эфронъ*, Энциклоп. Слов. т. XXV стр. 286.

²⁾ *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands*, aus dem Jahre 1875. Riga 1876 p. 17.

³⁾ *Арх. Казанскаго универс.* Дѣло Сов. 30 іюля 1813 г. Ж 94: 0 полномъ открытіи университета л. 26б.

⁴⁾ Буличъ, I стр. 210 примѣч. 1, гдѣ, впрочемъ, слѣдуетъ исправить крупный недосмотръ (1819 г. вм. 1816).

въ домѣ Монсеева, на Проломной улицѣ, гдѣ остановился гр. Румянцевъ по прибытіи въ Казань ¹⁾. Интересуясь трудами Френа по изученію татарскаго періода русской исторіи и мѣстныхъ древностей, въ чемъ, какъ было уже указано, не мало услугъ оказалъ своему земляку Цеплинъ, гр. Румянцевъ проѣхалъ изъ Казани для осмотра Болгарскихъ развалинъ ²⁾. Въ поѣздѣ, вѣроятно, участвовали Френъ и Цеплинъ. Этимъ благосклонное отношеніе русскаго мецената къ первому представителю Казанскаго университета не ограничилось. Такъ, въ 1818 г. гр. Румянцевъ прислалъ чрезъ Цеплина книгу въ даръ Казанскому университету ³⁾.

Мѣстожителство Цеплина во второй періодъ профессуры съ точностью неизвѣстно. Какъ и раньше, онъ жилъ не вблизи университета, въ приходѣ Вознесенія. Въ мѣстности этой, какъ и на Поповой горѣ ⁴⁾, охотно обосновывались представители университета. На Вознесенской улицѣ имѣли свои собственные дома Финке и Литтровъ, а во второмъ ея кварталѣ, въ каменномъ домѣ коллежскаго секретаря Иванова, жилъ Брейтенбахъ ⁵⁾. Квартира Цеплина находилась вблизи квартиры Брейтенбаха и дома дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣева, расположеннаго въ приходѣ Вознесенія, на правой сторонѣ Булака ⁶⁾. Осенью, 1814 года, вся эта мѣстность подвергалась опасности отъ пожара, но квартиры Цеплина, Сергѣева и Брейтенбаха отстояли студенты. Какъ мы уже указали, Цеплинъ, вмѣстѣ съ Брейтенбахомъ и Сергѣевымъ, въ началѣ ноября того же года, выразили чрезъ Совѣтъ благодарность студентамъ „за спасеніе отъ пожара“ ⁷⁾. Восьмой большой пожаръ въ Казани, 3 сентября 1815 года, истре-

¹⁾ *Казанскія Извѣстія* 1816 г. № 63.

²⁾ *Н. Буличъ*, I, 210 прим. 1.

³⁾ См. *выше*, стр. 214.

⁴⁾ Здѣсь имѣли собственные дома: Браунъ, Эрхъ, Френъ, Бартельсъ, Фойгтъ.

⁵⁾ *Н. П. Заоскинъ*, *Исторія Казанскаго унив.* II, 431 и 435.

⁶⁾ Сообщеніе это любезно доставлено мнѣ *Н. Я. Лавоносовымъ*, по указанію котораго, вдова Сергѣева, Наталья Христіановна продала въ 1816 году домъ этотъ надворной совѣтницѣ Надеждѣ Абрамовнѣ Камашевой.

⁷⁾ См. *выше*, стр. 199.

бывшій квартиру Брейтенбаха, Цеплина не коснулся ¹⁾, но продолжалъ-ли онъ жить въ прежнемъ районѣ, не извѣстно. Мы не знаемъ также, сколько времени оставался Цеплинъ въ Казани по своему увольненіи. Въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ Цеплинъ не былъ столь пунктуальнымъ, какъ Броннеръ, печатно извѣстившій въ мѣстной газетѣ о своемъ отъѣздѣ изъ Казани ²⁾. На основаніи свидѣтельства, выданнаго Цеплину 30 декабря 1819 года (№ 1686) при увольненіи изъ университета ³⁾, мы можемъ только заключить, что въ самомъ началѣ 1820 года онъ навсегда оставилъ Казань.

¹⁾ Тогда погорѣли еще Броннеръ и Вердерамо (см. изслѣдованіе Броннеръ, его *Дневникъ и Переписка* стр. LX, LXXII—LXXV).

²⁾ *Казанскія Извѣстія* 1817 г. №№ 64, 65, 72 и изслѣдованіе, Броннеръ, его *Дневникъ и Переписка* стр. LXXVI и CCLXXVIII.

³⁾ *Архивъ Каз. унив.* 15 марта 1830 года № 56: Дѣло по отношенію Генерала-гидрографа Морскаго штаба о томъ, когда бывшій профессоръ Казанскаго унив. Цеплинъ пожалованъ въ VII классъ, л. 1а.

Глава восьмая.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ЦЕПЛИНА.

(1823—1832 г.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдніе годы жизни Цеплина.

(1823—1832 г.).

Отсутствіе свидѣній о Цеплинѣ съ 1820 по 1823 гг.—Назначеніе его бібліотекаремъ при Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ, 25 іюня 1823 года.—Черты его жизни въ этой должности.—Волѣны Цеплина и ея причины.—Кончина его 13 іюля 1832 года.—Взысканіе съ Цеплина Правленіемъ Казанскаго университета 4 р. 62¹/₂ коп.—Памятникъ Цеплину.—Выморочное «имѣніе» Цеплина и взысканія съ него.—Пререканія изъ за «имѣнія» Цеплина между Гидрографическимъ Депо, Надворнымъ Судомъ и Аукціонной камерой.—Петербургская формалистика и волокита.—Судьба бібліотеки Цеплина.

По увольненіи Магницкимъ, судьба Цеплина снова скрывается отъ насъ на цѣлыхъ четыре года. Намъ неизвѣстно, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ поселился онъ, оставивъ Казань. Цеплину шель тогда 48 годъ; двукратная профессура, кромѣ горькихъ обидъ и разочарованій, не дала ему ничего существеннаго: снова настала забота о насущномъ хлѣбѣ и надвигавшіеся годы старости твердили о необходимости обезпечить себя въ будущемъ. При гнетущей атмосферѣ, созданной въ Казани произволомъ Магницкаго, оставаться тамъ Цеплину было безцѣльно и тяжело и онъ, вѣроятно въ самомъ началѣ 1820 года ¹⁾, поспѣшилъ въ Петербургъ. Тамъ былъ тогда еще въ полной силѣ и значеніи оракулъ и покровитель казанскихъ нѣмецкихъ профессоровъ, академикъ Н. Н. Фуссъ, избранный не задолго до увольненія Цеплина почетнымъ членомъ Казанскаго университета ²⁾; тамъ жили многіе вліятельные прибалтійцы, не чуждые первому Казанскому профессору по его прежнимъ связямъ съ Ригой, Лифляндіей и съ выдающимися тогдашними дѣателями прибалтійскаго края — Бротце и Либоріемъ Бергманомъ. Видное также мѣсто, какъ академикъ, занималъ тогда въ Петербургѣ сослуживецъ Цеплина по Казани и компатріотъ по Ростоку, Хр. Френъ. Графъ Н. П. Румянцевъ тоже, безъ сомнѣнія, не отринулъ Цеплина. Всѣ эти лица, вѣроятно, оказали поддержку опальному профессору и дали обѣщаніе снова пристроить его при удобномъ случаѣ. Но ожиданія сбылись не скоро.

Только четыре года спустя по увольненіи Цеплина въ 1819 году, въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія снова появляется его имя подѣ 21 февраля 1823 года въ слѣдующей лавонической замѣткѣ: „*Объ опредѣленіи бывшаго профессора Казанскаго университета Цеплина въ библиотекарю Адмиралтейскаго Департамента*“ ³⁾. Изъ этого видно,

¹⁾ См. выше, стр. 231.

²⁾ Въ почетные члены Н. Фуссъ былъ избранъ 10 мая 1817 года (*Протоколы Совѣта* за 1817 годъ л. 50b).

³⁾ *Архивъ Мин. Народн. Просв.* «Опись дѣлъ Казанскаго Учебнаго Округа 1823—1831 г.» (опись № 22; Дѣло № 14732, начавшееся 21 февраля 1823 г., уничтоженное въ 1867 году.

что уже въ февралѣ 1823 года въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія сдѣлалось извѣстнымъ о предполагаемомъ новомъ назначеніи бывшаго казанскаго профессора, но дальнѣйшій ходъ этого дѣла узнаемъ уже изъ Архива Морскаго Министерства ¹⁾.

Библиотека Адмиралтейскаго Департамента, управление которой предполагалось поручить Цеплину, „воспріяла свое начало“, вмѣстѣ съ открытіемъ самаго Департамента, въ 1805 году. Еще въ 1804 году она была куплена министромъ П. В. Чичаговымъ отъ датскаго министра Бернсторфа и, постепенно пополняясь, обогатилась обширнымъ матеріаломъ рѣдкихъ и цѣнныхъ, преимущественно иностранныхъ, изданій, по исторіи, географіи, политической экономіи и статистикѣ. Первымъ библиотекаремъ, съ званіемъ директора состоявшаго при Адмиралтейскомъ Департаментѣ „Музеума“, былъ, до 1810 года, майоръ графъ Мейстеръ, затѣмъ—Г. Русановскій.

Въ началѣ марта, 1823 года, Русановскій былъ уволенъ и 20-о того же мѣсяца (№ 260) Государственный Адмиралтейскій департаментъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи Цеплина „съ званіемъ библиотекаря и съ жалованіемъ по 1500 р. въ годъ, сообразно вновь предполагаемому для Музеума штату“. Вслѣдъ затѣмъ (22 марта 1823 г. № 240), Адмиралтейскій департаментъ отнесся къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю Голицыну съ просьбой, доставить свѣдѣнія, „какъ о службѣ Цеплина, такъ и о томъ, не состоитъ ли какого-либо препятствія къ принятію его на службу по морскому вѣдомству“. Въ отвѣтъ на это, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ (28 марта 1823 г. № 921), „что въ Казанскомъ университетѣ Цеплинъ служилъ всего около 8 лѣтъ, что въ 1819 году способности его по званію профессора найдены недостаточными, почему и уволенъ изъ университета. Въ нравственности же его ничего предосудительнаго не усмотрѣ-

¹⁾ Свѣдѣнія о новой службѣ Цеплина собраны въ *Архивъ Морскаго Министерства* въ обширномъ дѣлѣ *Гидрографическаго Дѣла* 1823 года № 2597, гдѣ помѣщена и записка о Библиотекѣ Адмиралтейскаго Департамента.

но". 25-о Іюня 1823 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи Цеплина бібліотекаремъ при Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ, а 1-о октября 1824 года, „по новому образованію Морскаго Министерства, Высочайше утвержденному 24-о августа того же года, онъ былъ переименованъ бібліотекаремъ Гидрографическаго Депо“¹⁾.

Тихо и мирно, въ предвѣчномъ трудѣ прошли послѣднія девять лѣтъ жизни старѣйшаго профессора Казанскаго университета. Вдали отъ тревоженій, происковъ и интригъ партійной борьбы, омрачившихъ первые годы самостоятельной жизни Казанскаго университета и доставившихъ много горькихъ минутъ первому представителю его ученой корпораціи—Цеплинъ, въ тиши бібліотечной атмосферы, среди любимыхъ книгъ, могъ спокойно предаваться мирнымъ служебнымъ за-натіямъ и научнымъ трудамъ. Незадолго до своего новаго назначенія, онъ, въ 1822 году, въ „Сѣверномъ Архивѣ“, помѣстилъ обстоятельное историко-статистическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи“. Одновременно съ этимъ появились въ томъ же органѣ еще двѣ его статьи историко-этнографическаго содержания²⁾. Тогда же онъ продолжалъ разработку и двухъ, давно начатыхъ, обширныхъ рукописныхъ фоліантовъ по исторіи Прибалтійскаго края³⁾. Въ его квартирѣ имѣлось большое собраніе книгъ (болѣе 1500), на разныхъ языкахъ, не исключая датскаго и финскаго, преимущественно по исторіи, географіи, статистикѣ; онъ живо интересовался современной литературой и всѣ новѣйшіе труды получалъ отъ петербургскаго книгопродавца француза Грефа, частью для просмотра, частью для приобрѣтенія въ бібліотеку Гидрографическаго Депо или

¹⁾ *Формулярный списокъ Цеплина за 1831 годъ въ Арх. Морск. Мин. Гидрограф. Депо, Отд. 2 Дѣло № 414 л. 101.*

²⁾ *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачевымъ, кн. I, Москва 1850, приложение II стр. 5 № 16, 14 № 52, 15 и № 54.*

³⁾ Содержаніе и характеръ всѣхъ этихъ трудовъ изложены ниже, въ XI главѣ.

въ собственную. Между книгами были и очень цѣнныя, какъ *Dupin, Voyage dans la grande Bretagne* (77 р.) и датскій лексиконъ *Миллера* (55 р.). Русскимъ изданіямъ въ библиотекѣ Цеплина было отведено видное мѣсто и въ числѣ ихъ, между прочимъ, указаны: *Несторъ*, Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ, Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода *Муравьева* (1828), Путешествія *Головнина* въ 1817, 1818, 1819 годахъ, *Записки адмиралтейскаго департамента* (ч. 1—13), *Русско-французско-нѣмецкій словарь Гейма* и другія. Легкимъ чтеніемъ Цеплинъ, повидимому, не интересовался и изъ этого рода литературы, въ спискѣ книгъ, приобретенныхъ у Грефа, значится всего одна: *Etwas fürs Herz* (5 р.), неизвѣстнаго автора. 30 Октября 1823 года, Цеплинъ, по предложенію тогдашняго предсѣдателя *Московскаго Общества Истори и Древностей Россійскихъ* А. Писарева, занявшагося вскорѣ по вступленіи въ должность пополненіемъ списка его членовъ, былъ избранъ, одновременно съ другими, дѣйствительнымъ членомъ упомянутаго Общества. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ подробностей этого избранія и въ протоколахъ Общества за это время не указаны причины, оказаннаго Цеплину вниманія: нѣтъ даже перечня его заслугъ и научныхъ трудовъ. Самъ Цеплинъ, какъ можно догадываться, довольно равнодушно отвесилъ въ оказанной ему почести, такъ какъ въ актахъ Общества не нашлось даже благодарности за избраніе ¹⁾. Въ 1827 году Цеплинъ принималъ участіе въ собраніи законовъ „по морской части“; въ чемъ выразилось здѣсь его „содѣйствіе“, намъ неизвѣстно, но изъ того, что 19 января 1828 года онъ удостоился Всемилостивѣйшаго благоволенія за это „содѣйствіе“ ²⁾, можно заключить, что трудъ его, какъ юриста и бывшаго профессора, въ указанномъ дѣлѣ былъ замѣченъ и принесъ существенную пользу кодификаціи морскаго законодательства. У насъ нѣтъ также данныхъ, относящихся

¹⁾ Письмо казначея общества С. А. Блюшурова къ профессору Д. А. Корсакову, 9 ноября 1899 года.—*J. Recke und K. Napiersky, Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexikon, IV Bd. Mitau 1833 p. 581.*

²⁾ *Формулярный списокъ Цеплина за 1831 годъ въ Арх. Морск. Мин. Гидрограф. Делю, Отд. 2 № 414 л. 101.*

къ завѣдыванію Цеплинымъ библіотекой. Но изъ того обстоятельства, что учрежденная въ 1832 году комиссія для приѣма библіотеки по случаю назначенія пріемникомъ Цеплина библіотекаря Огинскаго нашла порученное Цеплину учрежденіе въ полномъ порядкѣ и сохранности ¹⁾—слѣдуетъ заключить, что къ своимъ служебнымъ обязанностямъ онъ относился заботливо и умѣло. Это подтверждаетъ и Всемилоствѣйшее пожалованіе 5 апрѣля 1829 года Цеплину „вмѣстѣ съ другими чиновниками въ единовременное награжденіе“ 750 руб. и официальная аттестація въ его послѣднемъ формулярѣ, „что къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ“ ²⁾. Данныя эти представляютъ совершенный контрастъ съ той аттестаціей, которой наградили Цеплина попечители Румовскій и Магницкій, особенно если имѣть въ виду и то, что и ближайшій начальникъ Цеплина, директоръ Гидрографическаго Депо, генераль-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Шубертъ и начальникъ Морскаго Штаба Меллеръ 2-й относились къ бывшему казанскому профессору съ участіемъ и заботливостью ³⁾.

Въ самомъ началѣ 1830 года, поль конецъ службы Цеплина, возникъ вопросъ объ утвержденіи его, какъ бывшаго профессора университета, въ чинѣ VII класса. Генераль-гидрографъ Морскаго штаба обратился по этому поводу въ Казанскій университетъ съ просьбой* (13 февраля 1830 г. № 296) увѣдомить, „когда Цеплинъ былъ пожалованъ въ этотъ чинъ и имѣетъ ли на него право“. Совѣтъ, заслушавъ это въ засѣданіи 15 марта 1830 года, отвѣтилъ (31 марта № 589), „что Цеплинъ, какъ профессоръ, состоялъ въ VII классѣ и можетъ получить патентъ отъ герольдіи на этотъ чинъ, представивъ выданное ему свидѣтельство при увольненіи изъ Ка-

¹⁾ *Архивъ Морскаго Мин.* Общее Депо 1 октября 1832 г. № 905; Гидрогр. Депо 1-о отдѣл. 9 октября 1833 г. № 216.— Въ наличности не оказалось всего двухъ книгъ (*United Service Journal* № 33 и *Asiatic Journal* № 20), на которыя имѣлись росписки Цеплина (*Арх. Морск. Мин.*, тамъ-же).

²⁾ См. *выше*, стр. 240 прим. 1.

³⁾ *Арх. Морск. Мин.* Гидрогр. Депо 1832 г. 14 іюля № 106; 1834 7 іюня № 566; Главный Морской Штабъ 1832 г.; 15 іюля № 95 и др.

занскаго университета“¹⁾. Это была послѣдняя резолюція Совѣта по отношенію къ старѣйшему его члену. Практическаго результата она, однако, не имѣла. Утвержденіе Цеплина, какъ видно изъ его послѣдняго формуляра, почему-то затянлось, а вскорѣ потомъ онъ и умеръ.

Въ частной жизни Цеплинъ жилъ одиноко и убого. Какъ и прежде, онъ былъ холостымъ, родныхъ не имѣлъ. Изъ близкихъ къ нему людей упоминаются сослуживцы Гидрографическаго Депо, чиновники: Грибавовъ (X-окласса), Шмитъ, Коршъ, начальникъ отдѣленія Депо Евсюковъ, казначей и эзекуторъ П. В. Яковлевъ, а также полковникъ Бергъ или Берхъ и семейство доктора Мертенса. Квартировалъ Цеплинъ не далеко отъ мѣста своего служенія—во второй Адмиралтейской, нынѣ Казанской части, въ домѣ Шведской кирки, на Малой Конюшенной улицѣ, подъ № 41²⁾. Домъ этотъ, находящійся вблизи Невскаго проспекта и Шведскаго переулка и обращенный фасадомъ къ Чебоксарскому переулку, существуетъ и теперь; нашлась въ немъ и квартирная книга съ начала прошлаго столѣтія, но фамиліи Цеплина въ ней не значится. Объяснить это можно тѣмъ, что, будучи одинокимъ, онъ не занималъ отдѣльнаго помѣщенія, а снималъ одну или двѣ комнаты въ общей съ другими квартирѣ. Судя по сохранившейся въ дѣлахъ Гидрографическаго Депо описи „имѣнія“, оставшагося послѣ Цеплина, онъ довольствовался весьма скромной обстановкой, безпритязательныхъ, одинокихъ профессоровъ добраго стараго времени. Почти единственнымъ украшеніемъ его квартиры были книги. Мебель, кромѣ двухъ вольтеровскихъ стульевъ, все больше простая и только комодъ и письменный столъ были изъ краснаго дерева; обстановка и одежда—тоже простая, „платья“, по словамъ описи, „все старья“³⁾. Отсутствіе въ описи упоминапія о посудѣ указываетъ, что Цеп-

¹⁾ *Архивъ Казанск. унив.* 15 марта 1830 года № 56: „Дѣло по отношенію Генерала-Гидрографа Морскаго Штаба о томъ, когда бывшій профессоръ Казанскаго университета Цеплинъ пожалованъ въ VII классъ, л. 1—3.

²⁾ Нумерація домовъ въ то время производилась по числу домовъ въ части.

³⁾ Остальные данныя описи указываютъ на слѣдующіе предметы: бикешъ суконный, часть на бѣлицемъ мѣху и шинель суконная на енотовомъ мѣху;

линъ не держалъ своей вухни, значительное же число курительныхъ деревянныхъ трубокъ (12) и чубукъ свидѣтельству- ютъ, повидимому, о томъ, что профессоръ былъ большимъ приверженцемъ куренія. Въ общемъ, обстановка и частная жизнь Цеплина представляютъ замѣтный контрастъ съ при- вычками и обиходами его сослуживца, бывшего тоже独一无- имъ, профессора Ф. К. Броннера ¹⁾.

Среди этой тихой, одинокой и безпритязательной жизни Цеплину пошелъ шестой десятокъ. Не столько годы, сколько жизненные неудачи, тревоги и заботы тяжело и рано отразились на первомъ представителѣ Казанскаго университета. Прежній „главный, высочій крикунъ“, одно появленіе котораго въ Со- вѣтъ приводило когда-то въ трепеть всеильнаго Яковкина ²⁾, былъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ своей жизни уже „стар- цемъ“, какъ называли его ближайшіе сослуживцы; онъ осу- нулся, посѣдѣлъ и тихо брелъ въ могилѣ. Развязка съ жизнью наступила скоро.

Въ самомъ концѣ мая 1832 г. Цеплинъ былъ пораженъ „на- рамичемъ лѣвой щеки съ помъшательствомъ ума“ и по освидѣ- тельствованіи 29 мая въ болѣзни, „отправленъ въ офицерской ла- заретъ С.-Петербургской Морской Госпитали“ ³⁾. Спусти двѣ не- дѣли, Главный Морской Штабъ (15 іюня № 95) навелъ справки о здоровьи Цеплина. Генераль-штабъ докторъ увѣдомилъ на это Гидрографическое Дено (23 іюня № 1174), „что Це- линъ поступилъ съ припадками безпамятства, угрожавшими кровянымъ ударомъ; послѣ употребленія приличныхъ средствъ послѣд-

рубашъ холстяныхъ 4, манишекъ 10, косынокъ бѣлыхъ 8, колпаковъ вѣтрянныхъ 2; подсвѣчники мѣдные (2), щипцы (1), кружка мѣдная для бритья; башма- ки изъ цокромъ, тулупъ на овечьемъ мѣху. Въ концѣ описи — книги разныхъ 1602.

¹⁾ Профессоръ Броннеръ, его Дневникъ и Переписка, стр. LXXI и LXXII.

²⁾ См. *выше*, гл. V стр. 119.

³⁾ *Арх. Морск. Мин.* Гидрограф. Дено Отд. 2 № 635 (475): *Дело о смерти библіотекаря 7 класса Цеплина* (начато 29 мая 1832 года). Ра- портъ директору Гидрографическаго Дено ген.-лейт. Шуберту начальника 1-о отд. 31 мая 1832 года № 83.

нія миновались, но больной еще заговаривается и рассуждаетъ неправильно; объ успѣхѣ же дальнѣшаго лѣченія нельзя сказать ничего утвердительного. Но болѣзнь лѣченію не поддавалась и не прошло мѣсяца, какъ „смотритель госпиталя“ извѣстилъ Гидрографическое Депо, что Цеплинъ 13 іюля 1832 года „отъ болѣзни горячки волею Божіею умеръ“ ¹⁾).

Такъ, одиноко, среди угрюмой госпитальной обстановки, вдали отъ академическихъ сферъ свѣтлыника высшей науки на Востокѣ Россіи, кончилъ свои дни *первый, старѣйшій профессоръ Казанскаго университета*. Что пережилъ онъ въ тяжелыя минуты психическаго недуга, что возставало предъ нимъ въ горячечномъ бреду? Чудились-ли ему бурныя совѣтскія сцены перваго періода Казанской жизни или образы тихихъ научныхъ занятій въ Прибалтійскомъ краѣ и столицѣ, преслѣдовали-ли его видѣнія злыхъ его гениевъ—Яковенна, Румовскаго, Магницкаго или дружелюбно улыбались ему лица первыхъ вмѣстѣ съ нимъ ратоборцевъ университетской автономіи—Карташевскаго, Гермава, Каменскаго? Кто знаетъ? Скорбныя больничныя аттестаціи не опредѣляли причины недуга, не указали „пункта“ помѣшательства и того, по поводу чего „больной заговаривался и рассуждалъ неправильно“. Нить въ разгадкѣ этого даетъ намъ характеръ самого Цеплина. Онъ принадлежалъ къ сангвиникамъ. Эта была живая, впечатлительная, воспріимчивая натура, быстро отражавшая и глубоко хранившая въ себѣ роковыя переломы, все, чѣмъ томилась душа человѣка. Двукратная профессура въ Казани, эти два фатальные акта Цеплиновой драмы, глубоко залегли въ его душу, мучили ея внутренній покой и они же, думается намъ, вызвали со временемъ и крутой переворотъ въ его психическомъ настроеніи. Все пережитое въ двукратномъ гоненіи изъ Казани властно омрачало настроеніе одинокаго старца, преслѣдовало и смущало его неотступно и въ концѣ—роковымъ образомъ—страслось надъ его умственнымъ и душевнымъ равновѣсіемъ. Что Цеплинъ, подъ гнетомъ пережитаго, относился и къ концу своей жизни съ болѣзненной чувствительностью къ отголоскамъ своей дѣятельности въ Казани,

¹⁾ Контора С.-Петербур. Морск. военнаго госпиталя 13 іюля 1832 года Ж 4714.

случайно доходившимъ до него, видно изъ слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто незадолго до роковой болѣзни старика. Въ апрѣлѣ 1832 года Правленіе Казанскаго университета обратилось съ просьбой къ петербургскому полицмейстеру Коккошину взыскать съ Цеплина 4 р. 62¹/₂ коп., слѣдующая съ него въ пользу Комитета увѣчныхъ воиновъ ¹⁾). Поводомъ въ этому „взысканію“ послужило то, что при ревизіи Государственной экспедиціей отчетности Казанскаго университета за 1818 годъ усмотрѣно было, „что съ выданныхъ въ единовременное награжденіе кассиру университета Чернову 300 рублей, слѣдующихъ въ пользу увѣчныхъ воиновъ, по 10 коп. съ рубля, 30 рублей не удержано“. „Сказанный кассиръ Черновъ, писало тогда Правленіе оберполицмейстеру, померъ; послѣ него осталась жена въ самомъ бѣдномъ состояніи и наслѣдства послѣ мужа никакого не получила. Выдача 300 рублей Чернову произведена была вслѣдствіе предписанія попечителя округа Салтыкова, 7-го марта 1818 года № 77, записаннаго въ журналѣ университета 21-го того же марта статья 22, причемъ объ удержаніи 10 копѣекъ съ каждаго рубля въ пользу увѣчныхъ въ постановленіи Правленія ничего не сказано“. Эту статью журнала вмѣстѣ съ другими членами подписалъ и Цеплинъ, бывшій въ то время деканомъ отдѣленія Нравственно - политическихъ наукъ. Взысканіе упомянутого „отчисленія“ въ размѣрѣ 30 рублей было обращено на членовъ тогдашняго Правленія, причемъ, „по сдѣланному разчисленію, сообразно получаемымъ тогда членами Правленія окладамъ, на долю Цеплина пришлось 4 р. 62¹/₂ копѣекъ“. Когда оберъ-полицмейстеръ сообщилъ Цеплину о требованіи Правленія, то бывшій Казанскій профессоръ словесно объявилъ ему, что онъ, „состоя на службѣ въ Гидрографическомъ Депо Главнаго Морскаго Штаба проситъ истребованіе сихъ денегъ сдѣлать чрезъ его начальство“. Этотъ неожиданный отвѣтъ, напоминающій своей странностью отвѣдъ Цеплина Совѣту Казанскаго университета по поводу запроса Румовскаго о

¹⁾ Въ Архивѣ Морскаго Министерства не сохранилось отношенія Правленія Казанскаго университета къ оберъ-полицмейстеру. Но изъ донесенія послѣдняго Правленію отъ 6 мая 1832 № 2919 видно, что бумага изъ Казани получена была оберъ-полицмейстеромъ въ апрѣлѣ.

книгахъ, жертвуемыхъ профессоромъ университету,¹⁾ характеренъ, для опредѣленія того душевнаго настроенія въ которомъ пребывалъ Цеплинъ почти наканунѣ своей роковой болѣзни. Причиненныя ему въ Казани нравственныя обиды не заглохли въ немъ, но при малѣйшемъ о нихъ напоминаніи болѣзненно отзывались въ душѣ старика, возбуждая негодованіе. Казанскія невзгоды, заставившія Цеплина непродуманно потерять цѣлый рядъ лѣтъ, омрачившія всю его будущность, со временемъ сдѣлались „*idée fixe*“, тѣмъ „*cardo genu*“, который въ результатъ вызвалъ роковой переломъ въ умственномъ и душевномъ равновѣсіи профессора и неотразимо возставалъ предъ нимъ въ разныхъ фазахъ въ тяжелые часы предсмертнаго недуга.

Отпѣваніе Цеплина происходило 16 іюля 1832 года въ Петровской лютеранской церкви, что на Невскомъ²⁾. Похороненъ онъ, какъ видно изъ церковныхъ книгъ лютеранской Еккатерининской кирхи, въ тотъ же день, на Смоленскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ.³⁾ Никакихъ свѣдѣній о самомъ погребеніи не сохранилось ни въ Архивѣ Морскаго Министерства, ни въ самой распространенной тогда столичной газетѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Мы знаемъ только, что вслѣдствіе „недостаточности состоянія“ Цеплина, на похороны его, по ходатайству генераль-лейтенанта Шуберта (14 іюля 1832 года № 106), было отпущено съ Высочайшаго соизволенія 400 руб. ассигнаціями (27 іюля 1832 года № 504). Похороны были скромныя; обошлись они въ 199 руб. 86 коп. и распорядился ими бухгалтеръ Грибановъ⁴⁾.

Спустя два года послѣ смерти Цеплина, двое изъ его сослуживцевъ, помощники начальниковъ отдѣленій VII-го класса—Лобановъ и титулярный совѣтникъ Михайловъ обратились въ генералу Шуберту съ заявленіемъ, что „такъ какъ изъ Высочайше пожалованныхъ на похороны Цеплина 400 р.

¹⁾ См. *выше*, гл. VI стр. 179.

²⁾ *Письма с.-петербургскаго пастора Шведской кирхи Ив. Андр. Карванена* 16 и 25 сентября 1897 года.

³⁾ *Com toir des deutschen Smolenski—Kirchhofs am Smolenski-Flüsschen*, 30 августа 1897 года.

⁴⁾ *Донесеніе Грибанова Гидрографическому Депо* 19 іюля 1832 года.

въ 8 мая 1834 года остается не израсходованными 200 руб. 14 коп.—то не прикажете-ли, Ваше Превосходительство, кому-либо изъ чиновниковъ подрядить сдѣлать памятникъ надъ могилою покойнаго старца изъ сей суммы¹⁾. Шубертъ согласился и 7 іюня (№ 566) поручено было Лобанову и Михайлову соорудить на 200 р. 14 коп. надъ могилою Цеплина „приличный памятникъ“ и донести объ этомъ Депо „для заключенія имѣющагося по сему предмету дѣла“. Но осуществленіе предложенія сильно затянулось. Только 18 февраля 1836 года Лобановъ и Михайловъ донесли Шуберту, что на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ памятникъ Цеплину поставленъ и слѣдующій въ пользу церкви вкладъ внесенъ“. Донесеніе это вызвало справедливую отмѣту ген. Шуберта: „Непростительно, что сіе исполнено такъ медленно“. Изъ чего былъ сдѣланъ памятникъ и сколько онъ стоилъ, изъ дѣла не видно²⁾. Въ настоящее время не осталось и слѣдовъ ни могилы ни памятника³⁾: у Цеплина не было никого близкихъ и родныхъ и мѣсто его упокоенія вскорѣ было столь же забыто, какъ и могила его преслѣдователя Магницкаго⁴⁾.

Гораздо большей волокитѣ, чѣмъ постановка памятника, подверглась продажа „имѣнія“ или „имущества“ покойнаго Цеплина. Дѣло это вызвало обширную переписку и пререканія между Гидрографическимъ Депо, Петербургскимъ Оберъ-по-

¹⁾ *Архивъ Морск. Мин.* Гидрограф. Депо Отд. 2 (Дѣло 1832 г. № 635 (475) листъ 123.—Донесеніе экзекутора Яковлева 9 іюня 1834 года № 200.

²⁾ При донесеніи Шуберту были приложены росписки: 1) нѣмецкая, въ полученіи 10 рублей ассигн. «als Kirchengelübte» (18 февр. 1836 года), подписанная Joh. Greisohn и 2) петербургской мѣшанки монументнаго мастерства Степаниды Титовны Феклистовой, что памятникъ поставленъ 15 февраля 1836 года.

³⁾ *Comptoir des deutschen Smolenski--Kirchhofs am Smolenski-Flüsschen*. 30 августа 1897 года.

⁴⁾ *Л. С. Маишевичъ*, Одесскія замѣтки о Магницкомъ, *Русск. Арх.* 1898, II стр. 229. Таже участь постигла и могилы близкихъ къ Цеплину людей, наприм. Германа, умершаго въ Ягодной Полянѣ у Саратова и перваго ректора Казанскаго университета Брауна, о которомъ, послѣ торжественныхъ похоронъ, совершенно забыли и родные и университетъ. По справкамъ знатока мѣстной старшины Н. Я. Агафонова, мѣсто упокоенія Брауна, погребеннаго на Казанскомъ лютеранскомъ кладбищѣ, неизвѣстно.

лицмейстеромъ, третьимъ Департаментомъ Надворнаго суда ¹⁾ и Аукционной камерой и танулось слишкомъ семь лѣтъ.

Еще во время болѣзни Цеплина, квартира его, „по случаю находящихся въ оной казенныхъ книгъ“, была, по предложенію начальника перваго отдѣленія Гидрографическаго Депо (31 мая 1832 года №№ 84, 85), опечатана полиціей, а для имѣющей произойти „описи имѣнія“ былъ назначенъ экзекуторъ Депо, П. В. Яковлевъ. Но 18 іюня оберъ-полицмейстеръ Кокоскинъ извѣстилъ Депо (№ 4013), что назначенный для описи Яковлевъ не явился ²⁾. 24 іюня квартира Цеплина въ присутствіи Яковлева была опечатана вновь, а послѣ кончины Цеплина тому же Яковлеву поручено было 15 іюля „взять подъ присмотръ“ имущество умершаго ³⁾. Вскорѣ послѣ того (27 іюля № 503) Гидрографическое Депо предложило Яковлеву приступитъ вмѣстѣ съ двумя другими чиновниками къ описи „имѣнія“ Цеплина и „перевести оное въ Адмиралтейство для храненія“. Но 4 августа (№ 6447) оберъ-полицмейстеръ опять увѣдомилъ Депо, что экзекуторъ Яковлевъ „къ описи“ не явился. Депо удовлетворилось тѣмъ, что „увѣдомленіе полиціи приняло къ свѣдѣнію, за сдѣланнымъ командированіемъ чиновниковъ“. Только 14 сентября экзекуторъ Яковлевъ донесъ начальнику Депо, что опись произведена имъ и чиновниками Шмитомъ и Коршемъ, причемъ представилъ и три списка имуществу, найденному въ квартирѣ Цеплина: 1) „о мебелихъ и другихъ вещахъ; 2) о книгахъ; 3) о кни-

¹⁾ Это тотъ самый департаментъ С.-Петербургскаго Надворнаго Суда, въ которомъ, при ревизіи его, вмѣстѣ съ 4-мъ департаментомъ, С.-Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ Шереметевымъ въ 1840—1841 гг., обнаружилась изумительная картина безпорядковъ и злоупотребленій, безнаказанно совершавшихся въ этомъ судѣ на глазахъ у высшихъ представителей судебной и административной власти. На докладъ Министра Юстиціи объ этихъ злоупотребленіяхъ императоръ Николай Павловичъ начерталъ: «Мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами Моеми и Мнѣ оставаться неизвѣстнымъ» (*Изъ прошлаго Министерства Юстиціи*, Волж. Вѣсти. 1 августа 1903 г. № 166 стр. 2).

²⁾ *Отношеніе с.-петербургскаго оберъ-полицмейстера*, 18 іюня 1832 года № 4013.

³⁾ *Предложеніе Гидрографическаго Депо* 15 іюля 1832 года № 21233.

гахъ, какъ полагаю, принадлежащихъ библиотекѣ Депо¹⁾. Тогда же вещи и книги были взяты подъ присмотръ Яковлева и помѣщены въ Адмиралтействѣ, „гдѣ хранятся модели“. Резолюціею 21 сентабря постановлено хранить вещи и книги Цеплина „впредь до разрѣшенія“.

Почти одновременно съ этими манипуляціями надъ „имѣніемъ“ Цеплина, въ Гидрографическое Депо стали поступать заявленія о *взысканіяхъ* съ имущества умершаго. Первымъ представилъ три счета на 155 р. 50 к. петербургскій книгопродавецъ *Грефъ* (18 іюля 1832 года), указавшій при этомъ, что за доставленное въ бібліотеку въ 1831 году сочиненіе „*Dupin, Voyage dans la grande Bretagne*“, стоимостью 77 рублей, общалъ уплатить полковникъ *Бергъ* (М-г le colonel Berg). Извѣщенный объ этомъ Бергъ написалъ, „что деньги сія заплатилъ очень давно казначей П. В. Яковлевъ покойному изъ моего жалованья“. Принявъ это во вниманіе, начальникъ Гидрографическаго Депо увѣдомилъ Грефа (20 августа 1832 г. № 123), что показанные въ счетахъ его 55 рублей за датскіе лексиконы Миллера будутъ уплачены изъ денегъ, представленныхъ женою доктора *Мертенса*, взаимѣнъ утраченныхъ ея мужемъ книгъ; 77 рублей за сочиненіе Dupin'a имѣютъ быть выданы изъ денегъ, оставшихся послѣ Цеплина, а также и 28 рублей 35 коп., неуплоченные покойнымъ и обозначенные въ 3-мъ счетѣ. Что же касается до остальныхъ по этому счету 50 руб. 15 коп., то, въ виду „малозначительности суммы“, оставшейся послѣ Цеплина, „оныя, по заявленію начальника Депо, предполагаются въ уплатѣ только въ томъ случаѣ, если книги, за которыя деньги сія слѣдуютъ, въ квартирѣ Цеплина не отыщутся, если же оныя окажутся, то г. Грефъ благоволитъ заявить, согласенъ-ли онъ будетъ получить ихъ обратно, вмѣсто означенныхъ 50 руб. 15 копѣекъ“. Грефъ согласился, но книгъ оказалось всего на 29 р.

¹⁾ Въ одномъ изъ этихъ списковъ 57 названій въ 100 томахъ обозначены какъ «казенныя», хотя только на трехъ номерахъ (6, 17 и 20) имѣлись «казенныя печати». Въ другомъ спискѣ помѣщены остальные книги въ количествѣ 1502 томовъ, признанныя въ описи «не казенными». Здѣсь преобладали изданія на иностранныхъ языкахъ, на англійскомъ, финскомъ и др., а также латинскіе классики: Цицеронъ, Плавтъ, Овидій и проч.

65 коп. Недополученная книгопродавцемъ сумма (21 р. 50 к.) вѣроятно, была возмѣщена ему изъ оставшихся послѣ Цеплина денегъ ¹⁾.

Второе взыскаііе послѣдовало по извѣстному намъ уже дѣлу казначея Казанскаго университета Чернова ²⁾. Послѣ извѣщенія оберъ-полицмейстеромъ Ковошвинымъ Правленію университета, что Цеплинъ проситъ слѣдующее съ него 4 р. 62½ коп. истребовать чрезъ его начальство—Правленіе обратилось въ Гидрографическое Депо (20 октября 1832 года № 4243) ³⁾, которое немедленно рѣшило (8 ноября) удержать упомянутую сумму изъ наслѣдства умершаго и отослать ее въ Комитетъ увѣчныхъ воиновъ, учрежденный 18 августа 1814 года ⁴⁾. Въ концѣ того же года о резолюціи Депо былъ извѣщенъ и Казанскій университетъ ⁵⁾.

Наконецъ, третье взыскаііе, въ размѣрѣ 10 руб. 10½ коп., было заявлено первымъ отдѣленіемъ Гидрографическаго Депо за два англійскихъ изданія, утраченныхъ Цеплинымъ ⁶⁾. Резолюціей генералъ-лейтенанта Шуберта было постановлено взыскать упомянутую стоимость книгъ изъ выморочнаго имущества Цеплина и отнести объ этомъ въ Надворный Судъ ⁷⁾.

¹⁾ Отношеніе начальника 1-ю отд. Гидрогр. Депо къ генералу Шуберту 17 окт. 1832 года № 161.—Въ дѣлѣ о кончинѣ Цеплина сохранилась слѣдующая бухгалтерская справка о суммѣ, оставшейся послѣ его смерти:

Изъ 1500 рубл. жалованья въ годъ съ 1-е по 13 іюля за 12 дней, т. е. по день смерти за вычетомъ на медикаменты и госпиталь	48 р. 70½ коп.
Квартирныхъ денегъ изъ 500 руб. въ годъ съ 1 мая по 13 іюля за 72 дня	100 р.
Всемилоствѣннѣе пожалованіе	400 р.
	<hr/>
На погороны	548 р. 70½ коп.
	195 р. 20 коп.
Остатокъ	<hr/>
	353 р. 50½ коп.

²⁾ См. выше, стр. 246.

³⁾ Отношеніе университета подписано проректоромъ Григоріемъ Никольскимъ.

⁴⁾ Гидрограф. Депо, 2 Отд. 26 ноября 1832 года №№ 721 и 723.

⁵⁾ Тамъ-же, 16 декабря 1832 года № 772.

⁶⁾ См. выше, стр. 242 прим. 1.

⁷⁾ Гидрограф. Депо, 1 Отд. 9 окт. 1833 года № 216.

Между тѣмъ, дѣло о ликвидаціи имущества Цеплина было положено въ долгій ящикъ. Только 9 мая 1834 года, т. е. почти чрезъ два года по кончинѣ Цеплина, Гидрографическое Депо предложило эзекутору Яковлеву (№ 438) „представить въ Надворный Судъ имѣніе умершаго для вызова наслѣдниковъ, буде же не окажутся, то для продажи его на основаніи существующихъ узаконеній“. Тогда же объ этомъ былъ извѣщенъ и третій департаментъ С.-Петербургскаго Надворнаго Сула (9 мая № 439), при чемъ Депо указывало, что, при отсутствіи наслѣдниковъ на имущество Цеплина, „вырученную отъ продажи его имѣнія сумму слѣдуетъ, по истеченіи узаконеннаго срока препроводить въ Приказъ общественнаго призрѣнія, за вычетомъ изъ оной на публикацію и надлежащихъ въ пользу Аукціонной Камеры процентовъ“. Прошло три мѣсяца и Гидрографическое Депо, не получая отвѣта на это извѣщеніе, препроводило въ третій департаментъ Надворнаго суда „вторичное попужденіе“ (10 августа 1834 года № 790) принять въ продажѣ „имѣніе“ Цеплина, при чемъ объяснило, „что комнаты главнаго Адмиралтейства, въ коихъ оное хранится, назначены въ семь мѣсяцѣ въ передѣлку, для помѣщенія въ нихъ нижнихъ чиновъ морской типографіи“. На этотъ разъ третій департаментъ Надворнаго суда поспѣшилъ отвѣтомъ и 6 сентября (№ 1890) увѣдомилъ Депо, „что опись имѣнію Цеплина, при отношеніи отъ 9 мая № 439, была получена въ Судъ только 21 іюня, и, какъ составленная не по правиламъ Высочайше утвержденнымъ 15 іюня 1832 года, отослана для учиненія правильной оцѣнки въ Управу благочинія“.

Дѣло опять затянулось на цѣлыхъ два года и Гидрографическое Депо, выведенное изъ терпѣнія волокитой Надворнаго Сула, 5-о апрѣля 1836 года (№ 324) обратилось туда въ *третій* разъ съ напоминаніемъ „принять имѣніе Цеплина“, заявивъ при этомъ, „что, не видя ни со стороны Сула, ни со стороны Управы никакого распоряженія, вынуждено будетъ, согласно существующимъ узаконеніямъ, отнестись по сему къ высшему начальству“. Начальникъ Депо предварялъ Надворный Судъ, что о предстоящей продажѣ выморочнаго имѣнія Цеплина извѣщенъ и приказъ Общественнаго призрѣнія (5 апрѣля 1836 года № 325), „для учиненія со стороны его Надворному Суду побужденія объ исполненіи такого богоугоднаго

дѣла“. Это энергичное заявленіе возымѣло свое дѣйствіе и не прошло недѣли, какъ третій департаментъ Надворнаго Суда извѣстилъ Депо (10 апрѣля 1836 года № 893), что объ имуществѣ Цеплина „представлено С. Петербургскому Губернскому Правленію, съ испрошеніемъ предписанія Аукціонной Камерѣ принять то имѣніе къ себѣ“.

Недоразумѣнія съ Судомъ уладились, но новыя проводочки и пререканія возникли теперь уже между Депо и Аукціонной Камерой и ликвидация имущества Цеплина въ третій разъ затянулась почти на три года. Извѣстивъ Депо о готовности принять „имѣніе“ Цеплина, столичная Аукціонная Камера просила при этомъ „составить, для представленія иностранной цензурѣ, особый реестръ книгамъ на разныхъ діалектахъ съ показаніемъ ихъ заглавій, имени сочинителя, времени изданія и мѣста печатанія“ (5 іюня 1836 года № 780). Депо отвѣтило (14 іюня 1836 года № 643), что предписало экзекутору доставить въ Камеру „имѣніе“ Цеплина, для составленія же каталога книгъ оно не имѣетъ времени, „а предоставляетъ заняться этимъ дѣломъ тому мѣсту, которое получитъ вырученную за книги сумму; впрочемъ списокъ книгъ имѣется въ Надворномъ Судѣ“, сообщало Депо въ заключеніе. Это „memoandum“, очевидно, не понравилось завѣдующимъ Камерой; книги приняты не были и дѣло снова заглохло на цѣлыхъ два года. Переписку и пререканія возобновилъ Надворный Судъ, извѣстившій Депо (23 февраля 1838 года № 352), что по требованію Камеры, надлежитъ сдать туда книги Цеплина „по описи съ роспискою“. Четыре мѣсяца спустя Аукціонная Камера снова проситъ Депо (27 іюня 1838 года № 1386) отправить по прилагаемымъ двумъ спискамъ, книги Цеплина для разсмотрѣнія въ Комитеты цензуры внутренней и иностранной, по принадлежности. Депо, отказавъ въ отсылкѣ книгъ въ Цензурные Комитеты (28 іюля 1838 года № 598), препроводило „при реестрахъ книги Цеплина въ трехъ большихъ запечатанныхъ ящикахъ“, которые, наконецъ, и были приняты Камерой¹⁾.

И такъ, только спустя семь лѣтъ по кончинѣ Цеплина, книги его, какъ „выморочное имѣніе“, очутились въ закон-

¹⁾ Отношеніе экзекутора Яковлева къ Гидрогр. Депо 3 августа 1833 г. № 293 и Аукціонной Камеры 4 августа 1838 № 1636.

номъ пристанищѣ, изъ котораго имъ предстояло разойтись по рукамъ. Но этимъ не завершился окончательный результатъ канцелярской волокиты и продолжительныхъ пререканій между отдѣльными учреждениями Петербурга. Когда въ началѣ 1839 года въ Аукціонной Камерѣ приступили къ продажѣ книгъ, то оказалось, что, по вскрытіи ящиковъ, часть книгъ (36), „*подлежащихъ разсмотрѣнію Цензурнаго Комитета*“, была разхищена. Аукціонная Камера немедленно запросила объ этомъ Депо (19 января 1839 года № 92), которое, въ свою очередь, всю вину въ растратѣ свалило на Камеру. „Такъ какъ оставшіяся послѣ Цеплина книги, отписывалось Депо (1 февраля 1839 года № 73), были представлены въ Камеру эзекуторомъ Яковлевымъ при реестрахъ, то не слѣдовало безъ вѣдома его, Яковлева, вскрывать сундукъ съ книгами, а потому неавку 36 книгъ, оказавшуюся при продажѣ, Депо взять на себя не можетъ, а должна быть она отнесена на счетъ того, въмъ неправильно было допущено вскрытіе сундуковъ“. Этимъ, повидимому, окончательно завершилось дѣло „о выморочномъ имѣніи Цеплина“, этогъ, по истинѣ, назидательный образчикъ петербургской волокиты и формалистики первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка. Къмъ была куплена бібліотека Цеплина — неизвѣстно, но незначительныя ея остатки, въ видѣ двухъ толстыхъ рукописныхъ фоліантовъ по исторіи Прибалтійскаго края, были приобрѣтены въ половинѣ прошлаго столѣтія у одного изъ петербургскихъ антикваріевъ помощникомъ бібліотекаря Императорской Публичной Библіотеки Г. Берхольцемъ ¹⁾. Къ разсмотрѣнію этихъ фоліантовъ, вмѣстѣ съ другими научными трудами Цеплина, мы и перейдемъ теперь.

¹⁾ *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1875. Baga 1876 p. 17.*

Глава девятая.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕПЛИНА.

(1791—1832 г.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Литературная дѣятельность Цеплина.

(1791—1832 г.).

Исслѣдованіе вмѣстѣ съ Далемъ Саллюстіевой рукописи.—Монографія Цеплина о Варянахъ и Варнавахъ.—Значеніе этого труда.—Предисловіе Цеплина къ монографіи Петреуса о Вотландцахъ.—Исслѣдованіе Цеплина «О первомъ учрежденіи губерній въ Россіи».—Его статья о мѣстоположеніи древняго города Ржева.—Рукописные труды Цеплина: Альнпекова Хроника и Исторія Ливоніи.—Содержаніе и характеръ этихъ трудовъ.—«Планъ чтеній» Цеплина по всеобщей исторіи.—Литературные труды Цеплина въ послѣдніе годы его пребыванія въ Казани.

Литературная дѣятельность Цеплина началась весьма рано—въ періодъ студенческихъ годовъ въ Ростовскомъ университетѣ. Библиотека „Academiae patriae“, какъ называлъ Цеплинъ свой родной университетъ, обладала съ давнихъ поръ нѣкоторыми цѣнными старинными рукописями, въ числѣ которыхъ *манускриптъ Саллюстія* съ XI столѣтія занималъ видное мѣсто ¹⁾. Прочно переплетенный и тщательно оберегаемый, манускриптъ этотъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ ожидалъ своего изслѣдователя ²⁾. Только въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, профессора Ростовскаго университета Тихсенъ и Лазій, эти, по словамъ Цеплина, „*duumviri clarissimi*“ ³⁾, побудили будущаго казанскаго профессора и его университетскаго товарища Даля сдѣлать „сличеніе“ (Collation) рукописи. Результатомъ этого явился *первый печатный трудъ Цеплина*, вышедшій подъ заглавіемъ:

Notitia codicis manuscripti C. C. Sallustii bellum Catilinarium et Jugurthinum itemque Eutropii fragmentum continentis, qui in bibliotheca Rostochiensi academica asservatur una cum specimine praecipuarum lectionis varietatum publice exhibita a Ioanne Christiano Guilielmo Dahlet Petro Danielo Friederico Zaepeliehn, theologiae studiosis. Lipsiae in commiss. apud bibliop. I. D. Kleyb. MDCCLXXXI. in 16°. 40 pp.

Изданіе состоитъ изъ введенія (стр 3—10), написаннаго хорошей латынью, и указателя (*specimen*) главнѣйшихъ разночтеній изъ Саллюстіевыхъ Катилины (стр. 11—18) и Югурты (стр. 18—34), а также изъ отрывка Исторіи Евтропія, кн. V гл. I—VI (стр. 35—40). Цѣль изданія—сличить разночтенія рукописи съ печатнымъ текстомъ Саллюстія, отмѣтивъ точно ихъ особенности ⁴⁾.

¹⁾ O. Clason, Eine Sallust-Handschrift aus der Rostocker Universitäts-Bibliothek, *Jahrb. für class. Philol.* von Fleckeisen, VII Supplementband, 2-es Hf. (1874) p. 259.

²⁾ Тамъ-же стр. 249.

³⁾ См. *выше* гл. I стр. 8.

⁴⁾ *Notitia codicis etc.* p. 8..., *operae pretium esse visum est, hunc codicem cum editione typis expressa conferre, omnesque lectiones... varias eruere et bona fide notare.*

Самый списокъ Даль и Цеплинъ относятъ къ разряду такъ называемыхъ "MMSS. membranæi и, согласно съ мнѣніемъ „illustris Tychsenii nostri“, время составленія рукописи опредѣляютъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія ¹⁾. Рукопись содержитъ 68 страницъ in folio min. и была принесена въ даръ библиотекѣ Ростокскаго университета его профессоромъ, медикомъ Квисторпомъ (J. V. Quistorpius). Поля снабжены сколіями, не имѣющими особаго значенія (*exigui pretii*); между строками помѣщены мѣстами объясненія (*glossae interlineares*), относящіяся къ тексту Саллюстія. Сравнивая текстъ съ сколіями и глоссами, издатели полагаютъ, что списокъ составленъ двумя переписчиками, изъ которыхъ одному принадлежатъ глоссы и сколіи ²⁾. Списокъ, по всей вѣроятности, остался неоконченнымъ. Въ концѣ его нѣтъ обычной subscriptio, указывающей имя переписчика и годъ составленія кодекса.

При сличеніи съ печатными текстами, Даль и Цеплинъ ограничивались преимущественно изданіемъ Саллюстія *Haverkampna* (Sigbertus Havercampius, Amstelodami 1742. in 4°), снабженнымъ критическимъ аппаратомъ ³⁾. Другимъ важнымъ изданіемъ Саллюстія, обработаннымъ *Corte* (Lipsiae 1724) и представляющимъ первую критическую рецензію текста, молодымъ филологамъ не удалось воспользоваться и они справедливо сожалѣютъ объ этомъ (*sed haec, proh dolor, non ad manum fuit*) ⁴⁾. Сравнивая текстъ рукописи, издатели обратили особенное вниманіе на варианты, встрѣчающіеся *только въ этомъ спискѣ* ⁵⁾ и

¹⁾ Тамъ-же, стр. 7.

²⁾ Тамъ-же стр. 6: «noster duabus manibus conscriptus sit codex, alterque scriptor idem sit, qui scholiorum glossarumque auctor fuit».

³⁾ Тамъ-же стр. 8.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ различеній: *Catil. cap. 1 inter homines* (Vulg. inter mortales); 7 *memorare possum* (memorare possem); 9 *discesserant* (excesserant); 10 *optandae* (optanda); 11 *duxerat* (ductaverat); 14 *fluxi* (aetate fluxi); 18 *dederunt* (dederant); 19 *sine exercitu* (in exercitu) и мн. др. *Jugurtha: cap. 5 adsumtis* (absuntis), *honestissime* (modestissime); 99 *aggressos* (adgressus); 20 *Hiempsalis diversa* dicebantur (Hiempsalis dicebantur); *incolae* (cultores); 33 *potentiae* (superbiae); 35 *magis dedecus parta omittere, quam omnino nihil* (maius dedecus est parte amittere, quam omnino non) и мн. др.

потому не лишены существеннаго значенія для критики текста. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ вариантовъ вошли въ текстъ Катилины Саллюстія, изданный Далемъ ¹⁾). Отрывокъ изъ Евтропія, присоединенный къ рукописи въ видѣ продолженія къ исторіи Саллюстія, испорченъ интерполяціями и особаго значенія не имѣетъ. Сличеніе отрывка произведено по изданію Евтропія въ *Corpus scriptorum Romanorum minorum*. Francoforti 1587, in fol. Tom. I.

Какъ самый списокъ, такъ и разсмотрѣнное нами печатное сравненіе его, долго оставались въ забвеніи—Герлахъ, напримѣръ, въ своемъ изданіи Саллюстія съ 1870 года вовсе не упоминаетъ о Ростокскомъ манускриптѣ—пока *O. Клазонъ* (*O. Clason*), по случайному указанію бібліотекаря Ростокскаго университета *O. Мейера* (*O. Mejer*), не изслѣдовалъ вторично рукописи въ 1873 году и не опредѣлил ея несомнѣнной цѣнности въ ряду древнихъ списковъ римскаго историка ²⁾). Съ изданіемъ рецензіи Клазономъ, разобравшимъ списокъ съ большою тщательностью, трудъ Даля и Цеплина, „theologiae studiosorum“, исполненный въ общемъ очень старательно, имѣетъ только теоретическое значеніе, какъ „exemplar venerationis vetustatis“ въ исторіи обнаруженія рукописей Саллюстіевыхъ произведеній. Одновременно съ отдѣльнымъ изданіемъ разсмотрѣнный трудъ появился также въ „*Koppe's Rostocker Monatsschrift*, 1791 p. 5 ³⁾).

Второй по времени печатный трудъ Цеплина, на который мы уже указывали ⁴⁾, была его докторская диссертация, полное заглавіе которой слѣдующее:

Die Variner und Warnauer. *Ein Beytrag zur ältern Völker-Geschichte Deutschlands* von Peter Daniel Friedrich Zäpelihn. Schwerin, 1797. *Gedruckt und*

¹⁾ *Sallustii Catilina* mit Anmerkungen von I. C. G. Dahl. Braunschweig 1799. Vorrede p. VIII.

²⁾ *Jahrb. f. klass. Philol. von A. Fleckeisen*, VII-er Suppl.—Bd. 1-er Heft (1874) p. 247—304.

³⁾ *Napiersky*, Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon, Bd. IV p. 581 и нашу статью: *Къ біографіи профессора П. А. Цеплина*. (Изъ отчета о командировкѣ въ С.-Петербургъ и Ригу въ 1896 г.) Казань 1897 стр. 8.

⁴⁾ См. выше гл. I стр. 10 и 15.

zu haben bei Wilhelm Bärensprung Herzogl. Hofbuchdrucker. in 4° 16 pp.

Монографія эта состоитъ, кромѣ предисловія (стр. 2—3), изъ восьми параграфовъ и, по словамъ ея автора, представляетъ отрывокъ изъ прежнихъ трудовъ составителя, относящихся къ исторіи отдѣльныхъ германскихъ племенъ ¹⁾. Авторъ намѣренъ изложить хронологически свѣдѣнія писателей о Варинахъ и сопоставить эти свѣдѣнія между собою, при чемъ приводимыя свидѣтельства онъ имѣетъ въ виду объяснить согласно съ идеями автора и ихъ взаимной связью (*nach den Ideen des Schriftstellers und dem Zusammenhange*). По мнѣнію Цеплина, это единственный путь, слѣдуя которому, возможно достигнуть сколько нибудь точныхъ результатовъ (*etwas Bestimmtes herausbringen läst*). Точныя извлеченія, расположенныя хронологически, подобно образцовымъ Штриттеровскимъ ²⁾, говоритъ Цеплинъ, для историка несравненно полезнѣе, чѣмъ изысканія по обыкновенному методу ³⁾. Авторъ полагаетъ, что для читателя, желающаго ориентироваться въ ходѣ историческихъ свѣдѣній, являются пыткой (*Marter*) разнаго рода догадки, предположенія, этимологическія сопоставленія, поправки чтеній, затемняющія сущность историческаго матеріала и выводъ фактическихъ данныхъ ⁴⁾. Что касается важности изысканій по исторіи и географіи древнѣйшихъ германскихъ племенъ, то авторъ долженъ сознаться (*so muss ich gestehen*), что не придаетъ имъ особаго значенія. Несравненно важнѣе, по его мнѣнію, критическая разработка исторіи крупныхъ средневѣковыхъ народовъ—Готовъ, Лонгобардовъ, Франковъ и другихъ. При трудности изысканій по исторіи отдѣльныхъ племенъ, результатъ получается обыкновенно весьма скромный. „*Im glücklichsten Falle hat man einen Völkernamen für ein Land*“, замѣчаетъ Цеплинъ ⁵⁾.

¹⁾ *Zäpelihn*, Die Variner und Warnawer, Vorrede p. 2.

²⁾ *Memoriae populorum e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a Ioh. Gottl. Strittero*, Petropoli 1779, 4° (*Zäpelihn*, ibidem p. 11 n. 41).

³⁾ *Vorrede* p. 3.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же.

Таковъ взглядъ автора на характеръ историко-этнографическихъ изысканій и на приемы собственнаго труда. Въ концѣ предисловія Цеплинъ заявляетъ, что онъ далекъ отъ мысли высказать что-либо новаго въ своемъ изслѣдованіи. „*Nur einige, bisher nicht genug bemerkte Nachrichten*“, замѣчаетъ онъ, „*mit dem bekanntern zusammenzustellen, ist alles was mir Zeit und Umstände zu thun erlauben*“.

Первые три параграфа изслѣдованія Цеплинъ посвящаетъ разсмотрѣнію свидѣтельствъ Плинія Старшаго (IV, 28), Тацита (German. 40) и Птолемея ¹⁾, и приходитъ къ тому заключенію, что упомянутые авторы сообщили почти только одно названіе народа (*Varini, Φαρδοῖνοι*), старанія же современныхъ ученыхъ и географовъ, какъ Гаттереръ, Маннертъ и нѣк. др., опредѣлить мѣстожителство Вариновъ юго-восточнымъ побережьемъ Нѣмецкаго моря и правымъ берегомъ нижняго теченія Одера—слѣдуетъ признать столь же произвольнымъ и ошибочнымъ, какъ и отождествленіе, на основѣ этимологическихъ сопоставленій, мѣстности *Warnow* въ герцогствѣ Мекленбургскомъ съ родиною Вариновъ; предположенія ученыхъ, по мнѣнію Цеплина, не соотвѣтствуютъ „географическому плану“ Плинія Старшаго и Тацита, отождествленіе же упоминаемаго Птолемеемъ племени *Φαρδοῖνοι* съ *Varini*, предложенное Маннертомъ, не только сомнительно, но и бесполезно, такъ какъ и само опредѣленіе мѣстожителства *Φαρδοῖνοι*—является спорнымъ.

Болѣе надежнымъ для опредѣленія родины и судьбы Вариновъ, Цеплинъ, въ слѣдующемъ отдѣлѣ своего труда (§ 3), считаетъ сохранившіеся до нашего времени законы этого племени, представляющіе собою почтенный памятникъ древне-германскихъ юридическихъ установленій. Заглавіе этихъ законовъ слѣдующее: „*Lex Anglorum et Werinorum hoc est Thuringorum*“. Сопоставляя это заглавіе съ извѣстіями объ Англахъ, сохранившимися у Тацита и Птолемея, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что Варинны или Веринны были ближайшими сосѣдями Англовъ и занимали мѣстности по теченію р. Заалы, смежныя съ областью бывшаго

¹⁾ *Geographia*, lib. II ed. Mercatoris et Handii, Amstelod. 1605 p. 53.

герцогства Мекленбургскаго. Къ Англамъ и Варинамъ вскорѣ пристали Тюринги, связь которыхъ между собою подтверждаетъ не только приведенное выше заглавіе древнихъ заводовъ, но и относящееся къ VI столѣтію письмо остготскаго короля Теодориха *ad reges Herulorum, Guarinorum, Thuringorum*, сохраненное Кассіодоромъ (*Var. libr. III epist. 3*). Послѣ покоренія въ 527 году Тюринговъ франкскимъ королемъ Тевдериномъ, Варини и Англи переселились на Рейнъ: первое упоминаніе объ нихъ на нижнихъ предѣлахъ этой рѣки относится къ 551 году.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ своего изслѣдованія (§ 5 и 6), Цеплинъ, руководствуясь матеріалами, собранными въ указанномъ выше сборникѣ Штриттера (т. IV, стр. 413—423), рассматриваетъ дальнѣйшія судьбы Вариновъ, говоритъ о походѣ на нихъ Геруловъ, о появленіи Вариновъ за предѣлами Германіи, причемъ на основаніи извѣстія Прокочія (кн. 10), приводимаго Гроциемъ ¹⁾, рассказываетъ „sonderbare und romanhafte Heirathsgeschichte“ (стр. 12) Родигера, сына короля Вариновъ Гермегисла (въ половинѣ VI вѣка). Въ 596 г. Хильдерихъ, король Франковъ, окончательно подчинилъ себѣ прирейнскихъ Вариновъ. „Hier endigt sich“, говоритъ Цеплинъ (стр. 12—13), „die Geschichte dieses Volkes; man hört nicht mehr von Warinern am Rhein, und ihr Name verlor sich vermuthlich in den allgemeineren Namen der Franken“.

Два послѣдніе отдѣла Цеплинъ посвящаетъ выясненію вопроса о мѣстожителствѣ *славянскаго* племени *Варнавоу*. Разобравъ данныя о древнѣйшемъ разселеніи Славянъ по сѣверному побережью Германіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что Варнавы, впервые упоминаемые Адамомъ Бременскимъ (*Histor. eccles. II, 10; III, 22*), принадлежатъ къ племени Оботритовъ и жили въ Мекленбургскомъ герцогствѣ по берегамъ рѣки Варнавы.

Разсмотрѣнное изслѣдованіе — единственный печатный трудъ Цеплина на нѣмецкомъ языкѣ — не велико объемомъ, но полно содержаніемъ. Изучивъ обстоятельно источники и специальную литературу, авторъ, не прибѣгая къ бездоказа-

¹⁾ *Historia Gottorum, Vandalorum et Longobardorum*, Amsterd. 1655 p. 467.

тельными, произвольными догадками и предположениями, старался разъяснить затронутые вопросы путемъ точнаго анализа и сопоставленія такихъ фактовъ, въ достоверности которыхъ не могло быть никакого сомнѣнія. Не прибѣгая въ критическому разбору разнорѣчивыхъ мнѣній въ специальной литературѣ, Цеплинъ тѣмъ не менѣе неоднократно указываетъ на ошибочные выводы современныхъ ученыхъ, не включая и такихъ специалистовъ по историко-этнографическимъ вопросамъ, какъ Тунманъ, Гаттереръ, Маннертъ, А. Л. Шлэтцеръ и др., мнѣнія которыхъ высоко стояли въ тогдашней наукѣ. Не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ Цеплину пришлось писать свое сочиненіе ¹⁾, оно изобилуетъ научными ссылками и указаніями, свидѣтельствующими о томъ, что авторъ слѣдилъ за новыми явленіями въ специальной литературѣ и пользовался ими для своей темы. Такъ, напримеръ, Цеплинъ ссылается на трудъ аббата *Pizzagalli, Introductio ad Slavorum historiam* (Berolini 1793) и Исторію вѣмецкаго народа *Антон* (ч. I Лейпцигъ 1793)—изданные за три года до появленія монографіи, что даетъ намъ поводъ предполагать, что значительная часть изслѣдованія была написана еще до переѣзда въ Россію, вѣроятно въ Ростокѣ или Гэттингенѣ. Съ другой стороны нельзя не усмотрѣть и нѣкотораго недостатка въ пособіяхъ, оговореннаго, впрочемъ, въ предисловіи. Такъ Провокія Цеплинъ приводитъ изъ вторыхъ рукъ, по Шриттеру или Гроцію ²⁾, а сочиненіе Птолемея по устарѣлому амстердамскому изданію 1605 года ³⁾. Отличаясь краткостью и ясностью изложенія, трудъ Цеплина, при обилии собраннаго въ немъ научнаго матеріала, не лишень значенія для исторіи разсматриваемаго въ немъ вопроса и въ наше время ⁴⁾. Изданіемъ монографіи о Варинахъ и Варнавахъ предопредѣлился въ значительной мѣрѣ характеръ послѣдующей литературной дѣятельности Цеплина, посвященной преимущественно исто-

¹⁾ См. выше гл. I стр. 15.

²⁾ Стр. 11 прим. 46, стр. 12 прим. 49 и 50.

³⁾ Стр. 8 прим. 24, стр. 10, прим. 31.

⁴⁾ Для болѣе подробной характеристики изложенія и научныхъ пріемовъ Цеплина, ниже, въ «П р и л о ж е н і я хъ» помѣщенъ отрывокъ его монографіи, посвященный упомянутому выше (стр. 262—263) закону Вариновъ.

рико-этнографическимъ изслѣдованіямъ. Рассмотрѣнная монографія, представляющая въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, была окончена въ Ригѣ въ іюлѣ 1796 года ¹⁾ и одновременно съ отдѣльнымъ изданіемъ появилась также въ *Neuen Monatsschrift von und für Meklenburg*, 1797, стр. 3 ²⁾.

По изданіи изслѣдованія о Варинахъ и Варнавахъ, имя Цеплина долго не появляется въ печати. Онъ продолжаетъ свои научныя изслѣдованія историко-этнографическаго характера, но труды эти остаются неизданными, въ формѣ неоконченныхъ монографій и отрывковъ. Только спустя 25 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ рассмотрѣннаго нами изслѣдованія, имя Цеплина снова появляется въ печати и на этотъ разъ въ русскомъ періодическомъ журналѣ исторія, статистики и путешествій—„Сѣверный Архивъ“—издаваемомъ Ѳ. Булгаринымъ въ Петербургѣ. Это было въ 1822 году, когда Цеплинъ, по увольненіи Магницкимъ въ 1819 году, пребывалъ въ Петербургѣ не у дѣлъ. За это время имъ помѣщены въ „Архивъ“ три статьи.

Первая статья появилась въ видѣ *предисловія* къ монографіи Цегреуса о Вотландцахъ—финскомъ племени въ окрестностяхъ Нарвы ³⁾. Въ своей статьѣ Цеплинъ, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній объ именахъ Вотландія и Ингрїа, старался доказать, что Вотландцы есть имя, какимъ называютъ себя прибрежныя Финны ⁴⁾. Отдѣльнаго изданія статья не имѣла.

Вторая статья озаглавлена—„*Извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи*“ ⁵⁾. Авторъ, начиная съ указа Петра В. объ учрежденіи первыхъ восьми губерній, говоритъ о происшедшихъ затѣмъ перемѣнахъ въ административномъ дѣленіи Россіи по 1775 годъ, относительно приращенія и умень-

¹⁾ *Die Wariner und Warnauer*, Vorrede p. 3.

²⁾ *Napiersky*, Allgem. Schriftsteller—und Gelehrten—Lexicon. IV p. 581
в нашу статью: *Къ биографіи профессора Цеплина* стр. 9.

³⁾ *Сѣверный Архивъ*, 1822 г. ч. I № 3 стр. 235—245.

⁴⁾ *Н. Качаковъ*, Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. I Москва 1850 приложение II стр. 5 № 16.

⁵⁾ *Сѣверный Архивъ* 1822 г. ч. IV № 19 стр. 47—56; № 20 стр. 119—129; № 21, стр. 200—210.

шенія отдѣльныхъ губерній. Заимствуя нѣкоторыя свѣдѣнія изъ „современной вѣку Петра рукописи“, заключающей свѣдѣнія болѣе подробныя и опредѣленныя, „нежели во всѣхъ доселѣ напечатанныхъ книгахъ“—Цеплинъ относитъ изданіе самого указа Петра Вел. не къ 1708 г., но къ 1707 году и въ концѣ статьи (стр. 200—210) прилагаетъ указъ полностью. Отмѣнивъ выдѣленіе намѣстничествъ (стр. 119 и сл.), авторъ разсматриваетъ новыя дѣленія на губерніи до 1822 года включительно и, попутно, приводитъ тѣ географическія и историческія свѣдѣнія касательно дѣленія Россіи, какія встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ, вышедшихъ со времени Петра, до царствованія Александра перваго ¹⁾.

Отличаясь обстоятельностью изложенія, изслѣдованіе Цеплина, при наличности научныхъ данныхъ, представляетъ несомнѣнный успѣхъ въ изученіи и рѣшеніи вопроса объ административномъ дѣленіи Россіи съ Петра Вел. по 1822 годъ включительно. Одновременно съ появленіемъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, статья вышла и отдѣльно (Спбгѣ. 1822, 35 стр.) ²⁾ и въ настоящее время представляетъ большую библиографическую рѣдкость ³⁾.

Третья и послѣдняя печатная статья Цеплина озаглавлена— „Изслѣдованія о мѣстоположеніи древняго города Ржева“ ⁴⁾. На основаніи цѣлаго ряда выписокъ изъ лѣтописцевъ, Цеплинъ рѣшаетъ, что Ржевъ, бывший удѣльный городъ младшихъ князей Московской линіи, есть Ржевъ, лежащій на Волгѣ (Тверской губ.), а не Ржева-Пустая (Псковской губ.). По мнѣнію библиографа „Сѣвернаго Архива“ А. Аванасьева, нѣкоторые выписки изъ лѣтописцевъ, приведенныя Цеплинымъ, не способствуютъ рѣшенію поставленнаго имъ вопроса и потому являются лишними ⁵⁾.

¹⁾ Изъ современныхъ трудовъ, Цеплинъ, между прочимъ, приводитъ *Storch, Russland unter Alexander d. ersten* и *Новѣйшія повѣствованія о восточной Сибири*, Спб. 1817—1818.

²⁾ Письмо Н. П. Заоскина 12 января 1899 г.

³⁾ Въ виду этого, а также научныхъ достоинствъ статьи, мы печатаемъ ее ниже въ «Приложеніяхъ».

⁴⁾ *Сѣверный Архивъ* 1822 г. ч. IV № 23 стр. 365 сл.

⁵⁾ Н. Калачовъ, *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній*, кн. I приложение II стр. 15 № 54.

Разсмотрѣнное изслѣдованіе было *последнимъ печатнымъ трудомъ* Цеплина. Послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ, съ 1823 года, кропотливыя обязанности бібліотекаря въ Гидрографическомъ Депо и приближавшіеся годы старости ¹⁾ если и не отвлекали совсѣмъ Цеплина отъ литературныхъ трудовъ, то, во всякомъ случаѣ, и не способствовали ихъ окончательной обработкѣ. Этыхъ трудовъ три.

Первый изъ нихъ— „*Versuch einer Chronologie für Alnpeks Chronik von Peter Daniel Friedr. Zäpelihn*“—хранится въ Библіотекѣ лифляндскаго дворянства въ г. Ригѣ ²⁾. Это—небольшая, научнаго содержанія рукописная статья о хронологическихъ данныхъ такъ называемой Риемованной Хроники (*Reimchronik*), написанной Дитлебомъ Альнпекомъ (*Ditleb von Alnpeke*) о древнѣйшей исторіи Лифляндіи въ 1296 и впервые изданной Либоріемъ Бергманомъ въ Ригѣ въ 1817 году ³⁾. Начало статьи Цеплина посвящаетъ краткимъ замѣчаніямъ объ имени Альнпека, а также

¹⁾ См. *выше* гл. VIII стр. 244.

²⁾ *Livländische Ritterschaftsbibliothek*, I. 3: Die Chronik des Alnpeke (Reimchronik) betreffend (№ 6).

³⁾ Впослѣдствіи были и другія изданія этого памятника (*Meyer's, Antiquariats-Katalog* 34: № 527—529).—Хроникѣ Альнпека Либорій Бергманъ получилъ въ 1792 году въ Лембергѣ отъ губернскаго совѣтника Бретшнейдера (*Bretschneider*). Лѣтопись состоитъ болѣе чѣмъ изъ 1630 стиховъ. Въ концѣ отмѣчено имя автора и время составленія памятника: „*geschrieben in der Kumentur zu rewel durch den Ditleb von Alnpeke im M C C L X X X X V I i a r*“. Слогъ и языкъ указываютъ на цвѣтушій періодъ швабской поэзіи. Въ хроникѣ есть пропускъ, относящійся къ правленію магистровъ (гермейстеровъ) Дмитриа, Андрея и Эбергарда. Произведение вдвойнѣ цѣнно: 1) какъ историческій памятникъ древнѣйшихъ судебъ Лифляндіи, составленный очевидцемъ многихъ современныхъ событій, хорошо знакомымъ съ культурной жизнью своей эпохи; 2) какъ памятникъ нѣмецкаго языка и исторической поэзіи того времени. Лѣтопись начинается краткимъ разказомъ о сотвореніи міра, о возникновеніи и распространеніи христіанства среди идолопоклонниковъ. Затѣмъ рѣчь идетъ о прибытіи нѣмецкихъ купцовъ въ Лифляндію, о торговыхъ связяхъ съ туземцами, вплоть до прибытія основателя Риги, епископа Мейнгардта. Въ концѣ описываются дальнѣйшія судьбы ордена Меченосцевъ, битвы съ Ливами, Бурами, Литовцами и Русскими. Магистромъ Лифляндіи *Holt* или *Balthazar von Hadenbachi* (1290 г.) оканчивается повѣствованіе (см. *Leipziger Literat. Zeitung* am 9 des Januar, 8, 1818).

указаніямъ на то, что свѣдѣнія, сообщенныя въ лѣтописи до 1237 г. лишены значенія. „Erst von ungefähr 1237 ist Alnrek brauchbar“, замѣчаетъ Цеплинь, и съ этого года до 1290, т. е. до конца лѣтописи, онъ обстоятельно излагаетъ хронологическія данныя самаго памятника, опредѣляя, какъ время отмѣченныхъ лѣтописью событій, такъ и продолжительность управленія отдѣльныхъ магистровъ по годамъ и мѣсяцамъ. Кромѣ иностранныхъ трудовъ, составитель статьи весьма часто ссылается на русскія лѣтописи (*russische Annalen*), которыя характеризуетъ какъ „noch unbenutzte Hilfsquellen“ и съ содержаніемъ которыхъ онъ, очевидно, знакомъ хорошо. Такъ, въ примѣчаніи къ правленію магистра Германа съ 1237 по 1242 г. Цеплинь сообщаетъ: „Isborsk wurde in dem Jahre erobert in welchen G. F. Alexander den berühmten Sieg an der Newa erfocht. Das geschah 1240. 17 Juli, am Sonntage. Daher 6748=1240 Woskresensk. II, 211. I Nov. S. 23. II Novgorod. 133. Ad annum 6749=1241. Nikoniani III, 13. Susdal. II, 16. Sophiani 214. Wremennik I, 130. Ad p. 36. Pskow erobert 6749=1241 im Herbst. Wosk. II, 213. Wrem. II, 130. Prodolshenie Nestora 30. Susd. II, 16. Soph. 215.—Подобными указаніями снабжены почти всѣ хронологическія данныя, собранныя Цеплинымъ ¹⁾).

Современный намъ изслѣдователь прибалтійской старины, Густавъ Берхольцъ (G. Berkholtz) придавалъ особое значеніе указаннымъ замѣчаніямъ Цеплина ²⁾, отмѣчая преимущественно то, что послѣдній воспользовался трудомъ „*Canonici Sambiensis Ecloge (sic) Annalium*“, находящимся, по словамъ Цеплина, въ библіотекѣ Вел. кн. Константина. „Bayer, продолжалъ Цеплинь, „schrieb diese aus einem Codex des Capituls ab“.

¹⁾ Вотъ еще примѣчанія къ стр. 101—102 Хроникъ: *Schlacht mit den Russen am Sonnabend der Siropust Woche (Sonnab. vor Dominica in Quinquagesima an Leo (Левъ) Tage) den 18 Februar 1268. Ad annum 6776 I Nov. 544—49. II Novog. 151—155. Susd. II 38—40. Drown. Letop. I, 17—19. Soph. 228. Nikon. III, 47, 48. Prodolsh. 42 и т. д.*

²⁾ *Über einige handschriftliche Materialien zur livländischen Reimchronik* въ Sitzungsberichte d. Gesellsch. f. Gesch. und Alterthumsk. d. Ostseeprovinzen Russl. aus dem Jahre 1875. Biga 1876 p. 17.

Гдѣ и когда составлена Цеплинымъ разсматриваемая статья съ точностью опредѣлить нельзя, такъ какъ никакихъ относящихся сюда указаній въ дошедшей къ намъ рукописи не сохранилось.

Изъ письма Бротце изъ Риги къ издателю Альнпековой Хроники Л. Бергману, предлагающаго переслать Цеплину нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ, видно, что казанскій профессоръ не жилъ въ то время въ Ригѣ, а только переписывался съ рижанами, имѣя, вѣроятно, въ виду издать извлеченіе изъ Альнпековой лѣтописи (*einen Auszug aus Alnpeke zu ediren*, какъ пишетъ Бротце), для каковой цѣли Бротце и просилъ своего корреспондента препроводить (*schicken wollen*) къ Цеплину выписку изъ Архива Арндта (*Arndts Archiv*)¹⁾, относящуюся къ крещенію Миндовга въ 1253 году, причемъ Бротце, прилагая эту выписку къ своему письму, высказываетъ, что стбитъ труда (*es ist der Mühe werth*) заняться рѣшеніемъ вопроса о крещеніи Миндовга. Изъ того же письма видно, что статья Цеплина была прислана къ Л. Бергману, который препроводилъ ее къ Бротце съ просьбой высказать свое мнѣніе о пригодности ея для напечатанія въ предполагаемомъ тогда изданіи Хроники. Принимая во вниманіе обнаруженное Цеплинымъ обстоятельное знакомство съ русскими лѣтописями, которое не могло послѣдовать въ первые годы его пребыванія въ Россіи, а также ссылки на матеріалы изъ столичныхъ библіотекъ—слѣдуетъ признать, что разсмотрѣнная статья была составлена въ Петербургѣ, въ періодъ между первымъ увольненіемъ Цеплина и торжественнымъ его назначеніемъ въ Казань т. е. между 1807 и 1813 годомъ²⁾.

Два слѣдующихъ рукописныхъ труда Цеплина содержатся въ двухъ объемистыхъ фоліантахъ, представляющихъ продолженіе тѣхъ занятій Цеплина исторіей Ливоніи, начало которыхъ положено было имъ въ разсмотрѣнной нами статьѣ о Хроникѣ Альнпева. Фоліанты эти хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ и были приобретены туда лѣтъ трид-

¹⁾ «Johann Gottfried Arndt (1713—1767), Konrektor am Lyceum zu Riga 1747» (*Napiersky* I p. 41).

²⁾ Последняя по времени дата въ самой статьѣ относится къ труду *Friedr. von Beust*, изданному въ 1803 году.

цать тому назадъ бывшимъ помощникомъ директора этого книгохранилища Г. Берхгольцемъ отъ одного изъ петербургскихъ антикваріевъ ¹⁾, въ которому, вѣроятно, попали послѣ продажи выморочнаго имущества Цеплина ²⁾.

Первый изъ этихъ фолиантовъ, хранящійся въ разрядѣ рукописей по исторіи Германіи (Mscr. germ. histor. in folio F. IV № 165), состоитъ изъ 599 страницъ, объемлющихъ списокъ Риемованной Хроникѣ съ глоссаріемъ и разнообразными добавленіями. Въ началѣ рукописи помѣщенъ, напечатанный въ г. Руенѣ (въ Лифляндіи) отрывокъ первыхъ 456 стиховъ упомянутой Хроникѣ съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Laus Deo semper der ritterlichen Meister und Bruder zu Nieflant geschicht, wie sie von wegen des cristen glaubens vom tusent hundirt und dri und vierzick iar an, bis uftusent zwei hundirt neunzig iar mit den heiden Got zur ere, jnen zur selen seligkeit gefochten haben. Geschrieben in der Kumentur zu rewel durch den Ditleb von Alnpeke im m. CCLXXXX iar“. Затѣмъ слѣдуетъ 6 страницъ in 4° печатнаго текста списковъ Хроникѣ.

Содержаніе всего фолианта слѣдующее: стр. 1—457 содержатъ текстъ Риемованной Хроникѣ, снабженный обильными замѣтками на поляхъ, отчасти сдѣланными рукою Бротце; стр. 458—481 содержатъ Glossarium; 482—485 Index über Alnpeks Chronik; 486—487 Notationes chronologicae; 488—491 Ueber die Quellen der livl. Geschichte; 492—499 Additamenta ad Alnpekium ex Duisburgo et Chronico equestri; 499—401; Ad historiam ordinum equestrium; 502—515 Analecta ex Duisburgo et Chronico equestri; 515—517 Adnotationes ad tabulas chronologicas (съ 1187 по 1592 г.); 530—542 Excerpta ex Eihornis; 543—587 Geographia et historia Livoniae съ слѣдующими подраздѣленіями: Esthones, Livones, Letti; стр. 589—599 Indices собственныхъ именъ.

Наиболѣе цѣнными отдѣлами этого труда слѣдуетъ признать хронологическія изслѣдованія (стр. 488—491; 518—529), въ которыя авторъ внесъ не мало новыхъ соображеній и вы-

¹⁾ *Sitzungsberichte* etc. стр. 17.

²⁾ См. *выше*, гл. VIII стр. 254.

водовъ. Тѣми же достоинствами отличается и предпоследняя часть фоліанта, посвященная *описанію и исторіи* древней Ливоніи. Авторъ научно характеризуетъ отдѣльныя мѣстности края и представляетъ очеркъ ихъ послѣдовательнаго развитія ¹⁾.

Второй фоліантъ, хранящійся въ томъ же отдѣленіи Публичной Библиотеки (*Mscr. germ. histor. in folio* F. IV № 167), озаглавленъ „*Geschichte Livlands*“ и состоитъ изъ слѣдующихъ частей.

Введение (Einleitung) стр. 1—5. Авторъ разсматриваетъ литературу по исторіи Ливоніи и перечисляетъ относящіяся сюда труды, начиная съ 1654 года, упоминая притомъ и общіе историческіе, какъ-то: *Struvii Bibliotheca historica* съ 1740 года (8° p. 1650 - 52); *Dogiel Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae* (Vilnae, T. IV 1764 fol.), причемъ дѣлаются ссылки на страницы кодекса, относящіяся къ годамъ исторіи Риги (наприм. на стр. 4, 5, 8 въ 1762 году и др.). Далѣе Цеплинъ указываетъ на сочиненіе Матв. Струбицкаго (польскаго секретаря въ Лифляндіи), жившаго ок. 1577 года и составившаго „*Brevis atque accurata Livoniae ducatus descriptio historico-geographica* (Amsterd. 1727. 8°). Кромѣ того, приводятся изданія, вышедшія въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ: *Iac. Schotte* (Livl. Edelmann) *Historia de Livonia* (Dorpati 1639. 4°), *Paul Einhorn's* (Superintendent in Kurland) *Historia Lettica* (Dorp. 1649. 4°). Всѣхъ источниковъ въ хронологическомъ порядкѣ указано 20, кромѣ добавленій, сдѣланныхъ въ разное время на второй половинѣ рукописи.

Второй отдѣлъ (стр. 6—13) посвященъ характеристикѣ Эстовъ, Эстландіи, Ливовъ и Латышей, на основаніи указаній изъ спеціальной литературы ²⁾.

¹⁾ Мѣстности, описанныя Цеплиннымъ, слѣдующія:

I. *Esthones*: Gerwia, Wironia, Harria, Revele, Rotalia, Sogentagana, Worrekunde, Mocha, Wagia, Saccala, Ungania, Opilia (стр. 545—562).

II. *Livones*: Metsepole, Thoreida, Idumaea, Sattesele, Livones circa Dunam, Icescolonenses, Halmenses, Lenewarden, Ascheraden (стр. 563—573).

III. *Letti*: Tricatia et Tholowa, Wendi, Antine, Kukeinos, Gerzike, Solones, Semigalli, Curones (стр. 575—586).

²⁾ Последняя монографія съ 1797 обозначена карандашемъ на стр. 13.

3. *Третій* отдѣлъ (стр. 14—17) содержитъ древнюю исторію Прибалтійскаго края, начиная съ свѣдѣній о немъ у Страбона и Плинія Старшаго. Хронологически даты исчислены до 1157 года.

4. Въ *четвертомъ* отдѣлѣ (стр. 18—197) авторъ излагаетъ шесть періодовъ исторіи Ливоніи въ слѣдующемъ порядкѣ:

I	періодъ съ 1158—1237	(стр. 18—32);
II	„ съ 1237—1439	(стр. 41—52);
III	„ съ 1439—1562	(стр. 65—92);
IV	„ съ 1562—1629	(стр. 117—137);
V	„ съ 1629—1710	(стр. 149—175);
VI	„ съ 1710 года	(стр. 190—196).

Къ каждому изъ этихъ періодовъ присоединено статистическое обзорѣніе (*Statistische Uebersicht*), причемъ въ третьему періоду исторіи Ливоніи приложена *Tabula chronologica Archiepiscoporum* (стр. 93), начиная Meinhard'омъ von Segeberg съ 1186 года и кончая Вильгельмомъ Брандомъ ум. 4 февр. 1563 года. Всѣхъ архіепископовъ приведено 29 (тридцатый присоединенъ не въ хронологическомъ порядкѣ). На стр. 95 и 96 имѣется хронологическая таблица гермейстеровъ (*magistrozum*), начиная съ магистра Vinno съ 1202 г. и кончая Gotthard'омъ von Kettler'омъ съ 1559 г. Далѣе слѣдуетъ перечень епископовъ Семигаліи (стр. 97—98) съ 1218 по 1251, Ревеля (стр. 98) съ 1218 по 1561, Эзеля (стр. 99) съ 1228 по 1560, Дерпта (стр. 100) съ 1224 по 1553 годъ.

Сочиненіе, повидимому, представляетъ продолженіе предшествующаго, но не обработано вполне и не окончено. Последовательность, прагматизмъ изложенія, замѣчаемая особенно въ центральной его части (стр. 41—92; 117—137), нерѣдко прерывается излишними вставками и отступленіями, отвлекающими вниманіе отъ хода историческихъ событій. Авторъ допустилъ ту ошибку, что въ одномъ и томъ же сочиненіи пытался соединить хронологическое изслѣдованіе, статистическое обзорѣніе и прагматическое изложеніе историческихъ событій. Обиліе матеріала подавило Цеплина разнообразіемъ содержанія и онъ, желая воспользоваться всѣми собранными источниками, нерѣдко нагромождаетъ добытые изъ нихъ результаты какъ бы случайно, безъ должной критики и осмотрительности. Какъ

обильный источник разнообразных свѣдѣній по исторіи Ливоніи, какъ перечень историческаго инвентаря страны и ея жизни, трудъ Цеплина не лишенъ значенія и въ наше время. Начитанность автора—необыкновенно велика, но результатъ ея оставляетъ желать многого, въ смыслѣ послѣдовательности изложенія, критической оцѣнки научнаго матеріала и приѣмовъ историческаго изслѣдованія. Авторъ не кончилъ своего труда, представляющаго въ общемъ сборникъ обильныхъ свѣдѣній и замѣтокъ по библиографіи, исторіи и статистикѣ ливонскаго края.

Ни имени автора, ни времени составленія не обозначено на обоихъ фоліантахъ. Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ на внутренней сторонѣ переплетовъ рукописей, видно, что составителемъ ихъ сначала признавали какого-то Языкова, затѣмъ имя это зачеркнуто и вмѣсто его поставлена фамилія Цеплина, за которымъ безспорно и должно быть признано право авторства на эти труды, одинъ почеркъ которыхъ, не говоря о приѣмахъ изслѣдованія, вполне соответствуетъ письму упомянутой выше рукописной статьи о Хроникѣ Альнпека, писанной рукою самаго Цеплина. Разсмотрѣнные сочиненія изложены на одной половинѣ листа, другая сторона котораго содержитъ примѣчанія и добавленія, свидѣтельствующія о многолѣтней работѣ ученаго спеціалиста. Судя по почерку, ясному и четкому въ первыхъ отдѣлахъ труда и рѣзко измѣнившемуся въ худшему въ его послѣднихъ частяхъ, работа длилась съ зрѣлыхъ лѣтъ до самой старости: жизнь стала подводить итоги и рѣзко отразила ихъ и на страницахъ фоліантовъ...

Къ научнымъ работамъ Цеплина слѣдуетъ еще отнести составленный имъ на нѣмецкомъ языкѣ Планъ чтеній по исторіи въ Казанской гимназій и университетѣ (*Plan für Vorlesungen über die Geschichte*). Планъ этотъ былъ представленъ Цеплинымъ Румовскому до назначенія въ Казань ¹⁾ и сохранился въ Архивѣ университета въ копіи, составленной въ Петербургѣ ²⁾.

Содержаніе „Плана“ слѣдующее. Слушателямъ надлежитъ предлагать полный, связный и краткій очеркъ исторіи, разши-

¹⁾ См. *выше*, гл. I стр. 19 и гл. III стр. 49—50.

²⁾ См. *ниже* въ «Приложеніяхъ» № I, гдѣ «Планъ» напечатанъ полностью.

ряющей кругъ ихъ познаній и побуждающей въ самостоятельнымъ занятіямъ (*zum Selbststudieren der Fleiss ermuntert*). Чтенія по исторіи слѣдуетъ распредѣлить на два „курса“: I Исторію народовъ и государствъ и II Всеобщую исторію.

Въ *первомъ курсѣ* выясненіе народнаго блага (*Volksglück*) должно составлять главную задачу. Исторія каждаго народа объемлетъ двѣ части: 1. исторію въ собственномъ смыслѣ; 2. статистическій обзоръ. Въ первой части излагаются судьбы народа и государства, во второй—статистическія свѣдѣнія о положеніи страны, ея производительности, торговлѣ, промышленности и т. д., съ указаніемъ на источники. По мнѣнію Цеплина, подобнаго изложенія исторіи народовъ и государствъ нѣтъ ни въ одной книгѣ (*die Völker—und Staaten—Geschichte ist in keinem Buche auf diese Art behandelt worden*) и авторъ въ дальнѣйшемъ указываетъ на несостоятельность и бесплодность обычныхъ приѣмовъ преподаванія исторіи. Второй курсъ распредѣляется тоже на двѣ части, изъ которыхъ въ первой излагаются событія, имѣвшія въ общемъ міровое значеніе, во второй—общее обзорѣніе состоянія вселенной. Пособіями при этомъ могутъ служить отчасти труды Ахенвала и Буша. Оба курса слѣдуетъ закончить чтеніями въ полтора года. Для примѣненія изложеннаго плана на практикѣ необходимы книги, пособія и такое положеніе преподавателя, которое благопріятствовало бы его литературнымъ трудамъ (*eine Lage des Lehrers, welche litterarischen Arbeiten günstig ist*). Общепринятое преподаваніе исторіи „по компендіямъ“, замѣчаетъ Цеплинъ въ концѣ своего „Плана“, требуетъ менѣе трудовъ, но не соотвѣтствуетъ задачамъ и цѣлямъ академическаго предмета обученія.

Связно изложенный и зрѣло обдуманый, „Планъ“ Цеплина представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ серьезный опытъ новаго направленія и задачъ преподаванія исторіи въ университетахъ.

Кромѣ этихъ трудовъ, къ научнымъ работамъ Цеплина слѣдуетъ еще отнести составленный имъ въ Петербургѣ, въ 1813 году, по просьбѣ Френа, краткій историко-хронологическій очеркъ Кипчакскаго царства. Этотъ трудъ Цеплина, взятый имъ изъ его обширнаго матеріала по историческимъ наукамъ, отличался, по словамъ Френа, необыкновенной тщательностью, точностью и эрудиціей и долженъ былъ

войти въ составъ статьи Френа— „*Nimophylacium orientale Pototianum*“. Но рукопись Цеплина пришла въ Казань уже по окончаніи статьи Френомъ, которому въ труду его земляка довелось прибѣгнуть только впоследствии, причѣмъ слѣды Цеплиновой работы совершенно затерялись ¹⁾). Нѣсколько позже, въ началѣ 1817-го года, уже по возвращеніи своемъ въ Казань, Цеплинъ доставилъ немало „критическихъ замѣчаній, поправокъ и выписокъ изъ русскихъ лѣтописей“ для статьи профессора I. О. Эрдмана, „*Die Ruinen Bulgars*“ ²⁾). Эрдманъ не разъ ссылается на этотъ научный матеріалъ Цеплина ³⁾ и приводитъ цѣлыя страницы собранныхъ послѣднимъ лѣтописныхъ извлеченій ⁴⁾, подтверждающихъ высказанное уже раньше мнѣніе о серьезномъ знакомствѣ Цеплина съ древними памятниками русской исторіи ⁵⁾).

Въ періодъ ревизіи Магницкаго, какъ видно изъ составленной тогда „Вѣдомости о сочиненіяхъ профессоровъ“ ⁶⁾, у Цеплина имѣлись въ рукописи на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующіе труды: 1. Введеніе въ Россійскую хронологію; 2. Исторія хановъ Золотой Орды; 3. Исторія Казани; 4. Опытъ руководствующей книги о поли-

¹⁾ *Fraehn*, *Nimophylacium orientale Pototianum*, *Cazani* 1813 p. 12:... non parum me profecturum esse video e brevi conspectu historico et chronologico regni Kartschakensis, quem, incredibili cum cura et diligentia et eruditione compositum, ex locupletissima digestorum suorum historicorum penu de promptum, cel. *Zepelinus*, popularis mihi carissimus, quo est studia litterarum, historicarum nominatim, promovendi studio, Petropoli bonus ad me transmisit; quem tamen in hoc quidem prodromo in usum meum convertere nondum potui, si quidem finito jam et arbitris librorum vulgandorum tradito libello, die XXVII Augusti mihi redditus est. (scr. 30 Aug.)».

²⁾ Статья эта напечатана въ «*Neue allgemeine geograpische Ephemeriden*» herausgegeben von F. Bertuch, VII Bd. (Weimar, 1820) p. 393—434.

³⁾ *Die Ruinen Bulgars* p. 412:... «manche kritische Bemerkungen und Berichtigungen verdanke ich der Güte des Herrn Prof. *Zepelin*»; p. 421: «Diese Excerpte aus den russischen Annalen verdanke ich dem Fleisse und der Gefälligkeit des Herrn Prof. *Zepelin*». См. также стр. 414 (мнѣніе Цеплина о народѣ Булгарахъ), стр. 424 и др.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 420—421, стр. 423—424 и др.

⁵⁾ См. выше, стр. 268.

⁶⁾ *Архивъ Казанскаго унив.*: Дѣло по обревизованію университета, 10 февр. 1819 года л. 224.

тическихъ наукахъ. Судьба этихъ трудовъ намъ неизвѣстна; безъ сомнѣнiя, они далеко не были окончены и, потерявъ, съ переездомъ въ Петербургъ, мѣстный интересъ для составителя, впоследствии были забыты и затерялись при продажѣ книгъ и рукописей изъ выморочнаго имущества бывшаго казанскаго профессора.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№.№. I—XXII.

№. I.

(КЪ стр. 19-й).

«Vouloir reduir l'historien à ne coudre que des faits à de faits et les raconter avec agrement, pour amuser notre curiosité, ou plaire à notre imagination, c'est l'avillir et n'en faire qu'un insipide gazetier ou un bel esprit».

Mably.

Der hier entwikelte Plan für Vorlesungen über die Geschichte auf Gymnasien und Universitäten umfasst nur die Politische Geschichte, wie man sie gewöhnlich nennt; der Plan ist nicht aus Compendien und Systemen der Geschichte entlehnt und ist weder in diesen noch selbst in Vorlesungen ausgeführt worden.

Er ist also neu, aber er musste es seyn, weil die gewöhnlichen nur halbe Maasregeln zur Erreichung des Zwecks sind.

Dem Studirenden soll die Übersicht der Geschichte vollständig, zusammenhängend und kurz gegeben werden. Es ist nicht der Zweck bei Vorlesungen über die Geschichte der Zuhörer durch einen leichten, zierlichen und eleganten Vortrag zu unterhalten, sondern seine Kenntnisse sollen in diesen erweitert, zum Selbststudieren der Fleiss ermuntert, und der Thätigkeit die gehörige Richtung verschafft werden.

Die Vorlesungen über die Geschichte theilt man am besten in 2. Coursus.

I. Völker und Staaten Geschichte.

II. Universalgeschichte.

I. Völker Geschichte, Staaten Geschichte, Institutiones historicae, (Historische Institutionen); das Aggregat der Geschichte aller Völker und Staaten des Erdbodens, in geographischer Ordnung dargestellt.

Die Geschichte jedes Volks muss von den ersten historischen Nachrichten an, bis zu der jetzigen Zeiten erzählt werden. Man studirt die Geschichte eines Volks um seinen jetzigen Zustand pragmatisch und aus Gründen kennen zu lernen.

Volksglück ist der Gesichtspunkt.

Die Geschichte berichtet, wie sich das Volk dem Glück näherte oder davon entfernte; welches es erreichen konnte Also nicht bloss Namen, Genealogien und Biographien von Regenten, keine Anekdoten Jagd, keine weitläufige Krieges-Erzählungen.

Nichts anders als dasjenige muss vorgetragen werden, was das Glück des Volks befördert oder verhindert hat. Jede Volks-Geschichte erhält für die einzelnen Perioden 2. Abtheilungen 1) Eigentliche Geschichte, 2) Statistische Uebersicht.

Erste Abtheilung. Erzählung der Schicksale des Volks und des Staats.

Zweite Abtheilung. Statistische Übersicht des Zustandes der Nation. Von vielen Dingen, welche diese statistische Übersicht umfasst, kennt man die Entstehung und Bildung nicht, nur das Dasein kann man angeben. Andere bewirkten keine entscheidende Veränderungen einer immerwährenden Einfluss. Sollte man diese Materien in die Geschichte einschalten, so würde der Behelf nur dazu dienen, um den Faden der Erzählung stets zu zerreißen.

Die statistische Uebersicht muss systematisch geordnet folgende Gegenstände umfassen: Geographie des Landes insofern sie nicht eine stillstehende, sondern mit der Geschichte fortlaufende Sache ist.—Producte des Landes und Gewinnung derselben.—Handel—Fabriken—Einwohner im physischen und moralischen Zustande, in häuslicher und bürgerlicher Gesellschaft.—Staatsverfassung und Staatsverwaltung.—Religion—

Kultur der Nation durch Wissenschaften.—Mit allen diesen werden litterarische Notizen verbunden. Der Zuhörer muss die Quellen der Geschichte kennen lernen, um beim eigenen Studiren sich selbst helfen zu können.

Die Völker — und Staaten — Geschichte ist in keinem Buche auf diese Art behandelt worden. Von der Geschichte manches Landes sind kaum die nothdürftigsten Nachrichten zusammen gestellt. In vielen Büchern ist die Geschichte so behandelt, als wenn es kein Völkerglück, keine Staatsverfassung und Verwaltung gäbe.

Als unnütz und weitläufig haben selbst *respectable* Historiker das Aggregat der Geschichte aller Völker des Erdbodens erklärt. Hält man sich an dieser Meinung, die schon gleichsam das Recht der Verjährung erlangt hat und zieht man grosse *Auctoriteten* Gründen vor; so ist die Sache abgemacht; die Geschichte wird dann nach den gewöhnliche Compendien docirt. Fordern nachher dem Zuhörer sein Beruf oder seine Staatsbedienung auf, die Geschichte eines über gangenen Volks zu studieren: so mag er selbst zusehen, wie er die Sache anfängt.

Die Geschichte der mehrsten Völker, sagt man, sind uninteressant und unwichtig. Das heisst behaupten, manches Volk habe nie seinen Zustand verändert. Andere Völker, meint man, hätten keine Rolle in der Welt gespielt und würden nie eine spielen. Wenn hier das Rollespielen den Einfluss des Volks in die politische Welt, Handel bedeuten soll, und bloss diesen für Wichtig hält, so wäre es am besten die Völker, wie schon manche Historiker gethan haben, in zuschlagende und ohnmächtige einzutheilen und nur Kriege als den Gegenstand der Geschichte anzusehen. Wahrlich man wird in grosser Verlegenheit sein, wie man der Zuhörer überreden soll, sich um die Geschichte vieler Völker nicht zu kümmern: und Z: B: die Völker des neuen Asien, Afrika und Amerika als Gesindel anzusehen, das keine Betrachtung verdient.

Der zweite Cursus begreift

II. *Universal Geschichte.*

Weit von dem verschieden, was man gewöhnlich allgemeine Weltgeschichte oder Universalgeschichte nennt, Sie soll

die Flage auflösen: an welche Kette von Ursachen und Wirkungen ist der gegenwärtige Zustand der moralischen und politischen Welt geknüpft. Hier ist die Geschichte der Entstehung und Bildung des jetzigen politischen System, der Völker gegen einander ein wichtiger Theil. Auch für diese Geschichte sind 2. Abtheilungen für jede Periode nöthig.

Erste Abtheilung. Erzählung derjenigen Begebenheiten, welche Einfluss auf die Welt im allgemeinen gehabt haben.

Zweite Abtheilung. Uebersicht des Zustandes der Welt im allgemeinen.

Als Erzählung der politischen Welthändel, haben Achenwall und Busch diese Geschichte behandelt. Allein Achenwall fängt erst mit dem 17-ten Jahrhunderte an, und Busch mit dem 15-ten.

Die Compendien beider Gelehrten enthalten auch nur die Geschichte der Kriege in Europa. Dieser Weg ist also auch noch ungebahnt. Vorlesungen über diese Universalgeschichte erfordern daher *Recherchen* und manche mühsame Zusammenstellung.

Die zwei vorgeschlagenen Cursus der Geschichte können und müssen in Vorlesungen beendigt werden, welche nicht zu lange dauern. Vorausgesetzt, dass die grosse Zahl von Festtagen den Lehren und Zuhörer nicht oft zerstreuen: so würden die Vorlesungen über die Universalgeschichte in einem halben Jahr geendigt werden können.

Ohne Bücher, Hülfsmittel und eine Lage des Lehrers, welche litterarischen Arbeiten günstig ist, gehört fräglich der ganze Plan in das Reich der frommen Wünsche.

Entwirft man nicht einen neuen Plan, so muss man der gewöhnlichern folgen, und das ist fräglich für der Lehrer am bequemsten. Im allgemeinen behandeln die Compendien und man behandelt in Vorlesungen die Geschichte 1) Als Universal-Geschichte 2) Staaten-Geschichte 3) Geschichte der politischen Welthändel.

Die Universal-Geschichte, allgemeine Geschichte, nennt man auch nach der neuesten Mode, Menschen-Geschichte, Cultur-Geschichte u. s. w.

Die Universal—Geschichte der Compedien enthält die Geschichte einiger Völker der alten Welt, in kleinen Abtheilungen zerstückelt und periodenweise neber einander gestellt.

Die Geschichte eines Volks hört dann auf, wennes seine Unabhängigkeit verloren hat. Bald ist von einem Volke in Asien, bald von einem in Europa, dann von einem in Afrika die Rede.

Diese Wanderung macht man in jeder Periode aufs neue.

Das Resultat ist, man lernt so wenig Völker Geschichte, als eigentliche Universal Geschichte kennen. Nicht Völker Geschichte, denn die Geschichte eines Volks ist zu sehr zerstückelt und über die Mischung und Trennung verliert man den Faden und den Zusammenhang. Nicht Universal Geschichte, weil die ganze Anordnung nicht taugt, um die allgemeinen Begebenheiten darzustellen. Noch haben manche Compedien Litteraire Geschichte und Kirchen Geschichte mit heimgemischt. So ensteth den ein Universal, ein Kampf des Gedächtnisses und Nachdenkens und endlich hat man von allem, zum Spass zu viel und zum Ernst zu wenig gelernt.

Die Staaten Geschichte trägt nur die Geschichte der neuern europäischen Staaten vor. Von der Geschichte der politischen Welthändel ist schon oben gesagt worden, dass sie nur die Kriege in Europa erzählt. In diesem Aufsatz ist nur von der politischen Geschichte die Rede. Die Kunst Geschichte, und die historischen Hilfswissenschaften, Diplomantik, Numismatik, Heraldik, Genealogie sind mit Bedacht übergangen worden.

Die Statistik und Geographie haben in unsern Revolutionsreiche Zeiten gleichfalls totale Revolutionen erfahren. Wenn man diese Wissenschaften lernen will: so muss man jetzt oft einer Arbeitunterzeichen, um den mühsamen Fleiss mehrerer Tage dem Zuhörer in einer Stunde vorzutragen. Dieses kann nun fraglich nicht ohne Benutzung der neuesten Bücher und Karten geschehen.

Съ подлиннымъ вѣрно: Младшій Письмоводитель Коллежскій Секретарь

Иосифъ Гецъ.

(Архивъ Казанскаго унив., Дѣло Попеч. марта 14 дня 1804 года, № 4а л. 4—7).

№. II.
(Къ стр. 20-й).

Копія.

Его Сіятельству

Министру Народнаго Просвѣщенія, дѣйстви-
тельному Тайному Совѣтнику, Сенатору и разныхъ
орденовъ Кавалеру Графу Петру Васильевичу За-
вадовскому

Отъ Попечителя Казанскаго Округа
Представленіе.

Главное Училищъ Правленіе въ засѣданіе свое 7-го числа
прошедшаго Генваря мѣсяца сего года въ присутствіи Ваше-
го Сіятельства одобрило условія, предложенныя мною ученому
иностранцу Целлину. На основаніи оныхъ, предназначая его
для преподаванія Всеобщей Исторіи и Статистики въ Импе-
раторскомъ Казанскомъ университетѣ по плану мнѣ отъ него
поданному съ тѣмъ, что бы онъ, до открытія онаго препода-
валъ Исторію въ существующей Гимназій, съ жалованьемъ
по 1500 рублей въ годъ, считая въ томъ числѣ квартиру,
дрова и освѣщеніе, а по открытіи вступилъ бы въ права Орди-
нарнаго Профессора, честь имѣю представить сіе положеніе
на благоразсмотрѣніе и утвержденіе Вашего Сіятельств-
ства, то прошу ассигновать ему изъ суммъ, на Казанской
округъ Высочайше опредѣленныхъ, 1500-ть рублей, считая съ
упомянутаго 7-го генваря, и приказать выдать ему здѣсь въ
Санктпетербургѣ за треть и сверхъ оной на проѣздъ до Ка-
зани 250 ть рублей.

На подлинномъ написано

Степанъ Румовской.

На копіи написано тако: съ подлиннымъ вѣрно: Стар-
шій письмоводитель коллежскій ассесоръ Дмитрій Соколовъ.
Съ подлиннымъ читалъ 14. класса Курбатовъ.

№ 37-й

Февраля 24 дня

1804-го года.

(Архивъ Казанскаго Университета, Дѣло Попеч. марта 14 дня 1804-го года,
Ж 4а л. 2-й).

№. III.

(Къ стр. 96 й).

Eklärung

des Professoris Ordinarii
Zeplin und des Beichtvaters
Dankow über die
Ordnung in den Sessionen
und Geschäften des Con-
seils. Vorgetragen im
Conseil d. 22-ten März
1805.

Объяснение

ординарнаго профессора
Цеплина и Духовника
Гавріила Данкова о по-
рядкѣ въ засѣданіяхъ
и дѣлопроизводствахъ Со-
вѣта Казанской Гимназіи,
предложенное въ Совѣтѣ
22-го марта 1805 года.

1. Ueber die in Conseil verhandelten Sachen, muss ein Protokoll und zwar in der Session selbst aufgenommen, auch in der Session von der Mitgliedern unterschrieben werden.
Касательно дѣлъ, опредѣленныхъ и рѣшенныхъ въ Совѣтѣ, надлежитъ брать съ оныхъ протоколъ, и подписывать оной членамъ Совѣта въ самомъ Засѣданіи.
2. Das Protokoll muss in einem Schnurbuche geführt werden.
Протоколъ долженъ быть вписываемъ въ шнуровую книгу.
3. Jede Schrift, welche für Kenntniss des Conseils gebracht wird, muss in Protokoll angezeigt, nummerirt und mit der Nummer bezeichnet, als Beylage des Protocolls aufbewahrt werden.
Каждую бумагу, о которой будетъ дано свѣдѣніе Совѣту, должно въ протоколъ показать, занумерить и, приложивъ оную къ протоколу, сохранять въ цѣлости.
4. Alle in Protocoll aufgenommene Sachen müssen dem
Всѣ внесенныя въ протоколъ дѣла должны быть

Conseil vorgetragen, daselbst erwogen und wenn es erfordert wird, der Beschluss durch Mehrheit der Stimmen geschafft werden.

предлагаемы Совѣту, которыя, по надлежащемъ изслѣдованіи оныхъ, въ случаѣ нужды, по большинству голосовъ, рѣшима быть могутъ.

5.

Berichte und Schrifte, welche in Namen und mit Willen des Conseils verfasst und abgesandt werden, müssen von der Absendung dem Conseil vorgelegt, im Protokoll angezeigt, nummerirt und die Abschriften, als Beylagen Protokolls aufbewahrt werden.

Письменные доношенія (рапорты) и бумаги, которыя по согласію Совѣта сочинены и именемъ его посланы будутъ, должно, прежде послыки оныхъ, предлагать Совѣту, показывать въ протоколѣ, занумеривать, а копии ихъ приложенныя къ протоколу сохранять“.

Das Gegentheil von allen diesen wurde bisher befolgt. Das lehrt die Erfahrung. Gesetze und die Natur der Sache erfordern dagegen die Ordnung, welche in diesen fünf Punkten enthalten ist. Wir wünschen deswegen:

А что до днесь вовсе противное всѣмъ вышесказаннымъ пунктамъ исполняемо было, сіе показываетъ самый опытъ. Но законъ и свойство самаго дѣла требуютъ напротивъ того, порядка содержащагося въ сихъ пяти пунктахъ; почему желаемъ:

Erstens. Dass diese fünf Punkte durch den Beschluss des Conseils, als Norm für den Geschäftsgang fortgesetzt werden.

1-ое. Чтобъ сіи пять пунктовъ по рѣшенію совѣта приняты были за правило дѣлопроизводства.

Zweitens. Dass im Fall ein Mitglied des Conseils wieder diese Punkte Einwendungen hätte, seine Meinung ad protocollum gegeben werde.

2-ое. Что если кому изъ членовъ совѣта угодно будетъ сдѣлать противъ сихъ пунктовъ какия либо возраженія, то мнѣніе его должно быть внесено въ протоколъ.

Drittens. Sollte ein Rapport über diese Erklärung nöthig seyn, so verlangen wir, dass diese unsere Erklärung in Originali Sr. Excellenz dem Herrn Kurator zugesandt werde.

Professor Peter Zeplin.
Beichtvater Gabriel
Dankow.

3-ие. Если нужно будет сдѣлать о семъ нашемъ объясненіи письменное представленіе, то желаемъ мы, чтобъ самый подлинникъ сего нашего объявленія посланъ былъ къ Его Превосходительству, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Попечителю Казанскаго Университета Степану Яковлевичу Румовскому.

Профессоръ Петръ Цеплинъ.
Духовникъ Гавріиль
Данковъ.

Рѣшеніе Совѣта въ засѣданіи 27 марта 1805 года:

„Въ разсужденіи 5-ти пунктовъ, представленныхъ гг. Профессоромъ Цеплинымъ и духовникомъ Данковымъ: Определено: по всеѣмъ онымъ 5-и пунктамъ послѣдовать въ дѣлопроизводствѣ Совѣта, прибавивъ къ тому, дабы по 2-му и 3-му пунктамъ заблаговременно входящія бумаги вписываемы были въ шнуровой протоколъ на половинѣ листа, предоставляя другую для вписыванія рѣшеній Совѣта. По птому же пункту заготовленныя исполненія протоколовъ Совѣта представлять въ Субботу для прочитыванія членамъ Совѣта, останавливая до того времени исполненія“.

Яковинъ. Цеплинъ.

Карташевскій. Эрихъ. Левицкій.

(Архивъ Казанскаго унив. Дѣло Сов. 1805 г. № 19: Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ, л. 7—8.—Протоколы Сов. 1805 года л. 2).

№. IV.

(Къ стр. 102 и 103).

Голосъ къ протоколу 5 июля 1805.

Der Professor Zeplin, welcher wie er nicht anders weiss, auf ausdrücklichen Befehl Sr. Excellenz des Herrn Curators, Mitglied des jetzigen Conseils ist, welches aus der Professoren und Adjuncten der Universität besteht, glaubt es seinem Amte und Namen schuldig zu seyn, nachstehende Erklärung mit tiefster Ehrfurcht gegen die Gesetze. und mit schuldigster Achtung gegen den Allerhöchst verordneten Chef ablegen zu müssen.

In der Sitzung von 3 ten Junii. ist er, wie seine Unterschrift beweiset, mit allen Gliedern des Conseils einer Meinung gewesen. Er hat mit Besonnenheit, er hat aus Gründen gehandelt, die für ihn damahls subjectiv überzeugend waren. Er kann sich geirrt haben; das würde ihm sehr leid thun. Ihm ist kein Gesetz bekannt gewesen, das seiner Meinung und Abstimmung entgegen wäre; oder deutlicher gesagt, er hat nicht geglaubt, dass der vorliegende Fall unter dem Gesetz gehöre. Auch in dieser Anwendung der Gesetze kann er sich geirrt haben; allein er bezeugt hiemit feierlichst, dass er selbst den Gedanken einer Widersetzlichkeit gegen die Gesetze und zwar einer wissentlichen gegen ein ihm klares und von ihm auf einen bestimmten Fall, als anwendbar erkanntes Gesetz, verabscheue.

Die Gerechtigkeitsliebe Sr. Excellenz des Herrn Curators ist zu bekannt und die unbefleckte Unterthanen-Pflicht und Ehre, der von demselben angestellten Professoren, Sr. Excellenz gewiss als Chef zu lieb, als da der Unterzeichnete befürchten dürfte, es könne diese offene und freimüthige Erklärung eines Mangels an Achtung gegen die Person und Befehle Sr. Excellenz; eines Ungehorsams oder einer Störung der Gesetzmässigen Ordnung, gegen welches alles, er sich hiemit feierlich. . . . , beschuldigt werden“.

Peter Zeplin
Historiarum Prof. ord.

(Архивъ Казанскаго унив. Дѣло Сов. 1805 г., № 19. л. 55).

№. V.
(Къ стр. 113-й).

Протоколъ

Засѣданія Совѣта Казанской гимназіи подъ предсѣдательствомъ Цеплина 18 октября 1805 г.

Слушано было:

Предписаніе Его Превосходительства Господина Попечителя Казанскаго Университета и Округа его и Кавалера Степана Яковлевича Румовскаго отъ 25 сентября подъ № 319-мъ такое: „По требованію „Департамента Министра Народнаго Просвѣщенія предлагаю Совѣту доставить мнѣ „за сей 1805-й годъ ямянной „списовъ какъ студентовъ Казанскаго Университета, Казенныхъ и Свокоштныхъ, „такъ и учениковъ Гимназіи, „налицо находящихся и въ „теченіе сего года выбывшихъ „по прилагаемой при семъ „формѣ.

„P. S. При семъ предлагается изображение памятника „выгравированнаго коштомъ „Его Превосходительства Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія Михайлы Никитича Муравьева въ честь „покойному Академику Ивану „Ивановичу Лепехину и въ „Казанскій Университетъ отъ „него провождаемаго“.

Опредѣлено: составленіе требуемой вѣдомости за 1805-й годъ предоставить Секретарю Совѣта, а изображение памятника при ордерѣ отправить въ бібліотеку.

Петръ Цеплинъ
Мартинъ Германъ
Henri Louis Villemann
Григорій Карташевскій
Иванъ Запольскій
Левъ Левицкій
Иванъ Эрихъ.

Потомъ г. профессоръ Цепляинъ представилъ полученной имъ съ послѣднею почтою пакетъ на имя Совѣта отъ Его Превосходительства Г. Попечителя Училищъ Казанскаго Округа и Кавалера Степана Яковлевича Румовскаго (отъ 28-о), который и былъ распечатанъ въ присутствіи всѣхъ членовъ. Послѣ чего слушано слѣдующее предписаніе отъ 28 сентября подъ № 323-мъ:

„По представленію моему утверждены профессорами въ Казанской Университетъ съ положеннымъ по штату жалованьемъ: 1-о Его Сіятельствомъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ Маія 31-о Докторъ Философіи и Магистръ Словесныхъ Наукъ Винцентъ Стерль Профессоромъ Греческаго языка и Греческой Словесности. 2-о Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія Его Превосходительствомъ Михайломъ Никитичемъ Муравьевымъ Іюля 1-о Иностранецъ Генрихъ Людвигъ Бюнеманъ, Профессоромъ Правъ Естественнаго, Политическаго и Народнаго и Сентября 4-о Докторъ Медицины—Карль Фуксъ—профессоромъ Естественной Исторіи и Ботаники: о чемъ

Опредѣлено: взять къ свѣдѣнію и исполненію, о чемъ сообщить Конторѣ вѣденіемъ.

Петръ Цепляинъ
Мартинъ Германъ
Henri Louis Büne mann
Григорій Карташевскій
Иванъ Эрихъ
Левъ Левицкій
Иванъ Запольской.

„сообщая Совѣту, прилагаю съ подлинныхъ дѣлъ копи.“

Далѣе слушаны были сообщенія изъ Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета въ цензурный Комитетъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 29 Сентября подъ № 90-мъ слѣдующее: С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, рассмотрѣвъ книгу подъ названіемъ: „Galerie „politique, ou tableau historique „philosophique et critique de la „politique étrangère ou se trouvent l'aperçu des événemens „qui ont contribué à l'élévation, „à la gloire ou à l'abaissement „de chaque état; des rapports „diplomatiques, l'analyse de divers traités et les portraits „des Monarques, Ministres, Généraux etc., qui ont influé „sur le sort de la politique de „l'Europe depuis 1780 jusqu'en „1800, par M. A. Gallet, 2 Vol. „à Paris chez Fr. Buisson, „rue Haute-feuille n.º 20 „an XIII—1805“, „запретилъ „овую продавать въ своемъ „округѣ; о чемъ въ силу 33-о пункта Устава о Цензурѣ „честь имѣю уведомить Цензурный Комитетъ при Казанскомъ Университетѣ“.

Опредѣлено: взять къ свѣдѣнію и доставить въ Цензурный Казанскаго Университета Комитетъ, когда оной учредится.

Петръ Цеплинъ
Мартинъ Германъ
Henri Louis Bünneman
Григорій Карташевскій
Иванъ Эрихъ
Иванъ Запольской
Левъ Левицкій.

и Рапортъ дежурнаго по влассамъ офицера Попова о томъ, какіе съ 9-о по 16 число сего Октября продолжались влассы, какъ въ Университетѣ такъ и Гимназіи, какіе не были заняты и по какимъ именно причинамъ. По сему рапорту оказалось, что въ теченіе сего времени не были въ влассахъ по причинѣ болѣзни: Адъюнкты: Левицкій 3. раза, Карташевскій 1. разъ, Эрихъ 1. разъ; учителя: Ибрагимовъ 2. раза и Ахматовъ 1. разъ; по казенной надобности: Профессоръ Яковлевъ 2. раза; да по законной нуждѣ учитель Данковъ 1. разъ; а учитель Кизюкинъ 13. числа промедлилъ 40. минутъ. Прочіе жъ учителя, адъюнкты и профессора приходили всѣ въ предписанное время.

Опредѣлено: взять въ свѣдѣнію.

Петръ Цеплинъ
Мартинъ Германъ
Henri Louis Bünemann
Григорій Карташевскій
Иванъ Эрихъ
Иванъ Запольской
Левъ Левицкій.

(Протоколы Сов. 1805 г. л. 53 и 59)

№ VI.

(Къ стр. 118).

1806-го года февраля 23 дня нужно быть Собранію Совѣта до полудни въ 10 часовъ.

Почему Г. члены онаго симъ и извѣщаются.

Григорій Карташевскій.
Иванъ Запольскій.
Левъ Левицкій.

Prof. Zeplin ist krank.
Er hofft, dass heute nicht
die Rechnungen vorge-
legt werden, weil der
genommene Abrede
nach, die Session zu
diesem Zweck, einen
Tag vorher angesagt
werden muss.

H. Büdemann Doct.
et Professor
D-r Herrmann.
D-r M. J. Винкентій
Сторль Prof. ord.
Иванъ Эрихъ.

№. VII.

(Къ стр. 127-й и 153-й).

Honoratissimis, clarissimis et doctissimis Dominis, Dominis membris Gymnasii Casanensis Consilii.

Honoratissimis ac doctissimis Dominis membris Consilii certum est die 19-mo septembris, tempore deliberationis de commissione exquirenda inter Dominos professorem Camensky et adiunctum inspectorem Gymnasii Evestum acto, Dominum Professorem Zeplin mihi dixisse: *me errare*. Censendo, haec verba, in praesentia Consilii prolata, esse indecentia, ergo contra leges dicta, admonui eum, ne in posterum proferat talia, vel illis similia, sicuti illegitima. Die 20 Septembris durante supra dicta deliberatione, Dominus professor Zeplin in praesentia Consilii, iterum mihi dixit: „*me esse in errore*“, affirmando, illa verba non esse contra leges. Cum ille non cessavit permanere ad hanc opinionem suam, nec poenituit eum, evocovieum ad normam tribunalis cum tribus mandatis Caesareis et commendavi ei ad perlegendum mandatum anni 1724 ianuarii 21 die datum, praescribens membris cuiusvis tribunalis omnem possibilem decentiam tam in verbis inter secum, quam in gestibus et factis observandam. Sed Dominus Professor Zeplin evocatus ad normam, excusavisse, non posse perlegere mandatum rossice, non callendo hanc linguam. Post haec, contra leges facta, postulavi, ut Dominus Secretarius consilii inserat ea protocollo et eo quidem ipso tempore in praesentia consilii declaravi, me de hac re relaturum fore ad Excellentissimum Virum Dominum Curatorem. Instante Domino Zeplin, postulatio mea non fuit inserta protocollo, posteriora vero a me declarata explevi die 24 Septembris singulari ad Excellentissimum virum relatione.—Die 3 Novembris quando ad restaurandum et conservandum in Consilio ordinem declaravi mandatum Caesariae Majestatis 1724 anni die 20 ianuarii datum, de non incipienda in tribunalibus nova sessione non subscriptis protocollis praeteritae ad exemplum, perdictavi D. Adjuncto Evesto, absente D. Secretario Levizky propter morbum, ad inserendum protocollo: „*Professor inspector in consilio proposuit*“, at D. Camensky contradixit inserenda illa protocollo, adducendo causam, non ad haec convocatum esse Consilium, sed ad exaudiendam declarationem

Domini professoris Zeplin; hicce arridens adjunxit illis verbis: „Scribas D. Evest! *Professor inspector in consilio proposuit, quod nil habuit ad proponendum*“. Tunc aspiciendo Dominum professorem Zeplin adnotavi ei indecentiam eiusmodi verborum et declaravi me relaturum fore illa Excellentissimo Viro Domino Curatori, quae re ipsa explevi (a) die 6 Novembris; quia mihi, sicuti praesidi Consilii, impossibile erat silentio praeterire tales transversiones legum in praesentia Consilii commissas. Excellentissimo Viro Domino Curatori bene placitum fuit, ut veritatem supradictarum trium indecentium occasionum, in praesentia Consilii gestarum, affirmant honorissimi Domini Collegae, membra Consilii; ideoque submitte rogo ac obsecro de testificandis ac coram toto Consilio certificandis occasionibus supra descriptis. Dabam Casaniae die 8 Decembris hujus 1806 anni. Professor, inspector Studiosorum, Gymnasii Director

Iacovkin.

Professor Stoerl.

Mihi subscripto dictum fuit a Domino professore Zeplin, ut inserantur protocollo verba: Professor inspector in consilio proposuit, quod nil habuit ad proponendum. Adj. Evest.

Respectu primarum duarum occasionum testor me adfuisse consilio et omnia me audivisse. Adjunctus

Levizky.

Quod prima sunt ipsissima verba D. Professoris Zeplin, quae audivisse me, admodum memini; quod vero attinet ad posteriora puncta, me absente ob morbum, ignoro. Professor Fuchs.

Copia vidimata conformis est cum originali declaratione quoad verbum. Membrum Consilii adjunctus Theodorus Gabriel Evest.

(Архивъ Казанскаго ун-ва. Дѣло Сов. 1806 г. № 10 л. 45).

№. VIII

(Къ стр. 129-й).

Ad Imperatoriae Casanensis Universitatis Excellentissimum
Dominum Curatorem

Professores et Adjuncti infra subscripti.

19*

Ad praescriptum Excellentissimi Domini Curatoris die 30-mi Augusti Anni 1806 sub № 308 nec non ad quaestionem quid pars consilii sub verbis

de hac re *о семъ предметъ*
in decreto d. d. 8-vo Augusti occurrentibus, intéllexerit in Consilio hac de re facta et acta narrata cum causis impedimentisque.

Die 3-tio Iulii D. Professor et Gymnasii Director Iakowkin Consilium de suspensione D. Puchinsky certius fecit. Quae (que) vero quattuor diebus post suspensionem et cum publico jam profecturo, cum quo relationem suam ad Excellentissimum Dominum Curatorem miserat, fecit.

Consilium e D. Directore quaesivit legem, per quam sibi Directori Gymnasii potestas daretur officiales gymnasii de munere suspendendi et de modo, quo munere suo functi sunt, referendi. Ad hoc D. Iakowkin respondit incerto modo, simul vero tamen recusavit ad protocollum declarare: rem unice ad se pertinere.

Proferebatur in medium praescriptum Exc. Domini Curatoris d. 13 oct. 1803 quo Consilio jus datur praeceptores et officiales gymnasii praesentandi.

Secundum analogiam juris igitur Consilium putavit apud se jus extr. esse de modo, quo muneribus suis fungantur referendi, praesertim cum ista analogia per § 66 statutorum Universitatis confirmata esset. Allegeba(n) tur praeterea exempla haud interruptae observantiae praeceptorum et inspectorum.

Hae erant causae decreti d. d. 3-ii Iulii. D. Director Gymnasii ad hoc sine ulla restrictione et clausula accessit, subscripsitque data promissione, se causas istius suspensionis cum Consilio communicare velle.

Dilata sed non denegata re, subito D. Professor Iakowkin d. 7-mo Iuli mutatam suam opinionem protocollo inserendam curavit. Allegavit praescriptum Exc. Domini Curatoris d. d. 19-mi Iuni 1805, quod vero non nisi de rebus interioribus id est oeconomicis loquitur. Nunc disertis verbis declaravit, se responsionem hac de re in se suscepturum esse; quod quidem jam die 3-o Iuli facere potuisset. Haec tantum facta, non addita nostra sententia, consilium in decreto d. d. 7-mi Exc. Domino Curatori repraesentavit.

Die 8-o Augusti consilium habebatur, quamvis secundum statuta Universitatis § 64 dies vacationis nondum elapsi erant. Propositum et per protocollum praescriptum Exc. Domini Curatoris ad coetum rationariorum vulgo Comptoir datum. Sed quum originale praescripti nobis denegaretur, Consilium non potuit scire, an praescriptum totum an extractum sive excerptum ante oculos haberet. Quam ob rem Consilium etiam ignoravit, num sine restrictione aut cum quibus conditionibus electio facienda esset. Accessit ad haec omnia, quod D. Iakowkin talem consilio nonnullorum praescripti verborum suppeditavit explicationem, secundum qualem coetui rationariorum dimisso inspectori testimonia exhibere, creditum esset; quam vero explicationem membra nationis rossicae negaverunt et reprobarunt.

In re tam dubia igitur Consilium non solum sibi melius consulere duxit, expectare Exc. Domini Curatoris praescriptum ipsissimum et sic etiam voluntatem Ejus expressam de virtutibus et scientiis eligendi cognoscere. Sed etiam re per aliquod tempus dilata majorem candidatorum numerum habere; denique post tempus vacationis rem in praesentia omnium membrorum pertractare. Quae sunt causae decreti d. d. 8-o Augusti 1806.

Die 12-o Septembris D. Professor Iakowkin iterum electionem inspectoris, eam quam maxime necessariam esse dicens, a Consilio postulavit. Consilium igitur ut stricte mandata Exc. D. Curatoris obsequeretur elegit e duobus candidatum *unum*, quem secundum suam conscientiam dignissimum munerique aptissimum censuit, non vero ambos, ut Domino Iakowkin placuit ad confirmandum repraesentavit.

Factis in eadem sessione decretis in quorum numero et decretum huius electionis erat, iisque protocollo insertis subscriptisque, quum jam hora 2-da post meridiana audita esset, membraque consili jam discedere vellent, en subito emarsupio suo extraxit D. Professor Iakowkin praescripta Exc. Domini Curatoris sub № 307 et 308. Ultimum locum in hac sessione occupavit decretum, ut nobis copiae praescriptorum exhiberentur.

Copiis nobis exhibitis primum ex iis intelleximus electionem istam sine ulla restrictione praescriptam esse. Stupefacti-

que videbamus fere omnia decreta in sessione 12 Sept. facta, praescriptis sub № 307 et 308 non convenire.

Tandem in sessione 20 mi septembris de nova sessione consilioque hac de re habendo membra omnia cum D. Iakowkin convenerunt. Dies consilii dictus est 24 Sept. et quidem hora 11 antemeridiana. Congregatis membris in illo die, D. Prof. Iakowkin non adfuit et scriba consilii ad domum suam missus eum non invenit.

Haec sunt acta et peracta consilii in re laudata. Sic immaculatum nostrum honorem, quem in legibus nobis cognitis religiose observandis, nec non impie reverendis Superioribus collocamus, extra omne dubium positum esse speramus, quem honorem sartum tectumque servare nobis semper curae cordique erit. Casanae die 27 Sept. 1806.

Subscripserunt:

Doctor Peter Zeplin historiae Professor D. Mart. Hermann Prof. antiq. et linguae latinae.

Doctor Iuris Henricus Ludovicus Buneman Iuris Professor.

Octavo die Augusti id est tempore vacationis legitime et licite abfui, et sic quo ad hanc diem nil attestor. Doctor Medicinae et Chimiae Ioannes Kamensky Professor Anatomiae.

Ad. Ioannes Zapolsky.

Cum originali congruit—Secretarius Levizky.

(Архивъ Казанскаго унив. Дѣло Сов. 1806 года № 10 л. 31 и 32).

№ IX

(Къ стр. 134).

Declaratio D-ni Prof. Zeplin sequens: Quum in Consilio praelegetur praescriptum Excellentissimi D-ni Curatoris in quo dicitur: Consilium, neglecto eius mandato, attestatum candidati ad munus inspectoris generalis non misisse, proferebatur et a me quae in plurimorum ore, certissime in fere omnium animo erat quaestio: an attestatum missum sit, an non? D. Secretarius manu propria protocollo inscripsit:

se ad quaestionem *Consilii* respondere, attestatum non ab eo missum esse, causas vero in sequenti sessione se adferre velle dixit. Sequenti sessione ego abfui febri laborans, res differebatur et tandem me absente D. Secretarius Levitzky declarationem suam praelegit. In illa disserebat de quaestione ex illo facta. Monitus vero a nonnullis membris illam declarationem non ad protocollum dedit, sed promisit amissis illis, quae de quaestione dixerat, causas tantum attestati non missi in sequenti sessione adferre. In sequenti sessione, cui ego ob morbum non adfui, iterum similem declarationem praelegit, quam ante sessionem protocolli libro inserere ei placuit.

Perspicuum quidem est, disquisitionem de quaestione e secretario facta, rem non missi attestati neque mutare neque defendere; omnibusque liquet, me defensione contra coniecturam D. Levitzky de modo in collegiis procedendi facile supersedere posse: attamen quum me D. Levitzky in scripto suo nominaverit, nonnulla a me monenda esse duco.

Scriptis D. Secretarius *me et nonnulla membra* ex eo quaesivisse. Hoc vero ipse refellit, manu sua enim protocollo inscriptum est: *consilium* quaesivisse. Si vero nunc certiora quam antea illi nota sunt, quare non illa consilii membra nominat, quibus non curae cordique fuit scire an et quare contra mandatum Excellentissimi Domini Curatoris actum sit. Incongruum D. Levitzky videtur *membrum* Consilii *e membro* huius collegii quaerere. Hic a D. Levitzky pro lubitu nunc unum pro parte, nunc pars pro uno, nunc totum pro parte sumitur, quia de eadem re agens mox ea ab uno membro, mox a parte membrorum, mox a Consilio factam esse scribit. Non vero e *membro* Consilii simplici per tale quaesitum est, sed e Secretario, qui pace D. Levitzky sit dictum, qua (?) talis non membrum Consilii est.

Positis vero sed non concessis iis quae D. Levitzky profert, nonne illi optime et suo jure de hac re quaestiones facere poterant, qui mandato Excellentissimi Domini Curatoris obsequentes unum candidatum repraesentaverant et quibus jure negligentia imputata esset, si id sine attestato fecissent? quod tandem dato casu aliud medium erat, quam Secretario quaerere?

Nemo membrorum Consilii, coram protocollo se quaestioni faciendae opposuit, et ipse D. Secretarius manu sua quaestio-

nem et responsum protocollo inscripsit nemine tunc contra dicente.

Multa, quae his addere possim, scribere nolo, haec tantum subjungam: Si ego et collegae mei id parvi pendissent: ane et quomodo contra mandatum Excellentissimi Domini Curatoris actum sit, nos non egissemus cum reverentia superiori debita: quaestio igitur ad probandum necessaria, nos non contra voluntatem Excellentissimi Domini Curatoris aliquid fecisse, non incongrua fuit, quia, qui vult finem, vult media“.

(Архивъ Казанскаго унив. Протоколи Сов. 1806 г. II л. 40 ж 41).

№. X

(Къ стр. 155-й).

Переводъ.

Его Сіятельству Г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Сенатору и кавалеру Графу Петру Васильевичу Завадовскому,
Казанскаго Университета отъ Профессора Цеплина
Покорнѣйшее представленіе.

Оставляю безъ вниманія.

5-го числа декабря прошедшаго года прочтены въ Совѣтѣ Казанской гимназіи приказанія Вашего Сіятельства и предписанія Его Превосходительства Г-на Попечителя здѣшняго Университета. Не смѣю точно утвердить, каково они были содержанія, ибо Г-нъ предсѣдатель Совѣта отказалъ мнѣ въ копіяхъ, которыхъ я однакожъ въ силу § 67 Высочайшаго Устава сего Университета въ видѣ выписокъ изъ Журнала, имѣлъ право ожидать. Въ то же самое время объявлена мнѣ воля Г-на Попечителя, по которой я не долженъ былъ присутствовать при слѣдующихъ засѣданіяхъ Совѣта. Все сіе приводитъ меня въ недоумѣніе, хотя я и не знаю, въ чемъ я могъ по должности своей преступиться, и хотя въ самомъ журналѣ помѣщена мнѣ похвала отъ Г-на Попечителя за ввѣденіе хорошаго порядка.

Оставляю безъ вниманія.

На всѣ доносы, которые могутъ быть присланы изъ Казани, могу смѣло отвѣтствовать, по правилу означенному Величайшею Монархинею въ § 116 Наказа слѣдующими словами: „должно обвиненнаго выслушать не только, чтобъ получить „точное понятіе о дѣлѣ, въ коемъ его обвиняють, „но и для того, чтобъ онъ могъ оправдаться“.

По силѣ причинъ, я сегодняшняго числа покорнѣйше просилъ Г-на Попечителя о предписаніи, дабы мнѣ приказанія моего начальства, и ежели есть, доносы и жалобы на меня, были мнѣ сообщены въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ. Та мысль, чтобъ я въ глазахъ высокаго мецената, уважаемаго ученымъ свѣтомъ, хотя на минуту могъ показаться отступившимъ отъ обязанности своей, весьма для меня прискорбна, и я не могу не поднести вашему Сіятельству сего покорнѣйшаго представленія и не просить о сильной вашей защитѣ. И о семъ представленіи почитаю себя обязаннымъ увѣдомить Г-на Попечителя. Извѣстная справедливость Вашего Сіятельства внушаетъ мнѣ надежду, что сіе представленіе будетъ вами принято не за иное что, какъ за объявленіе моей невинности.

Докторъ Петръ Цеплинъ, ординарный профессоръ Исторіи при Казанскомъ Университетѣ.

Казань 16-го Января,
1807 года.

(Архивъ Минист. Народн. Просв. 1806 года, № 3963 карт. 136).

№. XI.

(Къ стр. 160-й).

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, великій Государь Императоръ. Я испрашиваю Вашего Императорскаго Величества Покровительства, обѣщаннаго Казанскому у-ту. Безъ

суда уволенъ я отъ должности профессора исторіи. Одна только бумага, которая мнѣ сообщена, полагаетъ тому причиною неповиновеніе Начальству. Повелѣнія въ ней не объяснены, какъ и дѣянія, коими бы неповиновеніе мое доказано было. Тайные доносы изъ Казани рѣшаютъ участь членовъ у-та. Двое другихъ уволены, равнобѣрно еще двое ожидаютъ таковой же участи. Безпокойствіе и страхъ, произведенные таковыми переменами, потерянная честь и содержаніе препятствуютъ нужному для науки спокойствію; вотще возстаетъ повсюду противъ таковыхъ поступковъ гласъ здѣшней публики. Ваше Императорское Величество Всемиловѣйше изволили повелѣть 66-мъ параграфомъ университетскаго Устава сохранять спокойствіе принадлежащихъ къ университету особъ. Жалобы на нихъ должны быть рѣшены законнымъ порядкомъ; рѣшеніе же самое должно еще быть утверждено двумя инстанціями. Хотя же по нынѣ не всѣ еще коллегіи университета образованы, однако право, утвержденное священнымъ словомъ Монарха, никѣмъ не можетъ быть отнято. Нѣтъ ни одного мѣста во всей Россійской Имперіи, гдѣ бы кто нибудь былъ наказанъ прежде, нежели доказаны законопротивныя его дѣянія; ни одного мѣста, гдѣ бы была отказана защита обвиненному.

Бывъ увѣренъ въ моей невинности, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ престолу справедливѣйшаго Монарха. Соизвольте Ваше Императорское Величество принять мою всеподданнѣйшую просьбу. Я осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго повелѣнія, чтобы сообщили мнѣ жалобы, въ коихъ показываютъ на меня противные закономъ поступки и чтобы мое оправданіе и самое дѣло согласно съ законами рѣшено было Главнымъ училищъ Правленіемъ.

Съ глубочайшею преданностью пребываю Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій

Петръ Циплинь (sic).

Казань,
19 февраля 1807.

(Архивъ Мин. Народн. Просв. 1806 г. № 3963 л. 61).

№. XII.

(Къ стр. 161-й).

Получено 25 февр. 1807.
Докладываю 14 марта 1807.

Ad

Supremam Directionem Scholarum
Imperii Russici

humillimae preces
Professoris Zeplin.

Ante quam diario Collegii aliquid inseratur ad remotionem ab officio Professoris historiarum in Universitate Casanensi pertinens, oro atque rogo, ut mihi benignissime concedatur nonnulla de hac re ad Collegium Virorum Illustrissimorum et Doctissimorum referre.

Causae et modus huius remotionis contenta sunt in extractu diarii Gymnasii Casanensis Consilii, quem oculis Vestris subjicio. Alià non comperta habeo. De quibus mandatis agitur, nescio. Facta inobedientiam meam probantia, mihi non indicata sunt.

Quilibet reus audiendus est idcirco, ut causa ex eo cognoscatur et ut ille se defendat.

Superiores meos venerandos igitur obtestatus sum, ut mihi accusationes communicentur et defensio mihi permittatur, causaque sicuti § 66 Statutorum Universitatis praescribit, secundum consuetudinem judicialem dirimatur. Si haec mihi clementissime concedantur, innocentiam meam certissime extra omne dubium ponam.

Casanae
die 12-mo
Februarii 1807.

D. Peter Zeplin.

Въ журналѣ Главнаго училищъ Правленія 14 марта 1807 года опредѣлено:

Прошеніе профессора Цеплина оставить безъ вниманія, какъ по тѣмъ причинамъ, по какимъ онъ отставленъ отъ должности, такъ и потому, что дѣло сіе, будучи утверждено высшимъ начальствомъ, не подлежитъ болѣе изслѣдованію Совѣта.

Подлинный журналъ за подписомъ присутствующихъ и правителя дѣлъ.

Вѣрно: Столоначальникъ Ефимъ Трипольскій.

(Архивъ Казанскаго унив. Дѣло Сов. 1806 г., № 10 л. 69—70).

№. XIII.

(Къ стр. 161-В).

An seine Erlaucht den Herrn Minister des öffentlichen Unterrichts wirklichen Geheimenrath, Senateur und mehreren Orden Ritter Grafen von Sawadowsky

Gehorsamste und ehrfurchtsvolle
Vorstellung des Professor Zeplin in Kasan.

Am 5 ten December, vorigen Jahres, verlas man im Conseil des Kasanschen Gymnasii die Befehle Eurer Erlaucht und die Vorschriften Seiner Excellenz des Herrn Curators dieser Kaiserlichen Universität. Genau und bestimmt wage ich es nicht den Inhalt derselben anzugeben, denn der Herr Vorsitzende des Conseils verweigerte mir die Copien, welche ich doch in Form der Auszüge aus Journals, nach dem Allerhöchsten Ustaw dieser Universität § 67, wohl hätte erwarten können. Zu gleicher Zeit kündigte man mir den Willen Seiner Excellenz, des Herrn Curators an, nach welchem ich den nächsten Sitzungen des Conseils nicht bei-

wohnen sollte. Alles dieses setzt mich in Ungewissheit: weil ich mir gleich in meinem Amte keiner wissentlichen Pflichtverletzung schuldig bin und obgleich selbst das Journal ein mir, von des Herrn Curators Excellenz, ertheiltes Lob, wegen Einführung einer guten Ordnung im Conseil enthält.

Allen Delationen aus Kasan, wenn sie geschehen sein sollten, kann ich ruhig auf dem Wege entgegen gehen, den die Erhabenste Monarchie § 116 der Instruktion mit diesen Worten bezeichnet: „Man muss den Beschlagten hören, nicht nur um den rechten Begriff der Sache, deren er beschuldigt wird, zu erlangen, sondern auch deswegen, damit er sich vertheidigen kann“.

Aus diesen Gründen habe ich des Herrn Curators Excellenz unter dem heutigen dato gehorsamst um die Verfügung gebeten, dass mir die Befehle meiner hohen Obern und wenn Delationen, Auslagen und Anklagepunkte gegen mich vorhanden sein sollten, auch diese mir, in copia vidimata, mitgetheilt werden mögen.

Schon der Gedanke in den Augen des erhabenen Maecenas, den die gelehrte Welt verehrt, auch nur einen Augenblick den Schein eines Mannes zu haben, der seine Pflicht verletzte, ist zu drückend, als dass ich es nicht wagen sollte Ihnen Erlauchter Herr Graf, diese Vorstellung ehrfurchtvoll zu überreichen und sie zugleich um Eure hohen Schutz zu bitten.

Auch von dieser Vorstellung halte ich es für meine Pflicht des Herrn Curator Excellenz zu benachrichtigen. Die bekannte Gerechtigkeitsliebe Eurer Erlaucht macht mir die gerechteste Hoffnung, dass diese Vorstellung für nichts anders, als für die Erklärung meiner Unschuld angesehen werde. Doctor Peter Zepelin, Ordentlicher Professor der Geschichte auf der Universität zu Kasan. Kasan den 16-ten Januar 1807 (получ. гевн. 27 дня 1807).

На русск. перев. напис. оставить безъ вниманія.

(Архивъ Мин. Народ. Просв. 1806 г. № 3963 карт. 136).

№. XIV.

(Къ стр. 161-й).

Ad illustrissimum Virum Domimum Ministrum institutionis consiliarium intimum actualem Senatorem et Equitem Comitem de Sawadowsky

humillimae preces
Professoris Zeplin.

Adlatus mihi est extractus e Diario Consilii Gymnasii Casanensis, quem oculis Tuis Vir illustrissime subjicio et in quo de remotiane ab officio professoris, propter inobedientiam mandatorum. a superioribus emanatorum, agitur: Mandata et facta inobedientiam probantia non mihi nominata sunt. Multo que minus talis inobedientiae convictus sum, qui nullo tempore me mandato Superiorum opposui.

Iterum igitur, Comes illustrissime, Te, per amorem justitiae, animo Tuo insitum, obtestor, ne permittas me causa incognita et non audita mea defensione condemnari. Actiones membris Universitatis intentas, consuetudine ac modo judiciali derimendas esse, in § 66 statutorum Universitatis praescriptum est. Jura mea igitur mihi reservans, etiam atque etiam oro-rogoque, ut mihi Tuo mandato, vir illustrissime, accusationes communicentur et defensio permittatur. Si haec mihi clementissime concedantur, mox innocentiam extra omne dubium ponam, quae contra accusationes mihi non communicatas, leve praesidium est.

D. Peter Zeplin.

Casanae

die 12-m Februari 1807 (получ. 23 февр. 1807).

(Пом. оставить безъ дѣйствія).

(Архивъ Мин. Народн. Просв. 1806 г., № 3963 карт. 136).

№. XV.

(Къ стр. 162-я).

Ad illustrissimum Virum Dominum Comitem de Sawadowsky Ministrum Eruditionis publicae Consiliarium intimum Senatorem ac Equitem ordinum Imperii equestrium

humillimae preces
Professoris Zeplin.

Iterum Comes illustrissime, patrocinium et auxilium Tuum imploro.

Usque ad hunc diem, neque mandatum Tuum, Vir illustrissime, quo ab officio Professoris historiarum in Universitate Casanensi remotus sum, neque scriptum Excellentissimi Dominini Curatoris, ad Te, Vir illustrissime, hac de re, datum, oculis perspexi. Causas remotionis et accusationes mihi intentas prorsus ignoro. Nullius delicti, multoque minus delicti irremissibilis, ut verbis statutorum Universitatis Casanensis § 66 utar, convictus sum.

Per amorem justii, generoso Tuo animo, Comes Illustrissime insitum, Te Fautor ac Tutor litterarum celeberrime! obtestor, ne permittas me incognita causa et inaudita defensione condemnari. Etiam atque etiam oro rogoque, ut Tuo jussu, Comes Illustrissime, mihi accusationes communicentur et defensio permittatur. Certissime tunc innocentiam meam extra omne dubium ponam, nec spes me fallat, fore, ut tuo Vir illustrissime, patrocinio fama atque existimatio mea sarta tectaue servaretur.

Quae Tua clementia et humanitas, laudibus Tuis, Comes Illustrissime! tot titulis acquisitis nil quidem addere potest; haerebit tamen memoria nominis Tui splendidissimi non solum in grato meo, sed et iam in omnium muneribus in Universitatibus fungentium animo, qui Te, Vir Illustrissime Protectorem et Tutorem colunt et suffugium ad strenuum innocentiae Defensorem non obclusum esse gaudebunt.

Peter Zeplin.

Petropoli

Die 1 Julii 1807 (получ. 4 июля 1807).

Пом. „Оставить“.

(Архивъ Мин. Народн. Просв: 1806 г., № 3363 карт. 136).

№. XVI.
(Къ стр. 196).

Отдѣленіе
Нравственно-полити-
ческихъ Наукъ

Въ Совѣтъ Императорскаго
Казанскаго Университета.

Представленіе
отъ 21 октября 1814 года.

№ 13

О производствѣ экза-
мена г-ну Іону съ
приложеніемъ всего
дѣла.

Отдѣленіе Нравственно-По-
литическихъ Наукъ, окончивъ
испытаніе Саксонскаго уро-
женца Императорскаго Москов-
скаго Университета студента
Іона на Достоинство Доктора
Правъ, имѣеть честь присемъ
представить въ оный совѣтъ
на разсмотрѣніе все производ-
ство сего экзамена, прилагая
присемъ разсужденіе экзаме-
нуемаго съ тѣмъ, дабы благо-
волено было назначить время
для публичнаго защищенія она-
го. *Петръ Цеплинъ.*

Слушано 21 октября

Секретарь Магистръ Іосифъ Срезневскій.

(Архивъ Казанскаго ун-в. Дѣло Сов. 1812 г. 9 ноября, № 98 л. 124).

№. XVII.

(Къ стр. 197).

Отдѣленіе
Нравственно-Полити-
ческихъ Наукъ
Представленіе
отъ 17 ноября 1814 года
за № 18.

Объ удостоеніи Совѣ-
томъ докторской сте-
пени г. Іона.

Въ Совѣтъ Императорскаго
Казанскаго Университета.

Симъ оному Совѣту Отдѣле-
ніе Нравственно-Политическихъ
Наукъ честь имѣеть предста-
вить, что поелику оно уже
представило ему журналъ про-
изводства экзамена на степень
Доктора Правъ г-на Іона по
§ 102 Устава, а также и мнѣ-
нія трехъ профессоровъ отдѣ-
ленія о состязаніи его по
§ 104 Устава Совѣту будутъ
представлены; то отдѣленіе и
ожидаетъ опредѣленія Совѣта
объ удостоеніи означеннаго г-на
Іона степени Доктора; каковыя
степени по § 28 Предваритель-
ныхъ правилъ и по § 6 Гра-
моты даются только отъ Уни-
верситета, а также и о томъ,
что благоугодно будетъ Совѣ-
ту постановить касательно
диплома, о которомъ говорится
въ § 54 Устава.

Деканъ, профессоръ Петръ Цеплинъ.
Секретарь Отдѣленія, магистръ Срезневскій.

(Тамъ-же, л. 125).

№ VIII.

(Къ стр. 224—226).

Отдѣленіе
Нравственно-Политиче-
скихъ Наукъ
отъ 6 ноября 1816 года
за № 17.

Представленіе.
Объ удостоеніи г. Ан-
тенорова степени кан-
дидата Правовѣдѣнія.

С л у ш а н о 8 н о я б р я .

Въ Совѣтъ
Императорскаго Казанскаго
Университета.

Симъ оному Совѣту Отдѣ-
леніе Нравственно - Политиче-
скихъ Наукъ честь имѣеть пред-
ставить, что оно въ силу § 111
Устава, по прошенію бывшаго
Казанской Духовной Академіи
студента, служившаго подъ вѣ-
домствомъ Департамента Госу-
дарственныхъ имуществъ въ
Канцеляріи Оберъ - Форшмей-
стера, Алексѣя Антенорова,
поданнаго на имя Декана От-
дѣленія 20 октября, объ удо-
стоеніи его по подлежащему
испытанію, званія кандидата
правовѣдѣнія, окончивъ таковое
испытаніе, находитъ его Анте-
норова таковой степени достой-
нымъ. Почему, прилагая при-
семъ особенный протоколъ, по-
становленный въ отдѣленіи по
случаю сего испытанія, а вмѣ-
стѣ и прошеніе г. Антенорова
съ копіею Аттестата, даннаго
ему отъ Духовной Академіи, и
сочиненныя имъ письменныя уп-
ражненія на предложенныя ему
матеріи, и просить Совѣтъ удо-
стоить его означенной степени.

Деканъ Петръ Цеплинъ.

Секретарь отдѣленія адъюнкты Срезневскій.

(Архивъ Казанск. ун-верс. Дѣло Сов. 1816 года 8 ноября № 138 л. 1).

№. XIX.

(Къ стр. 224—226).

Особенный протоколъ испытанія Алексѣя Антенорова на степень кандидата Правовѣдѣнія 1816 г. октября 27 дня въ силу § 111 университетскаго устава.

При семь испытаніи, въ присутствіи г. Декана г. Гг. членовъ отдѣленія испытующемуся по § 96 Устава предложены были слѣдующіе вопросы: 1) quid est res et quomodo res secundum jus romanum dividuntur? 2) quatenam sunt jura patronorum et quo tempore patronatus Romae introductus est? 3) Quatenam sunt jura tutorum? 4) Quatenam differentia intercedit foedus inter et alloquium? et 5) Quomodo servitia secundum regulas juris feodalis dividuntur? на которыя рья онъ отвѣчалъ въ продолженіи засѣданія письменно на латинскомъ языкѣ. Определено: отвѣты взять членамъ на разсмотрѣніе и собраться еще для испытанія 4 ноября. *Деканъ Петръ Цеплинъ.*

Профессоръ Баронъ Врангель.

Профессоръ Солнцевъ.

Секретарь Срезневскій.

Засѣданіе 4 е ноября.

Въ семь засѣданія испытывавъ былъ въ другой разъ Г. Антеноровъ. Экзаменуемомуся предложены были, послѣдующаго § 96 Устава, слѣдующіе вопросы:

- 1) Какую часть получаетъ жена послѣ мужа?
- 2) какъ раздѣляются завѣщанія?
- 3) Quid est jus et quomodo dividi solet; et quid est obligatio?

4) Что есть наказаніе?—на которыя онъ въ продолженіе засѣданія отвѣчалъ письменно. Определено: отвѣты взять членамъ для разсмотрѣнія, а для словеснаго испытанія собраться 6 числа въ десять часовъ утра.

Деканъ Петръ Цеплинъ.

Профессоръ Баронъ Врангель.

Профессоръ Гавріиль Соляцевъ.

Секретарь Срезневскій.

Засѣданіе 6 ноября.

Въ семь засѣданій экзаменуемомуся во первыхъ предложены были въ силу § 96 устава по два вопроса изъ каждой части правовѣдѣнія, на которые онъ и отвѣчалъ словесно; потомъ произведено было произвольное словесное испытаніе изъ словесности, философіи, откровеннаго Богословія, Исторіи, Географіи, Статистики, Древностей, Мифологіи, Политической экономіи, Дипломатіи, и на всѣ задаваемые ему вопросы отвѣчалъ онъ на языкѣ латинскомъ. Определено: Поелику, какъ изъ устныхъ отвѣтовъ экзаменующагося, такъ и изъ письменныхъ упражненій, сочиненныя имъ на заданныя матеріи, видно, что онъ имѣетъ очень достаточныя свѣдѣнія, какъ въ правовѣдѣніи такъ и въ другихъ вспомогательныхъ наукахъ, чтобъ заслужить по онымъ степень кандидата правовѣдѣнія, то объ утвержденіи его въ семь достоинствъ представить въ Совѣтъ.

Деканъ Петръ Цеплинъ. Профессоръ Врангель. Профессоръ Солнцевъ.

Секретарь отдѣленія адъюнктъ Срезневскій.

(Тамъ-же л. 2 и 6).

№. XX.

(Къ стр. 225).

Копія диплома Антенорова.

Quod felix faustumque sit

Auctoritate

Sacrae Caesareae Majestatis

Augustissimi et potentissimi principis atque magni domini

Alexandri Primi

Omnium Russiarum

Imperatoris et Autocratoris

etc. etc. etc.

Imperatoris et Domini nostri longe clementissimi

Caesareae litterarum Universitatis Casanensis Rectore magnifico.

Ioanne Braun

Medicinae et Chirurgiae Doctore et medico ophthalmico
anatomiae physiologiae et medicinae forensis P. P. O. Socie-
tatum Vilnensis Medico-chirurgico-pharmaceuticae et Mos-
quensis naturae scrutatorum sodale

Facultatis Ethico-politicae

Decano

D. Petro Zeplin

Diplomatiae et Oeconomiae politicae P. P. O.

Vir humanissimus atque dignissimus

Alexis Antenorow

Casanensis

post

exhibita in examine eruditionis suae specimina

Candidati juris

gradum et privilegia

Die VIII Novembris MDCCCXVI

rite obtinuit

id quod

Publico hoc diplomate

testantur

Rector et Senatus Academicus.

P. P. Sub sigillo universitatis majore

D. XIV. Novembris MDCCCXVI.

(Тамъ-же, л. 5)

№. XXI.

(Къ стр. 264)

Allen Versuchen Conrings und Ludewigs, diese Auf-
schrift zu verbessern, oder die Namen der Völker zu verän-
dern, widersteht die Autorität der Manuskripte. Wann diese
Gesetze gegeben wurden, und wie, oder wo sie ihre jetzige
Form erhielten, davon schweigt die Geschichte; und es ist
überflüssig, die Vermuthungen derjenigen anzuführen, welche
von den ältesten deutschen Gesetzen gehandelt haben. In den
Gesetzen selbst trifft man keine Nachrichten an, die für Auf-

klärung der Geschichte des Volks, oder für Bestimmung seiner Wohnsitze dienen könnten. Selbst für die Kenntniss der Sitten und Verfassung des Volks dürfte wenig aus ihnen zu schöpfen seyn, wenn auch nicht der Fall einträte, das diese Gesetze nicht für die Variner allein gegeben wurden. Sicher nöthigten Zeit und Umstände den König, auf dessen Befehl die Gesetze gesammelt und bestätigt wurden, oder der diesen das lateinische Gewand geben liess, manche Veränderungen und Zusätze zu machen, die dem Plane der allgemeinen Reichsregierung angemessen waren. Dass auf diese Art vieles aus den Gesetzen verschwinden musste, was sich auf ältere Verfassung und Sitten des Volkes bezog, ergibt die Natur der Sache. Den Hauptinhalt machen, so wie in den andern deutschen Gesetzen, die Bestimmungen des Wehrgeldes aus, wodurch man damals sein persönliches und dingliches Eigenthum in Sicherheit zu setzen suchte. Dass das Volk schon unter der königlichen Gewalt stand, sieht man aus dem 9-ten Titel des 10 ten §., wo von dem *banno regis* die Rede ist.

So dunkel auch immer die Geschichte dieser Gesetze sein mag, und so wenig Aufklärung uns auch die Gesetze selbst über die Geschichte der Variner geben können: so lässt sich doch die Aufschrift der Gesetze für unsern Zweck benutzen. Ist diese ächt, so wohnten damals, als diese Gesetze verfasst wurden, die Anglen, Variner und Thüringer bei einander, und standen in näherer Verbindung. Widerspricht diesem die ältere deutsche Geschichte nicht, ader lässt sich vielmehr durch diese der Beweis dafür führen; so ist die Meinung derjenigen zugleich hinlänglich wiederlegt, welche die oft genannten Gesetze in die Zahl der ältern Mecklenburgischen Rechte aufnehmen wollen³⁰⁾.

Tacitus führt zuerst den Namen der Anglen auf, und oben ist die Stelle erklärt worden, wo er sie und die Variner nennt. Nach dem Ptolomäeus (Geogr. lib. II. p. 53) wohnten die Anglen in der Mitte Germaniens, östlicher als die Longo-

³⁰⁾ Der Hauptvertheidiger dieser Meinung von dem man glaubt, dass er sie unumstösslich bewiesen habe, ist *Westphalen* in praefat. Tom. I. Monumentorum ineditorum p. 106. S. Eckhardi Hermeneutica juris edit. Walchil. Lips. 1779. 8. p. 714.

barden, die er in die gegenden Rheins setzt. Von dieser Westgrenze reichten die Anglen bis an die Mitte der Elbe. Nach Mannerts (Th. 3, S. 331) Erklärung waren also ihre Wohnsitze im Herzogthume Magdeburg; allein es widerspricht auch dem Ptolomæus nicht, wenn man sie südlicher, in die gegenden, welche die Saale durchströmt, versetzt. In dieser Gegend Deutschlands, wo die ältesten Sitze der Anglen, wahrscheinlich auch der Variner, waren, zeigen sich nachher die Thüringer, und breiten sich in 5 ten und 6 ten Jahrhunderte so aus, das die Saale, der Harz und die Werre die Grenzen ihres Landes machten (*Gruppen*, in den Hannöv. gelehrten Anzeigen 1752 S. 66 und 67. *Wenks* Hessische Landes-Geschichte Th. 2. S. 196, 403, 471).

Im Jahre 527 unterjochte der fränkische König Theuderich die Thüringer, und theilte sich mit den Sachsen in ihr Land (*Struvii* Corpp. hist. germ. p. 130. *Becks* Anleitung fur Kenntniss der allgem. Welt und Völker-Geschichte Th. 2. S. 518). Diese Angaben setzen, wie ich glaube den Satz, dass die Anglen, Variner und Thüringer im 5-ten Jahrhunderte mit einander in Verbindung standen, ausser allem Zweifel. wenn man die Aufschrift der angeführten Gesetze mit für Hülfe nimmt“.

(Zäpelihn, Die Variner und Warnawer p. 9—10).

№. XXII.

(Къ стр. 226)

Извѣстіе о первомъ учрежденіи Губерній въ Россіи.

Въ началѣ XVIII столѣтія, указомъ Императора Петра Великаго учреждены первыя восемь Губерній. Указъ сей никогда не былъ напечатанъ и предлагаемое здѣсь извѣстіе о прежнихъ Губерніяхъ почерпнуто изъ рукописи современной вѣку Петра I, и свѣдѣнія въ оной заключающіяся о первыхъ восьми Губерніяхъ гораздо подробнѣе и опредѣленнѣе, нежели

во всѣхъ доселѣ напечатанныхъ книгахъ⁽¹⁾. Указъ сей былъ изданъ въ селѣ Преображенскомъ, лежащемъ по близости Москвы.

Авторъ упоминаемой нами рукописи, всѣ Юристы, Историки и Географы ссылающіеся на сей Указъ, говорятъ, что онъ былъ изданъ 18-го декабря 1708 года⁽²⁾. Однакожь известно, что въ сіе время Петръ находился при арміи, устроенной имъ для сопротивленія войскамъ Карла XII. Петръ пребылъ въ Москвѣ съ 5-го Декабря 1707 года по 8-е января 1708-го года. Въ сей день отправился онъ къ Смоленску и уже не возвращался въ семь году въ Москву, а въ декабрѣ 1708 года былъ въ Лебединѣ или въ окрестностяхъ онаго⁽³⁾; слѣдовательно, должно полагать, что указъ сей изданъ не въ 1708-мъ, но въ 1707-мъ году.

Неясно также о какого рода верстахъ говорится въ семь извѣстїи. Число верстъ, означающихъ разстояніе различныхъ мѣстъ между собою, равняется числамъ, показаннымъ въ описанїи Государственной карты, изданномъ въ 1627 году. (Книга большому чертежу и Идрографія). По нынѣшнимъ росписямъ оказывается гораздо болѣе верстъ. Гаттереръ упоминаетъ о трехъ родахъ верстъ⁽⁴⁾, существовавшихъ въ Россїи. Старая большая верста заключала въ себѣ 708 $\frac{1}{2}$ тоазовъ; старая меньшая 661 $\frac{1}{2}$, тоазовъ, а новая верста, введенная Петромъ Великимъ, равняется 547 тоазамъ. Не означено, изъ какихъ источниковъ Гаттереръ почерпалъ сіи извѣстїя о верстахъ; установленныя же закономъ въ 1648 году описаны въ 6 статьѣ 19 главы Уложенїя, гдѣ сказано о новой сажени: „которая сажень, по Государеву Указу, сдѣлана въ 3 аршина, а въ верстѣ учинити по тысячи сажень“.

(1) Голиковъ, въ дополненїи къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ XVIII. Москва 1797. Lieferstein's Geographie v. Russland unter Peter d. Grossen. Въ семъ последнемъ сочиненїи встрѣчаются анахронизмы.

(2) Голикова дѣянія Петра Великаго. VI. 299. Дополненїе VIII. 176. Въ семъ сочиненїи Голиковъ говоритъ о Петрѣ въ таблицѣ о городахъ «того же числа въ городѣ Сумахъ растахъ». Далѣ смотри о семъ: Новѣйшія поѣздованїя о восточной Сибири. Спб. 1817—18. стр. 159.

(3) См. Журналъ Петра Великаго. I. 149. 181. 182.

(4) Abriss der Geographie. Götting 1775. 8. стр. 23.

Петербургскій профессоръ Іоаннъ Георгъ Лейтманъ, въ Геометріи⁽⁵⁾ своей приводитъ съ точностію мѣру, введенную Петромъ Великимъ, о которой сообщилъ извѣстіе сему Профессору Графъ Брюсъ. По словамъ Лейтмана, аршинъ содержалъ въ себѣ $28\frac{8}{10}$ Англійскихъ дюймовъ, а три аршина равнялись семи Англійскимъ футамъ и составляли сажень. Весьма жаль, что Лейтманъ не извѣстился отъ Графа Брюса о времени сего указа и не сообщилъ объ ономъ своимъ читателямъ.

Приложенныя здѣсь къ нѣкоторымъ мѣстамъ числа не находятся въ рукописи и поставлены для того, чтобъ удобнѣе можно было найти въ примѣчаніяхъ, къ какимъ губерніямъ принадлежать они нынѣ. Для лучшаго понятія и удобнѣйшаго обзорѣнія, мы присовокупляемъ здѣсь краткое начертаніе раздѣленія Россіи со времени изданія указа въ 1707-мъ или 1708 году. (?) Разумѣется, что здѣсь говорится о странахъ, принадлежавшихъ Россіи въ 1708-мъ году.

Въ 1719-мъ году большая часть Губерній раздѣлена была на провинціи. Въ томъ же году учинена была и первая ревизія⁽⁶⁾

Съ 1707-го или 1708-го по 1775-й годъ произошли съ 8-ю Губерніями слѣдующія перемѣны:

I. Московская Губернія.

Приращеніе Губерніи. а) отъ С. Петербургской губерніи присоединены къ оной города, означенные въ нижеприводимомъ указѣ подъ номерами: 51. 52. 53. 61. 66. 67. б) Отъ Смоленской губерніи присоединены города, означенные подъ № 129—134. 137. 140. 142. в) Отъ Архангельской Губерніи присоединенъ къ Московской городъ Кинешма подъ № 162.

II. С. Петербургская Губернія.

Приращеніе Губерніи. Увеличена отдѣленными отъ Смоленской Губерніи городами, означенными въ Указѣ подъ № 131. 138. 139.

(5) *Geometria repetita*, Danzig. 1793. 8-vo стр. 19.

(6) Дѣянія Петра Великаго. VI. 299. 88.

Уменьшеніе губерніи. Отдѣлены были: d) Новгородская Губернія, учрежденная въ 1730-мъ году, а отъ сей Новгородской отдѣлилась Псковская (7) въ 1772-мъ году. e) Городъ Дерптъ поступилъ въ Лифляндскую Губернію, учрежденную въ 1718-мъ году. f) Города, отошедшіе къ Московской Губерніи, см. выше.

III. Кіевская Губернія.

Приращеніе. Въ 1719-мъ году присоединены были къ оной земли Слободскихъ полковъ.

Уменьшеніе. Отъ сей Губерніи отошли: g) Между 1711 и 1739-мъ годами, земля Запорожскихъ казаковъ и страна между Міюсомъ и Конскими водами (8); первая снова вошла въ составъ Кіевской Губерніи въ 1733-мъ году. Бѣлгородъ, Сѣвскъ, Орель, отошли къ учрежденной въ 1726-мъ году Бѣлгородской Губерніи, которая заключала въ себѣ Слободскіе полки. (См. города подъ № 107. 122). Въ составъ Бѣлгородской Губерніи поступили въ 1740-мъ году, на короткое время, Малороссійскіе полки: Полтавскій, Гадячскій и Миргородскій (9). Отъ нея же отдѣлилась въ 1765-мъ году Слободско-Украинская Губернія. i) Малороссійская Губернія въ 1726-мъ году k) Новороссійская Губернія отдѣлилась въ 1764-мъ году. Она заключала въ себѣ южную часть Кіевской Губерніи, земли Запорожскихъ казаковъ, страну, называвшуюся съ 1754-го года Новосербією, съ нѣкоторыми уѣздами и наконецъ городъ Бахмутъ, входившій въ составъ Воронежской Губерніи. Кіевская Губернія въ 1775-мъ году соединена была съ Малороссійскою (10).

(7) Описание Россійской Имперіи Харитона Чеботарева. Москва 1776. 8 стр. 440 passim.

(8) Abrégé de l'histoire des traités de paix, par Koch, pag. 28, 30, 37, 91, 101.

(9) См. Лексиконъ Россійской, соч. Татищева Спб. 1793. 8. стр. 137.

(10) О сихъ пяти Губерніяхъ см. у Чеботарева стр. 392, 397, 399, 376, 421.

IV. Смоленская Губернія.

Уменьшеніе. Отошли отъ нея. е) въ Московской Губерніи города, означенные въ Указѣ подъ № 129. 130. 132—134. 137. 140. 142. м) въ С. Петербургской Губерніи города подъ № 131. 138. 139.

V. Архангельская губернія.

Уменьшеніе. Отошелъ отъ нея къ Московской Губерніи городъ Кивешма (№ 162).

VI. Казанская Губернія.

Приращеніе. п) Вятскіе и о) Пермскіе города, принадлежавшіе прежде къ Сибири.

Уменьшеніе. Отдѣлились отъ оной: р) Нижегородская Губернія въ 1714-мъ году; q) Астраханская въ 1719-мъ году (Симбирскъ до 1727-го года принадлежалъ къ Астраханской Губерніи); ¹¹⁾ г). Оренбургская, учрежденная по указу 15-го Марта 1744-го года. Для составленія сей Губерніи отошли отъ Казанской: Уфимская провинція, а отъ Сибирской городъ Щегъ.

VII. Азовская Губернія.

Съ 1711-го года Губернія сія начала называться Воронежскою, ибо въ слѣдствіе мира, заключеннаго въ 1711-мъ году, Азовъ съ окрестными землями уступленъ Туркамъ. По Бѣлградскому миру 1739-го года городъ сей былъ разоренъ; миромъ 1774-о года снова онъ возвращенъ былъ Россіи. Въ 1708 году построенъ былъ городъ Бахмутъ. Съ 1764-го года Бахмутъ отошелъ къ Новороссійской Губерніи, а потомъ въ 1775-мъ году присоединенъ къ учрежденной въ то время Азовской Губерніи (¹²).

¹¹⁾ См. Лексиконъ Татищева I. стр. 81

¹²⁾ См. Чеботарева, стр. 295, 322.

VIII. Сибирская Губернія.

Отдѣлены были отъ сей Губерніи: s) Пермскіе и t) Вятскіе города, присоединенные къ Казани. u) Страна вдоль Исети, которая подъ именемъ Исетской провинціи поступила въ 1742-мъ году въ составъ Оренбургской Губерніи. Провинція Иркутская съ 1731-го по 1764-й годъ управляема была Губернаторомъ; въ 1764-мъ году Сибирь раздѣлена была на двѣ Губерніи Тобольскую и Иркутскую⁽¹³⁾.

Раздѣленіемъ Государства по учрежденіямъ о Губерніяхъ отъ 7-го ноября 1775-го года, Губерніи еще болѣе уменьшились и имя Губерній осталось только при С. Петербургской и Московской, а прочимъ дано названіе Намѣстничествъ. Число намѣстничествъ возрасло въ 1796-мъ году до пятидесяти; ибо округи, имѣвшіе отъ 300 до 400 тысячъ жителей поступали въ число оныхъ⁽¹⁴⁾. Въ 1776-мъ году образовано было первое Намѣстничество Тверское. Съ 1776-го по 1796-й годъ не много послѣдовало перемѣнъ съ городами, лежавшими въ областяхъ прежнихъ восьми Губерній. Олоонецъ сдѣлался областію С. Петербургской Губерніи, учрежденной въ 1780-мъ году и только въ 1784 году учреждена была Олоонецкая Губернія. Даже Архангельскъ съ 1780-го по 1784-й годъ былъ областію, принадлежавшею къ Вологодскому Намѣстничеству. Описаніе оной находится въ Изображеніи всей Россіи. С. Петербургъ. 1785. 8.

Въ семъ раздѣленіи Государства послѣдовали большія перемѣны въ царствованіе Императора Павла I. Съ 1796-го года⁽¹⁵⁾, касательно нашего предмета, замѣчательно слѣдующее: названіе губерній введено по прежнему. Многія Губерніи были уничтожены и присоединены къ другимъ. Олоонецкая присоединена была къ Новгородской, Пензенская къ Саратовской, Колыванская къ Тобольской. Изъ трехъ намѣстничествъ Новгородъ-Сѣверскаго, Черниговскаго и Кіевскаго составилаь Малороссія. Новая Кіевская Губернія распространилась на западъ отъ Двѣпра. Нѣкоторыя Губерніи по-

⁽¹³⁾ См. Чеботарева, стр. 295, 322.

⁽¹⁴⁾ Konstantinopel und St. Petersburg. Часть I. книжка 2, стр. 267.

⁽¹⁵⁾ Storch's Russland unter Alexander d. ersten, VII. S. 114—115.

лучили другія названія: Екатеринославская переименована въ Новороссійскую, Харьковская въ Слободско-Украинскую, Кавказская въ Астраханскую, Уфимская въ Оренбургскую ⁽¹⁶⁾.

При Императорѣ Александрѣ, съ 1801 года введено было по большой части раздѣленіе, бывшее при Императрицѣ Евѣтеринѣ. Губерніи Олонецкая и Пензенская были восстановлены, Новороссійская снова получила названіе Екатеринославской, Малороссія раздѣлена на двѣ Губерніи: Черниговскую и Полтавскую. Изъ Тобольской Губерніи сдѣланы двѣ: Тобольская и Томская. Указомъ 26-го Января 1822 года Сибирь раздѣляется на западную и восточную, и каждая часть имѣеть своего Генераль-Губернатора. Къ западной Сибири принадлежать Губерніи Тобольская и Томская съ областію. Восточная заключаетъ въ себѣ Губерніи Иркутскую и Енисейскую, Якутскую область и управление Охотское и Камчатское ⁽¹⁷⁾. Указомъ 24-го Юля 1822 года Кавказская Губернія составлять будетъ особую область, коей областнымъ городомъ назначенъ Ставрополь.

Для лучшаго обозрѣнія постепеннаго составленія Губерній и отдѣленія отъ оныхъ Намѣстничествъ, прилагаемъ оныя въ слѣдующемъ порядкѣ.

⁽¹⁷⁾ См. Storch. E. u. A. d. E. XVIII. 331—339.

I.

Московская Губернія, учрежденная въ 1708 году.

Въ 1719 году воспослѣдовало приращеніе Московской Губерніи отшедшими землями отъ С. Петербургской, Смоленской и Архангельской Губерній.

Изъ сей Губерніи составились Намѣстничества:	
Костромское въ 1778 году	
Ярославское — 1777 —	
(Тверское)*	
Владимірское. . . — 1773 —	
Московское. . . — 1782 —	
Калужское. . . — 1776 —	
Тульское. . . . — 1777 —	
Рязанское . . . — 1778 —	

Переименованы Губерніями въ 1796 году.

* Помѣщеніе наименованія Губерніи въ скобкахъ означаетъ, что въ составъ ея поступили не всѣ земли изъ прежней Губерніи, и что части оной заимствованы отъ другихъ.

II.

С. Петербургская Губернія.

Въ 1719 году произошло уменьшеніе отошедшими зем-
лями въ Московской и Лифляндской Губерніямъ и воспослѣ-
довало приращеніе присоединенными отъ Смоленской Губер-
ніи городами.

Губ. Новгородская въ 1730.		Губ. С. Петербургская.
Губ. Псковская въ 1772 г.	Новгородская	С. Петербургская Гу- бернія.
Псковское . . . — 1777 —	<p>Намѣстничества Олонцкое въ 1784 году, Новгородское — 1776 и 1784 г., Тверское. . . — 1776 — — С. Петербургское.</p>	<p>Губерніи С. Петербургская, вновь образо- ванная въ 1780 и 1784 годахъ.</p>
<p>Переименованы въ Губерніи въ 1796 г.</p>		
	<p>Новгородская Губер. Олонцкая —</p>	

Преобразованы въ 1807 году.

III.

Кіевская Губернія.

Кіевская Губернія въ 1719 году. Когда отошли отъ нея южныя провинціи и присоединенныя земли Слободскихъ полковъ.

Губ. Бѣлогородская въ 1726 году.	Кіевская Губ. въ 1736 году когда присоединены въ оной южныя ея провинціи.		
Губ. Бѣлогородская.	Губ. Слободско-Украинская 1765	Новороссійская Губ. въ 1764 году.	Кіевская Губ. въ 1764 г. Малороссійская въ 1775 г.
Орловское . . . 1779 — Курское . . . 1779 —	Харьковское . . 1780 —	Екатеринославское . . 1781 —	Намѣстничества: Нолгородъ Сѣверское въ 1782 г. Черниговское . 1782 — Кіевское 1782 —
{ Переимѣнованы въ Губерніи . . . 1796 —	{ Слободско-Украинская 1796 —	{ Новороссійская 1796 —	{ Кіевская . . . 1796 — Малороссійская въ 1796 г.

IV.

Смоленская Губернія.

Смоленская Губернія въ 1719 году, послѣ отошедшихъ отъ нея городовъ въ Губерніямъ Московской и С. Петербургской.

Намѣстничество Смоленское въ 1776 году. } Губернія въ 1796 г.

V.

Архангельская Губернія.

Архангельская Губернія въ 1719 году, когда городъ Кинешма отошелъ въ Московскую Губернію.

Намѣстничества:

Губерніи.

Вологодское . . въ 1780 году. } Архангельская
Вологодская } въ 1796 году.

(Ростовское).

VI.

Казанская Губернія учрежд. въ 1708 году.

Казанская Губернія учрежд. въ 1719 году, когда присоеди-
нены въ ней Вятскіе и Пермскіе города.

Нижегородская 1714 г.	Астраханская 1717 г.	Казанская.	Оренбургская 1744 г.
Нижегородское 1779 —	Кавказское 1785 —	Вятское въ 1780 — Пермское 1781 — Казанское 1781 — Симбирское 1780 — Пензенское 1780 —	Уфимское въ 1782 г. —
} Губернія Нижегород- ская въ 1796 г.	} Губернія Астрахан- ская въ 1796 году.	} Саратовская Губер- нія въ 1796 году	} Губернія Оренбург- ская въ 1796 году.
		Перемѣнованы въ Губернія въ 1796 г.	
		Губернія въ 1801 г.	

Наимѣстничества:

VII.

Азовская Губернія въ 1708 году.

Воронежская въ 1711 году.

Г. Бахмутъ отходить въ 1766 году къ Новороссійской Губ., а въ 1773 году въ Азовской Губерніи.

(Екатеринославское).

Губер. Воронежская.

Намѣстничества!

Тамбовское . . въ 1779 году
(Орловское)
Воронежское. — 1779 —

Губерніи въ 1796 году

VIII.

Сибирская губернія.

Сибирская Губернія, въ 1719 году, когда отошли къ Казани Пермь и Вятка съ городами.

Губ. Иркутская въ 1764 г.	Губ. Тоболь- ская въ 1764 г.	Провинція Исетская въ 1744 г. частію поступила въ Оренбург- ской Губ.
Иркутское — 1783 — } Перем. въ Губ. въ 1796 г.	(Пермь) Тобольское въ 1782 г. } Колыванское — 1781 — } Губернія Тобольская Тобольская } въ 1796 г. } Томская } 1802 г. Въ	Намѣстничества.

Россія давно уже была раздѣлена на губерніи, но географы о семъ раздѣленіи не упоминали ни слова. Петръ Великій обратилъ вниманіе на географію, ⁽¹⁸⁾ и заботясь о распространеніи географическихъ свѣдѣній, повелѣлъ изготovitъ множество картъ, отправляя оныя въ чужія края. ⁽¹⁹⁾ Сей Государь поручилъ Графу Брюссу сочинить Всеобщую географію Россіи. Однакожъ сіе препорученіе не было исполнено графомъ Брюссомъ, скончавшимся въ 1735 году. ⁽²⁰⁾ Только въ извѣстномъ Брюссовомъ Календарѣ, весьма часто перепечатываемомъ съ 1708 года, на одномъ листѣ находится списокъ всѣхъ тогдашнихъ Россійскихъ городовъ. Однакожъ сіе раздѣленіе на Губерніи долго не было изображено на картахъ. Даже изъ атласа Петра Кирилова и его *Imperii Russici tabula generalis*, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1734 году ⁽²¹⁾ невозможно составить себѣ яснаго понятія о раздѣленіи Россіи. Въ 1745 году ⁽²²⁾ появился атласъ, подъ заглавіемъ: *Atlas Russicus parva una general. с. 21 specialibus*, ⁽²³⁾ а профессоръ Вингеймъ издалъ географическое описаніе Россіи.

Миллеръ означилъ ошибки сего атласа въ III. части Битинговыхъ отрывковъ, посвященныхъ жизнеописанію знаменитыхъ мужей. Галле, 1788, 8. стр. 106—108. 116—121. Веберъ ⁽²⁴⁾ сообщилъ первый общее понятіе о раздѣленіи Россіи на губерніи, какъ онѣ были въ 1714 году; но географы не обратили на сіе вниманія. Гибнеръ, Гагеръ и дру-

⁽¹⁸⁾ Allgem. Geograph. Ephemeriden. I. 6. 158. 159.

⁽¹⁹⁾ Vie de Jean et de Victor Marie d'Estrees, par Richer. à Paris, 1789. pag. 212. 313.

⁽²⁰⁾ Samml. Russ. Gesch. VII. 17.

⁽²¹⁾ Idem. VI. 69. 74.

⁽²²⁾ Извѣстія о ревизіяхъ, съ описаніемъ Губерній, провинцій и городовъ, находятся: 1) 1725 года въ Статистическомъ Журналѣ, Томъ I. часть II. стр. 138—143. 2) Въ Вишнговомъ Магазинѣ, ч. II. стр. 441—466.

⁽²³⁾ Надписи сего атласа были частію Русскія, частію Латинскія, а заглавіе на многихъ языкахъ.

⁽²⁴⁾ Das veränderte Russland. Frankf. 1721. 4. стр. 48.

гіе полагали вмѣстѣ съ Мапергеромъ, ⁽²⁵⁾ что политико-географическое раздѣленіе Россіи состоитъ въ Герцогствахъ, Княжествахъ и помѣстьяхъ. Предположеніе сіе взято было изъ Герберштейна. Бишингъ, бывший въ 1750-мъ году въ С.-Петербургѣ не слѣдовалъ сему заблужденію въ своей Географіи. Въ новомъ своемъ Землеописаніи ⁽²⁶⁾ онъ описалъ Государство такимъ образомъ, какъ оно было раздѣлено на Губерніи и Провинціи. Осьмое изданіе его книги вышло въ свѣтъ въ 1787 году. Миллеръ въ 1759 году учинилъ въ оной поправки и помѣстилъ роспись Губерній, городовъ и провинцій Россійской Имперіи въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1757-го года Генваря, стр. 1.—49. Февраля, стр. 99—125. Марта, стр. 1.—49. Исправленное нѣмецкое изданіе находится въ 4-й книжкѣ, II-й части *Sammlung Russischer Geschichte*.

Географическій Департаментъ при Императорской Академіи Наукъ издалъ карты Губерній до 1776-го года. Надъ составленіемъ сихъ картъ трудились Шмитъ, Трескотъ и Черни. ⁽²⁷⁾ Въ Мѣсяцословахъ съ росписью чиновныхъ особъ, появившихся съ 1765-го года, можно найти свѣдѣнія о перемѣнахъ въ раздѣленіи Имперіи. Губерніи, бывшія съ 1765-го по 1776-й годъ, описываются также въ Географическомъ Методическомъ описаніи Россійской Имперіи Харитона Чеботарева. Москва. 1776 года.

Профессоръ Цеплинъ.

У к а з ь

О опредѣленіи Губерній и Провинцій.

1708 Декабря въ 18 день Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, будучи въ Преображенскомъ

⁽²⁵⁾ *Moscowitischer Kaufmann. Lübeck. 1726. стр. 6.*

⁽²⁶⁾ Часть I. Гамбургъ, 1754 года.

⁽²⁷⁾ Реестръ ландкартамъ, чертежамъ и планамъ, находящимся въ географическомъ Дено при Имп. Акад. Наукъ. С.Пб. 1748. 8.

на Генеральномъ дворѣ въ Консиліе указалъ по Имянному своему, Великаго Государя, Указу въ своемъ, Великаго Государя, Великороссійскомъ Государствѣ, для всенародной пользы, учинить 8 Губерней и къ нимъ росписать города.

И по тому Его, Великаго Государя, Имянному Указу тѣ Губерніи и къ нимъ принадлежащіе города въ Ближней Канцеляріи росписаны табели, * за подписаніемъ Его Государевой руи начальствующимъ тѣхъ Губерней, которые прилучились быть въ арміе розданы, а къ инымъ посланы въ 709 году Февраля въ 23 числѣ; велѣно имъ въ тѣхъ Губерніяхъ о денежныхъ зборѣхъ и о всякихъ дѣлѣхъ присматриватца и для доношенія Ему Великому Государю о тѣхъ Губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ Великій Государь укажетъ.

• А именно тѣ Губерніи учинены.

І. Московская.

І. Москва.

А въ ней города по большимъ дорогамъ до опредѣленныхъ городовъ съ верстами.

* Какія табели, также кто начальствующіе и въ которомъ году опредѣлены, того въ дѣлахъ Ближней Канцеляріи не смысано; а въ записной 710 года книгѣ написаны въ Губерніяхъ Управители:

1. Въ Московской: Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, листъ 606.
 2. Въ С.-Петербургской, Губернаторъ: Свѣтлѣйшій Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, листъ 662.
 3. Въ Кіевской: ближній Стольникъ Князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ, листъ 666.
 4. Въ Смоленской: Бояринъ Петръ Саймоновичъ Салтыковъ, листъ 669.
 5. Въ Архангельской: ближній Стольникъ Князь Петръ Алексѣевичъ Голицинъ, листъ 673.
 6. Въ Казанской; Бояринъ Петръ Матвѣевичъ Опраксинъ, листъ 647.
 7. Въ Азовской: Адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ Опраксинъ, листъ 682.
 8. Въ Сибирской: Московскій Комендантъ и Генераль-Президентъ Сибирской Провинціи, Судія Князь Матвій Петровичъ Гагаринъ, листъ 658.
- Онимъ Губернаторамъ и въ посылаемыхъ вѣдомостяхъ изъ Ближней Канцеляріи тѣ титулы употреблялись по 711 годъ, когда Сенатъ опредѣлилъ, изъ котораго Указы посланы съ чинами Губернаторскими.

По Новгородской: 2. Клинъ (85 верстъ). По Углицкой: 3. Дмитровъ (60 в.). По Ярославской: 4. Переславль Залѣ-ской (120 в.), 5. Ростовъ (180 в.), 6. Кострома (300 в.), 7. Любимъ (330 в.). По Володимерской: 8. Юрьевъ Польской (130 в.), 9. Володимеръ (140 в.), 10. Суздаль (160 в.), 11. Шуя (230 в.), 12. Лухъ (280 в.). По Коломенской: 13. Коломна (90 в.), 14. Зарайскъ (120 в.), 15. Переславль Рязан-ской (180 в.), 16. Михайловъ (180 в.), 17. Гремячей (203 в.), 18. Пронескъ (230 в.), 19. Печерники (250 в.). По Кошир-ской: 20. Кошира (60 в.), 21. Венева (140 в.), 22. Елифанъ (210 в.). По Тульской: 23. Серпуховъ (90 в.), 24. Тула (160 в.), 25. Деделовъ (180 в.), 26. Крапивна (200 в.), 27. Оболенскъ (210 в.). По Калужской: 28. Таруса (90 в.), 29. Ярославецъ Малой (105 в.), 30. Алексинъ (130 в.), 31. Медынь (130 в.), 32. Калуга (180 в.). По Смоленской: 33. Можайскъ (90 в.), 34. Боровскъ (90 в.) 35. Веря (90 в.), 36. Царевъ-Борисовъ (97 в.). По Волоцкой: 37. Звѣнигородъ (40 в.), 38. Руза (75 в.), 39. Волокъ-Ламской (90 в.).

И того 39 городовъ.

II. Ингермоландская.

Юня въ 3-мъ числѣ 1710-го года, по именному Царска-го Величества Указу велѣно сію Губернію писать Санктпе-тербургскою.

40. Санктпетербургъ.

А въ нему города:

41. Нарва, 42. Великій Новгородъ, 43. Ладога, 44. Гдовъ, 45. Изборскъ, 46. Старая Русса, 47. Торопецъ, 48. Устюж-на Желѣзопольская, 49. Бѣло Озеро, 50. Дерптскій уѣздъ, 51. Пошехонье, 52. Угличъ, 53. Романовъ, 54. Тверь, 55. Шлюсербургъ, 56. Псковъ, 57. Порховъ, 58. Упочекъ, (Опоч-ка). 59. Островскъ, 60. Луви Великія, 61. Бѣжецкой верхъ, 62. Олонецъ, 63. Ржева пустая Заволочья, 64. Каргаполь,

65. Ржево Володимерово, 66. Ярославль, 67. Кашинь, 68. Торжокъ.

Всего 29 городовъ.

Въ той же Губерніи, кромѣ вышечисанныхъ городовъ: города: 69. Ямбурхъ, 70. Копорье, отданы во владѣніе Свѣтлѣйшему Князю Александру Даниловичу Меньщикову.

III. Кіевская.

71. Кіевъ.

А въ нему города:

72. Переславль, 73. Нѣжинъ 74. Сергіевской, 75. Бѣлгородъ, 76. Богодуховъ, 77. Сѣнное, 78. Сумы. 79. Межирѣчи, 80. Буромля, 81. Городное, 82. Лебедень, 83. Село Пена, 84. Олшанка, 85. Курскъ, 86. Путивль, 87. Кромы, 88. Брянскъ, 89. Новосиль, 90. Черниговъ, 91. Новобогородицеюй, 92. Каменной затонъ, 93. Ахтырка, 94. Мурафа, 95. Болховой, 96. Краснополье, 97. Золочевъ, 98. Рублевка, 99. Суджа, 100. Мирополье, 101. Бѣлополье, 112. Севескъ, 103. Мценескъ, 104. Карачевъ, 105. Рылескъ, 106. Орель.

Итого 36.

Да изъ Азовской Губерніи приписаны въ Разрядъ для близости къ Кіеву города, а что отъ тѣхъ городовъ до Кіева и до Азова верстъ, и то писано ниже сего:

	до Кіева	до Азова
107. Алешня	350	655 в:
108. Волной	338	627
109. Хотмышской	365	607
110. Карповъ	373	600
111. Красной куть	293	665
112. Колонтаевъ	300	660
113. Обсянь	400	600
114. Коломожь	280	680

	до Кіева	до Азова
115. Харьковъ	340	600
116. Валки	230	650
117. Салтовъ	300	560
118. Яблоновъ	360	560
119. Короча	360	560
120. Нежегольскъ	380	540
121. Старой Осколъ	420	620
122. Ливны	54	740

Итого 17 городовъ.

Да въ Розрядѣжъ приписанъ 123. Трубчевскъ.

Да по росписи Г. Голицына приписано:

Изъ Смоленской Губерніи { 124 Бѣлевъ.
125 Болховъ.

А до тѣхъ городовъ:

до Бѣлева { отъ Кіева . . . 730 в.
отъ Смоленска . 409

до Болхова { отъ Кіева . . . 690
отъ Смоленска . 451

Всего въ Кіевской Губерніи и съ тѣмъ что приписаны въ Розрядѣ и по росписи Г. Голицына 56 городовъ.

IV. Смоленская.

126. Смоленскъ.

А въ нему города:

127. Дорогобужъ, 128. Рбеловль (Рославль), 129. Серпейскъ, 130. Мещескъ, 131. Погорѣлое городище, 132. Козельскъ, 133. Борисово городище, 134. Воротынескъ, 135. Бѣ-

лая, 136. Вязма, 137. Мосалскъ, 138. Зубцовъ, 139. Старица, 140. Лихвинъ, 141. Перемышль.

Итого 16.

Да изъ Кіевской Губерніи приписатьъ вмѣсто Трубчевска: 142. Одоевъ.

А отъ него: до Кіева 820 верстъ.

До Смоленска 200 верстъ.

Всего въ Смоленской Губерніи 17 городовъ.

V. Архангелогородская.

143. Городъ Архангельской.

А къ нему города

144. Кольской островъ*, 145. Кевроль, 146. Мезень, 147. Тотма, 148. Чаронда, 149. Вага, 150. Галичь, 151. Унжа, 152. Парфеньевъ, 153. Кологривовъ, 154. Пустоверской островъ*, 155. Устюгъ Великій, 156. Соль Вычегоцкая. 157. Устьянскія волости, 158. Вологда, 159. Соль Галицкая, 160. Чюхлома, 161. Судай, 162. Кинешма.

Итого 20 городовъ.

VI. Казанская.

163. Казань.

А къ ней города:

164. Яикъ, 165. Астрахань, 166. Дмитревской, 167. Уфа, 168. Синбирскъ, 169. Кокшайскъ, 170. Царевъ Кокшайскъ, 171. Цывилскъ. 172. Кашпиръ, 173. Кузмодемьянскъ, 174. Василь, 175. Темниковъ, 176. Арзамасъ, 177. Елатма, 178. Гороховець, 179. Мушанъ, (Мовшанскъ)? 180. Балахна, 181.

* Читай: острогъ.

Юрвецъ Поволской, 182. Терекъ. 183. Царицынъ, 184. Саратовъ, 185. Самара, 186. Царевъ Санчурскъ, 187. Свіяжскъ, 188. Алатерь, 189. Чебоксары, 190. Ядринъ, 191. Яранскъ, 192. Курмышъ, 193. Нижней Новгородъ, 194. Кадомъ, 195. Касимовъ, 196. Муромъ, 197. Уржумъ, 198. Везники.

Итого 36.

Да в Казани, в Астраханю, в Синбирску, в Уфѣ, пригороды:

в Казани:

199. Лаишевъ, 200. Арской, 201. Тетюши, 202. Мензелинскъ, 203. Старой Темпинскъ, (Тешминскъ), 204. Тіаскъ, (Тинскъ) 205. Малинскъ. (Майнскъ), у 206. Алатырь, 207. Малмыжъ, 208. Оса, 209. Зайнскъ, 210. Новый Темпинскъ, (Тешминскъ), 211. Билярскъ.

в Астрахани:

212. Гурьевъ Ялицкой, 213. Красной, и 214. Черной Ярм.

в Синбирску:

215. Бѣлой Яръ, 216. Тагаевъ, 217. Уренескъ, 218. Малой Карсуновъ, 219. Тальской, 220. Ярылинскъ, 221. Яшалскъ, 222. Корсунъ, 223. Аргашъ, 224. Сурской.

в Уфѣ:

225. Бирской, 226. Соловарной, 227. Село Караулино.

в Пензѣ:

223. Рамзаевской.

Городкижъ построены въ Казанскихъ дворцовыхъ селѣхъ:

229. Сарапуль, 230. Куварскъ, 231. Елабуга, 222. Рыбной.

Итого 34.

Да по словесному въ Ближней Канцеляріи объявленію Казанскаго Воеводы Кудрявцова, изъ Азовской Губерніи приписано въ сію Казанскую Губернію:

233. Пенза.

Всего въ Казанской Губерніи и съ селы 71 городъ.

VII. Азовская.

234. Азовъ.

А къ нему города:

235. Троицкой на Таганрогу, 236. Павловской, 237. Танбовъ, 238. Норовчатовское городище, 239. Красная слобода, 240. Керенескъ, 241. Шатцкой, 242. Битюкъ, 243. Палатовъ, 244. Новой Осколь, 245. Изюмъ, 246. Царевъ Борисовъ, 247. Міюсъ, 248. Сергіевской да 249. Никоновской у Каланчей, 250. Верхней, и 251. Нижней Ломовы, 252. Троицкой островъ*, 253. Саранскъ, 254. Инсара, 255. Новопавловской, 256. Валуйки, 257. Тополи. 258. Чернавской, 259. Торъ, 260. Маяцкой, 261. Лиманъ, 262. Купчинка, 263. Сенковской, 264. Двуръчное, 265. Марговица, 266. Змѣевъ, 267. Челнявскъ, 268. Петровской на Медвѣдицѣ, 269. Каменка, 270. Савинской, 271. Чюдновъ, 272. Гороховодка, 273. Чюгуевъ, 174. Козловъ, 275. Борисоглѣбской на Хопрѣ.

Да в Саранску, къ Инсарѣ пригородки: в Саранску: 276. Атемаръ. 277. Шечѣвской, 278. Инзарской в Инсарѣ, 279. Потышской.

Да въ сію жъ Азовскую Губернію приписаны въ Розрядѣ изъ Кіевской Губерніи города Изюмскаго полку, для того, что Изюмъ съ другими городами всѣ Азовской Губерніи:

280. Бишвинь, 281. Андреевы лозы, 282. Булыкдея, 283. Верхососенскъ, 284. Печенѣга, 285. Острополье, 286. Бѣльской.

Всего 52 города.

Въ Азовской Губерніи города приписные к корабельнымъ дѣламъ:

* Читай: Острогъ.

287. Воронежъ, 288. Острогожской, 289. Костянскъ, 290. Орловъ, 291. Демшинскъ, 292. Романовъ втели Романовъ (въ степи?) 293. Доброе городище, 294. Скопинъ, 295. Ефремовъ, 296. Елецъ, 297. Чернь, 298. Урыфъ, 299. Битюцкіе села, 300. Коротоаякъ, 301. Олшанскъ, 302. Землянскъ, 303. Усмань, 304. Бѣловолоцкой. (Бѣловолодскъ), 305. Соколскъ, 306. Ряской, 307. Лебеянъ, 308. Данковъ, 309. Усердъ, 310. Талицкой. 311. Сапожовъ.

Итого 25 городовъ.

VIII. Сибирская.

А въ ней города:

312. Тоболескъ, 313. Илимской, 314. Березовъ, 315. Тюмень. 316. Мангазея, 317. Кузнецкой, 318. Нарымъ, 319. Якуцкой, 320. Красной Яръ, 321. Кецкой, 322. Енисейскъ, 323. Тара, 324. Сургутъ, 325. Томской, 326. Иркутской, 327. Туринскъ, 328. Верхошурь, 329. Нерчинской, 330. Пелымъ.

Поморскіе: *

331. Кунгуръ, 332. Чердынъ. 333. Кай городовъ, 334. Пермь великая, 335. Соль-Камская, 336. Гренскъ.

Да нынѣ приписана вновъ:

Вятка.

Итого 26.

Да в Вяткѣ 4 пригорода: 337, 338, 339, 340.

Всего 30 городовъ.

И того въ 8-ми Губерніяхъ 314

Да приписныхъ в корабельнымъ Воронежскимъ дѣламъ 25

Всего . 339 городовъ,

кромѣ Копорья и Ямбурга, которые отданы во владѣніе Свѣтлѣйшему Князю Александру Даниловичу Меньщикову.

(Сѣверный Архивъ, 1822 года, ч. IV, № 19, стр. 47—56; № 20 стр. 119—129; № 21, стр. 200—210).

* Читай: Перискіе.

I.

Указатель личныхъ именъ.

(Цифры означаютъ страницы; при словахъ—профессоръ, адъюнктъ, студентъ — слѣдуетъ разумѣть — Казанскаго университета.)

- Абуль-гази-Багадуръ хивинскій ханъ 201.
Агаѳоновъ Никол. Яковл. знатокъ Казани 233. 248.
Ададуровъ кураторъ Московскаго универс. 31.
Адамъ Бременскій 263.
Аделунгъ петербургскій ученый 178. 198. 201.
Аксаковъ Серг. Тимоѳ. первый студентъ Казанскаго университета 41. 44. 46. 51. 52. 57 — 59. 73. 74. 77. 82. 84. 86. 87.
Александръ Невскій 268.
Александръ I Императоръ XII. 45. 83. 84. 87. 93. 111. 136. 157. 163. 191. 202. 219. 232. 266. 301. 302. 312. 321.
Алексѣй Михайловичъ царь 14.
Алехинъ ученикъ Казанской гимназiи 52. 54. 72. 75. 77; — Николай, адъюнктъ 194. 195. 201. 211. 216. 227.
Альбанусъ пасторъ въ Ригѣ 16.
Альнпекъ (Dittleb von Alnpreke) составитель лѣтописи 16. 258. 267—270. 273.
Англы 262. 263. 314. 315.
Андерсъ Карлъ, секретарь Совѣта Дерптскаго университета 14.

- Андреевъ Никифоръ, ученикъ Казанской гимназіи 81;—студентъ 169.
- Анкудиновъ младшій, ученикъ Казанской гимназіи 63.
- Аntenоровъ Алексѣй кандидатъ 183. 224—227. 310—313.
- Антонъ (Anton) историкъ 264.
- Арггольдтъ Ад. Ив. профессоръ 180. 183. 211.
- Ардтъ Юг. конректоръ 269.
- Артемяевъ А. И., историкъ казанскихъ гимназій 26. 28. 29. 31. 33. 35. 36. 213.—216. 219. 222. 227. 230.
- Аслямовъ Исмакъ Ибраг. чиновникъ XXI.
- Аженваль Готфридъ профессоръ Гёттингенскаго университета 11. 223. 274. 282.
- Ахматовъ бухгалтеръ, учитель Казанской гимназіи 41. 52. 54—56. 98—104. 141. 292.
- Аванасьевъ А. библиографъ 266.
- Бабановскій студентъ 224.
- Балясниковъ Петръ ученикъ Казанской гимназіи 54. 61. 75. 81. 169.
- Бантышъ-Каменскій 232.
- Барсуковъ Н. Плат. начальникъ Арх. Мин. нар. Просв. XX.
- Бартельсъ Март. Фед. профессоръ 180. 188. 192. 199. 202. 204. 212. 213. 224. 233.
- Баръ проректоръ Гёттингенскаго университета XIX.
- Батоговъ Ф. Гр. архивариусъ. XXI.
- Безобразовъ Порфирій студентъ 170.
- Below (Belay) профессоръ Дерптскаго университета 14.
- Бергманы братья 16. 184.
- Бергманъ Густавъ пасторъ въ Руенѣ 16. 17.
- Бергманъ Либорій пасторъ въ Ригѣ 16. 233. 267. 269.
- Бергъ (Берхъ) полковникъ 243. 250.
- Бернсторпъ датскій министръ 239.
- Верхольцъ Г. помощн. библиотекаря 254. 268. 270.
- Винеръ (Wiener) нѣмецкій учепый 214.
- Бишингъ нѣмецкій ученый 331.
- Влюменбахъ профессоръ Гёттингенскаго университета 11.
- Бонапартъ 178.
- Брандтъ Вильг. архіепископъ 272.

- Браунъ Ив. Ос. профессоръ и ректоръ 180. 183. 184.
188. 190. 192. 193. 209. 212. 213. 215. 216. 224. 230. 232.
233. 248. 313.
- Брейтенбахъ Фил. Леонт. профессоръ 193. 199. 206.
217. 219. 233. 234.
- Бретшнейдеръ, губерн. совѣтникъ 267.
- Броннеръ Францъ Ксав. Ив. профессоръ 159. 174.
177. 180. 183. 184. 188. 192. 194. 199. 200. 205. 206.
208—211. 224. 227. 229—231. 234. 244.
- Бротце (Ioh. Christoph), рижскій ученый 16. 184. 238. 269.
- Брюсъ графъ 317. 330.
- Будберги лифляндскіе дѣятели 16.
- Булгаринъ Ѳ. издатель Сѣверн. Архива 265.
- Буличъ Николай Никит. ректоръ казанскаго универ-
ситета XIII. XIV. 47. 82. 87. 125. 134. 150. 175. 189. 195. 196.
205. 232.
- Булыгинъ адъютантъ 216.
- Бутлеръ Капитонъ студентъ 194.
- Бушъ историкъ 274. 282.
- Бычковъ Аван. Ѳед. академикъ XX; — Ив. Ав. библио-
текаръ XX.
- Буиссонъ Фр. издатель 291.
- Бюнеманъ Генр. Людвигов. профессоръ 98. 112. 118.
120. 128. 130—133. 135. 136. 139. 141—142. 148. 151—153.
177. 289—293. 298.
- Бѣлокуровъ С. А. казначей Моск. О-ва исторіи и
древн. 241.
- Береншпрунгъ, (Bährensprung) типографщикъ 261.
- Вакхъ 230.
- Вальтеръ портной—226.
- Варины 258. 260—265. 314. 315.
- Варнавы 258. 260—265. 315.
- Васильевъ Александръ ученикъ Казанской гимна. 81. 82.
- Васильевъ надзиратель Казанской гимназіи 53. 54.
- Веберъ географъ 330; — фабрикантъ 226.
- Ведель Георгъ командиръ казанскихъ гимназій 36.
- Вердерамо Эман. Осипов. профессоръ 213. 218. 234.
- Веревкинъ Михаилъ генералъ 38.
- Веревкинъ М. И. командиръ казанскихъ гимназій
25—30.

- Веригинъ ученикъ Казанской гимназіи 45. 46.
Верцеліусъ учитель казанскихъ гимназій, 30. 31.
Вестфаленъ историкъ 314.
Вехтеръ К. зять Шпиттлера 169.
Вильфингъ Антонъ, учитель Казанской гимназіи 83.
Вильфингъ Мельхиоръ учитель Казанской гимназіи
41. 49. 53. 56. 59. 63. 67—69. 71. 78. 79. 83. 174.
Винкгеймъ профессоръ 330.
Винно (Vippo) магистръ меченосцевъ 272.
Винтеръ аспирантъ на каедру 203.
Владиміровъ учитель казанск. гимн. XII. 34. 37. 38.
44. 47. 58. 87.
Волеговъ студентъ 224.
Вольтеръ 38.
Вольфъ Фридр. Авг. филологъ 8.
Воскресенскій Іоаннъ протоіерей 194.
Востоковъ 232.
Вотландцы 258. 265.
Врангель Ег. Василь. профессоръ 194. 197. 202. 210.
213. 216. 219. 225. 227. 311. 312.

Гаверкампъ (Sigbertus Havercampius) издатель Сал-
люстіа 259.
Гагаринъ Матв. Петров. комендантъ 330.
Гагеръ географъ 330.
Gallet M. A. писатель 113. 291.
Гаттереръ профессоръ Гэттингенскаго университета
11. 12. 262. 264. 316.
Гварины 263.
Геймъ составитель словаря 241.
Гейне Христіанъ профессоръ Гэттингенскаго универ-
ситета 11. 12. 108—110.
Гекъ Іосифъ письмоводитель 283.
Герберъ вице-директоръ Казанской гимназіи 45. 93.
Геренъ профессоръ Гэттингенскаго университета 11. 12.
Геснеръ І. М. профессоръ Гэттингенскаго универси-
тета 8. 11.
Герберштейнъ 331.
Геркенъ Александръ студентъ 194. 224.
Германъ Март. Ів. профессоръ 86. 91. 98. 108.
117—121. 125—128. 130—133. 136. 137. 139. 140. 143.

- 148 — 151. 154. 156. 173. 175 — 177. 184. 188. 192. 205.
206. 213. 218. 229. 245. 248. 289—293. 298.
Гермегисклѣ король Вариновъ 263.
Герольдъ Александръ студентъ 224.
Герулы 263
Гибнеръ географъ 330.
Гине студентъ 224.
Голиковъ 306.
Голицынъ князь Дм. Михайл. стольникъ 332;—Петръ
Алексѣев. стольникъ 332;—князь Александръ Никол. министръ
Нар. Просв. 217. 219—221. 239; Г. Голицынъ 335.
Головкинъ графъ 155.
Головнинъ авторъ путешествій 241.
Голубцовъ правящій должность государственнаго
казначея 20.
Гольте (Holte) магистръ Меченосцевъ 267.
Горацій поэтъ 163.
Городчаниновъ Григ. Никол. профессоръ 157. 213.
Готы 261.
Графъ Владим., ученикъ Казанской гимн. 81;—сту-
дентъ 169.
Greisohn Joh. служитель лютер. кладбища въ Петерб.
248.
Грефъ книгопродавецъ 240. 241. 250.
Грефъ профессоръ С. Петерб. духовн. академіи 198.
Грибановъ чиновникъ 243. 247.
Гроцій историкъ 263. 264.
Груберъ Еварестъ студентъ 169. 170.
Даль I. профессоръ Ростовскаго университета 3. 8. 9.
12. 21. 258—260.
Дальке казанскій провизоръ 175.
Данковъ Гавріилъ пресвитеръ XIII. 91. 94—98. 102.
105. 107. 285. 287;—учитель Казанской гимназіи 292.
Делакруа житель Казани 63.
Денисовъ кандидатъ 161. 162.
Державинъ Г. Р. поэтъ 25. 26. 28. 29. 38.
Дитрихъ гермейстеръ 267.
Дунаевъ адъюнктъ 208. 213. 216.

Дювилляръ учитель Казанскихъ гимназій 28.
Durip писатель 241. 250.

Евгеній митрополитъ 232.
Евреиновъ Николай студентъ 194.
Евреиновъ ученикъ Казанской гимназіи 54.
Евсюковъ чиновникъ 243.
Евтропій 8. 258. 260.
Екатерина II 31—33. 37. 38. 45. 155. 301.
Елена Павловна вел. княгиня 94.
Елисавета Петровна императрица 26. 45.

Желтухинъ П. О. генералъ-маіоръ 229.

Завадовскій гр. министръ народнаго просвѣщенія
83. 111. 120. 121. 123. 147. 148. 150. 154. 159—162. 187.
284. 290. 300. 304—307.

Загоскинъ Николай Павл. профессоръ XIV. XXV,
97. 99. 111. 122. 154. 159. 177. 195. 196. 212. 229.

Запольскій Ив. Ипат. адъютантъ 41. 47—49. 53.
59. 66. 78. 83. 85. 91. 94. 96. 107. 109. 113. 117. 118.
120. 121. 128. 130. 137. 143. 144. 146. 149—151. 156. 184.
289—293. 298.

Зассъ Казанскій аптекаръ 175. 177;—ростовскій дѣя-
тель 8.

Зоннтагъ пасторъ въ Ригѣ 16.

Ибрагимовъ Н. М. учитель Казанской гимназіи 41.
46. 48. 176;—инспекторъ 203. 204. 211. 292.

Ивановъ коллеж. секр., казанскій домовладѣлецъ 233.
Ислямовъ Исакаъ Ибрагим. чиновникъ.

Іонъ Готлибъ (Богданъ) докторъ обонхъ правъ 183.
195—198. 227. 308. 309.

Кавелинъ Ив. учитель Казанск. гимн. 34.
Казинскій гражданскій губернаторъ Казани 48.
Кайсаровъ Андрей студентъ 169.
Калайдовичъ 232.
Камашева Надежда Абрам. надв. совѣтн. 233.

- Каменскій Ив. Петровичъ профессоръ 117. 119. 120.
122—126. 128. 130. 136. 137. 141. 143. 144. 146. 148—
151. 157. 159. 161. 184. 229. 245.
Каницъ командиръ казанскихъ гимназій 25. 31—36.
Сaponicus Sambiensis 268.
Карамзинъ 232.
Карваненъ Ив. Андр. пасторъ 247.
Карлевичъ переводчикъ 228. Карлъ XII 316.
Карташевскій Григ. Ив. адъютантъ 41. 46. 48. 49.
56. 58. 59. 63. 65. 66. 70. 73. 78. 80. 83. 85—87. 91. 94.
96. 102. 103. 107. 109. 113. 120. 141. 143. 149—150. 156.
157. 161. 184. 245. 282. 289—293.
Кассіодръ историкъ 263.
Квашнинъ-Самаринъ Казанскій губернаторъ 32.
Квисторпъ (I. B. Quistorpius) медикъ 259.
Кеппенъ 232.
Кетлеръ Готгардтъ 272.
Кизюкинъ учитель Казанской гимназіи 292.
Кириловъ Петръ географъ 330.
Клейбъ книгопродавецъ 258.
Клазонъ (O. Clason) филологъ 260.
Клингеръ членъ Совѣта министра народнаго просвѣ-
щенія 83. 84.
Княжевичъ Александръ 52;—Димитрій, ученики ка-
занской гимназіи 52—54. 62. 72. 73. 75 77. 80—82.
Козодавлевъ Осипъ управляющій Мин. Нар. Пр.
226.
Кожевниковъ Василій студентъ 194.
Кожинъ А. Н. командиръ Казанскихъ гимназій 25.
29—31.
Кокошкинъ, петербургскій полицмейстеръ 246. 249.
251.
Кольцовъ ген.-маіоръ, казанскій домовладѣлецъ 27.
Кондыревъ Петръ ученикъ Казанской гимназіи 81;
студентъ 87. 169;—кандидатъ 173;—профессоръ 193. 194.
197. 211. 213. 214. 218. 230.
Конрингъ историкъ 313.
Коппе (Корре) издатель 260.
Корсаковъ Дм. Александр. профессоръ XXV. 219. 241.
Коршъ чиновникъ 243. 249.

- Кочубей графъ министръ внутреннихъ дѣлъ 121. 161.
Краузе лекторъ Казанск. универс. 209. 230.
Критяне 177.
Крюковъ учитель университета 216.
Крыловъ ученикъ Казанской гимназіи 52. 72. 75.
Кругъ 232.
Кэрте (G. Körte) ректоръ Ростовскаго универс. XIX.
Кэстнеръ профессоръ Гёттингенскаго университета 11.
Кудрявцевъ Казанскій воевода 338.
Кузьминскій Василій ученикъ Казанской гимназіи
72. 75. 81. 169.
Курбановскій студентъ 224.
Курбатовъ чиновникъ конторы Казанской гимназіи
157. 284.
Куры 267.
- Лагарпъ 83.
Лазій, профессоръ Ростовскаго универс. 3. 8. 9. 259.
Лапшинъ надзиратель Казанской гимназіи 54. 63.
де-Ласси казанскій губернаторъ 43.
Латыши 270 271.
Латышовъ Васил. Васильев. академикъ XX.
Левицкій Лев. Семен. адъюнктъ 41. 47—49. 78. 83.
85 94. 100. 102. 113. 117. 118. 121. 127. 130. 134. 135.
137. 138. 141 149—152. 220. 287. 289—294. 295. 298. 299.
Лейтеръ Ив. Ѳед. лекторъ казанскаго университета
167. 174. 175. 209. 230.
Лейтманъ Юг. Георгъ профессоръ 317.
Лепехинъ Ив. Ив. академикъ 289.
Ливы 270. 270. 271.
Литовцы 267.
Литтровъ Юс. Ант. профессоръ 188. 192. 206. 233.
Листовъ Борисъ инспекторъ казанск. гимн. 32. 36. 37.
Лихачевъ Александръ Логин. директоръ Казанской
гимназіи 41. 44. 49. 51. 52—58. 60. 63—69. 74—76. 80.
129. 173.
Лихтенбергъ профессоръ Гёттингенскаго универси-
тета 11.
Лобановъ чиновникъ 247. 248.
Лобачевскій Алексѣй студентъ 170; адъюнктъ 216.
— Николай магистръ 193; профессоръ 211. 218.

- Ломоносовъ 28.
Лонгобарды 261.
Лохтинъ Дмитрій студентъ 194.
— Николай студентъ 194.
Лубкинъ Александръ проф. 194. 197. 200. 228.
Любинскій студентъ 27.
Людевигъ историкъ 313.
Людеманъ Ив. Федор. командиръ Казанск. гимн.
36. 37.
- Магницкій Мих. Леонтьев. попечитель XVII. XX. 183.
214. 217—223. 229. 239. 242. 245. 248. 265. 275.
Манассеинъ Николай, ученикъ Казанской гимназiи
81;—студентъ 169. 170;—Эльпидифоръ, магистръ 183. 194.
198. 201. 211. 227.
Маннертъ географъ 262. 264. 315.
Мансуровъ Казанскій гражданскій губернаторъ 121.
161.
Мапергеръ историкъ 331.
Масалова Казанская гражданка 174.
Мейеръ (O. Mejer) библиотекарь 260.
Мейнгартъ Епископъ 267. 272.
Мейснеръ надзиратель Казанской гимназiи 54. 55.
Мейстеръ графъ библиотекарь 239.
Мелиссино И. И. кураторъ Московскаго университета 32.
Меллеръ 2 й начальникъ Морск. штаба 242.
Меньщиковъ князь Александръ Дан. 332. 334. 339.
Меркель Готлибъ издатель 177.
Мертенсъ врачъ 243. 250.
Мерцаловъ учитель 228.
Мессія 122.
Меченосцы 267.
Мещерскій Пл. Степ. Казанскій губернаторъ 35.
Миллеръ академикъ 28. 331;—Казанскій вупецъ 174;—
составитель лексикона 241. 250.
Миндовгъ 269.
Митчерлихъ профессоръ Гёттингенскаго университета 11. 12.

Михайловъ квартирмейстеръ 52. 53. 55. 56. 63;—
чиновникъ Гидрографич. депо 247. 248.

Михаилъ Ѳедоровичъ царь 14.

Михаэлисъ И. Д. профессоръ Гэттингенскаго университета 11.

Моисеевъ Казанскій домовладѣлецъ 233.

Молчановъ статсъ-секретарь 121. 162.

Мольеръ 28.

Моревъ учитель Казанскихъ гимназій 27.

Мосгеймъ профессоръ Гэттингенскаго университета 12.

Муравьевъ писатель 241.

Муравьевъ Михаилъ Никит. товарищъ министра нар.
просвѣщенія 83. 84. 289. 290.

Мусинъ-Пушкинъ попечитель Казан. Учебн. Окр.
XII.

Напьерскій (К. Napiersky) составитель лек. пкона
XVI. 14.

Нейманъ Іоаннъ профессоръ 17. 194. 201.

Несторъ лѣтописецъ 241.

Николай I императоръ 16. 249.

Никольскій Григ. Бор. профессоръ 193. 213—215.
218;—проректоръ 251.

Оботриты 263

Обрѣзковъ сенаторъ 186.

Овидій 250.

Огинскій бібліотекаръ 242.

Опраксинъ Петръ Матв. бояринъ 332;—Ѳед. Матв.
адмиралъ 332.

Орловъ гр. Влад. Григ. царедворецъ 32.

Оттенталь магистръ инспекторъ Казанск. гимназій
26. 28.

Ошеметковъ начальникъ Архива Минист. Нар.
Просв. 189.

Павелъ апостолъ 177.

Павелъ I императоръ 31. 38. 42. 43. 45. 202.

Панаевъ А. студентъ 87.

Паніевскій Іоаннъ протоіерей Грузинской церк. въ
Казани 199.

Пафомовъ ученикъ Казанской гимназіи 52. 61. 72. 73. 75.

Паяльщиковъ подрядчикъ въ Казани 173.

Пекенъ Карлъ Христіановичъ директоръ Казанской гимназіи 44. 167. 173. 175.

Первошиковъ 1-й, ученикъ Казанской гимназіи 54;—студентъ 87;—профессоръ 213. 214. 217. 218. 228.

Первошиковъ, дежурный офицеръ Казанской гимназіи 81. 82.

Перро юристъ 228.

Пестяковъ Михаилъ студентъ 169.

Петровский Мемн. Петр. профессоръ 28.

Петровы ученики Казанской гимназіи 72. 75.

Петръ Вел. 265. 266. 315—317. 331.

Писаревъ А. предсѣдатель Моск. О-ва ист. и древностей 241.

Пиццаголи (Pizzagoli) аббать 264.

Плавтъ 250.

Плато Ив. студентъ 194. 224;—Эдуардъ студентъ 224.

Плацидій (Placidius) юристъ 201.

Плиній Старшій 262. 272.

Полянский Василій Ипат. казанскій помѣщикъ;—Сергій ученикъ Казанск. гимн. 38.

Поповъ Василій статсъ секретарь 38.

Поповъ Павелъ ученикъ Казанской гимназіи 81;—студентъ 169;—учитель Пермской гимназіи 173.

Поповъ помощникъ надзирателя казанской гимназіи 52. 66 67. 70. 72. 292.

Поповъ Ив., студентъ 224.

Поповы братья, ученики Казанской гимназіи 54.

Пото иностранецъ 117. 129—134. 137. 139—143.

Потоцкій Северинъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа 18. 155.

Прокопенко секретарь гимназ. конторы 52. 53.

Прокопій историкъ 263. 264.

Протопоповъ Андрей ученикъ казанской гимназіи 63. 81. 82.

Птоломей 262. 264. 314. 315.

Пугачевъ 25. 31. 34—36.

- Пустынниковъ симбирскій купецъ 30.
Пушниковъ Казанскій купецъ 34.
Пухинскій надзиратель Казанской гимназіи 117.
121. 123. 124. 128. 129. 145. 147. 148. 296.
Пюттеръ профессоръ Гёттингенскаго университета
11. 12.
Пёкель (Pökel) филологъ 108.
Раздольевъ А. М. помощникъ начальника Арх. Мин.
Нар. Просв. XX.
Разумовскій А. К. гр. министръ народн. просв.
186. 187. 189.
Реке (I. Recke), составитель лексикона XVI. 14.
Реннеръ Каспаръ Теод. профессоръ 188. 193. 199.—
Теобальдъ профессоръ 17.
Ридеръ надзиратель Казанской гимназіи 54. 57. 63.
Риттау Теодоръ ученикъ Казанской гимн. 81; — сту-
дентъ 169.
Родигеръ сынъ короля Гермегискла 263.
Ростъ профессоръ Московск. унив. 28.
Румовскій Ст. Яковл. попечитель Казанскаго учебнаго
округа XII. 3. 17—21. 41. 48. 49. 53. 55. 57. 62. 65—69. 72.
75. 76. 79. 85—87. 92—180. 184. 186—187. 190. 191. 206.
219. 221. 222. 229. 242. 245. 246. 273. 284. 294—298.
Румянцевъ Н. П. графъ ванцлеръ 183. 214. 222.
232. 233. 238.
Русановскій Г. бібліотекаръ 239.
Рычковъ Петръ Ив. авторъ „Опыта Казанской ис-
торіи“ 29.
Савиничъ ученикъ Казанской гимназіи 63.
Савичъ Д. В. командиръ Казанскихъ гимназій 25.
28. 29.
Саллюстій 8. 9. 258—260.
Салтыковъ Михайль Александр. попечитель Казанск.
учебн. окр. XII. XV. 188. 189. 192. 194. 196. 203. 208. 209. 211.
212. 221. 226. 230. 231. 246; — Петръ Самойловичъ бояринъ 332.
Сарториусъ нѣмецкій ученый 169.
Сергѣевъ дѣйств. ст. сов. житель Казани 199. 233;
его жена Наталья Христіановна 233.
Симоновъ адъютантъ 216; — профессоръ 218.
Синавъ и Труворъ 33.

Смирнова Ирина Ив. жена директора нар. учил. въ Казани 202.

Смирновъ Ив. Никол. профессоръ XXV;—**Степанъ** директоръ народн. училища въ Казани 183. 201. 202.

Соколовъ Дмитрій письмоводитель 288.

Соколовъ Петръ Ив. правитель канцеляріи Казанскаго попечителя 86.

Соколовъ Плат. Аполлин. директоръ Казанской гимназіи 44.

Солнцевъ Гавр. Ильичъ профессоръ 183. 194. 197. 199. 201. 202. 204. 208. 211. 213. 214. 217. 218. 224. 225. 227. 230.

Сорокинъ подканцеляристъ 32.

Спиридоновъ Сергѣй студентъ 224. 227.

Спиридоновъ студентъ 227.

Срезневскій Юс. адъюнктъ 194. 195. 200. 201. 207. 208. 210. 216. 218. 225;—профессоръ 219. 222. 228. 230. 308—312.

Стефани переводчикъ Казанск. универс. 209.

Сторль (Стерль) Макс. Людв. профессоръ 113. 117. 118. 120—122. 131. 134. 137. 142. 145. 146. 152. 177. 178. 290. 293. 295.

Страбонъ 272.

Стрешневъ Тихонъ Никит. бояринъ 332.

Строевъ 232.

Струбицкій польскій секретарь въ Ливоніи 271.

Сыромятниковъ ученикъ Казанской гимназіи(?) 75.

Сычуговъ Ив. студентъ 194. 209. 224.

Сумароковъ 28.

Тацитъ 262.

Тевдерижъ король 263. 315.

Тенишевъ кн. Казанскій вице-губерн. 30.

Тимьянскій Василій студентъ 170;—адъюнктъ 211. 216.

Титовъ Александръ Михайлов. директоръ Казанской гимназіи 44.

Титъ императоръ 177.

Тихомировъ Петръ учитель Казанскихъ гимназіи 32.

Тихсенъ (Tuchsen) профессоръ Ростовскаго университета 12. 259.

Тихъ Ааронъ учитель казанск. гимн. 34.

Томасъ Ив. Гр профессоръ 188. 192. 206. 219. 224..

Трипольскій Ефимъ столоначальникъ 304.

Трофимовъ ученикъ Казанской гимназіи 63.

Труворъ см. Синавъ.

Тунманъ историкъ 264.

Тюринги 262. 263. 314. 315.

Упадышевскій надзиратель Казанской гимназіи 129.
133. 140.

Упадышевскій ученикъ Казанской гимназіи 73. 75.

Югурта 258.

Юнаковъ Мих. Ал. адъютантъ 211.

Юстъ Густавъ капитанъ Казанскаго драгунскаго полка
106. 175.

Юферовъ секретарь правленія Казанскаго универс.
202.

Феклистова Степанида Титовна мѣщанка 248.

Финке Ив. Арн. профессоръ 188. 195. 196. 198. 233.

Финны 265.

Фишеръ главный надзиратель Казанской гимназіи 41.
49. 52—72. 75 76 78—80.

Фойгтъ Карль Теоф профессоръ 188. 233.

Франки 261. 263.

Френъ Христ. Дан. 9. 167. 179. 180. 184. 190. 192.
208. 229. 233. 238. 274. 275.

Фридрихъ Францъ I герцогъ мекленбургъ-шверинскій
21.

Фуксъ Карль Оелор. профессоръ 11. 98. 113. 125.
126. 134. 142. 143. 145. 154. 176. 192. 213. 214. 218. 290.
295.

Фуссъ Н. академикъ 17. 18. 184. 238.

Ханы Золотой Орды 191. 275.

Хильдерикъ король франковъ 263.

Храповицкій директоръ Астраханской гимназіи 228.

Петреусъ финляндскій ученый 258. 265.

Цицеронъ 250.

Чарторыжскій Адамъ кн., членъ совѣта мин. нар. просвѣщенія 83 84.

Чеботаревъ Харитонъ географъ 331.

Черни географъ 331.

Черновъ Александръ студентъ 194.

Черновъ кассиръ казанскаго универс. 246. 251.

Чичаговъ П. В. министръ 239.

Чуфаровъ Павелъ студентъ 169.

Шереметевъ Петербургскій губернаторъ 249.

Шефферъ Фридрихъ мальчикъ 91. 106.

Шильдеръ Н. историкъ 220.

Шлэцеръ Авг. Людвигъ профессоръ Гэттингенскаго университета 11. 12. 18. 233. 264.

Шмитъ географъ 331;—чиновникъ 243. 249.

Шоникъ Степанъ студентъ 169.

Шпиттлеръ Людвигъ, историкъ 167—170.

Шторхъ (Storch) историкъ 266.

Штриттеръ историкъ 263. 264.

Шубертъ академикъ 155;—Фед. Федор. генералъ-лейт. 242. 247. 248. 251.

Шубинъ Андр. ученикъ Казанской гимн. 81;—студентъ 169.

Эбергартъ гермейстеръ 267.

Эвестъ Фед. Леонт. альюветъ 117. 120. 124—128. 131. 134. 137. 145. 146. 152. 157. 159. 161. 162. 178. 294. 295.

Эйхгорнъ (Eichorn) ученый 201.

Экардъ Фридрихъ прибалтійскій поэтъ 16.

Эрдманъ Юганъ профессоръ 188. 192. 208. 275;—Фед. Ив. профессоръ 9.

Эрихъ Ив. Ив. профессоръ 41. 46. 48. 49. 57. 59. 61. 66—69. 71. 72. 75. 80. 83. 85. 94. 96. 113. 118. 152. 192. 199. 213. 218. 219. 224. 229. 233. 287. 289—293.

Эстонцы 270. 271.

Яковкинъ, дежурный офицеръ Казанской гимназіи 81.

Яковкинъ Илья Ѳедор. профессоръ-директоръ XIV.
41. 44. 46—49. 52. 53. 55. 58—61. 63. 65—67. 72. 76.
78. 80. 83. 85. 86. 91—184. 186 190—192. 202—205. 210.
219. 221. 222. 229. 230. 244. 245. 287. 292. 295—298.

Яковлевъ П. В. чиновникъ 243. 249. 250. 252—254.

Ѳеодорихъ царь 263.

Ѳеокритъ 9.

Ѳеоктистовъ Евг. біографъ Магницкаго 219—222.
229.

Ѳирсовъ Никол. Никол. профессоръ XXV.

II.

Указатель собственныхъ именъ, относящихся къ г. Казани и къ Казанской губерніи.

Арсное поле 28. 34.

Богородицкій дѣвичій монастырь 34.

Богоявленія церковь 34.

Болгарское царство 28.

Болгары, село 25. 28. 233. 275.

Булакъ 233.

Воздвиженская церковь 27.

Вознесенскій приходъ 233; Вознесенская улица 233.

Воскресенская улица 44.

Гимназическій корпусъ 25. 34.

Главное народное училище 37.

Гражданская палата 36.

Грузинская церковь 34.

Грузинскій приходъ 27.

Губернаторскій домъ 27. 44.

Казанка рѣка 34.

Казанская гимназія 19. 39—88. 203—205. 285—292.

Казанскія гимназіи 23—38.

Казанскій вице-губернаторъ 168. 175. 176.—губернаторъ 27. 32. 34. 35. 42. 43. 73. 77. 121. 161. 175. 176;—воевода 338;—губернія 319. 327. 336. 338.—главное народное училище 201;—духовная академія 310;—полицмейстеръ 139.

Ковшайскъ 336.

Кузюдемьянскъ (Козюдемьянскъ) 336.

Лютеранское кладбище въ Казани 248.

Нарманка деревня 113.

Общество отечественной словесности 167. 176.

Попова гора 233.

Приказъ общественнаго призрѣнія 37.

Проломная улица 34. 233.

Родионовскій институтъ благородныхъ дѣвиць 34.

Свѣжскъ 337.

Совѣстный судъ 91.

Совѣтъ гимназій 93—103. 202—205.

Тартарія=Казанская губернія 28.

Татарская слобода 34.

Тенищевой домъ 134.

Тетюши 11.

Уголовная палата 36.

Успенское село 28.

Уѣздный судъ 174.

Царевъ Санчурскъ (Царевосанчурскъ) 337.

Цивильскъ (Цывильскъ) 336.

Чебоксары 337.

Ядринъ 337.

Конецъ.

Замѣченныя опечатки: стр. 240 строка 1 снизу вм. XI глава должно читать: IX глава; стр. 244 строка 7 сверху вм. обходами должно быть: обходомъ.

Отвѣтъ профессору Е. В. Пѣтухову.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи февральской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (стр. 344—366) помѣщена рецензія профессора Е. В. Пѣтухова на мой очеркъ: „Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета“ (Казань, 1904).

Рецензія не содержитъ въ себѣ обстоятельнаго разбора и оцѣнки моей книги, взаимнаго сопоставленія ея достоинствъ и недостатковъ, но, по выраженію самого автора (стр. 351, 354), состоитъ преимущественно изъ „частныхъ замѣчаній“ и „мелочей“, а также нѣсколькихъ указаній общаго характера, приведенныхъ въ концѣ рецензіи (стр. 365—366).

Само собой разумѣется, что даже при этой односторонней оцѣнкѣ, я, въ интересахъ научной истины, безпрекословно выслушалъ бы мнѣнія и указанія, правильно обоснованныя и обстоятельно провѣренныя. Но, къ сожалѣнію, отсутствіемъ и недостаточностью этихъ именно

данныхъ и погрѣшаетъ въ значительной степени критика профессора Пѣтухова, что и побуждаетъ меня отвѣтить на его рецензію и вкратцѣ разобрать ея замѣчанія и выводы.

На стр. 346 проф. Пѣтуховъ старается придать особое значеніе тому, что мною оставленъ безъ вниманія архивъ бывшаго Дерптскаго университета. На это я долженъ замѣтить, что, предпринявъ выясненіе „загадочной“ во многихъ отношеніяхъ личности Цеплина, я, согласно заявленію въ предисловіи своего труда (стр. XV—XXII), поставилъ себѣ задачей изслѣдовать относящіяся сюда данныя какъ въ самой Казани, такъ равно въ С.-Петербургѣ, Ригѣ, Ростокѣ и Гэттингенѣ, имѣя въ виду, что въ этихъ именно городахъ могли сохраниться наиболѣе существенные факты изъ жизни и дѣятельности перваго казанскаго профессора. Производить изысканія въ другихъ мѣстахъ, руководствуясь догадками и предположеніями, не входило въ мои планы уже потому, что это отодвинуло бы окончаніе моего труда на неопредѣленное время и результатъ отъ подобныхъ поисковъ, въ лучшемъ случаѣ, получился бы ничтожный. Къ этого рода даннымъ слѣдуетъ отнести и приведенную рецензентомъ единственную, крайне скудную ссылку, согласно которой Цеплинъ въ концѣ 1802 года, при открытіи университета въ Дерптѣ, былъ избранъ на кафедру статистики (стр. 347). Фактъ этотъ стоитъ совершенно одиноко, безъ всякой связи съ дальнѣйшей карьерой Цеплина: его избраніе утверждено не было, и чрезъ два мѣсяца на его мѣсто назначено было другое лицо. Остатываясь не въ мѣру подробно надъ этимъ скуднымъ сообщеніемъ, проф. Пѣтуховъ задаетъ вопросъ: „почему Цеплинъ не былъ назначенъ въ Дерптъ профессоромъ, несмотря на избраніе его въ совѣтъ?“ Полагаемъ, что если бы проф. Пѣтуховъ обратилъ вниманіе на 21 стр. нашего очерка, то онъ пришелъ бы къ тому заключенію, что Цеплинъ не былъ назначенъ профессоромъ въ Дерптъ, вѣроятно, потому, что не имѣлъ еще въ то время степени доктора, которую получилъ только въ іюнѣ 1804 года, т. е. спустя полтора года по своемъ избраніи въ Дерптѣ. Относительно же утвержденія рецензента, что указанное избраніе могло способствовать назначенію Цеплина въ Казань, необходимо замѣтить, что это ничѣмъ неоправдываемая догадка, такъ какъ, во-первыхъ, на это нѣтъ нигдѣ намековъ; во-вторыхъ, несостоявшееся утвержденіе въ Дерптѣ могло оказать скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное вліяніе на предложеніе Цеплину кафедры въ Казани и, въ-третьихъ, что, на основаніи изложенныхъ мною данныхъ (стр. 9, 17—18), назначенію Цеплина въ Ка-

зань способствовала, кромѣ личнаго знакомства попечителя Румовскаго съ аспирантомъ, и рекомендація бывшихъ профессоровъ Цеплина—Шлэцера, Тихсена и петербургскихъ академиковъ. Возможность этихъ фактовъ, обуславливаемую какъ аналогичными случаями послѣдующихъ назначеній профессоровъ въ Казань, такъ и всей процедурой тогдашняго избранія представителей университетской науки, необходимо сначала опровергнуть, чтобъ имѣть основаніе утверждать, что случайное избраніе Цеплина въ лифляндскихъ Аѳинахъ проложило ему путь къ назначенію въ Казань.

Еще болѣе маловажными слѣдуетъ признать указанія (стр. 348—349) относительно біографическихъ данныхъ о Цеплинѣ, приводимыхъ въ трудахъ его друга І. Х. Даля—въ изданіи Катилины Саллюстія (Брауншвейгъ 1800) и въ *Commentatio exegetico-critica de authentia epistolarum Petrinae posterioris atque Iudae* (Ростокъ, 1807). Изъ этихъ трудовъ рецензентъ дѣлаетъ выписки почти на цѣлой страницѣ и совершенно излишне, такъ какъ о Цеплинѣ упоминается въ нихъ мимоходомъ въ двухъ-трехъ строкахъ, при чемъ въ самомъ сообщеніи нѣтъ рѣшительно ничего новаго: Даль указываетъ только, что другъ его Цеплинъ, теперь профессоръ Казанскаго университета, будучи студентомъ въ Ростокѣ, способствовалъ напечатанію отрывковъ изъ неизданной рукописи Саллюстія, т. е. приводитъ тѣ свѣдѣнія, которыя, какъ удостовѣряетъ и проф. Пѣтуховъ (стр. 346), собраны полностью въ моемъ очеркѣ (стр. 8—9, 12, 21, 258—260). Относительно догадки рецензента (стр. 348), что однимъ сочиненіемъ Даля я пользовался „съ чужихъ словъ“, считаю нужнымъ замѣтить, что она невѣрна: упомянутыя изданія друга Цеплина я имѣлъ подъ рукою въ подлинникѣ, выписокъ же изъ нихъ не дѣлалъ по изложеннымъ выше причинамъ.

На стр. 349 проф. Пѣтуховъ упрекаетъ меня въ томъ, что я ссылаюсь на первое изданіе книги Паульсена: „*Geschichte des gelehrten Unterrichts*“, вмѣсто второго, вышедшаго въ 1897 году, и что я, говоря о состояніи философскихъ факультетовъ въ германскихъ университетахъ XVIII вѣка, упоминаю о шести профессорахъ вмѣсто пяти. Для выясненія этого я долженъ замѣтить, что первая часть моего труда была напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета раньше полученія въ Казани 2-го изданія книги Паульсена и, кромѣ того, въ этомъ новомъ изданіи нѣмецкаго ученаго нѣтъ такихъ существенныхъ данныхъ, которыя могли бы служить дополненіемъ къ изложеннымъ мною свѣдѣніямъ о нѣмецкихъ университе-

тахъ въ XVIII вѣкѣ. Что же касается до упоминанія „шести профессуръ“ (вмѣсто пяти), то это не болѣе, какъ недосмотръ, исправленный въ дальнѣйшемъ изложеніи ¹⁾.

Въ концѣ разбора первой главы моего труда профессоръ Пѣтуховъ высказываетъ сожалѣніе (стр. 350) „объ отсутствіи дословной цитаты“ изъ письма Бротце къ Густаву Бергману. На мой взглядъ, я имѣлъ основаніе не приводить въ первой главѣ своей книги полнотью этого письма, такъ какъ документъ этотъ касается почти всецѣло литературныхъ занятій Цеплина, при разборѣ которыхъ въ девятой главѣ письмо и изложено весьма обстоятельно, съ присоединеніемъ къ нему и нѣсколькихъ подлинныхъ выписокъ изъ нѣмецкаго текста (см. стр. 269).

Совершенно необоснованнымъ слѣдуетъ признать указаніе (стр. 351), что дѣятельности Цеплина въ совѣтѣ Казанскаго университета я посвятилъ не одну главу, а двѣ. Въ 1805 году образъ дѣйствій Цеплина имѣлъ преимущественно мирный характеръ, какъ это видно изъ составленнаго Цеплинымъ и Данковымъ „Объясненія“ о порядкѣ совѣтскихъ засѣданій, изъ стараній профессора примирить Яковкина съ Ахматовымъ и изъ другихъ фактовъ, изложенныхъ въ IV главѣ моей книги. Совершенно другимъ характеромъ запечатлѣна дѣятельность Цеплина въ 1806 году, когда Яковкинъ чаще, чѣмъ когда-либо, сталъ нарушать права совѣта и, ссылаясь на авторитетъ отсутствующаго начальства, не разъ заявлялъ, что „мое мнѣніе есть мнѣніе попечителя и что онъ (Яковкинъ) можетъ сдѣлать счастливымъ или несчастнымъ того и того...“ ²⁾. Естественно, что подобнаго рода само мнѣніе и деспотическія замашки должны были вызвать со стороны Цеплина и соотвѣтственную реакцію, выразившуюся въ открытой борьбѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣзкихъ протестовъ и пререканій, завершившихся увольненіемъ перваго казанскаго профессора. Такимъ образомъ, та „грань“ или „отличіе“, наличность котораго въ совѣтской дѣятельности Цеплина отрицаетъ профессоръ Пѣтуховъ, на самомъ дѣлѣ существуетъ, выдѣляется замѣтно, а потому и даетъ основа-

¹⁾ Вотъ это мѣсто (стр. 7): „Обновленіе коснулось, главнымъ образомъ, философскаго факультета, въ которомъ уже въ половинѣ XVIII вѣка насчитывалось не мене шести профессуръ: 1) логики и метафизики, 2) морали и естественнаго права, 3) физики и математики, 4) греческаго и еврейскаго языковъ, 5) всеобщей и нѣмецкой исторіи. Краснорѣчіе и поэзія обыкновенно имѣли одного представителя“... и т. д.

²⁾ См. нашъ очеркъ, стр. 93—94.

тельный поводъ отвести особые отдѣлы двумъ періодамъ этой дѣятельности въ 1805 и 1806 гт.

Не могу также согласиться съ утвержденіемъ рецензента „о нѣкоторой степени идеализаціи мною личности Цеплина“ (стр. 352), а также съ тѣмъ, что мною „допущено нѣсколько искусственное освѣщеніе всей картины его борьбы съ Яковкинымъ“ (стр. 353—354). Характеризуя Цеплина и его дѣятельность, я придерживался исключительно объективной точки зрѣнія, не скрывая достоинствъ и недостатковъ перваго профессора Казанскаго университета, указывая всѣ тѣ его „промахи“ и „темныя мѣста“, которыхъ, вполнѣ справедливо, не отрицаетъ и авторъ рецензіи (стр. 352). Съ той же точки зрѣнія освѣщены и отношенія Цеплина къ Яковкину. Въ концѣ V главы (стр. 158 и слѣд.) обстоятельно рассмотрѣнъ вопросъ, чѣмъ вызвано было увольненіе Цеплина: его личными дѣйствіями и провинностями, или отношеніями къ нему Румовскаго и Яковкина? Отвѣтъ послѣдовалъ не въ пользу вершителей судебъ тогдашняго Казанскаго университета, такъ какъ и Румовскій и Яковкинъ не стояли на высотѣ своего положенія: попечитель, безконтрольно довѣрившись Яковкину, не только не предупреждалъ столкновеній съ нимъ оппозиціонной партіи въ университетѣ, но самъ сѣялъ рознь, открыто вызывая членовъ совѣта къ извѣстамъ другъ на друга ¹⁾. Самъ же Яковкинъ, получившій отъ попечителя какъ бы *carte blanche* для завѣдыванія университетомъ, обуреваемый притомъ самовластіемъ, опутывалъ совѣтъ кознями и, не соглашаясь на компромиссы, возбуждалъ оппозицію и сѣялъ раздоры. Я не отрицалъ положительныхъ качествъ въ характерѣ и дѣятельности Яковкина и признавалъ трудность его положенія среди лицъ, знакомыхъ съ условіями академической жизни ²⁾, но я не нашелъ надежныхъ опорныхъ пунктовъ и доказательствъ, которыя, по словамъ проф. Пѣтухова (стр. 353), „въ извѣстной степени смягчали бы вину Яковкина-администратора“ въ его борьбѣ съ Цеплинымъ.

Продолжая изложеніе своихъ „частныхъ замѣчаній“, проф. Пѣтуховъ указываетъ, что, говоря объ извѣстномъ авторитетѣ въ области статистики—Ахенвалтъ, я пропускаю труды по этому предмету—John'a и Л. Б. Федоровича. Однако, рецензентъ не обратилъ вниманія, что въ данномъ случаѣ, кромѣ ссылки на специальную научную статью

¹⁾ Н. П. Заюскинъ, Исторія Казанскаго университета. т. I (Казань. 1902). стр. 178.

²⁾ См. нашъ очеркъ, стр. 47—48, 92—93 и др.

въ словарь Брокгауза, у меня имѣется указаніе и на солидный трудъ Г. Штера „Статистика“ ¹⁾, выясняющій затронутый мною вопросъ. Что касается до указанія проф. Пѣтухова (стр. 355), что ходъ преподаванія Цеплина возможно прослѣдить не только до конца 1805 г., какъ обозначено въ моей книгѣ (стр. 169), но на цѣлый годъ дальше, то, къ сожалѣнію моему, это одинъ изъ тѣхъ корректурныхъ недосмотровъ, отъ которыхъ не свободны и мелкія статьи ²⁾: вмѣсто 1805 года должно быть 1806 года и на слѣдующей страницѣ (170) своего труда я, дѣйствительно, дважды указываю на ходъ преподаванія Цеплина въ 1806 году.

На стр. 357 проф. Пѣтуховъ утверждаетъ, что мною не указаны причины „уравновѣшенности“ Цеплина во второй періодъ его профессуры и что „слишкомъ мало выяснено положеніе той нѣмецкой партіи ректора Брауна“, къ которой примкнулъ Цеплинъ. Указанныхъ вопросовъ я касался въ своей книгѣ не разъ и выясненію ихъ въ общемъ и въ частностяхъ отведены стр. 191, 192, 203, 208, 209, 213, 214, 229—231. Далѣе (стр. 361) рецензентъ заявляетъ, что въ моей книгѣ нѣтъ фактическихъ указаній на то, что Цеплинъ заботливо и умѣло относился къ своей службѣ библиотекаря гидрографическаго депо. Однако, засвидѣтельствованное архивными данными указаніе, что учрежденная въ 1832 году комиссія для приѣма библиотеки послѣ смерти Цеплина нашла порученное ему учрежденіе въ полномъ порядкѣ и сохранности ³⁾,—именно говорить въ пользу служебной исполнительности и добросовѣстности Цеплина. На той же страницѣ проф. Пѣтуховъ утверждаетъ, что для сужденія о причинахъ рокового перелома въ умственномъ и нравственномъ настроеніи Цеплина не имѣется данныхъ. Согласиться съ этимъ не считаю возможнымъ, такъ какъ рецензентъ не опровергаетъ относящихся сюда указаній, сдѣланныхъ мною на основаніи особенностей характера Цеплина, а также и того отношенія профессора къ отголоскамъ дѣятельности въ Казани, которое онъ выказалъ незадолго до своей кончины (стр. 245—247). Относительно приведеннаго мною мнѣнія Берхольда (стр. 268), на которое указываетъ рецензентъ (стр. 363), я долженъ замѣтить, что эта ссылка сдѣлана мною не по поводу всего рукопис-

¹⁾ См. *Ученія Зап. Казанскаго универс.* 1898 г. № 2.

²⁾ Такъ, наприм., въ рецензій проф. Пѣтухова напечатано (стр. 360, строка 3 снизу): географическаго депо, вм. гидрографическаго депо.

³⁾ *Архивъ Морского Мин.* Общее депо 1-го октября 1832 г. № 905; Гидрогр. депо 1 отд. 9-го окт. 1833 г. № 216.—См. также наш очеркъ, стр. 242.

наго наслѣдія Цеплина, но единственно по отношенію къ приводимымъ имъ указаніямъ на русскія лѣтописи, указаніямъ, цѣнности которыхъ не отрицаетъ и нѣмецкій ученый. Я самъ, какъ и Берхольцъ, признаю слабыя стороны историческихъ трудовъ Цеплина, дошедшихъ къ намъ въ рукописяхъ, и обстоятельно говорю объ этомъ на стр. 272—273 своего труда.

Нелишними интереса слѣдуетъ признать указанія проф. Пѣтухова на отношенія графа Н. П. Румянцева и прибалтійскаго дѣятеля Фр. Г. Бунге къ Цеплину (стр. 358 и 362). Указанія эти подтверждаютъ и частью дополняютъ тѣ впервые мною собранныя и обработанныя данныя о сношеніяхъ перваго казанскаго профессора съ русскимъ меценатомъ и съ прибалтійскими кружками интеллигенціи, которымъ не разъ отведено мѣсто въ моемъ очеркѣ (стр. XV—XVII, 15—16, 185, 214, 232—233, 269). Любопытно также для характеристики Цеплина и приведенное рецензентомъ свидѣтельство о встрѣчѣ казанскаго профессора въ Москвѣ съ К. Ѡ. Калайдовичемъ (стр. 359). Что касается переписки Цеплина съ Френомъ, указываемой проф. Пѣтуховымъ (стр. 365), то переписка эта сдѣлалась мнѣ извѣстной въ то время, когда печатаніе моего труда было почти закончено. Имѣя въ виду издать ее особо въ ближайшее время, считаю нужнымъ замѣтить здѣсь слѣдующее. Профессоръ Пѣтуховъ, сообщая объ этой перепискѣ, удостовѣряетъ (стр. 365), что „среди писемъ находится и черновой «рапортъ» Цеплина попечителю Румовскому отъ 1-го декабря 1813 года“. Но такъ какъ Румовскій скончался 8-го іюля 1812 года ¹⁾, то, по словамъ рецензента, выходитъ, что Цеплинъ адресовалъ свой „рапортъ“ умершему за полтора года до того попечителю. При всей странности нѣкоторыхъ поступковъ Цеплина ²⁾, это едва-ли допустимо. Остается предположить, что сообщеніе проф. Пѣтухова ошибочно или въ обозначеніи года или въ передачѣ фамиліи попечителя.

Мнѣ остается еще отвѣтить проф. Пѣтухову на его общія замѣчанія относительно того, что „печатный матеріалъ мною собранъ не съ исчерпывающей полнотой“, что я „съ самаго начала представилъ себѣ Цеплина болѣе крупной личностью, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“, что „факты недостаточно введены мною въ обобщающія мѣста моей книги“, въ которой „немало лишняго“ (стр. 365—366).

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: Профессоръ Броннеръ, его дневникъ и переписка. Казань 1902, стр. ССХХІХ, и нашъ очеркъ, стр. 188.

²⁾ Относящіеся сюда факты см. въ нашемъ очеркѣ. стр. 105, 179, 246.

„Значительную новизну матеріала“ самъ рецензентъ признаеть главнымъ достоинствомъ моей книги (стр. 366), указанные же имъ въ этомъ отношеніи пробѣлы, за исключеніемъ трехъ, приведенныхъ выше, не имѣютъ существеннаго значенія. Авторъ не имѣлъ предшественниковъ на пути своихъ существенныхъ изысканій; „исчерпывающая полнота“—удѣлъ немногихъ трудовъ, появляющихся впервые. Къ личности Цеплина, какъ выяснено мною выше, я относился совершенно объективно и, указывая на его достоинства и недостатки, на слабыя стороны его научныхъ трудовъ, вовсе не представлялъ его себѣ „болѣе крупной личностью, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“. Какъ ученый и педагогъ, Цеплинъ въ средѣ первыхъ профессоровъ Казанскаго университета занимаетъ видное мѣсто, и его познанія по исторіи, географіи, этнографіи, статистикѣ цѣнили не только его приверженцы, какъ Френъ, I. О. Эрдманъ, гр. Румянцевъ и другіе, но и его противники, какъ Яковкинъ; специальное изученіе этихъ отраслей знанія признаеть за Цеплинымъ и рецензентъ (стр. 360). Фактическимъ обобщеніемъ мною отведены цѣлыя страницы: 13—14; 47—49; 77—81; 92—94; 107; 110—111; 119—120 и другія, отчасти указанные выше, при разборѣ мнѣнія объ „уравновѣшенности“ Цеплина и его отношеній къ партіи ректора Брауна. Неосновательнымъ приходится признаеть и утвержденіе относительно „лишняго“ въ моей книгѣ. На стр. 357 указывается, что собранныя мною данныя объ испытанія студента Антенорова, а также указанія на заботы Цеплина объ адъюнктахъ и на сочиненія, рассмотрѣнныя отдѣломъ нравственно-политическихъ наукъ,—„едва ли могутъ представлять интересъ даже для самой подробной біографіи“. Мнѣ, однако, кажется, что всѣ эти свѣдѣнія вовсе не лишены интереса уже потому, что неразрывно связаны съ дѣятельностью Цеплина, какъ декана, характеризуя его въ отдѣльные моменты этой должности; во всякомъ же случаѣ, они несравненно цѣннѣе, чѣмъ рекомендуемая профессоромъ Пѣтуховымъ (стр. 365, прим. 1) біографическія о Цеплинѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ „Gelehrte Teutschland“—частію неправильныя ¹⁾, частію вошедшія въ использованный мною словарь Реке и Нальерскаго ²⁾. Далѣе, изъ напечатанныхъ мною „приложеній“ рецензентъ

¹⁾ Сюда относятся указаніе: „Zäplin, P. D. Fr., ward 181 (?) k. Russ. Hofrath“. См. нашъ очеркъ, стр. 242—243.

²⁾ Только поправка: „Zäpelihn, P. D. Fr., Hauslehrer in Riga“—имѣеть значеніе.

15 считаетъ лишними. Само собой разумѣется, что о цѣнности этихъ документовъ могутъ быть разныя мнѣнія, но нельзя отрицать и того, что всѣ изданныя мною приложенія непосредственно связаны съ научной, служебной и административной дѣятельностью Цеплина, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ не лишены вполне значенія по формѣ и языку. Кроме того, всѣ приложенія, за исключеніемъ трехъ, впервые появляются въ печати и, въ виду недостаточной разработки архивнаго матеріала Казанскаго университета, имѣютъ немалый мѣстный интересъ. То обстоятельство, что напечатанное мною „Объясненіе Цеплина и Данкова“ (прилож. № III) появилось раньше въ трудахъ Владимірова и Н. П. Загоскина, не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ непригодности упомянутаго документа въ моей книгѣ, такъ какъ тогда проф. Пѣтухову пришлось бы признать излишнимъ и появленіе „Объясненія“ въ исторіи Казанскаго университета Н. П. Загоскина. Что касается напечатанія мною статьи Цеплина „Извѣстіе о первомъ учрежденіи губерній въ Россіи“, то причины этого указаны мною на стр. 266. О библиографической рѣдкости этого труда можно судить и потому, что той книжки „Сѣвернаго Архива“, въ которой онъ появился, не оказалось въ Казани, не исключая бібліотекъ университетской и городской, не бѣдныхъ изданіями старинныхъ журналовъ.

Къ изложенному позволяю себѣ присоединить, что трудъ мой въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ нѣмецкомъ переводѣ и тогда, быть можетъ, онъ найдетъ себѣ въ иностранной критикѣ и надлежащую оцѣнку.

Д. Нагуевскій.

М

О древнѣйшей „совѣтской повѣсткѣ“ Казанскаго Университета.

Нѣтъ сомнѣнія, что составленіе, такъ называемыхъ, „совѣтскихъ повѣстовъ“ или „повѣстовъ о засѣданіяхъ Совѣта Казанскаго Университета“, слѣдуетъ отнести къ началу 1805 года, когда, по основаніи 14 февраля того-же года попечителемъ Румовскимъ университета, послѣдовали первыя засѣданія „соединеннаго“ Совѣта Университета и казанской гимназіи¹⁾. Первый предсѣдатель Совѣта, И. Ѳ. Яковкинъ, былъ большимъ поклонникомъ канцелярской процедуры: онъ любилъ официальные „бумажныя сношенія, много писалъ и часто отписывался. Поэтому, трудно допустить, чтобы на засѣданія Совѣта онъ ограничивался устнымъ приглашеніемъ ● ма не многихъ въ то время членовъ Совѣта въ часы, напримѣръ, ихъ учебныхъ занятій въ университетѣ и гимназіи; письменное извѣщеніе о предстоящемъ засѣданіи было и удобнѣе и, съ формальной стороны, правильнѣе устнаго приглашенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на цѣлыя фоліанты разнообразныхъ „раппортовъ“, „донесеній“, „отношеній“, „вѣдѣній“, „справокъ“ и „копій“, оставленныхъ въ наслѣдіе бумажной процедурой гимназической „конторы“, замѣнявшей первоначально канцелярію Совѣта и Правленія—въ архивныхъ дѣ-

¹⁾ *Архивъ Казанскаго Университета, Дѣло Совѣта 1805 г. № 23 л. 6; тамъ-же, 1805 г. № 19 л. 5.*

лахъ Казанскаго Университета, за первыя два-три десятилѣтія его существованія, мы не могли найти ни одного экземпляра „совѣтскихъ повѣстокъ“, содержаніе которыхъ, при всей ихъ шаблонности, всетаки не лишено нѣкотораго интереса для характеристики чисто формальныхъ сношеній въ университетской жизни. Отсутствие „повѣстокъ“ объясняется тѣмъ, что приглашенія на засѣданія не вписывались въ то время въ особую тетрадь или книгу, а разносились на отдѣльномъ листѣ, который, какъ не пронумерованный, не вносился, по минованіи въ немъ надобности, во „входящую“ или „исходящую“, но, какъ ненужный канцелярскій матеріалъ, предавался уничтоженію или, въ лучшемъ случаѣ, употреблялся на обложку „дѣлъ“ и „архивныхъ документовъ“.

Послѣднему обстоятельству мы и обязаны сохраненіемъ въ дѣлахъ архива „древнѣйшей совѣтской повѣстки Казанскаго Университета“.

Изучая, для характеристики дѣятельности профессора Цеплина, архивныя дѣла Казанскаго Университета и, зная по опыту, что, какъ древніе, особенно пергаментные переплеты книгъ, такъ и старинныя обложки архивныхъ документовъ—могутъ содержать интересныя указанія, я обратилъ вниманіе на обложку „Дѣла Совета“ № 18, 1806 года, подъ заглавіемъ: „Собраніе объ отпускахъ чиновниковъ Гимназій и Университета по препорученію должности ихъ другимъ чиновникамъ“ (на 14 листахъ). На четвертой страницѣ этой обложки довольно ясно и безъ пробѣловъ сохранилась „советская повѣстка“, на засѣданіе 23-го февраля 1806 года. Она занимаетъ всю послѣднюю страницу листа плотной синесѣброй бумаги, писана въ длину листа и имѣетъ слѣдующій видъ и форму, воспроизводимые нами съ возможной точностью:

1806-го года февраля 23 дня нужно быть Собранию Совѣта до полудни въ 10 часовъ.
Почему Г. члены онаго симъ и извѣщаются.

Григорій Каргашевскій.
Иванъ Запольскій.
Левъ Левицкій.

Prof. Zeplin ist krank.
Er hofft, dass heute nicht
die Rechnungen vorge-
legt werden, weil der
genommene Abrede
nach, die Session zu
diesem Zweck, einen
Tag vorher angesagt
werden muss.

H. Bunemann Doct.
et Professor
D-r Herrmann.
D-r M. J. Винентій
Сторль Prof. ord.
Иванъ Эрихъ.

„Повѣстка“ писана рукою писца тогдашней конторы, почеркъ котораго встрѣчался и раньше, напримѣръ въ дѣлахъ 1804 года и много лѣтъ спустя. Подписи председателя тогдашняго Совѣта—Яковкина не имѣется. Илья Ѳеодоровичъ далеко не всегда склоненъ былъ оповѣщать „чиновниковъ“ университета и гимназій повѣстками за собственной подписью и поручалъ это низшимъ служащимъ, напримѣръ—квартир-мистру ¹⁾). Въ разсматриваемомъ документѣ нѣтъ также по-мѣтки о времени составленія повѣстки, равно какъ перечня дѣлъ и бумагъ, подлежащихъ обсужденію и докладу въ Совѣтѣ. Последнее, отчасти, можно объяснить тѣмъ, что засѣданія нерѣдко назначались „въ день полученія петербургской почты“, вслѣдствіе чего иногда не было времени предвари-тельно ознакомиться „съ начальственными распоряженіями“, и внести ихъ въ повѣстку. Фамиліи отдѣльныхъ членовъ Совѣта въ повѣсткѣ не упоминались, но каждый изъ нихъ вносилъ самъ свое имя, причемъ русскіе члены Совѣта, какъ видно, расписывались группою слѣва, а нѣмецкіе—во главѣ съ старѣйшимъ профессоромъ и „запѣвалой“ тогдашняго Со-вѣта, Цеплинымъ—направо. Любопытно, что и особыя замѣ-чанія отдѣльныхъ членовъ, правяруемые и въ современныхъ повѣсткахъ, особенно факультетскихъ, не чужды были и тому далекому отъ насъ времени. Цеплинъ, котораго Яковкинъ не безъ основанія называлъ „главнымъ, высокимъ крикуномъ“ совѣтскихъ собраній и „человѣкомъ безпокойнаго и дерзкаго характера“—заявилъ на повѣсткѣ, что онъ боленъ, но раз-читывать, (*er hofft*) „согласно уговору“ (*der genommene Ab-rede nach*), отложить разсмотрѣніе „счетовъ“ (*Rechnungen*), назначивъ предварительно время для ихъ провѣрки. Къ этому заявленію, какъ видно, применили профессора: Бюнеманъ,

¹⁾ Казанская гимназія накануне основанія Казанскаго университета. Очеркъ. Казань, 1900. стр. 49.

перешедшій на сторону Цеплина съ 1806 года (раньше онъ поддерживалъ Яковкина), Германнъ, оказавшійся „въ комплотѣ“ съ Цеплинымъ тотчасъ послѣ своего прїѣзда, въ 1805 году, а также Сторль и адъютантъ Эрихъ, которые, хотя и поддерживали Яковкина, но въ данномъ случаѣ согласились съ заявленіемъ его противника, такъ какъ дѣло шло о скрѣпленіи собственноручнымъ „подписомъ“ „Отчета денежной университетской суммы за 1805 годъ“, рассмотрѣніе и утвержденіе котораго примѣнительно къ 140 статьѣ Устава 1804 года и согласно предложенію Румовскаго, лежало на обязанности членовъ Совѣта ¹⁾). Нейтральнымъ при рѣшеніи вопроса, возбужденнаго Цеплинымъ на повѣсткѣ, оказался осторожный Фуксъ: имени его нѣтъ въ разсматриваемомъ документѣ, что можно объяснить или случайной отлучкой профессора изъ Казани или нежеланіемъ поддерживать предложеніе Цеплина, не особенно пріятное Яковкину. Тѣмъ не менѣе, „ремарка“, сдѣланная Цеплинымъ на повѣсткѣ не осталась безъ результата и въ засѣданіи Совѣта, состоявшемся, согласно извѣщенію, 23 февраля 1806 года, было постановлено: образовать особый комитетъ изъ Бюнемана, Левицкаго и Запольскаго для предварительнаго рассмотрѣнія „Годового отчета университетской суммы за 1805 годъ“ ²⁾). Въ заключеніе замѣтимъ, что, по своему тону, „повѣства“ рѣзко отличается отъ тѣхъ изысканныхъ выраженій, которыми снабжалъ Яковкинъ свои „всепокорнѣйшія прошенія“ и „почтительнѣйшіе раппорты“, писанные въ часы досуга отъ совѣтскихъ тревоженій, когда, по его словамъ, „*остался азъ единъ на жертву Ваааловымъ жрецамъ*“ ³⁾). Въ разсматриваемомъ документѣ, членовъ уни-

¹⁾ Предложеніе Румовскаго Совету 16 ноября 1805 г. № 332.— Архивъ Казанскаго Университета; Изходящая Совета 1805 г. л. 35-6 и 36-а.

²⁾ Протоколы Совета 1806 г. кн. I л. 16-а.

³⁾ Письмо Яковкина къ Румовскому 22 августа 1805 года.

верситетской коллегии не „поворнѣйше просятъ пожаловать на засѣданіе“, а, подобно лавоническимъ выраженіямъ тогдашнихъ официальныхъ постановленій и донесеній— „взять къ свѣдѣнію“, „взйти раппортомъ“ и т. п.— лишь сухо „извѣщаютъ“, что въ такое-то время „нужно быть собранію Совѣта“.

Д. Нагуевскій.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета
Императорскаго Казанскаго Университета

Деканъ *Д. Корсаковъ.*

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1902 г.

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C005458586

